Верховный Суд Российской Федерации

Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»

РАЗВИТИЕ ПРАВА В УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Коллективная монография

Санкт-Петербург
Астерион
2023

УДК 34.096 DOI: 10.53115/9785001883524
ББК 67.0, 67.1
Р17

Рецензенты:

Журавлев Валерий Анатольевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;

Матчанова Зоя Шарифовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р17

Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия : коллективная монография / под общ. ред. А.А. Дорской. – СПб.: Астерион, 2023. – 445 с. – Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – https://asterion.ru/db/temp/RazvitiePrava_v_YsloviyahMejdisciplinarnogoVzaimodeistviya.pdf – Текст : электронный. – DOI: 10.53115/9785001883524.

ISBN 978-5-00188-352-4

Коллективная монография посвящена тем аспектам рзавития современного национального и международного права, которые связаны с междисциплинарным взаимодействием как внутри юридической науки, так и при использовании достижений других гуманитарных, общественных и даже естественных наук.

Издание предназначено для научных работников, практикующих юристов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, а также для всех, кто интересуется проблемными вопросами развития права.

ISBN 978-5-00188-352-4

© Коллектив авторов, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

ГЛАВА I. ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

§ 1. Угрожает ли междисциплинарное «размывание границ» юриспруденции? *(И. Л. Честнов)* 9

§ 2. К вопросу междисциплинарного синтеза лингвистики и теории толкования (интерпретации) позитивного права *(Е. М. Крупеня)* 15

§ 3. Дух эпохи и дух права в постмодернистских практиках *(И. Б. Ломакина)* 30

§ 4. Философско-правовая природа правовых заимствований *(А. В. Скоробогатов)* 37

§ 5. Правовая герменевтика как связующий элемент системы права *(А. В. Смирнов)* 47

§ 6. Обеспечение репродуктивных прав граждан в условиях демографического кризиса *(М. А. Воронцова)* 55

§ 7. Концепт безопасности личности в историческом, политологическом, социологическом и правовом измерении *(Е. В. Калинина)* 62

§ 8. Актуальные проблемы правового регулирования процессов медикализации российского общества *(Е. В. Алексеева)* 74

§ 9 Философские категории в уголовно-правовых нормах, содержащих медицинские аспекты *(О. Н. Куликова)* 81

§ 10. Институциональные факторы правонарушений: на примере менталитета русского народа *(Н. Г. Привалов)* 87

§ 11. «Переживание истории» как междисциплинарное понятие *(А. А. Дорская)* 94

§ 12. Социальное моделирование политико-правового сознания посредством визуализации маргинальности в средневековом испанском романском искусстве XI-XIII вв. Теория и практика междисциплинарного взаимодействия в историко-правовой науке *(Е. Ю. Калинина)* 101

§ 13. Петр I и межконфессиональные браки в Российской Империи *(О. М. Карамышев)* 116

§ 14. Эволюция российского правотворчества и видов актов с древних времен по К. А. Неволину *(А. А. Борисов)* 132

§ 15. Государственные гражданские служащие учебных заведений в социально-правовом пространстве Российской империи *(Т. И. Еремина)* 139

§ 16. Искусственное прерывание беременности в России в первой половине XX в.: медико-правовые проблемы *(В. А. Мун)* 146

§ 17. Развитие особого производства в цивилистическом процессе: исторические аспекты в праве *(О. И. Филонова)* 157

ГЛАВА II. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ В ОТРАСЛЕВЫХ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

§ 1. Международное право в историко-правовых исследованиях *(Е. С. Третьякова)* 165

§ 2. Антимонопольный комплаенс как инструмент предупреждения нарушений антимонопольного законодательства *(И. И. Лиценберг, О. А. Липич)* 177

§ 3. Соседское право как междисциплинарное понятие в области цивилистики *(К. Г. Сварчевский, С. А. Степаненко)* 185

§ 4. Взаимодействие норм гражданского и семейного законодательства в регулировании смежных отношений *(О. Ю. Малкин, Л. А. Смолина)* 189

§ 5. Проблема разграничения международного частного и международного публичного права *(В. П. Талимончик)* 196

§ 6. Решение юридических проблем внедрения цифровых технологий в производимые на машиностроительных заводах Казахстана электромобильные и беспилотные машины *(М. А. Сарсембаев)* 208

§ 7. Вопросы истории совершенствования правового статуса российской прокуратуры *(О. А. Кожевников)* 218

§ 8. Уголовное право и криминология: вопросы разграничения и взаимодействия *(Е. А. Писаревская)* 224

§ 9. Правовые основы оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания и осуществления контроля за ними *(С. У. Дикаев)* 230

§ 10. Исправление осужденных как юридическая категория и ее социально-общественные признаки *(Е. Э. Попова)* 242

§ 11. Преступления против человечности и серьезные нарушения прав человека: проблемы взаимодействия *(Е. Н. Рахманова)* 246

§ 12. Феномен допинга в спорте в контексте становления современной теории криминальной рискологии *(В. Н. Смыслова,К. А. Краснова)* 256

§ 13. Проблемы конфликта интересов в правосудии *(А. К. Кукеев)* 270

§ 14. К вопросу о «восстановительном правосудии» *(К. А. Корсаков,Л. И. Суханкина)* 281

§ 15. Установление фактов, имеющих юридическое значение в гражданском и арбитражном судопроизводстве: взаимодействие норм материального и процессуального права *(Л. В. Войтович)* 284

§ 16. Судебно-экспертное сопровождение расследования экологических преступлений *(С. В. Кузнецов)* 300

ГЛАВА III. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ

§ 1. Междисциплинарный подход в теории права *(А. А. Меликовский)* 329

§ 2. Использование общенаучного метода конкретизации в юридических исследованиях и правовом регулировании *(А. А. Фомин)* 343

§ 3. Юридический язык в условиях цифровизации права *(И. А. Чеботарева)* 349

§ 4. Между правом и политологией: к вопросу об изучении функционирования политических партий в Российской Федерации *(Е. А. Пахомова, А. А. Фоменков)* 356

§ 5. Значение междисциплинарного подхода при изучении концепта источника права (на примере использования исторической и психологической методологии русскими философами и теоретиками права начала XX века) *(М. Ю. Спирин)* 360

§ 6. Междисциплинарный характер исследования вопроса защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны *(Ю. О. Хоршева)* 366

§ 7. Предвзятость алгоритмов ИИ в контексте прав человека *(Е. В. Пономарева)* 369

§ 8. Судебное администрирование как система междисциплинарных знаний *(Н. А. Латышева)* 378

§ 9. Междисциплинарные подходы к изучению международного частного права *(А. В. Алешина, В. А. Косовская)* 391

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 398

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ 439

ПРЕДИСЛОВИЕ

На современном этапе практически ни одна отрасль науки не может развиваться без междисциплинарного взаимодействия, поскольку усложнение социальных связей, развитие техники, глобализационные процессы и другие важные, порой, болезненные явления затрагивают все сферы жизни общества. Не является исключением и юридическая наука. Причём междисциплинарные связи выстраиваются в юриспруденции на двух уровнях: взаимовлияние внутри правового поля, когда друг на друга оказывают влияние либо отрасли права, либо международное, наднациональное и внутригосударственное право, либо юридическая теория и практика, и взаимодействие с другими отраслями знания.

Проблема междиципинарного взаимодействия широко обсуждается в современной юридической литературе. Рассматриваются вопросы соотношения права с другими науками[1], появление новых междиципинарных институтов, в частности, медиации[2], проблемы привлечения новых источников в исследовании правового материала[3], влияние этнокультурного фактора на развитие права[4], значение лингвистической экспертизы в правотворчестве и правоприменении[5], роль междисциплиности в подготовке современного юриста в целом и в особенности специалиста для судебной системы[6], изменения, появившиеся в юридической науке и практике в связи с процессом цифровизации различных сфер жизни[7], необходимость наличия знаний у юри-

---

[1] См., напр.: Малюкова О.В., Демина Л.А., Семенов В.Е., Абрамова Н.А., Бучило Н.Ф., Гунибский М.Ш., Лихин А.Ф., Пржиленский В.И. Логика и право. – М.: Проспект, 2018. – 240 с.

[2] Иванова Е.Н. Медиация как междисциплинарное сотрудничество // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 1 (44). – С. 343-348.

[3] Кодан С.В. Источниковедение в междисциплинарном пространстве историко-юридических наук // Правоприменение в публичном и частном праве. Материалы Международной научной конференции. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. – С. 374-379.

[4] Степаненко Р.Ф. Этнометодологические практики в доктрине правовой политики: общетеоретические проблемы // Право и политика. – 2016. – № 2. – С. 287-295.

[5] Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения // Неофилология. – 2019. – Т. 5. – № 20. – С. 476-482.

[6] Бондарев В.Г. Профессиональная подготовка специалистов для судебной системы: актуальные проблемы междисциплинарных исследований // Профессиональная подготовка специалистов для судебной системы в контексте междисциплинарных исследований. Сборник материалов Всероссийского круглого стола / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, Е.П. Цыплаковой. – СПб.: Астерион, 2023. – С. 12-15.

[7] Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4-1 (62). – С. 43-53.

дических кадров в зависимости от профиля работы по экономике[8], медицине[9], социологии[10], религиоведению[11] и т.д.

Особый интерес вызывает то, что в современный условиях юриспруденция взаимодействует не только с другими гуманитарными и общественными науками, но и с естественными. В частности, теоретики права активно используют культуральный метод в исследовании правовых проблем[12].

Таким образом, междисциплинарное взаимодействие является одним из факторов развития права и предопределяет даже его содержательные характеристики.

Целью данной коллективной монографии являлся диалог представителей теоретико-правовой, историко-правовой, отраслевой и международно-правовой науки в поиске новых граней междисциплинарных исследований, оценки их плюсов и минусов, прогнозирования тех правовых процессов, которые могут проявиться в будущем.

[8] Махтюк С.О. Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 2 (123). – С. 114-124.

[9] Жигалова Г.Г., Рясов А.А. Использование специальных медицинских познаний в расследовании преступлений против жизни и здоровья человека // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5 (48). – С. 303-304.

[10] Соколова А.А. Эвристическая роль социологии права в исследовании правовых явлений // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 44-48.

[11] Тупикин Р.В. междисциплинарные связи теологии и юриспруденции: теория и практика // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2022. – № 3 (16). – С. 6-23.

[12] Честнов И.Л. Культуральное правопонимание в постклассической юриспруденции // Право - явление цивилизации и культуры. – М.: Российский университет дружбы народов, 2019. – С. 33-38.

ГЛАВА I
ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГУМАНИТАРНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

§ 1. Угрожает ли междисциплинарное «размывание границ» юриспруденции?

Междисциплинарность – веяние нашего времени. В принципе, междисциплинарность имела место на всем протяжении эволюции науки. «После формирования дисциплинарно организованной науки, – пишет В.С. Степин, – каждая дисциплина обретает свои специфические основания и свой импульс внутреннее развитие. Но науки не становятся абсолютно автономными. Они взаимодействуют между собой, и обмен парадигмальными принципами выступает важной чертой такого взаимодействия»[13]. Однако «радикальные изменения в основаниях науки», связанные с «четвертой глобальной научной революцией, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука», приводят к тому, утверждает философ, что «наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности.

Если классическая наука была ориентирована на постижение все более сужающегося, изолированного фрагмента действительности, выступавшего в качестве предмета той или иной научной дисциплины, то специфику современной науки конца XX века определяют комплексные исследовательские программы, в которых приникают участие специалисты различных областей звания. Организация таких исследований во многом зависит от определения приоритетных направлений, их финансировании, подготовки кадров и др. В самом же процессе определения научно-исследовательских приоритетов наряду с собственно познавательными целями все большую роль начинают играть цели экономического и социально-политического характера. Реализация комплексных программ порождает особую ситуацию сращивания в единой системе деятельности теоретических и экспериментальных исследований, прикладных и фундаментальных знаний, интенсификации прямых и обратных связей между ними. В результате усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках. Все чаще изменения этих картин протекают не столько под влиянием внутридисциплинар-

[13] Степин В. С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. – С. 601-602.

ных факторов, сколько путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук. В этом процессе постепенно стираются жесткие разграничительные линии между картинами реальности, определяющими видение предмета той или иной науки. Они становятся взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира»[14].

Междисциплинарность как взаимосвязанность научных исследований и дисциплин вытекает из признания неустранимой взаимообусловленности явлений и процессов мира, с одной стороны, и принципиальной неопределенности, недостаточности и неполноты нашего знания о мире[15], с другой. Все это связано с изменением картины мира: новый взгляд на мир стал акцентировать внимание на взаимной обусловленности, дополнительности свойств изучаемых явлений и процессов и одновременно стал гораздо более самокритичным: достичь универсальной полноты и достоверности знания невозможно (только применительно к данному уровню накопленных в соответствующей области знаний). Это касается, прежде всего, социального мира. «Святая троица» политики, экономики и культуры эпохи модерна, как метафорично выразился И. Уоллерстайн, сегодня (во вт. пол. XX в.) уступила место их симбиозу[16]. Признаки изучаемого раскрываются через их связи (и различие) с теми явлениями и процессами, с которыми данный объект контактирует. Отсюда многомерность, потенциальная безграничность[17] таких феноменов, как право, государство, власть, экономика, человек, свобода, справедливость и т.д.

---

[14] Степин В. С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. – С. 626-627.

[15] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. – С. 253-254, 325.

[16] Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. – С. 294-295.

[17] В свое время Л. С. Мамут критически отнесся к высказанному мною тезису о «неисчерпаемости права» (см.: Честнов И. Л. Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений. СПб., 2012. – С. 64.) По его мнению, «оно (право) при определенных условиях, несомненно, исчерпаемо, подобно всему земному финально, ограничено собственным составом, характерными признаками, выполняемыми ролями. Там, где его границы соприкасаются с пределами иных явлений, право в качестве одного из ключевых факторов социокультуры кончается. Его «полиреферентность» (если угодно, соотносимость, сочетаемость с группами сходных явлений) решительно противна «неисчерпаемости» (допускаю, что это случайная оговорка). «Неисчерпаемость» – слово, которое в языке сродни безбрежности, бескрайности, необъятности. В применении к праву все они неверны. Будучи и впрямь «полиреферентным» (т.е. междисциплинарным предметом), право имеет свою, лишь ему одному присущую специфику». – Мамут Л. С. Полимодальность права // Труды Института государства и права Российской академии наук. – № 4/2013. – С. 5. Однако постоянное изменение, как правило, расширение, границ того, что считается «правом», как минимум, может свидетельствовать о его «неисчерпаемости», как и «полимодальность» права, блестяще раскрытая автором. Даже если считать эквивалентность сущностью права,

«Три признанных арены коллективной человеческой деятельности – экономической, политической и социальной (или социокультурной) – не являются автономными аренами общественного действия. У них нет своей «логики». И, что более важно, переплетение норм «рациональностей», решений, выборов, ограничений таково, что ни одна пригодная исследовательская модель не сможет разделить «факторы», в соответствии с экономическими, политическими или социальными категориями, иметь дело только с одним видом переменных, считая другие постоянными. Мы утверждаем, что существует единый «набор правил» или единый «набор ограничений», внутри которого оперируют эти различные структуры»[18].

Это же, очевидно, касается и права. Невозможно зафиксировать один-единственный референт термина (и понятия) «право», что вынуждает использовать принцип дополнительности: изучать его с разных сторон, точек зрения.

По мнению американских правовых реалистов, адекватное изучение права предполагает «помещение его в рамки антропологии, экономики, политологии, психологии и социологии»[19]. Один из лидеров скандинавского правового реализма А. Росс утверждал, что «фундаментальные правовые идеи должны быть истолкованы как концепции социальной реальности, поведения индивида в обществе, и никак иначе»[20]. А поскольку социальная реальность – многомерное, постоянно изменяющееся явление, и на поведение индивида в обществе влияет необозримое множество факторов, изучение так понимаемого права всегда будет ограниченным. Только дополнительность разных точек зрения, разных способов описания и объяснения права даст относительно полную картину правовой реальности.

Американский теоретик (философ) права С. Шапиро пишет: «Во многих случаях «право» функционирует, как то, что лингвисты называют, общий термин (например, «снег» или «мясо») и, таким образом, относится к

то содержание эквивалентности не остается неизменным: то, что фактически было эквивалентным в античности, очевидно, не является таковым в капиталистическом обществе или в постиндустриальную эпоху. В этой связи стоит заметить, что еще Л. С. Выгодский писал о «неисчерпаемости смысла слова», так как он определяется контекстом, который, замечу от себя, постоянно изменяется. – Выгодский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 347.

[18] Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований / Под ред. С. И. Григорьева (Россия). Ж. Коэнен-Хуттера (Швейцария). – 3-е изд., доп. и перераб. М.: РУСАКИ, 1999. – С. 149.

[19] American Legal Realism / ed. by W. W. Fisher, M. J. Horwitz. T. A. Reed. N.Y, 1993. P. 234. Цит. по: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм: монография. СПб.: Алетейя, 2022. – С. 38.

[20] Ross A. On Law and Justice / ed. by M. Knight, trans. by Dutton, Berkeley: University of California press, 1959. p 1X. Цит. по: Тонков Е.Н., Тонков Д.Е. Правовой реализм: монография. СПб.: Алетейя, 2022. – С. 106.

бесчисленному количеству правовых норм (legal norms) … Термин law также часто используется для обозначения конкретной социальной организации. Мы можем сказать, например, что закон (the law) обычно требует применения силы для обеспечения соблюдения его правил. В этом примере «закон» (the law) относится не к неопределенному набору правовых норм, а скорее к организации, которая создает, применяет и обеспечивает соблюдение таких норм. В подобных случаях слово «закон» (the law) используется с определенным артиклем (the) – мы можем говорить о «законе» (the law), но в то же время если добавить неопределённый артикль или использовать множественное число (a law/laws), то мы изменяем значение слова. Термин «правовая система» (legal system) страдает от такой же неоднозначности. Согласно одному использованию, «правовая система» представляет собой конкретную систему норм. … В других случаях, однако, термин «правовая система» обозначает конкретное учреждение или организацию. … Если говорить по-другому, то в первом смысле «правовой системы» правовые системы состоят из норм, а во втором смысле – из людей»[21].

Чрезвычайно интересны размышления на данную тему Ю.Е. Пермякова. «Употребляя понятие «право», мы допускаем его обособленность и отъединенность от иных сфер человеческой жизни; мы рассчитываем на познание специфики этой области социального бытия. Так рождается научный миф о предмете правовой науки, в котором бесстрастный исследователь уже не различает ни самого себя, ни той позиции, с которой ему видны «проявления права». Правовая реальность возникает по мере забвения нами нашей самости, поэтому наука во всем обращена в противоположную от меня сторону, ее предмет – это объективная, вне меня расположенная реальность. Эта предпосылка не входит в содержание научного знания, отчего право, как подлежащий научному объяснению факт, существует исключительно внешним образом. Традиция противопоставления познающего субъекта познаваемому объекту, глубоко укоренившаяся в европейской философии и отечественной науке, обнаруживает себя и в учении о бытии, о котором сегодня привычно мыслят как о не принадлежащей и не подчинявшейся субъекту субстанции. Впрочем, в повседневной жизни за предметность права обычно принимают правовой текст или доступное визуальному наблюдению фактическое участие людей в правовых процедурах, называемое применением права. Интуиция неумолимо подсказывает нам, что право есть, коль скоро мы задумываемся над этим вопросом и хотим уяснить смысл явлений правовой жизни. Но чем больше мы рассуждаем о праве, тем чаще приходится возвращаться к самим себе, поскольку любое

[21] Шапиро С. Законность / пер. с англ. С. Коваль; под. науч. ред. А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – С. 40-42.

правовое событие становится возможным только при наличии вызвавших его к жизни правовых чувств, квалификации и вследствие утверждения каких-либо ценностей»[22].

«Право, – утверждает самарский философ права, – нельзя мыслить как ограниченную область человеческого существования, рядоположенную с экономикой, политикой, культурой или религией. Право облекается в юридические формы, и тогда мы видим автономную область социального творчества, в которой узнается его привычное содержание: законодательная и правоприменительная деятельность органов государства, отправление правосудия, юридический механизм осуществления прав и свобод граждан, обеспечение общественной безопасности и т.д. Однако этим содержанием право себя не исчерпывает, оно также легко узнается в мифах, архетипах общественного сознания, традициях, священных книгах и литературных сюжетах, – во всех них задействован правовой инструментарий»[23].

Невозможно обойти вниманием и позицию Ю.А. Веденеева. «Право, как универсальная форма социального общения, не существует само по себе. Оно функция и переменная социального, политического и культурного общения и его контекста. Отсюда вытекает, что не всякое суждение о праве является только юридическим суждением. В составе суждений о праве могут иметь место также и социологические, и политологические, и культурологические суждения. Отсюда проблема и тема различения юридического и неюридического измерения или составляющих права и, соответственно, различения собственно юридического и неюридического знания о праве в определениях понятия права. В данном аспекте своего изучения право в его собственной онтологии и феноменологии – предмет междисциплинарных исследований»[24].

Исходя из этого методологического положения, Ю. А. Веденеев рисует, скорее – очерчивает, контуры интересной и оригинальной концепции междисциплинарности в современной юриспруденции. Начинает он с утверждения о том, что «позитивистская, аналитически закрытая версия понимания права и разработанный в ее рамках категориально-понятийный аппарат в изучении государственно-правовых явлений практически исчерпали свой исследовательский ресурс. Существующие модели построения юриспруденции в различных модусах их научно-практического выражения (как классические, так и неклассические) в конечном итоге воспроизводят бесперспективную логику содержательной и концептуальной эволюции дисциплины.… Ни

[22] Пермяков Ю.Е. Основания права. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2003. – С. 15-16.
[23] Пермяков Ю.Е. Основания права. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2003. – С. 180.
[24] Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. – С. 6-7.

узкий, ни широкий взгляд на природу права, взаимоотношений государств и права, ни иные вариации на тему «нового правопонимания» не меняют консервативную рабочую аналитику юриспруденции…. Начиная с первого систематического учебника – и вершины советской догматической юриспруденции – и завершая современными версиями дисциплины, исходный юридический язык и конструкции остаются неизменными. Заключенное в них юридическое знание, едва различимое по тематике, структуре и аргументации, не может выйти из заданного круга элементарных построений своего предмета и формально-догматического языка, не меняя исходной парадигмы концептуализации феномена государства и права»[25].

«Очевидно, что феномены государства и права, – заключает московский теоретик права, – не являются исключительно научной монополией правоведов и государствоведов. Это, прежде всего, культурно-исторические категории и институты. Именно этот аспект их институциональной эволюции открывает возможность мета(меж)дисциплинарных подходов в осмыслении государственно-правовых процессов как социокультурных практик и традиций…. Социальные, политические и юридические практики как в своей исторической онтологии, так и в своей исторической эпистемологии определяются смыслом человеческого существования – индивидуального и коллективного, культурного и интеллектуального. А это уже предмет культурно-исторической юриспруденции в ее трех дисциплинарных измерениях – правовой антропологии, новой (структурной и эволюционной) социологии права и когнитивной юриспруденции – дисциплины, предмет которой составляют вопросы восприятия и рассуждения о юридической реальности в логике отношения к наличной или воображаемой правовой реальности. Именно на пересечении этих предметных и категориальных областей юридического знания и может быть выстроен фундамент современной юридической науки: от формально-догматической юриспруденции и институциональной теории права к культурно-исторической юриспруденции и феноменологической теории права»[26].

Ю. А. Веденеев также обращает внимание на то, что «образование междисциплинарных комплексов – это одновременно фундаментальная тема и проблема развития самой юридической науки в целом. Это вопрос расширения предмета и методов исследования юридической науки, или ее новая онтология и эпистемология, новые аспекты существования и исследования правовой реальности и новый междисциплинарный язык описания

[25] Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. – С. 110-111.
[26] Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. – С.112-113.

и объяснения государственно-правовых явлении и процессов. …. Возникновение новых междисциплинарных форм знания и их гибридных жанров на пересечении юридического, социального и культурного феноменов – характерная черта и фаза в развитии современной науки»[27].

Полагаю возможным утверждать, что границы правовой реальности, с одной стороны, трансцендентно универсальны – это такие нормы и практики, которые обеспечивают, как минимум, выживание рода человеческого[28]. С другой стороны, их конкретное воплощение постоянно переопределяется в конкурентной борьбе социальных групп (точнее – их представителей) за право юридической номинации: определения того, что считать здесь и сегодня юридически значимым. На этот процесс юридического означивания влияет необозримое множество факторов, в том числе, таких, о которых мы сегодня и не догадываемся. Это, несомненно, цифровизация или дигитализация повседневной жизни, новые эпидемии и пандемии, экологические угрозы, и проблема перенаселения Земли и т.д. Необходимы ли юристу, особенно тому, который занимается правовой политикой (ее выработкой и реализацией) знания, хотя бы минимальные, из этих дисциплин, чтобы можно было оценить выводы и предложения экспертов? Полагаю, что утвердительный ответ очевиден. Все это свидетельствует как о необходимости переосмысления предмета и методологии юриспруденции[29], так и о том, что междисциплинарность – не угроза «размывания границ» (возведенных юридической догматикой) правоведению, а неизбежность. Более того, если юриспруденция не желает превратиться (или оставаться таковой) в схоластику, которая призвана легитимировать властные решения, то именно междисциплинарность – выход из такого состояния.

§ 2. К вопросу междисциплинарного синтеза лингвистики и теории толкования (интерпретации) позитивного права

1. Интепретация лексических конструктов в контексте официального и неофициального толкования позитивного права

Интерпретация лексических конструктов субъектами права в масштабах национальной правовой системы для общеправовой теории тема, прин-

[27] Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022. – С.С. 117-119.

[28] Аргументацию авторской позиции по данному вопросу см.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – С. 228.

[29] См.: Честнов И. Л. Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений. Коллективная монография / под ред. А. А. Дорской. СПб: Астерион, 2012.

ципиально не новая. Теоретическим контекстом для нее выступает корпус понятий и категорий, при помощи которых описывается и объясняется такой социально-правовой феномен как толкование права и на уровне учебных пособий, адресованных обучающимся по образовательным программам юридического профиля[30], и на уровне фундаментальных научных разработок[31].

Обоснованно можно утверждать, что в отношении понимания интерпретации в научном дискурсе существует редко достижимая среди представителей научного сообщества конвенция, а конвенциональное определение понятия, которое обусловлено этимологически[32], может быть выражено следующим образом: интерпретация лексических конструктов – толкование, истолкование, иногда устный перевод – это особая интеллектуально-волевая деятельность[33], которая является базовой в процессе толкования, поскольку нацелена на выяснение истинного смысла (содержания) правовой нормы и (или) нормативного-правового акта.

Принимая во внимание аксиоматический тезис о том, что бессубъектной деятельности не существует в принципе, тем более, не существует бессубъектной интеллектуально-волевой деятельности, в части обоснования своевременности темы заметим, что интерпретация в контексте общеправовой теории толкования позитивного права актуализируется, во-первых, в связи с субъектом[34] – интерпретатором; во-вторых, в связи с тем, что в общеправовой теории принято выделять, а вслед за этим и характеризовать два основных вида толкования позитивного права, поставленного при этом в зависимость от субъекта, – официальное и неофициальное.

Повышенное внимание специалистов в области теории позитивного права уделяется официальному толкованию, за которым a priori признается б***о***льшая значимость по отношению к неофициальному. Чаще всего такая позиция объясняется тем, что официальное толкование востребовано одновременно на двух основных онтологических уровнях права: и в процессе созида-

---

[30] См., например, Власенко Н. А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021.

[31]Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю.Ю. Витютнева. СПб.: Алетейя, 2016; Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под общ. Ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. / Сер. Толкование источников права. – 2017. СПб.: Издательство Алетейя.

[32]Интерпрета́ция – общее абстрактное понятие (лат. interpretatio – «разъяснение, истолкование», во фр. interprétation – толкование, истолкование, устный перевод, синхронный перевод. URL: academic.ru (Дата обращения: 10.09.2022 г.).

[33] См. подробнее: Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: Саратовский источник, 2022.

[34] Детальнее см.: Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2021.

ния правовых предписаний в процессе правотворчества, и на уровне правоприменения. Этими же обстоятельствами объясняется и тот факт, что в научном дискурсе субъект официального толкования типологизируется, а вслед за этим предпринимается попытка создать теоретическую модель интерпретатора, что имеет принципиальное значение для «деконструкции его типических действий в герменевтическом круге»[35]. Целеполагание в такого рода интеллектуальной деятельности детерминировано необходимостью выделить характеристики герменевта, позволяющие прогнозировать его будущие решения, значение которых для развития национальной правовой системы едва ли можно переоценить.

В контексте изложенного полагаю важным для последующего изложения зафиксировать следующее: субъекты официального толкования норм позитивного права (текста нормативного правового акта) – герменевты – это всегда обладатели специального (компетентностного) статуса субъекта публичного права – статусного публичного права[36]. В основу, необходимую для теоретико-правового анализа интерпретатора (герменевта) наряду с основным понятием – «юридический статус» – интегрируется комплекс общеправовых, связанных в логико-смысловом отношении понятий. А именно: 1) «субъект права», поскольку правовой статус не может быть бессубъектным; 2) «индивидуальный субъект» – разновидность субъекта права, который выделяется на основе эмпирически наблюдаемого фактора тождества – актором регулируемого правовыми нормами поведения может быть исключительно человек (гражданин) и никто кроме него, поскольку коллективные субъекты – есть результат социально-правового конструирования законодателя с использованием принципа антроморфизма, а сам гражданин мыслится как правовое существо. Ему черты права присущи имманентно, а «правовое бытие является всеобъемлющим и самодостаточным». В.П. Малахов верно заметил: единственно возможным условием для объяснения факта понимания права может быть только признание человека правовым существом, включённым в правовую жизнь, пребывающим, бытующим в ней, органичным ей[37]; 3) права и свободы человека (гражданина), связанные с ними обязанности; 4) «правоотношение» – наиболее общее по-

[35] Подробнее см.: Тонков Е. Н. Неидеальный судья Велес как основной герменевт правопорядка // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю.Ю. Витютнева. СПб.: Алетейя, 2016. – С. 26-31.

[36]Автор выразил свою детальную позицию в своем исследовании. См.: Крупеня Е. М. Статусное публичное право как комплексный правовой институт в правовой системе: дисс. … док. юрид. наук. Курск. – 2019.

[37]Малахов В. П. Общая теория государства и права. К проблеме правопонимания: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 39; См. также: Малахов В. П. Философия права и другие юридические дисциплины / Философия права в России: из опыта XX века. (коллективная монография). М.: Норма, 2016.

нятие по отношению к индивидуальному субъекту с определённым статусом, их разновидности – правоотношения в публично-правовой сфере; [5] публичное право и др.

Уточнение системы общетеоретических понятий важно постольку, поскольку в теоретическом плане это позволяет:

– прояснить понимание статуса гражданина – относительно автономного актора публичного права, при этом акцентировать внимание на двух типах таких субъектов: рядового гражданина – представителя гражданского общества и гражданина с компетентностным (служебным) статусом государственных (муниципальных служащих);

– уточнить представление о статусе индивидуально субъекта публично правовых отношений и в статике (с формально-юридической стороны), и в динамике, т. е. в контексте функциональной достаточности гражданина в плане надлежащего исполнения им предписанных социальных ролей посредством актов публично-правовой активности (динамика)[38];

– нюансировать детерминанты между гражданином, реализующим свой статус в системе публично-правовых отношений и «исполняющим» свою роль актора власти и качеством правопорядка в границах национальной правовой системы.

1.1. О значении интерпретации лексических конструктов в правотворчестве: возвращение в дискурс

Предметом общих рассуждений в границах теоретико-правового дискурса является тезис о том, что, благодаря лексическим конструкциям языка[39] позитивное право получает реальную возможность быть воплощенным в нормах – предписаниях, организованных в формально-юридических источниках, посредством которых право институализируется в качестве одного из социальных регуляторов правовой культуры общества. Едва ли можно подвергнуть сомнению и то, что при помощи средств письменного языка и, благодаря внешней выраженности, право обретает свою материальность. А вследствие этого – способность быть чувственно-воспринимаемым образованием регулятивной системы в пространстве правовой культуры общества, выступать посредником в социально-политическом взаимодействии и индивидуальных (первичных), и коллективных (вторичных) субъектов правоотношений. В дополнение отметим, что в специальной литературе нет недостатка публикаций, посвященных технико-юридическому сюжету темы правотворчества.

---

[38] См. детальнее: Крупеня Е. М. Теоретические аспекты реализации статусного публичного права // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 3(22). – С. 59-63.

[39] Ромашов Р. А. Язык. Речь. Слово // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Витютнева. СПб.: Алетейя, 2016. – С. 55-60.

В контексте технико-юридического сюжета темы правотворчества известно, что субъект правотворчества в процессе нормирования различного рода общественных отношений использует вариативные инструменты, а в их числе и специальные понятия, категории и юридические конструкции. Они являются результатом развития науки и фиксируют познанные закономерности того явления, которое обозначают в процессе номинации[40] исследователями. Но только этим инструментарий субъектов правотворчества не ограничивается.

Представляется, что для нюансированного уточнения теоретико-правового знания о феномене интерпретации позитивного права было бы полезным обратить исследовательское внимание и на то, что субъекты правотворчества пользуются общеупотребительными единицами родного им языка, развивающегося в лоне культуры. Как система знаков в форме лексических единиц, фразеологизмов, метафорических выражений и др. язык располагает инструментами[41], которые кодируют различную информацию, в том числе и о чертах характера носителей той или иной лингвокультуры, что позволяют оценить степень эмоциональности того или иного народа; «рассказывает» о ценностных и моральных константах в картинах мира; репрезентирует обычаи, быт, ритуалы и др. Показательный пример находим в содержании ст.112 Трудового кодекса РФ[42], которая была расширена за счет внесения в перечень нерабочих праздничных дат: 4 ноября и 7 января. Эти ***даты*** (курсив автора) раскрывают свой подлинный смысл только в контексте того, что праздники понимаются как отрезок времени, выделенный в календаре в честь чего-либо или кого-либо, они имеют небытовое, мифическое или сакральное значение и, как правило, связаны с культурной традицией. Известно, что 4 ноября и 7 января неразрывно связаны с историей страны и российского государства логикой их эволюционной динамики на шкале исторического времени и имеют выраженный религиозный смысл, который сформировался в традиции православного христианства.

---

[40] Определенные достижения в данной области общеправовой теории связаны с научным творчеством А. Н. Гермашева. Подробнее см.: Гермашев А. Н. Юридическая герменевтика как теория о способах изложения воли в юридическом тексте и её толковании: автореферат дис. канд. юрид. наук. М., 2010; См. также: Ромашов Р. А. Язык. Речь. Слово // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Витютнева. СПб.: Алетейя, 2016. – С.55-60.

[41] Подробнее об этом см.: Куликова О. В. Концептология в современных гуманитарных исследованиях: лингвистика и лингводидактика: Монография / под общ. ред. О. В. Куликовой. М.: Прометей, 2021.

[42] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ в ред. от 07.10.2022. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru. (Дата обращения: 11.10. 2022 г.).

Одновременно едва ли стоит исключать из сферы внимания то, что при правотворчестве широко используются и заимствования из иностранных языков, поскольку в эпоху глобализации языки «выходят» за рамки одной языковой общности и становятся средством наднационального общения. Телеологически такое заимствование обусловлено ценностно-духовным обогащением с использованием опыта иной культуры, когда в «диалоге» осваиваются обе культурные данности – и родная, и иная в их равнозначном статусе, в их интеграции. Например, в рамках языковой общности, существующей на различных континентах и в разных странах. Компаративистике известно, что в рамках единой правовой семьи, традиция которой распространялась на регионы с разной традиционной культурой, язык остается, пожалуй, единственным средством правовой коммуникации, как, например французский язык.

Актуализация и возвращение в теоретико-правовой дискурс темы интерпретации субъектами официального толкования в правотворчестве поддерживается важным моментом. Прежде, чем использовать те или иные лексические конструкции для создания норм-предписаний, а впоследствии транслировать их значение участникам правоотношений в качестве субъекта аутентичного толкования, субъекты правотворчества должны обладать необходимыми компетенциями и навыками их использования для установления истинного значения (смысла) лексико-грамматической конструкции, прежде всего, для себя. Необходимым и достаточным ресурсом для того, чтобы «разглядеть» смысл, «зашифрованный» в лексико-грамматических конструктах, созидаемых благодаря языковым обозначениям в культуре, является инициативная активность развитой и наиболее рассудочной части индивидуального правосознания субъекта правотворчества – правовой идеологии. Субъект правотворчества в качестве интерпретатора лексических конструкций родного (при необходимости иностранного языка) должен быть в состоянии прозревать закодированные в языке смыслы, которые в последующем при помощи структур языка следует «передать» максимально точно, желательно полно и без потерь участникам правоотношений, наделяемых в самом акте созидания норм позитивного права свойством конгениальности[43],

1.2. Об интерпретации логико-смысловых и лексических конструктов в правоприменении

[43] Об этом автор ранее высказывался в своих публикациях. См, например: Крупеня Е. М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Сер. Толкование источников права. Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2017. – С. 219-235.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в сфере правоприменения[44]. С одной стороны, поскольку в процессе создания правовых предписаний субъект правотворческой деятельности использует логико-смысловые конструкции – результат развития юриспруденции, постольку в процессе правоприменения возникает потребность в переводе абстрактных положений нормы на язык приближенных к конкретным ситуациям высказываний[45]. Успешному уяснению содержания конкретной правовой нормы, смысла отдельного нормативного-правового акта субъектом правоприменения способствует система специальных знаний теоретического свойства о позитивном праве, а также о показателе текстуального и содержательного усложнения источников права: о системности позитивного права и о том, что в границах системы объединяются различные и по своему функциональному назначению правовые нормы и типичные, и нетипичные, которые при этом отличаются и в зависимости от технико-юридической особенности изложения гипотез, диспозиций и санкций, и др.

С другой стороны, полученные еще в процессе университетского обучения основам общеправовой теории специальные знания о формальной выраженности нормативных предписаний позитивного права – это знания всегда вторичные. Они формируются в контексте и на основе лексики, правил норм литературного языка, его правил и пунктуации, а, следовательно, и смыслов языковой среды определенной культуры. Именно поэтому в процессе правоприменительной деятельности субъект использует наряду с конструкциями государственного языка и общеупотребительные конструкции родного языка в силу принадлежности к определенной культуре. Ситуация, с которой сталкивается правоприменитель в своей профессиональной деятельности, не «выталкивает» его за пределы общекультурной языковой среды. Более того, обоснованно можно утверждать, что правоприменитель едва ли может в процессе интерпретации при толковании норм позитивного права игнорировать смыслы, поскольку усваивает их в процессе социализации на протяжении всей сознательной жизни. Прав В.М. Сырых, утверждая, что социализацию личности следует понимать именно как ее (личности) деятельность по усвоению всей культуры, накопленной обществом, а не только одних норм и ценностей общества[46].

---

[44] Ромашов Р. А. Правоприменение как форма толкования права // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Витютнева. СПб.: Алетейя, 2016. – С. 60-66.

[45] Власенко Н. А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – С. 267-268.

[46] Сырых В. М. Социология права: учебник. 4 издание дополненной и переработанное. М.: Юстицинформ, 2012. – С. 104.

1.3. О значении для правовой системы интерпретации – уяснения лексических конструктов субъектами неофициального толкования

Не только прикладное в контексте функционирования институций государства, но и самостоятельное значение в масштабе всей правовой системы толкование позитивного права обретает в связи с интерпретацией гражданами – членами гражданского общества правовых предписаний при конструировании ими образа юридически значимого поведения, поскольку они:

– первичные субъекты правовой жизни общества в масштабе правовой системы;

– обладают общим статусом гражданина государства – первичным по отношению к специальному служебному статусу субъектов правотворчества и правоприменения;

– в своем единстве представляют массовидного субъекта утверждения реального правопорядка в масштабе правовой системы общества, поскольку продуцируют массовое правомерное поведение.

Поскольку неофициальному толкованию норм позитивного права наряду с отсутствием значимых юридических последствий – его результаты не трансформируются в права и обязанности субъектов правоотношений – свойственна особая форма – уяснение, постольку теоретический контекст для анализа неофициального толкования традиционно ограничивается содержанием понятия «уяснение». Это одна из форм толкования, которая состоит в установлении истинного смысла нормы интерпретатором для себя. В качестве конструкта правовой науки толкование-уяснение номинирует, таким образом, не только начальный этап для официального разъяснения права субъектами правотворчества и правоприменения. Уяснение – это единственная форма толкования гражданами и членами гражданского общества в процессе конструирования персональной траектории правомерного поведения, которая при этом едва ли возможна без интерпретации.

Обратим внимание на несколько принципиальных для теоретической юриспруденции обобщений[47], сконструированных в пределах смыслового горизонта концептуального понимания онтологии статусного публичного права. Среди них:

– доктринальные представления о разграничении нормативного и правореализационного модусов бытия статусного публичного права и поддержании его межуровневой коммуникации посредством актов юридически значимого поведения гражданина – правового существа, которое может

[47] См.: Крупеня Е. М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе: дисс. … док. юрид. наук. Курск. – 2019.

осуществляться в различных правовых формах, но всегда характеризуется правоценностной мотивацией;

– разграничение объективных (социальных) и субъективных (личностно-психологических)[48] элементов в механизме действия права и поддержании его функциональной достаточности как явления правовой культуры общества и средства обеспечения правопорядка органического типа.

Изложенное выше позволяет констатировать: интеллектуально-волевая активность субъектов и официального, и неофициального толкования осуществляется в рамках универсального психологического механизма. Он детерминирован функциями правосознания субъекта в качестве основы субъективной реальности человека (гражданина) – социокультурной переменной величины, формирование которой происходит в процессе социализации, осуществляемой среди прочего и при помощи языка.

Важно добавить, что успешному приобщению к культуре и ее освоению способствует личная вовлеченность и эмоционально-ценностный «окрас», которые позволяют переживать в личном опыте свою сопричастность к фактам родной и другой культуры, соотносить историко-культурное наследие с личностной системой координат персональной жизненной траектории.

Для последующего изложения принципиальным представляется обратить внимание на функциональную достаточность языка в процессе культурной социализации личности – деятельному приобщению к наследию культуры, ее ценностям и смыслам, позитивным практикам, полезным для будущего развития. Функциональную достаточность языка как знаковой системы в процессе социализации переоценить едва ли возможно. В контакте общей темы заслуживают пристального внимания исследовательские позиции в области социо-гуманитарного спектра современной научной рациональности. Так автор философского бестселлера «Ментальности народов мира», призывая своих читателей быть внимательными к привычному словоупотреблению, специально заметил, что в повседневной речи «… мы разговариваем на языке сверхценностей, используя философские идеи и принципы, употребляя их бессознательно»[49]. Особенно внимательным, по мнению философа, следует быть к корням употребляемых слов, которые содержат ключи к основополагающим идеям и поэтому «в них надо вслушиваться»[50].

Филологи и лингвисты обращают внимание на то, что и лексический, и, тем более фразеологический состав языка приспособлены для «выраже-

[48] См. подробнее: Крупеня Е. М. Правосознание в правовой реальности современного социума // Вестник академии права и управления. – 2016. – № 1. (42). – С. 70–77.
[49] Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – С. 9.
[50] Там же.

ния специфики национальной культуры, поскольку «в образном основании фразеологизмов отображаются характерные черты мировидения, рефлексивно соотносимые носителями языка с особенностями культуры своей страны»[51]. В этой же логике расположены идеи о том, что идиомы – фразеологическое сращение, семантически неделимый оборот, значение которого совершенно не выводимо из суммы значений составляющих его компонентов, поскольку их семантическая самостоятельность утрачена полностью – следует рассматривать как тест на культурную идентичность.

Для последующего изложения важно зафиксировать: уточнение в понимании толкования позитивного права и его связи с интерпретацией в теоретико-правовом дискурсе возможно, благодаря информации о субъекте как о социокультурной переменной величине, которая формируется в процессе социализации, и о языковой детерминации этого процесса; интерпретация как процесс интеллектуально-волевой активности субъекта по выявлению истинного смысла и содержания лексико-грамматических конструктов, используемых при фиксации правовой нормы, испытывает на себе постоянное влияние лексических конструктов определенной культуры – основы правовой системы общества.

Анализ особенностей социализации субъекта интерпретации и толкования норм позитивного права в контексте статусного публичного права в России показал, что:

– социокультурные особенности формирования субъекта статусного публичного права детерминированы уникальностью собственной исторической судьбы России, ее культурно-цивилизационными константами (системо-, тео-, этикоцентризм). Неповторимость и уникальность культурно-цивилизационных констант – они формировались под влиянием комплекса факторов (геополитическая потребность освоения и развития большой территории страны обусловила образование государства с разветвленным аппаратом управления, исторически обусловленная многоэтническая и поликонфессиональная природа российского типа локальной цивилизации, фундированной идеями наднациональной консолидации) – объясняет отсутствие институциональных условий для формирования активного субъекта публичного статуса;

– объективные исторические факторы формирования российского государства с повышенной концентраций власти исторически усиливались пассивностью и подданническим типом политико-правовой культуры общества. Сформировавшаяся в этих условиях культурно-историческая традиция «вытесняет» с передовых позиций общественной и государственной

[51] Шарая О. В. Национально-культурная специфика немецкой флористической фразеологии: дисс. … канд. филолог. наук. М., 2005.

жизни, как следствие, из сферы публичного права личность гражданина. Одновременно по правилу ассоциативной связи такой тип власть-отношений проецируется в культурно-исторических кодах и стереотипах массового сознания;

– социокультурные особенности развития локальной цивилизации российского типа оказали существенное влияние на формирование некоторых типичных черт личности обладателя публичного статуса и общественной и государственной власти. Конструируемые по законам социальной комбинаторики эти черты представлены каталогом, включающим черты национального характера. А именно: солидарность, отзывчивость, забота о слабых членах общества, стремление к правде и справедливости, чувство любви и привязанности к Отчизне, вспомоществование и др.;

– наравне с позитивными этнопсихологическими чертами абстрактной личности гражданина – субъекта публичного статуса социокультурные особенности развития локальной цивилизации российского типа детерминировали и негативные черты: отсутствие инициативности, свободного духа предприимчивости в процессе освоения и «очеловечивания» собственного жизненного пространства, иждивенчество и подчас рабское послушание по отношению к властным структурам светского и духовного характера, безоговорочное признание их патронажа, жертвенность, основанная на непризнании и невосприимчивости к ценности человека и его жизни по отношению к ценности государства, и др. Автономия внутреннего мира такого типа личности свободна от необходимого субъективизма и самодостаточности, инициативности и ответственного отношения к собственной жизни, осознания своего личного и гражданского достоинства;

– по сравнению с коллективизмом и коммунальными ценностями, индивидуальному способу конструирования своей жизненной траектории отводится подчиненная роль. Эти черты абстрактного субъекта публичного статуса, сформированного особенностями российского типа культуры, уравновешивают, а подчас и нейтрализуют утвердившиеся в массовом и индивидуальном сознании позитивные ценности;

– этнопсихологические черты, обусловливающие весь культурно-исторический контекст существования российского общества, оказывая программное воздействие на тот уровень субъективной внутренней реальности, который «расположен» за пределами саморефлексии субъекта публичного статуса, его сознания, детерминирующего акты активного публично-правового поведения. Очевидно, что в таком случае остаются в дезактивированном состоянии витальные энергии сознания, необходимые для освоения ценностей культуры гражданского типа, воспроизведения и поддержания ее политико-правовых ценностей в актах политико-правовой активности гражданина.

2. О лингво-культурных концептах франкофонного сегмента романо-германской правовой семьи

Теоретической основой для данного раздела предлагаемого текста избран такой научный конструкт, как лингво-культурный концепт (далее ЛКК).

2.1. Лингво-культурный концепт: теоретические аспекты

Языковые особенности стран, которые детерминированы спецификой определенной культуры и фиксируют содержание жизни того или иного народа, многочисленны и многообразны. Для того чтобы формализовать накопленные знания об этих особенностях и транслировать их без потерь в академическом дискурсе предложена модель культуры страны[52] с целью ее репрезентации. Цель моделирования культуры двуедина и состоит в том, чтобы условно «заместить» реальную систему культуры с чрезмерно объемным содержанием, но сделать это только на основе системного единства фактов культуры, которое позволяет создать аналог и аутентично представляет всю культуру.

Модель культуры практически ориентирована на то, чтобы: [А]передать информацию, связанную со всеми сферами жизни общества, современное состояние которых объясняется особенностями эволюционной динамики социума в области политики, социальной и экономической сферах, а также в сфере духовной, которая «питает» философию, литературу, искусство, науку в единстве с и др. сферами: образом жизни и бытом; [В]презентовать и объяснить систему ценностей, которая «помогает» человеку адаптироваться к окружающему миру институтов и отношений, при этом преодолевая стереотипы и «обучаясь» быть восприимчивым и не отторгать непохожее на свое.

ЛКК в качестве объекта научного анализа имеют продолжительную историю, часть которой представлена в работах специалистов в области лингвистки. Так Ю.С. Степанов считает, что ЛКК – это «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека». По мнению В.А. Масловой, концепт – основа языковой картины мира, поскольку он наполнен оценочным, эмоциональным и экспрессивным содержанием. Важность концептного обучения хорошо репрезентирует определение С.Г. Воркачева: «понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лек-

[52] Пассов Е. И. Сорок лет спустя, или 101 методическая идея. М.: Глосса, 2006. – С. 208.

сике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса[53].

Приведённые авторские позиции, а также другие мнения позволяют аргументировано с научно-теоретической позиции констатировать, что ЛКК усваиваются как в обыденной жизнедеятельности субъектом культуры, так и в процессе обучения в процессе образования, например, при изучении иностранного языка и в векторе движения от осознания концептов к языковым формам, а не наоборот.

Концепты довольно емко и точно отражают менталитет этноса или культурно-языковой группы. В процессе идеализации ЛКК объективировалось ряд факторов тождества, которые в своем системной единстве наиболее полно раскрывают довольно емко и точно особенности этноса или культурно-языковой группы, специфику ментально-когнитивного комплекса, отражающегося в специфике лексики.

С целью проиллюстрировать изложенное выше обратимся за примерами к романо-германской семье и ее франкофонному сегменту, который обособился в начале 1960 годов, после того как французские колонии обрели независимость, но продолжили сотрудничество с Францией, а в Квебеке произошла «Тихая Революция», результатом которой стала эмансипация франко-канадской провинции.

Франкофонный культурно-лингвистический сегмент обособился, прежде всего, благодаря распространению французского языка, который занимает пятое место в мире после английского, китайского, испанского и арабского языка по количеству говорящих на нем людей, проживающих в различных странах, объединенных, тем не менее, единой правовой традицией. Если принимать во внимание тот факт, что китайский язык пока мало распространен за пределами Китая, а на испанском языке говорят только в Европе и Америке, то французский язык, единственный после английского, активно используется на всей правовой карте мира. По данным Международной Организации Франкофонии (L'Organisation internationale de la francophonie) в будущем, французский язык сохранит статус мирового языка и выйдет на второе место после английского по числу носителей.

Цель заключительного раздела данного исследования видится автору в том, чтобы: 1) на примерах некоторых единиц французского языка, используемого в процессе правового регулирования общественных отноше-

[53] См, например: Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дисс. … док. филолог. наук. Воронеж. – 1997; Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры. – 1997; Воркачев С. Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта. Монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015. И др.

ний в национальных правовых системах романо-германской правовой семьи, проиллюстрировать инструментальность ЛКК и их функциональную достаточность; 2) выявить культурные особенности, которые оказывают влияние на процесс интерпретации норм позитивного права в национальной правовой системе.

В плане сравнительно-правового анализа обратимся к теме праздников, которые включаются в систему факультативных признаков государства наряду с гимном, гербом, флагом, столицей и др. Так в национальной правовой системе Франции в соответствии с трудовым законодательством (Code du Travail, L3133-1) насчитывается 11 праздников, часть из которых празднуется лишь в некоторых провинциях государства. К их числу относятся как передвижные, так и непередвижные праздники с фиксированной датой. А именно: Новый год – не передвижной, отмечается 1 января каждого года (Nouvel An), Пятница перед Пасхальным воскресеньем, которая отмеча-ется только в 2-х провинциях Франции и является аналогом Страстной пятницы у православных христиан (Vendredi saint) – передвижной, Пасхальный понедельник (Lundi de Pâques) – передвижной, День труда, непередвижной и празднуется 1 мая каждого года (Fête du Travai), 8 мая празднуется Окончание военных действий в Европе во время Второй ми-ровой войны (Fête de la Victoire), Четверг, 39 дней после Пасхального воскресенья как передвижной (Jour De L'Ascension Du Seigneur), Поне-дельник после Пятидесятницы (через 50 дней после Пасхи), отмечаемый только на некоторых предприятиях (Lundi de Pentecote), 14 июля День взятия Бастилии, посвященный празднику Федерации (Fête de la Fédération), 25 декабря Рождество (Noël) и др.

Приведенные примеры убедительно показывают, что государство в процессе регулирования отношений в сфере труда и отдыха граждан использует лексические конструкции, которые свойственны ритуальному дискурсу и имеют отношение к христианской религии в границах католической традиции Христианства. Это подтверждает вывод: в процессе регулирования отношений в области труда и отдыха праздники демонстрируют, как расставлены приоритеты государством под влиянием традиций в культуре.

Еще одним примером являются нормативные акты, содержащие тексты государственных гимнов, которые содержат богатый материал для исследования ЛКК. В текстах государственных гимнов содержится богатая концептосфера языка, отражающая характер, менталитет народа, его историю и культуру. Некоторые из них продолжают тему ритуального дискурса, поскольку исполнение гимна – это всегда констатирование и осознание исполнителями сверхценности определённой ситуации, исполнение гимна

объединяет исполнителей в определённую группу и «призывает» к выполнению определенного действия или формированию определенного отношения к чему- либо. Текст гимнов всегда жестко клишировал, что позволяет выделять типовые концепты. А именно: единство нации, гордость за страну, в отдельных случаях концепты, которые также свойственные ритуальному дискурсу.

В плане сравнительного анализа полезно обратить внимание и на гимны, которые сконструированы по типу национальной или патриотической песни. Наиболее показательным примером в этой связи является La Marseillaise во Франции[54] – самая знаменитая песня времен Великой Французской революции.

La Marseillaise сначала стала гимном революционеров, а затем и всей Франции. Изначально La Marseillaise называлась «Военный марш Рейнской армии» и это название связано исключительно с историей появления текста, который был написан в ночь на 25 апреля 1792 года военным инженером Клодом Жозефом Руже де Лилем, спустя несколько дней после объявления революционной Францией войны «королю Богемии и Венгрии». С этой песней 30 июля того же года в Париж вошёл Марсельский добровольческий батальон[55].

24 ноября 1793 года Конвент выбирает La Marseillaise в качестве государственного гимна Франции. После событий 1848 года, когда революционная волна прокатилась по всей Европе, La Marseillaise, олицетворяя борьбу с тиранией и стремление к свободе, становится песней революционеров всего мира. Она звучит на полях сражений и во время Парижской коммуны в 1871 году. Последний раз La Marseillaise была запрещена режимом Виши во время Второй мировой войны. С 1940 по 1944 гимном Франции была песня «Маршал, мы здесь!», но в 1944 La Marseillaise вновь объявляется гимном Франции.

Текст La Marseillaise оказал влияние на тексты гимнов многих франкоязычных стран, прежде всего, бывших колоний Франции, в которых говорится, что благополучие народа и страны, которая персонифицируется, зависят, прежде всего, от граждан и от их осознанных действий[56].

Вместо заключения. На основании изложенного выше, акцентируя внимание на таких сюжетах темы, как соотношение понятий «интерпрета-

[54]Примечателен исторический факт: в течение некоторого времени после Февральской революции 1917 года в качестве гимна молодого Российского государства наряду с Интернационалом использовалась именно La Marseillaise.

[55] Msrie Barthe et Bernadette Chovelon. La Marseillaise // Je vis en France. Presse universitaires de Grinoble, 2016. – Pp. 151-153.

[56] Умярова Л. Н., Шевченко В. Д. Лингвокультурные особенности гимнов англоязычных и франкоязычных стран // Основы экономики, управления и права. – 2012. – № 4. – С. 32-35.

ция» и толкование позитивного права, социо-культурная обусловленность субъекта толкования в процессе социализации, а также детерминанты между особенностями культуры и лингво-культурными концептами языка, подтвержденными примерами национальных правопорядков (Франции, России), обоснованно можно констатировать: теория толкования позитивного права может утоняться, благодаря, в том числе, и достижениям лингвистики на основе междисциплинарного синтеза.

§ 3. Дух эпохи и дух права в постмодернистских практиках

В данной главе автор ставит проблему соотношения духа эпохи с духом права. Дух современной эпохи формируют социальные практики, в которых человек утрачивает свою биологическую ограниченность и обретает качества, превращающие его в нечто новое. Включение же в природу человека технологий делает человека более жизнеспособным перед угрозами болезней, голода, эпидемий, а значит, он медленно, но верно идёт по пути универсализма. Изменения, происходящие в природе человека, актуализируют проблему понимания новой реальности, дух которой не совпадает с духом более ранних эпох, в том числе эпохи модерна. Ценностный конфликт породил дискуссию между теми, кто стоит за расширение морфологических прав (биохакеры, трансгуманисты, сторонники философии экстрапианства, постгуманисты и проч.), и теми, кто видит в новых технологиях будущего угрозу всему человечеству. Поэтому понимание современных тенденций в мире в целом и в мире права в частности требует вдумчивого, осмысленного и выверенного с точки зрения традиционных ценностей подхода, выражающегося в духе эпохи и в духе права не вообще, а применительно к отдельно взятой стране.

С начала 60-х годов XX в. в экономически развитых европейских государствах наметился массовый отказ от традиционных ценностей. Протестные социальные движения (хиппи, разного рода феминистские течения, институционализированные организации экологов-активистов, антирасистские общественные движения) побудили дискурсивное сообщество пересмотреть господствующие номинации в европейской политико-правовой традиции. Поэтому под деконструкцию сначала попал сам человек, его идентичность, а потом и его правовой статус.

Так, например, Ж. Деррида заявляет, что с 1968 г. (символическая дата для западной культуры) начинается отсчет эпистемологической, политической и теоретической деконструкции человека[57]. Однако эта дата – скорее символ, поскольку события 1968 года стали точкой невозврата традицион-

[57] Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 69.

ной капиталистической системы. «Красный май» во Франции разбудил массовые многомиллионные протесты трудящихся во всем мире. В ходе этих массовых молодежных антикапиталистических выступлений на повестку дня были поставлены вопросы справедливого распределения общественного богатства, критиковалось господство капитала и господство бюрократии, под «огонь» попадали все формы авторитаризма и тоталитаризма.

События 1968 года создали огромный ценностный диссонанс в рамках всей капиталистической системы. «Дух 1968 года» оказал мощное воздействие на институциональную систему тогдашнего капитализма. Популярные лозунги «Запрещено запрещать!», «Хотим всего сейчас и сразу!», «Занимайся любовью, а не войной!» и т. п. стали девизом нонконформистских течений, носивших оппозиционный характер по отношению к официозной капиталистической культуре и морали. Эти события дали мощный импульс к рефлексии. Культурологические последствия превзошли все ожидания.

Анализируя социальные процессы, происходящие в лоне стран развитого капитала, необходимо учитывать и интеллектуальную подоплеку. И в этой связи истоки постмодернизма следует искать в творчестве Ф. Ницше, К. Маркса и З. Фрейда. Поскольку именно они положили начало традиции деконструкции.

Почему Ф. Ницше, К. Маркс и З. Фрейд? Отвечая на поставленный вопрос, следует обратить внимание на одно очень важное обстоятельство: провозглашая скепсис по поводу трансцендентной природы человека, они верили в Прогресс и в «смерть Бога» (в данном аспекте смерть Бога означает не рождение сверхчеловека как результата эманации, а становление сверхчеловека как результата его деятельности).

Так, например, сверхчеловеком не рождаются, им становятся. По Ницше, сверхчеловек – это метаморфоза духа. В работе «Так говорил Заратустра»[58] Ницше в метафорической форме изображает три стадии становления сверхчеловека. Первую стадию олицетворяет верблюд (эта стадия характеризуется зависимостью человека от внешних авторитетов, и даже если человеку что-то не нравится или он с чем-то он не согласен, то вместо «нет» он говорит «да»), вторую стадию олицетворяет лев (львом становится дух, «свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне»[59]). Лев – олицетворение свободы. На этой стадии формируется идея борьбы рождающего сверхчеловека за свои права. Именно эта стадия становления сверхчеловека актуализирует появление, как нам кажется, особого статуса и особого рода идентичности, на этой стадии формируется юридический статус и соответствующая ему правовая идентичность.

[58] Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 18.
[59] Там же.

В этой связи можно привести цитату Ж. Бодрийяра: «Права человека теряют свой смысл с того момента, когда человек перестает быть существом безумным, лишенным своей собственной сути, чуждым самому себе, каковым он был в обществе эксплуатации и нищеты, где он стал, в своем постмодернистском воплощении, самоутверждающимся и самосовершенствующимся. В подобных обстоятельствах система прав человека становится совершенно иллюзорной и неадекватной, а индивидуум, податливый, подвижный, многогранный, перестает быть объектом права; он – тактик и хозяин своего собственного существования, он более не ссылается на какую-либо правовую инстанцию, но исходит из качества своих действий и достигнутых результатов. Однако именно сегодня права человека становятся актуальной проблемой во всем мире. Это единственная идеология, имеющаяся на сегодняшний день. Это и говорит о нулевой ступени в идеологии, об обесценивании всей истории. Права человека и экология – вот две грани консенсуса. Современная всемирная хартия, это хартия Новой политической экологии. Нужно ли видеть в апофеозе прав человека непревзойденный взлет глупости, гибнущий шедевр, обещающий, однако, осветить конец века всеми огнями согласия?»[60] Данное утверждение согласуется со второй стадией, обозначенной Ф. Ницше, а именно – рождением сверхчеловека. А вот третья стадия, по Ницше, – это стадия возможностей (последняя метаморфоза духа). На этой стадии появляется сверхчеловек, он уже был и «верблюдом», и «львом». Он говорит «да» только тогда, когда хочет сказать «да». На этой стадии нет места принуждению. Апеллируя к творчеству К. Маркса, эта стадия являет собой коммунизм, и здесь человек (человечество) преодолел все свои ограниченные определенности, вырвавшись из «оков» государства и права. У Гегеля эта стадия – царство Свободы и абсолютного Духа.

М. Фуко, оценивая значение творчества Ф. Ницше в контексте постмодернистского сдвига в эпистемологии, не без основания полагает, что: «Ницше достиг той точки, где человек и Бог сопринадлежны друг другу, где смерть Бога синонимична исчезновению человека и где грядущее пришествие сверхчеловека означает прежде всего неминуемость смерти человека... В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить»[61].

Постмодернизм в своём рвении к разного рода деконструкциям, в том числе деконструкции идентичности человека во всех сферах его бытия, к

[60] Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: РИПОЛ, 2018. С. 199.
[61] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. С. 362.

сожалению, не предоставил ни позитивной исследовательской программы, ни надежного инструментария для понимания усложняющейся «шизофренической» (З. Бауман) реальности, ускользающей от внешнего наблюдателя. Установки на то, что «Бог умер» (Ф. Ницше), «человек умер» (М. Фуко), «история умерла» (Ж. Бодрийяр), «все умолкли» (Ж. Деррида), не являются жизнеутверждающими концептами.

Постмодерн в отличие от Просвещения (с гуманистическими идеалами) провозгласил пустоту. Вместо субъекта предложил «маску» и социальные роли, которые играет человек на чужом празднике жизни. Праздник жизни и вправду чужой, так как человек отчужден от себя, от общества и культуры в целом. Человек – усталый путник, сбившийся с дороги на пути к самому себе. И там, где человек рассчитывал обрести подтверждение своей самотождественности, он натолкнулся на безличные социальные позиции, превращаясь в деперсонифицированного актора. При таком раскладе идентификация подменяется процессом позиционирования, как прозорливо замечает П. С. Гуревич[62]. Ссылаясь на зарубежных авторов, он пишет: «…безличное тиражируется и даже клонируется. Оказывается, человек выступает под неким псевдонимом, что гарантирует ему после смерти получить эмблему. Противостояние индивида и социума рождает не глубинный поиск тождественности, а «коллаж идентификаций» (Лерн). На социальном поле вместо личности обнаруживается всего лишь знак текста, пустое имя, «0». Субъект отныне расщепляется на Я и Другого. Выстраивается линия "Другой – Иной – Чужой". В этом спектре человек вынужден расстаться с процессом глубинного постижения себя через Другого. Он отныне занят иной работой. Надо не столько соотнестись с Другим, сколько обозначить дистанцию, которая выразит близость или чуждость окружающих людей. Рождается не взаимообогащение личностей, а механическое сопоставление разных социальных точек в дискурсе социальных систем. Встреча с Другим предполагает теперь возможность покрыть своим Я Другого или позволить Другому покрыть меня. Такой захват индивида описывается через лексику каннибалистического поглощения (психоанализ Фрейда)»[63].

Тотальное отрицание, о котором писал Ж. Деррида в своей работе «Человеку – мыслить и скитаться в мире», деперсонифицирует субъекта права, выводит его из устоявшихся мира вещей и людей. «Настанет время, – пророчествует автор статьи, – когда человек устанет от норм права, от знаков и символов морали, окружающих его повсюду. Он придет к нотариусу, адвокату, судье с единственным вопросом – можно секунду я побуду один,

[62] Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. 2010. Том. IV. С. 77–78.
[63] Там же.

чтобы никто не нарушил моего покоя?»[64] Все социальные институты и нормы права мыслятся постмодерном как давление, бремя и тяжелая ноша, все они выхолащивают дух свободы, поэтому любое ограничение таит в себе диктат и насилие. Всякое правило ограничивает свободу, изживает саму мечту об абсолютной свободе, приземляя ее, сдавливая со всех сторон[65].

Поэтому доминантой постмодерна выступает идея деконструкции, в процессе осуществления которой размываются условия существования человека. В. А. Бачинин, оценивая значение постмодерна для культуры, весьма точно подмечает его неоднозначность: «...воцаряясь в большинстве сфер практической и духовной жизни, он берет на себя заботу об осуществлении смены мировоззренческих и морально-юридических доминант в общественном сознании. В результате появляется все больше людей, которые готовы видеть в разрушении увертюру к грядущему созиданию, в войне – прелюдию к всеобщему миру, в насилии – путь к воцарению принципов человеколюбия и справедливости, в социальной ненависти – средство достижения общего блага. Коварная идея, касающаяся зла как средства достижения добра, практически овладевает умами множества людей, позволяя им повсеместно соединять благие цели с негодными средствами»[66].

Постмодернистский дискурс породил множество направлений. Отказ от термина «постмодерн» и отказ от идеологии деконструктивизма, как отмечает А. Павлов в предисловии к фундаментальному труду Фредерика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма», привел к тому, что, несмотря на массовый отказ от этой пессимистической исследовательской программы, «мы всё еще устраиваем ему поминки»[67]. Можно в этой связи вспомнить ранее упомянутого К. Маркса и его «Манифест коммунистической партии» с метафорическим образом «призрака коммунизма». Призрак коммунизма теперь рука об руку ходит с постмодернизмом, похоронившим Бога, человека и историю, но воскресив веру в постчеловека.

Рассматривая постпостмодернистские течения, отметим, что все они апеллируют к постчеловку. Так, в 2000 году появляется концепция ремодерна, её родоначальником был Чарльз Томсон. В опубликованном манифе-

---

[64] Цит. по: Попов Е. А. Влияние постмодернизма на социоюридическую интерпретацию феномена современного гражданского общества // NB: Вопросы права и политики. – 2013. № 1. – С. 190–222.

[65] Попов Е. А. Право и постмодернизм // Российское право: образование, практика, наука. – 2011. – № 1 (72). – С. 94–98.

[66] Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалия // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 18.

[67] Цит. по Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Изд-во второе, испр. / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Институт Гайдара, 2019. – С. 42.

сте «Ремодернизма» доминантой стала идея отказа от пустоты и бессмыслицы постмодернизма. В 2009 году появляется альтернативная постмодерну концепция с яркоговорящим названием «альтермодерн» (Н. Бурио). В 2010 году возникает концепция метамодерна, представленная Т. Вермюленом и Р. Аккером. Эта концепция должна была вместо «какофонии» постмодернизма явить миру «эвфонию» или «новую чувственность, пришедшую на смену постмодернистской иронии»[68] (на эту теорию В. Д. Зорькин возлагал особые надежды). В 2012 году появляется концепция постпостмодерна, представленная американским культурологом Д. Нилоном. Данная концепция продолжает линию, намеченную Ф. Джеймисоном. «Постмодернизм является культурной логикой позднего капитализма», но «новый капитализм» уже не тот, о котором писал великий классик постмодернизма в конце XX века[69].

Поэтому двойное использование приставки «пост-» отражает культурную логику нового капитализма, капитализма с уже измененным содержанием. Видимо, поэтому постпостмодерн из просто концепции, предложенной Д. Нилоном, превратился в эпистемологическую традицию, сочетающую в себе все направления, появившиеся как после отказа от постмодерна, так и более ранние теории (школа критических правовых исследований, расовые, феминистские, экстропианские и проч.), но не вписывающиеся в логику «старого» классического капитализма.

Появление постпостмодернистских теорий, таких как постгуманизм, трансгуманизм, антигуманизм и проч., как полагает Ф. Феррандо, и надо заметить не без основания, связано с тем, что префикс «пост-» уходит в традицию философского постмодерна. И с помощью школы посгуманизма этот префикс превращается в символический мостик, скрепляющий постгуманизм и с постмодерном, и с постпостмодерном, и с постдемократией, и с гиперболической постправдой и т. д.[70]. Выходя в плоскость существования современного постчеловека, Ф. Феррандо полагает, что именно «с помощью префикса "пост-" можно выразить нечто такое, что, кажется, уклоняется от любой единичной приставки "пост-" и что следует исследовать в более общем модусе, изучая значение самого этого префикса»[71]. По её мнению, приставка «пост-» появилась на фоне открытий, сделанных квантовой физикой об относительности мира, его релятивности, возрастающей роли технологий в формировании но-

[68] Там же. С. 44.
[69] Цит. по: Ломакина И. Б. Метамодерн и антропология права как два ответа на вызовы постмодернизма // Криминалист. – 2020, № 3 (32). – С. 81-85.
[70] Феррандо Ф. Философский постгуманизм / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С. 159.
[71] Там же.

вой постчеловеческой идентичности, и того факта, что сама постмодернистская традиция поставила под сомнение существование субъекта[72].

В контексте поверхностного анализа существующих постпостмодернистских концепций заслуживают внимания космодернизм, диджимодернизм (А. Кирби) и автомодернизм (Р. Самюэлс). Их исходный посыл состоит в том, что современное западное общество все еще развивается в логике модерна, пусть и на фоне внедрения новейших технологий. Сэмюэлс отмечает, что современные либерально-освободительные импульсы, проявляющиеся в гендерных, сексуальных и расовых сферах, не вписываются в логику постмодерна[73]. В ряде случаев, имея точки соприкосновения с трансугуманизмом (то же неоднородное течение, включающее в себя экстропианство, либеральный трансгуманизм и демократический трансгуманизм), а также с новыми «материализмами», о которых упоминает Феррандо (особое направление феминизма), постгуманизм представляет собой синтез, в котором относительно гармонично сочетаются прогресс и постчеловек во всем многообразии форм своего существования, в том числе и в потенции.

Современная гуманитаристика расходится в оценках современных постпостмодернистских практик. Одни исследователи, как правило западные либо западно-ориентированные, полагают, что современный половой универсализм высвобождает человека от вынужденных связей (в том числе семейных уз, а вернее из уз нуклеарной семьи и сопутствующих ей брачных обязанностей). Поэтому они констатируют, что универсализация человека, в том числе и в этой приватной сфере, не связана с западной экспансией, а просто является более прогрессивной[74]. Однако очевидным является то, что расширенный спектр прав человека сегодня формирует иной тип правовой коммуникации, предполагающий другой этос и другой набор ожиданий, а также и другие ценности, в том числе институционализированные в правопорядке. Конечно, пока все это происходит только в США и странах Западной Европы (Нидерландах, Германии, Франции и др.). Но именно эти страны формирует дух новой, рождающейся эпохи постпостмодерна, проявляющийся через практики расширения морфологических прав человека.

Именно исследователи этих стран перед научным сообществом, политическим истеблишментом и широким кругом общественности ставят вопросы о расширении морфологических прав человека, включая гендерную принадлежность, и навязывают эти культурные стандарты остальному

---

[72] Там же.

[73] Там же.

[74] Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 2011. – С. 77.

миру. Другие исследователи, как правило традиционно ориентированные, видят в расширении морфологической свободы нанесение ущерба самому себе и другим, поскольку это подрывает основы существования человека как морально ответственного существа.

Закрепление традиционных ценностей в Конституции РФ показывает нежелание российского общества следовать по дороге, ведущей в универсализм постпостмодерна, пока причудливо сочетающего в себе различные осколочные, уродливые (с точки зрения традиционных ценностей) феномены, такие как однополые браки, рождение детей от трёх и более родителей с использованием модифицирующих природу генома технологий. Поэтому В. Д. Зорькин предлагает российскому научному сообществу задуматься о новой исследовательской программе, сочетающей в себе всё лучше, что предоставила классическая наука, и то позитивное, что появилось в последние десятилетия, с учетом достижений неклассической (постпостмодернистской) науки и практики.

Поэтому дух эпохи и дух права должны учитываться законодателем, а каждая культурная новелла должна проходить через сито национальной (понимаемой в широком смысле) культуры, потому что дух эпохи должен совпадать с духом права, который своим истоком определяет материальные условия жизни людей и их ментальность. И лучшая стратегия – это та, которая учитывает исторически выверенные культурные стандарты, выведенные из основополагающих материальных и ментальных начал народов, составляющих цивилизационное ядро государства. Поэтому к расширению морфологических прав человека стоит относиться в соответствии со своими национально-маркированными культурными стандартами, выраженными духом своей нормативной культуры, а не чужой, преподносимой трансгуманистами, постгуманистами и биохакерами как более прогрессивной.

§ 4. Философско-правовая природа правовых заимствований

Развитие правовой реальности характеризуется не только внутренними факторами, но и путем воздействия извне, направленного на модернизацию и повышение эффективности правового регулирования. Именно последний аспект позволяет национальной правовой реальности соответствовать не только внутренним потребностям, но и глобальным вызовам, которые все больше определяют характер и содержание правового развития в мире.

Для обозначения этих процессов нам представляется возможным использовать термин «правовое заимствование»[75], который не только гносео-

[75] Исаев И. А. Проблема правового «заимствования»: Россия и Запад // История государства и права. – 2016. – № 11. – С. 3-7.

логически, но и аксиологически соответствует российской правовой традиции в отличие от понятия «правовой трансплантат»[76], получившем распространение в зарубежной компаративистике. Во-первых, трансплантат для российского сознания больше ассоциируется с медицинской терминологией. Во-вторых, данный термин имеет более устойчивую позитивную коннотацию, связанную с однозначным признанием возможности эффективного бытия правовой конструкции, сформированной в одной институциональной и культурной среде, в другой, принципиально ей чуждой.

Опираясь на представления о правовых трансплантациях, выработанные в зарубежной правовой науке, где они рассматриваются как движение системы права или ее отдельных элементов от одного государства к другому[77], руководствуясь семиотическими идеями Ю.М. Лотмана о культурном диалоге как инструменте выработки новых текстов[78] и коммуникативной теорией М. ван Хука[79], мы предлагаем следующее определение правового заимствования: философско-правовая категория, отражающая процесс и результат правового взаимодействия, направленного на усвоение и использование правовой системой-реципиентом (обществом-реципиентом) правовых ценностей, норм, институтов, процедур, решений, форм и видов деятельности правовой системы– донора (общества-донора).

Как философско-правовая категория правовые заимствования имеют сложную структуру, в которую входит: субъект правового заимствования, объект правового заимствования и содержание правового заимствования.

Субъектом правовых заимствований (правовой системой-реципиентом) выступает общество, имеющее потребность в совершенствовании национальной правовой системы частично или полностью. Как правило, в качестве такового выступают традиционные и полутрадиционные общества, для которых совершенствование национальной правовой системы зачастую выступает не только формой поддержания правового взаимодействия, но и средством выживания. Поэтому основными формами правовых заимствований выступает вестернизация и американизация. Однако в настоящее время встречаются и противоположно направленный процесс заимствований. По меткому выражению С. Калантри, их можно назвать «обратной правовой трансплантацией». В качестве примера по-

[76] Van Hoecke M. Legal culture and legal transplants // Nobles R., Schiff D. (eds.) Law, Society and Community: Socio-Legal Essays in Honour of Roger Cotterrell. – London: Routledge, 2014, – P. 274-275.
[77] Watson A. Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. - Edinburgh: Scottish Academic Press, 1974. – P. 123.
[78] Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. В 3 т. - Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 19.
[79] Van Hoecke M. Law as Communication. - Oxford: Hart Publishing, 2002. – x, 224 p.

добного процесса он приводит влияние законодательства Индии на ограничение абортов в США[80].

Объектом правовых заимствований могут выступать различные правовые явления как нормативного, так и функционального плана. Выбор объекта правового заимствования, как правило, определяется несколькими факторами: престижем донора, уровнем его экономического и правового развития, близостью культурного развития донора и реципиента. Реже играет роль географический фактор[81].

Содержательно правовые заимствования могут быть представлены онтологически, гносеологически и аксиологически. Онтологически правовые заимствования выступают специфичной формой правообразования, результатом которой является конструирование в национальной правовой системе нового правового явления (норма, институт, отрасль и т.д.). Гносеологически правовые заимствования выступают в качестве интегративного юридического дискурса, направленного на трансформацию лингвистических форм выражения национального права. Аксиологическая роль правовых заимствований состоит не только в выработке ценностно ориентированных целей развития и функционирования правовой реальности, но и во включении в национальную правовую систему новых правовых ценностей или ее полная перестройка на иной ценностной основе.

Телеологически правовые заимствования, как правило, носят целенаправленный характер и предполагают определение цели и средств не только правового, но и социально-экономического развития, которые не формируются в процессе заимствований, а обозначаются как стратегическое направление развития[82]. Даже в случае ситуативного характера заимствования политическая элита обозначает его цель, хотя в этом случае цель может носить не стратегический, а тактический характер. Кроме того, необходимо учитывать, что зачастую цель правового развития в целом может носить фрактальный характер, и правовое заимствование выступает лишь средством его достижения.

При целенаправленности правовых заимствований их цель является бинарной. С одной стороны, объективно цель может быть обусловлена со-

---

[80] Kalantry S. Reverse Legal Transplants // Cornell Law School. Legal Studies Research Paper Series. – 2020. – No 20-41. – P. 101-152.

[81] Nguyen L. Q. A., Pham H. N. Legal transplants through theoretical lens // Hội thảo khoa học quốc tế Luật học trước biến đổi của thời đại (International Conference Law in a Changing World). - Hanoi: Đại học Quốc gia Hà Nội, – 2019. – T. 2. – P. 318-319.

[82] Подробнее см.: Tamanaha B. Z. Law as a Means to an End: Threat to the Rule of Law. - New York: Cambridge University Press, 2006. - xii, 255 p.; Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Правовая реальность в телеологическом контексте // Правовая культура. – 2022. – № 3(50). – С. 5-12.

циальными потребностями. С другой стороны, субъективно цель отражает стремление политической элиты сконструировать новую правовую реальность. В последнем случае правовые заимствования могут иметь негативный результат, преследуя цель удовлетворения интересов определенной социальной группы, которая является меньшинством и не отражает взгляды реального большинства. Результатом таких заимствований может быть дисгармонизация не только отдельных отраслей права, но и правовой реальности в целом[83]. При этом необходимо учитывать, что целеполагание при проведении правовых заимствований не обязательно имеет жестко заданный амбивалентный характер. Скорее, речь идет о сочетании объективных факторов правового и социально-экономического развития и субъективной воли политической элиты.

Взаимодействие правовых систем носит не механический характер, а обусловлено целым рядом исторических и социокультурных факторов, которые определяют особенности причин, характера, содержания и эффективности правовых заимствований[84]. Изучение этих факторов как в национальном масштабе донора и реципиента, так и применительно к особенностям их коммуникации позволяет определить реципиенту потенциальную возможность и эффективность заимствований, а также необходимые средства для ее осуществления.

Эффективность правовых заимствований определяется, прежде всего, социокультурной совместимостью взаимодействующих обществ. Успешная реализация заимствованной правовой конструкции зависит от ее соответствия не только правовой, но и общей культуре общества-реципиента[85]. Чем дальше находится уровень социокультурного развития правовой системы-донора и правовой системы-реципиента, тем больше расхождения не только терминологического, но и функционального порядка будут снижать эффективность правовых заимствований[86]. В конечном итоге это ведет к ценностному конфликту внутри правовой системы-реципиента. Однако заимствуемая правовая конструкция, даже в случае ее

---

[83] Pankevich N. Phenomena of Legal Transplants Related to the Social Model o the Post-Soviet Countries // Kurzynsky-Singer E. (Hrsg.) Transformation durch Rezeption?: Möglichkeiten und Grenzen des Rechtstransfers am Beispiel der Zivilrechtsreformen im Kaukasus und in Zentralasien. - Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. – P. 58-59.

[84] Galindo G. R. D. Legal Transplants between Time and Space // Duve T. (ed.) Entanglements in Legal History: Conceptual Approaches. – Frankfurt-am-Main: Max Planck Institute for European Legal History, 2014. – P. 129-148.

[85] Del Duca L. F., Levasseur A. A. Impact of Legal Culture and Legal Transplants on the Evolution of the U.S. Legal System // American Journal of Comparative Law. – 2010. – Vol. 58. – P. 2.

[86] Carvalho Ju. Law, language, and knowledge: Legal transplants from a cultural perspective // German Law Journal. – 2019. – Vol. 20. – No 1. – P. 21-45.

противоречия базовым ценностям, благодаря раздражающему эффекту воздействия на правовую реальность реципиента, оказывается способна привести к позитивному результату[87].

С этим прямо связана предварительная оценка общего, особенного и специфичного не только в правовом, но и общекультурном развитии донора и реципиента. Это предполагает при планировании правовых заимствований изучение не только содержания и эффективности реализации объекта заимствования донором, но и выявление социальных и исторических факторов, способствующих этому. Среди таких факторов можно обозначить географическую или типологическую схожесть правокультурного развития донора и реципиента, тождественность правовой, политической и социокультурной идентификации индивида в культуре донора и культуре реципиента, схожесть форм выражения и рефлексии заимствуемой правовой конструкции в обществе-доноре и обществе-реципиенте[88].

Кроме того, эффективность правовых заимствований зависит от степени их системности. Даже в случае использования в законодательстве отдельных иностранных правовых конструкций речь должна идти о приведении в соответствие как терминологически, так и содержательно не только всех нормативных правовых актов, в которых в той или иной степени затронуто данное правовое явление, но и правовой доктрины.

Однако при выборе обществом-реципиентом правовой системы-донора не всегда играют роль вопросы потенциальной эффективности правовых заимствований. Зачастую на первое место выступает политическая целесообразность, «престиж» донора на международной арене[89].

Как комплексный правовой феномен правовые заимствования характеризуются рядом признаков: во-первых, правовое взаимодействие общества-донора и общества-реципиента носит нормативно-ценностный характер; во-вторых, правовое заимствование не ограничено пространственно, темпорально и субъектно, содержание и средства правового заимствования определяются не только целеполаганием, но и национальной правовой традицией; в-третьих, субъективно-объективный характер правовых заимствований, их одновременная обусловленность потребностями общества и экономики, с одной стороны, и политической элиты – с другой; в-четвертых, целью правовых заимствований является не просто изменение националь-

[87] Курзинска-Сингер Е. Гармонизация права как процесс правовых заимствований // Приватне право і підприємництво. – 2016. – Вип. 16. – С. 154.
[88] Туранин В. Ю. Использование заимствованной терминологии в текстах современных российских законов: возможности и пределы // Современное право. – 2009. – № 4. – С. 14-17.
[89] Watson A. Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. – Edinburgh: Scottish Academic Press, 1974. – P. 29.

ной правовой системы, а ее совершенствование, модернизация, повышение эффективности правового регулирования[90].

Значение правовых заимствований для развития национальной правовой системы раскрывается на основе анализа выполняемых ими функций, т.е. основных направлений воздействия заимствований на правовую систему-реципиента в нормативном, ценностном и когнитивном аспекте. Компаративный анализ опыта осуществления правовых заимствований в различных регионах мира позволяет выявить ряд функций, которые они осуществляют: правообразовательную, регулятивную, охранительную, культурную, ретроспективную, прогностическую, интегративную[91].

Сложный, многогранный характер правовых заимствований, неоднозначность их процесса и результата предполагают необходимость исследовать данную категорию комплексно, с учетом не только онтологической составляющей, но и аксиологической. Только такой подход позволит рассмотреть правовые заимствования на категориальном уровне и выявить как закономерности их развития и функционирования, так и особенности реализации в отдельных государствах и регионах.

1. В зависимости от характера влияния правовой системы-донора на правовую систему-реципиента правовые заимствования можно разделить на *фрагментарные* (точечные), предполагающие восприятие реципиентом лишь отдельных правовых конструкций, и *всеобъемлющие*, охватывающие все элементы правовой системы-реципиента. В первом случае заимствование зачастую носит формальный характер и выражается лишь в восприятии внешних форм выражения при наполнении их принципиально новым смыслом.

2. В зависимости от степени открытости правовые заимствования классифицируются на *явные* и *латентные*. Первые представляют собой публичное провозглашение цели и средств. Вторые, напротив, связаны с отсутствием четко сформулированной цели или ее артикуляцией в предельно завуалированной форме. Кроме того, для латентных заимствований характерно не только отсутствие позиционирования необходимых для этого средств, но и их поиски в процессе заимствования. Как правило, явные заимствования являются целенаправленными, в то время как при осуществлении латентных постановка цели либо вообще отсутствует, либо ее поиски осуществляются в

[90] Даниелян А. С. Правовые заимствования: понятие, признаки, предпосылки // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2020. – № 1(11). – С. 31-38.

[91] Подробнее см.: Скоробогатов А. В. Правовые заимствования как ценностная основа развития законодательства // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения. Коллективная монография / под ред. И. Л. Честнова. – СПб.: Астерион, 2018. – С. 225-234.

процессе заимствования. Это связано с тем, что явные заимствования, как правило, носят объективный характер и связаны с деятельностью государства, в то время как латентные могут отражать правовую активность лишь отдельных социальных групп, зачастую не способных оказать существенное воздействие на сознание и поведение лиц, не идентифицирующих себя с данной группой.

3. Содержательно правовые заимствования можно разделить на *терминологические* и *нормативные*. В первом случае речь идет лишь об использовании зарубежной терминологии, тогда как во втором – заимствуется не только содержание, но и смысл норм права (правовых принципов).

4. По динамике имплементации в национальную правовую систему заимствования делятся на *плановые* (целенаправленные, планомерные) и *стихийные* (ситуативные).

5. По объему заимствуемого материала заимствования делятся на *заимствования норм права*, *заимствования правовых институтов*, *заимствования отдельных источников права*, *заимствования правовых принципов и ценностей*, *заимствования правовой системы в целом*[92].

6. По характеру волеизъявления правовые заимствования можно разделить на *заимствования по воле законодателя* (политической элиты) и *заимствования, проводимые в силу международных и (или) межгосударственных обязательств*.

7. По способам внедрения правовых заимствований в национальную правовую систему их можно разделить на *нормотворческие*, *правореализационные*, *правоинтерпретационные*.

8. В зависимости от характера правового взаимодействия правовые заимствования классифицируются на *добровольные*, *насильственные* и *вынужденные*. В процессе добровольных заимствований реципиент самостоятельно, без внешнего воздействия осваивает правовые нормы и (или) ценности донора либо с целью унификации национальных правовых систем, либо стремится к усилению интеграции между ними, либо, рассчитывает, что освоение «престижных» правовых конструкций повысит уровень правового развития реципиента или позволит позиционировать таковой перед донором. Напротив, насильственное заимствование связано с правовой и политической активностью не реципиента, а донора, который навязывает свои ценности и (или) нормы реципиенту. При этом субъективно может преследоваться «благая», даже «мессианская» цель – повышение качества и эффективности правовой системы реципиента путем овладения им «заве-

[92] Miller J.M. A Typology of Legal Transplants: Using Sociology, Legal History and Argentine Examples to Explain the Transplant Process // The American Journal of Comparative Law. – 2003. – Vol. 51. – No 4. – P. 839-885.

домо качественных и эффективных» норм и ценностей донора. Однако объективно подобное заимствование направлено на подчинение реципиента не только в правовом отношении, но также политически и культурно.

Наиболее сложным является выделение вынужденных заимствований, поскольку зачастую они рассматриваются правовой элитой реципиента как в качестве добровольных по цели и средствам. Поэтому при оценке заимствований необходимо учитывать уровень не только правового и политического, но и социально-экономического и социокультурного развития. Именно последние зачастую обуславливают вынужденную необходимость сближения донора и реципиента путем овладения последним норм и ценностей первого. Политическая элита реципиента рассматривает это как средство позиционирования своего государства как части «мирового цивилизованного сообщества», надеясь на помощь последнего не только в проведении реформ, но и материальном обеспечении населения. При этом речь идет в первую очередь не о правовых ценностях, а социокультурных, овладение которыми сопровождается и правовыми заимствованиями.

9. По результату правового взаимодействия правовые заимствования классифицируются на *правовую ассимиляцию*, *правовую трансформацию* и *правовую конвергенцию*. Если в процессе ассимиляции реципиент не только осваивает нормы и ценности донора, но и одновременно отказывается от национальных правовых традиций, что ведет к изменению правовой реальности не только на онтологическом уровне, но и аксиологическом, то в процессе трансформации реципиент сохраняет ценностные ориентации, осуществляя заимствования преимущественно нормативно и функционально. При правовой конвергенции роли донора и реципиента сближаются. Речь идет об амбивалентном обмене правовой информацией, в процессе которого не только происходит обогащение правовой реальности, но и происходит сближение правовых систем донора и реципиента, хотя и при сохранении правокультурных основ.

10. По степени одновременности правового развития донора и реципиента правовые заимствования классифицируются на *синхронные* и *асинхронные*. При синхронных заимствованиях происходит взаимодействие правовых систем, существующих в пределах одних пространственно-временных координат. Напротив, асинхронные заимствования связаны с освоением реципиентом правового опыта донора, находящегося от него на определенном хронологическом удалении. Степень пространственной близости при этом не играет значения. Реципиент, выбирая донора, может опираться не только на географическую близость исторического развития, но и на типологическую.

11. В зависимости от характера правовых последствий правовые заимствования классифицируются на *действительные* и *декоративные*. Результатом действительных заимствований является повышение качества и эффективности правового развития реципиента не только онтологически, но и аксиологически. Речь идет как о включении в законодательство и юридическую практику реципиента норм донора, так и изменении ценностных ориентаций первого. Это определяет легитимацию правовых преобразований и их позитивную рефлексию в сознании граждан. Напротив, декоративные заимствования характеризуются лишь формальными изменениями, не влияющими на правовую культуру реципиента. Артикуляция политической элитой реципиента об изменении не только нормативных и функциональных, но и ценностных аспектов правовой реальности в будущем в этом случае не находит отклика в гражданах, что может свидетельствовать как о недоверии населения к власти, так и о кризисности правового развития реципиента.

12. По направленности вектора модернизации и методов внедрения иностранного права в национальную правовую систему правовые заимствования классифицируются на *рецепцию права*, *правовой трансфер*, *правовую аккультурацию*, *правовую экспансию* и *правовой диалог.* В результате рецепции реципиент, осваивая правовые нормы и ценности донора, стремится адаптировать их к условиям собственной правовой системы с целью ее совершенствования. В отличие от рецепции при трансфере происходит некритическое заимствование норм и ценностей донора и конструирование новой правовой реальности, сопровождающееся формированием новых ценностных ориентаций граждан. В определенной степени с трансфером имеет схожесть правовая аккультурация, отличия между которыми носят, прежде всего, темпоральный характер. Если при трансфере речь идет о достаточно кратковременном взаимодействии донора и реципиента, то при аккультурации предполагается относительно длительный контакт донора и реципиента, инициатором которого, как правило, выступает донор, стремящийся не только с использованием принуждения, но и убеждения сформировать у реципиента осознанный выбор вектора правового развития для сближения с донором как нормативно и функционально, так и ценностно. Наиболее негативным вариантом правовых заимствований является экспансия, при которой донор стремится к переносу своих норм и ценностей реципиенту исключительно на основе принуждения. При этом донор воспринимает свою правовую культуру как развитую, а культуру реципиента как неразвитую и требующую немедленных изменений, «необходимость» которых не осознается местной политической элитой. Напротив, наиболее позитивным вариантом правовых заимствований выступает правовой диа-

лог, при котором роли донора и реципиента сближаются и осуществляется взаимообмен правовой информацией. Это в равной степени ведет к обогащению правовых систем донора и реципиента и повышает эффективность правового регулирования в обоих обществах.

Характер правовых заимствований в России имеет специфичный характер, проявляющийся в сочетании правовых заимствований с национальной правовой традицией[93]. Это позволяет наиболее органично использовать правовые заимствования для развития национальной правовой системы. Если предшествующие этапы развития российского права характеризуются рецепцией[94] (к ней можно отнести и систематизацию древнерусского права, и петровскую модернизацию, и либеральные реформы Александра II, и даже сталинскую индустриализацию, поскольку шла адаптация зарубежного правового массива к потребностям России, но с учетом национальной правовой традиции), то в постсоветское время основной формой правовых заимствований становится правовая аккультурация, в наименьшей степени ориентированная на сохранение правовой традиции.

Подобный подход к правовым заимствованиям обусловлен идеологическими установками политической элиты России 1990-х гг., провозгласивших нашу страну частью «западной цивилизации». Позиционирование России правовым, социальным, демократическим государством априори означало не совершенствование правовой системы, а ее полный слом и формирование принципиально новой системы, основанной на общечеловеческих (читай «западных») ценностях. Лишь в последние годы в развитии правовой реальности России происходит возврат к традиционному отношению к правовым заимствованиям, которые призваны помочь в совершенствовании национальной правовой системы, не разрушая ее ценностную основу. Примером чего может служить конституционная реформа 2020 г. и последующие изменения в системе права, которые направлены на синтез правовых традиций и инноваций[95].

Таким образом, «правовые заимствования» являются комплексной философско-правовой категорией, отражающей особенности взаимодействия национальных правовых систем на онтологическом и аксиологическом уровне. В процессе правовых заимствований правовая система-

---

[93] Сокольская Л. В. Взаимодействие правовых культур в историческом процессе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 174-181.

[94] Рыбаков В. А. Рецепция и правотворчество // Вестник Омского университета. Сер. Право. – 2012. – № 2(31). – С. 16-23.

[95] Бабурин С. Н. Конституционная реформа 2020 года в Российской Федерации как путь укрепления нации // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 3-6. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-1-3-6.

реципиент осваивает правовые ценности, нормы и конструкции правовой системы-донора с целью повышения эффективности правового регулирования и (или) конструирования новой правовой реальности. В зависимости от содержания, формы и степени воздействия на трансформацию правовой реальности правовые заимствования могут иметь различные формы и методы реализации, выполнять различные функции в правовом воздействии на сознание и поведение субъектов права.

§ 5. Правовая герменевтика как связующий элемент системы права

Искусство толкования правовых норм составляет самую суть юриспруденции и основу профессиональной подготовки юристов. Между тем, начиная с советского периода, в нашей юридической литературе этой проблеме, на наш взгляд, уделялось недостаточное внимание, что было связано с упрощенными представлениями о законности как точном и неуклонном следовании предписаниям норм позитивного права, воплощающих волю законодателя. Такой подход ставил под сомнение правомерность каких-либо интерпретаций содержания этих норм.

Вместе с тем непростой, противоречивый процесс совершенствования нового российского законодательства, начавшийся в конце XX столетия и сопровождавшийся его приведением в соответствие с общепризнанными принципами и стандартами международного права, прямым действием норм Конституции Российской Федерации, имел своим результатом формирование сложной правовой системы, требующей от правоприменителя и системного юридического мышления. Его неотъемлемым атрибутом является способность ориентироваться в иерархии правовых норм, умение интерпретировать и применять к конкретной жизненной ситуации общие правовые предписания, не ожидая их казуистической детализации в законодательстве.

Естественным следствием данного процесса явилось повышение уровня того, что именуется междисциплинарным взаимодействием, если понимать его, прежде всего, в узко-юридическом смысле – как систему различных отраслей права. Причиной этого явилось стремительное развитие разных правовых отраслей, каждой в своем направлении, при котором стало наблюдаться расхождение в понимании многих однородных или смежных правовых понятий и институтов. Законодательство нередко не успевает реагировать на ликвидацию возникающих при этом противоречий, причем не только по причине их множественности, но и ввиду отставания правовой теории от приведения новых правовых феноменов к общему знаменателю. В условиях такой правовой турбулентности роль регулятора и синхрониза-

тора берет на себя правоприменитель, главным образом, в лице судов, в чьем распоряжении имеется для этого чрезвычайно мощное и эффективное средство – толкование норм права.

Роль толкования объективно возрастает также по причине возникновения в правовой сфере еще одного нового феномена – процесса конституционализации системы права, т.е. оценки и интерпретации отраслевых норм с точки зрения степени их адекватности конституционному праву, что также является очевидным проявлением междисциплинарной координации, так сказать, «по вертикали» – в отличие от «горизонтального», межотраслевого взаимодействия. Субъектом такого истолкования является Конституционный суд, который путем интерпретации в своих постановлениях тех или иных норм с точки зрения их соответствия Конституции фактически создает параллельное прецедентное, конституционно-отраслевое право. Последнее может инкорпорироваться в законодательство, но может существовать и действовать относительно самостоятельно. На основе этих решений Конституционного суда сформировался и особый метод конституционно-правового толкования как разновидность логической и систематической интерпретации.

Наконец, актуализация процесса толкования норм права обусловлена не только потребностями правоприменения в узком смысле, но из необходимости шире взглянуть на его последствия, в т.ч. с учетом социальных, макро- и микроэкономических консеквенций[96]. Рональд Гарри Коуз, известный английский специалист в области трансакционных издержек в институциональной структуре и функционировании экономики, писал по этому поводу: «Желательно было бы, чтобы суды понимали экономические последствия своих решений и учитывали эти последствия в своих решениях в той степени, в какой это возможно без создания чрезмерной правовой неопределенности»[97].

Таким образом, в качестве важного явочного средства междисциплинарного, межотраслевого взаимодействия в праве, а также на границе с другими сферами общественной активности такими, как экономика, востребовано искусство толкования правовых норм как проявление системного подхода к правоприменению с учетом широкого спектра смыслов. Не случайно, уже в старой, в т.ч. российской, юридической литературе[98], а также в современной западной правовой теории развилось особое направление со-

[96] Гаджиев Г.А. Е. В. Васьковский и современная цивилистическая методология. // Журнал российского права. 2016. – С. 57-64.
[97] Коуз Р. Фирма, рынок и право. Пер. с англ. М., 2007. – С. 224.
[98] Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. – М.: Городец, 1997. – С. 9-10.

временной философии права, именуемое юридической герменевтикой. Как отмечается в литературе, «на современном этапе развития герменевтика в юриспруденции, языкознании и философии трактуется как наука о понимании смысла текста, и имеет различные степени развития. Термин «герменевтика» употребляется также и в теоретическом смысле: герменевтика – это теория понимания, постижения смысла».[99]

Однако существующие на данный момент теоретические представления о толковании правовых норм сохраняют значительные пробелы, затрудняющие его практическое использование. В советское время богатые традиции в области толкования правовых норм, созданные российскими правоведами в дореволюционный период, во многом оказались забыты. Лишь в последние десятилетия были переизданы некоторые из работ русских правоведов, посвященных данной проблеме.[100] Будучи подлинной сокровищницей знаний о толковании права, они были написаны на материале дореволюционного русского законодательства и потому сегодня могут иметь относительно ограниченное применение. Число работ советских авторов, непосредственно посвященных толкованию норм права, невелико[101]. В последние годы научное исследование проблемы толкования правовых норм интересовало авторов в основном либо в сугубо общем[102], либо в специальном или отраслевом аспектах, что нашло отражение в работах, посвященных официальному и неофициальному толкованию норм права[103], эффективности актов юридического толкования[104], правоприме-

---

[99] Васюк А. В. Юридическая герменевтика как научное направление правоведения. // Журнал «Территория новых возможностей». Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Право. – Владимир, 2010. – С. 82.

[100] Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. – М.: Городец, 1997. – С. 9-10.

[101] Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., 1962. – С. 164; Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. – М., 1976. – С. 118; Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск, 1972. – С. 191; Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М., 1979. – С. 168.

[102] Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. – М., 2003. – С. 381; Петрушев В. А. Проблемы толкования права в Российской Федерации. – М.: 2003. – С. 362; Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Учеб. для студентов ун-тов, обучающихся по направлению (специальности) «Юриспруденция». – СПб., 2004. – С. 863; Березовская Е. В. Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование: дисс. ...канд. юрид. наук. – Казань, 2005; Мингазов Р. Ш. К вопросу о правовой природе толкования норм права: общетеоретический аспект // Государство и право: теория и практика: Материалы междунар. науч. конф. – Челябинск, 2011. – № 4. – С. 20-24; Гааг Л. В. Толкование норм права и законность. // Вестник ТГУ. Право. – 2013. – №3 (9). – С. 5-8.

[103] Бараташвили Д. Т. Принципы официального юридического толкования: дисс. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.; Соцуро Л. В. Неофициальное толкование норм российского права. – М., 1996. – С. 106; Скрябин А. Л. Эффективность актов юридического толкования: дисс. ...канд. юрид. наук. – Ярославль, 2005.

нительному толкованию[105], интерпретационной деятельности органов конституционной юстиции[106] и судебных органов[107], специальным приемам или конкретным видам толкования[108].

Таким образом, подавляющее большинство упомянутых трудов посвящено либо исследованию отдельных видов толкования, либо освещению лишь тех или иных его сторон. В работах же по правореализации данная проблематика рассматривается как смежная, причем роль толкования сводится в основном к частной методике юридической аргументации в правоприменительном процессе. Как правило, различные виды (или способы) толкования исследуются изолированно, а вопрос об их взаимодействии, последовательностях и приоритетах в значительной степени остается открытым.

В юридической науке до сих пор недостаточно исследованы также вопросы о конкретных приемах и правилах толкования норм права; о возможности формулирования новых норм права в ходе толкования правовых норм и соотношении толкования норм права со способами восполнения пробелов в законодательстве — аналогией закона и права, судебным прецедентом и правовым обычаем, не говоря уже об учете в толковании норм права иных, экономических и социальных факторов и смыслов.

Возникает, однако, вопрос: какие именно свойства и приемы толкования права делают его адекватным способом междисциплинарного взаимодействия? Прежде всего, следует сказать, что, по-видимому, в самой природе правовой нормы имманентно заложена необходимость ее интерпретации.

---

[104] Скрябин А. Л. Эффективность актов юридического толкования: дисс. ...канд. юрид. наук. – Ярославль, 2005.

[105] Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 200; Березина Е. А. Толкование договора как вид юридического толкования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2011; Ожегова Г. А. Роль толкования в применении норм административного права // Административное право и процесс. – 2014. – № 8. – С. 16 – 20.

[106] Хабриева Т. Я. Доктринальное и компетентное толкование Конституции. // Правоведение. 1998. № 1. – С. 22 – 34; Эбзеев Б. С. Толкование конституции конституционным судом Российской Федерации: Теоретические и практические проблемы. // Государство и право. 1998. № 5. – С. 5 – 12; Смирнов А. В. Взаимосвязь видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, их оснований, целей и способов правового толкования. // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3. – С. 13-20.

[107] Питерская А. Л. Официальное толкование норм Конституции Российской Федерации высшими судебными органами: дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 2003.

[108] Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права: дисс… канд. юрид. наук. – Саратов, 2002; Лукашук И. И. Толкование норм международного права. М., 2002. – С. 213; Толстик В. А., Н. Л. Дворников, К. В. Каргин. Системное толкование норм права. – М., 2010. – С. 109; Насырова Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Казань, 1988. – С. 144; Некрасов С. В. Толкование норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Системное решение проблем. – М., 2011. – С. 208.

Следуя принципу законодательной экономии, законодатель стремится создать максимально емкий и краткий нормативный текст. Поэтому текст правовой нормы всегда недостаточен для извлечения всей содержащейся в ней информации, которая поэтому должна быть раскрыта иными средствами, а именно, посредством интерпретации, или толкования[109].

Говоря о цели толкования правовых норм (уяснение их подлинного содержания), следует отметить, что способ уяснения такого содержания с хронологической точки зрения может быть двояким. Следует выделить два подхода к этому вопросу: статический и динамический. Статический подход призывает толковать юридические нормы, исходя из постулата о неизменности их содержания с течением времени, на том основании, что ввиду принципа разделения властей воля законодателя, выраженная в нормах закона при его принятии, не может быть позднее скорректирована по усмотрению правоприменителя. Согласно динамической теории, напротив, реальное содержание и смысл правовой нормы с течением времени могут трансформироваться, ибо само право способно изменяться некоторое время даже в рамках старых юридических форм, ввиду чего нуждается в истолковании и само понятие «воля законодателя».

Здесь мы затрагиваем одну из наиболее глубинных проблем, касающихся самого понятия права и, в то же время, определяющих сущность феномена его толкования. В литературе по теории права есть огромное количество его определений. В качестве наиболее догматического (и одновременно самого расхожего) служит позитивистское определение права как воли законодателя (либо народа, либо господствующего класса), выраженной в законе. Другая, постмодернистская разновидность позитивизма в праве исходит из того, что смысл юридических конструкций не отражает объективную реальность, а рождается лишь из соотношения с другими текстовыми структурами, в результате интерпретации[110]. Напротив, естественно-историческое понимание исходит из того, что право есть общеобязательные правила поведения, исторически складывающиеся между людьми как объективные общественно-значимые отношения, которые лишь санкционируются государством[111]. Если принять такой подход к пониманию права, то следует признать, что характер и содержание общественно-значимых отношений может меняться с изменением общественных условий и потребностей. Соответственно, выражающие эти новые отношения правила поведе-

[109] Грязин И. Н. Текст права. – Таллин, 1983. – С. 54.
[110] Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права. // Уголовное судопроизводство. – М.: Юрист, 2006. – № 3. – С. 4-7
[111] Спиридонов Л. И. Теория государства и права. Курс лекций. СПб., 1995. (302 С.). – С. 91-101.

ния также должны корректироваться. Это может осуществляться как законодательным путем – с помощью принятия нового закона, – так и путем интерпретации прежней нормы в новом духе, согласно изменившемуся характеру отношений, которые она призвана эффективно регулировать. Таким образом, динамический поход к толкованию норм права является одновременно и естественно-историческим. Он позволяет выявить более глубокий смысл толкования правовых норм – это не просто извлечение из правового текста пресловутой "воли" законодателя, а познавательная деятельность, нацеленная на выявление наличного объективного смысла заключенного в норме правового явления, детерминированного современными потребностями общественного развития, ибо в противном случае следование устаревшим представлениям приведет правоприменение к состоянию абсурда, в котором невозможности обеспечить рациональное и справедливое решение. Юридическим основанием для такого умозаключения служит, по сути, юридическая фикция, которую можно выразить словами: «законодатель не делает зла»[112].

Отсюда вытекают некоторые далеко идущие выводы. Во-первых, интерпретация нормы права как следствие изменения смысла и содержания регулируемых ею общественных отношений возможна, даже если это означает определенное отступление от первоначального субъективного намерения законодателя, т.е. принципиально возможно динамическое коррекционное (исправляющее) толкование правовых норм с учетом новых смыслов реальности. Во-вторых, учитывая практические трудности субъективного определения нового содержания объективных общественных отношений, подобная исправляющая интерпретация, на наш взгляд, может быть признана легитимной лишь на основе достаточно авторитетного решения, например, судебного прецедента либо устоявшейся правоприменительной практики, принявшей характер повсеместного правового обычая. Однако доказательство «от авторитета», как известно из формальной логики, еще не дает достоверного вывода, и ссылка на авторитетного толкователя сама по себе не обеспечивает в достаточной степени вывода о легитимности коррекционного толкования нормы, ибо судебное решение (прецедент) может быть ошибочным, а сложившийся юридический обычай неправильным и вредным. Это приводит к третьему, главному выводу: коррекционное толкование, внося поправки в первоначально выраженную в тексте закона волю законодателя, не может, тем не менее, входить в логическое противоречие с существующей на данный момент системой права, что только и может являться оправданием ее легитимности. Это значит, что истинной целью

[112] Которая в первоисточнике звучит как «король не делает зла».

юридического толкования является, прежде всего, достижение логической непротиворечивости нормы со всеми другими нормами наличной правовой системы. Именно такая непротиворечивость выступает на деле в качестве пресловутой “воли законодателя”, будучи ее эвфемизмом. При этом юридическим фактом, дающим правоприменителю разрешение на толкование нормы, служит ситуация юридического абсурда, т.е. невозможности применения нормы в ее буквальном понимании без того, чтобы она не вступила в непримиримое логическое противоречие с системой существующего права. В известном смысле толкование – правовую герменевтику можно даже назвать «антиправом», или зарезервированной в праве неформальностью. Логическая непротиворечивость, являющаяся целью толкования, служит одновременно и маркером соответствия нового содержания нормы общественным потребностям, ибо ошибаться может каждая норма, но не система права в целом. В этом смысле можно вспомнить о так называемом «герменевтическом круге»: понять целое – это понять его части, а понимание частей невозможно без понимания целого[113].

Впрочем, ситуация абсурда как невозможность реализации правовой нормы в ее изначальном буквальном понимании может касаться не только социальной, но даже политической ситуации. В этом случае продуктивное истолкование норм права должно приводить в логическое непротиворечие все эти факторы. При этом имеется в виду не просто логическая непротиворечивость, состоящая в следовании законам формальной логики, но и объективная логика как диалектика развития реальных жизненных смыслов. То есть в такой интерпретации юридическая герменевтика выходит за узкий горизонт толкования и понимания текстов, становясь методом постижения реальности во всей ее полноте.

Например, Гражданский кодекс РФ, с одной стороны, презюмирует добросовестность всех участников отношений (ч. 5 ст. 10), но с другой – возлагает на нарушившее обязательство лицо обязанность доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 401). Парадокс состоит в том, что вина определяется в гражданском праве через утрату лицом должной внимательности и осмотрительности (ч. 1 ст. 401), что фактически означает недобросовестность. Таким образом существуют одновременно презумпции и добросовестности, и недобросовестности (вины), что требует применения методов толкования. При этом задача толкования заключается в том, чтобы избежать абсурда и найти тот баланс рационального, дающий возможность адекватного приме-

[113] Евграфова Т. Н. О герменевтическом круге как методе научного познания в социально-гуманитарных науках. // Вестник Российского университета кооперации. 2014. – №1(15). – С. 56; Сорокун П. В. Герменевтический подход в правопонимании. // Эпоха науки. Социально-экономические и общественные науки 2017. – № 9. – С. 122

нения нормы. В таких случаях на суд ложится обязанность обосновывать, почему поведение лица не соответствовало объективным ожиданиям, которые, в свою очередь, обуславливаются экономическими и иными обычаями, сложившимися на текущий момент в имущественной сфере. И хотя подобное толкование коррекционным образом и приводит к смешению понятий добросовестности и разумности, на практике оно не позволяет оценивать поведение стороны в отрыве от объективной реальности[114].

Однако в качестве наиболее яркого примера системного динамического толкования, в котором сфокусированы не только правовые, но и глубокие социально-политические смыслы, следует привести Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 года, в котором было дано радикальное коррекционное понимание нормы о смертной казни в России[115]. В этом знаменательном решении Суд исходил из того, что существуют глубокие, социально-политические основания для исключения данного наказания из арсенала государственных средств борьбы с преступностью. Отмечалось, что в России сложилась необратимая правовая ситуация, включенная в конкретно-исторический и правовой контекст и подкрепленная чередой уже предпринятых, юридически значимых практических шагов, т.е. фактически действует длительный комплексный мораторий, основанный на системе правовых источников: нормах действующей Конституции, международно-правовых обязательствах России и легитимировано сложившимся за тринадцатилетний срок судебно-правовым обычаем по неисполнением этого сурового наказания. Можно также говорить о формировании – как *de facto*, так и *de jure* – особого конституционно-правового режима, включающего устойчивые гарантии неприменения смертной казни. При этом Суд, принимая данное решение, шел на определенный риск, ему пришлось делать нелегкий нравственный выбор, потому что ему было известно: большинство населения во многих странах мира традиционно выступает за смертную казнь. Но, как вспоминал председатель Конституционного суда, В.Д. Зорькин, это тот редкий случай, когда законо-

[114] Нетупский П. Как судить по совести. // Петербургский международный юридический форум. 2017, РБК. 17 мая 2017. https://plus.rbc.ru/news/591a6bc67a8aa93f132e1432 (Дата обращения – 15.09.22 г.).

[115] Определение № 1344-О-Р от 19 ноября 2009 года о разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года "О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. // Собрание законодательства Российской Федерации. 30 ноября 2009 г. № 48. Ст. 5867.

дители и органы правосудия обязаны не идти на поводу у народа, имея в виду его же собственные долгосрочные и объективные интересы. По сути, подобный подход базируется на гуманистическом естественно-историческом понимании права, представлении о нем как об обязательных правилах поведения, исторически складывающихся между людьми как объективные социально-значимые отношения, которые государство не может придумать или отменить, но может осознать и санкционировать[116].

Подводя итог, можно утверждать, что правовая герменевтика как вершина юридического искусства, теория всестороннего системно-логического постижения не только собственно юридических, но также актуальных социальных, политических, экономических контекстов и, наконец, сокровенных метафизических смыслов, возможно, и есть тот философский камень юриспруденции, посредством которого может открываться состоящий из относительно разнородных элементов, но представляющий целостность синкретический смысл права.

§ 6. Обеспечение репродуктивных прав граждан в условиях демографического кризиса

Современные тенденции в области права, прежде всего, характеризуются гуманизацией и обращением внимания общественности и государства к проблемам и потребностям личности, а также стремлением создать безопасные условия жизни посредством развития института прав и свобод человека. В соответствии с духом правового, демократического и социально ориентированного государства, сегодняшний курс Российской Федерации ориентирован в значительной мере на упрочение гуманистических основ, формирование действенных механизмов обеспечения прав и свобод человека во всех сферах жизнедеятельности. Вместе с тем, рост количественных и качественных показателей различных угроз является естественным спутников любого процесса, в том числе и развития общества. В силу объективных причин современное общество сталкивается с такой проблемой, как отставание правового регулирования в ряде сфер жизни. Как следствие, все еще остаются области жизни, в которых правовое регулирование сведено к минимуму, что не может не вызывать тревогу.

В области прав человека постоянно происходит закономерный процесс формирования новых прав, доселе не известных как международному, так и отечественному законодательству. Этот процесс напрямую связан с развитием общественных отношений в целом и, во многом, с развитием

[116] Зорькин В. Д. Россия без смертной казни. // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 1. – С. 6.

науки, в частности. Стремительно развивающиеся и изменяющиеся реалии порождают новые области жизни человека, в том числе и российских граждан, требующие детального правового регулирования. Прогресс затронул практически все сферы общественного бытия, в стороне не осталась и сфера медицинской деятельности. Стоит отметить, что в последние десятилетия общество и государство больше внимания стали уделять человеческому организму и вопросам его здоровья. Спектр внимания в данной области варьирует от частного интереса отдельного лица к сохранению и укреплению своего здоровья до интересов государства в сфере развития высоких технологий в области медицины. И это является весомым основанием для того, чтобы обратить внимание на исследования отдельных аспектов правового регулирования в целях дальнейшего формирования законодательства, отвечающего текущим потребностям в данной области.

Естественное воспроизводство населения и повышение рождаемости в условиях сегодняшнего демографического кризиса является одним из важнейших векторов проводимой государственной политики. В данном ракурсе следует обратить внимание на институт репродуктивных прав человека, так как без разработки правовых методов охраны репродуктивных прав человека, говорить о полном обеспечении демографической безопасности государства не представляется возможным.

В первую очередь, формирование благоприятной среды для жизни человека напрямую связано с созданием безопасных условий. Обеспечение безопасности своих граждан является одной из основных и важнейших задач любого государства. Безусловным фактом является то, что для любого государства важным является сохранение своей демографической безопасности, которая во многом зависит от уровня жизни населения, его здоровья и ориентированности на семейные ценности. Сами люди представляют собой важнейший ресурс любого государства, его стратегический потенциал и его силу. На протяжении продолжительного отрезка времени в Российской Федерации наблюдается стабильный количественный спад населения страны и данный факт не может не вызывать тревогу со стороны государства и широких кругов общественности. Российская Федерация проводит активную политику, направленную на формирование устойчивого естественного прироста населения, а сами вопросы демографической безопасности выводятся на первый план в качестве ключевой составляющей основы национальной безопасности государства. Важным является увеличение рождаемости коренного населения страны как носителей неповторимой генетики народов, исконно проживающих на территории России, а также обеспечение сохранения и преемственности их культуры и традиций. Однако до сих пор остается ряд насущных

проблем в данной области, которые требуют всестороннего исследования и комплексного решения.

В условиях сегодняшнего кризиса встаёт задача по увеличению рождаемости и естественного прироста населения, в данном ключе существенное значение приобретает сохранение репродуктивного здоровья широких слоев населения. Для демографической безопасности основным является непрерывное воспроизводство естественным путем населения страны, а соответственно важным является и репродуктивное здоровье население и, как следствие, детальное формирование института репродуктивных прав. В связи с этим увеличивается потребность правового регулирования данной сферы, создание дополнительных гарантий для наших граждан в области деторождения и поддержания репродуктивного здоровья лиц фертильного возраста, а в ряде случаев его восстановление.

Обращаясь к демографической политики нашего государства, стоит отметить, что повышение рождаемости рассматривается в качестве одной из ключевых основ национальной безопасности страны. Это закреплено в положениях Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, которая в пункте 1 Статьи 25 в качестве национальных интересов выделяет сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан, а в свою очередь повышение рождаемости называется обязательным условием для увеличения численности населения России[117]. Схожие положения содержит Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[118], где в качестве направлений проводимой политики выделяются сохранение населения, здоровье и благополучие людей, что подразумевает обеспечение рост численности населения Российской Федерации.

Такие положения были введены в нормативно-правовой массив в качестве векторов государственной политики не случайно. Современная демографическая обстановка в Российской Федерации характеризуется затяжным кризисным состоянием. Наблюдается спад рождаемости, эмиграция коренного населения страны за рубеж, и как следствие снижение естественного прироста населения. Такие тенденции усугубляются высокой смертностью, которая опережала рождаемость на протяжении достаточно долгого

[117] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc&base=LAW&n=389271#V4KfGKTYDgLTFW9W1 (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

[118] Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Гарант/ URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

периода времени. На сегодняшний день проблемы в области демографии представляют по-настоящему национальную угрозу интересам Российской Федерации.

Среди основных причин снижения рождаемости выделяют рост числа заболеваний репродуктивной сферы, а также снижение общего уровня здоровья широких масс населения, снижение ценности семьи, высокие показатели смертности населения, ухудшение экологии, вредные условия труда, безработицу и низкие финансовые доходы семей и как следствие откладывание рождения детей на более позднее время или ограничение их количества и многое другое.

Стоит отметить, что в последнее время возрос интерес граждан Российской Федерации к сохранению и укреплению своего репродуктивного здоровья. К числу основополагающих причин для данной тенденции следует отнести, прежде всего, сложности в зачатии ребенка естественным путем, с которыми сталкиваются достаточное количество россиян.

«Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», выделяя в качестве одной из основных причин снижения демографии ухудшение репродуктивного здоровья российских граждан, рассматривает в качестве решения проблем снижения демографических показателей и стимулирования рождаемости обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья, в том числе развитие вспомогательных репродуктивных технологий [119].

Такой подход к вопросам обеспечения демографической безопасности требует исследования репродуктивных прав человека и выявления их основ в отечественном законодательстве. Репродуктивные права хоть и получили свое развитие в рамках международного права в XX в., но в тексте Конституции Российской Федерации 1993 г. они не получили своего прямого закрепления. Тем не менее, было бы ошибочным сделать вывод, что данных прав у российских граждан нет. Обращаясь к тексту Конституции России, стоит обратить внимание на часть 1 Статьи 55, содержащей положение, согласно которому перечисление в Конституции основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина[120]. К тому же сказать, что норматив-

[119] Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/942772 dce30 cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/. (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

[120] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

ное закрепление репродуктивных прав отсутствует в отечественном законодательстве не представляется возможным, так как их правовое закрепление происходит посредством формирования занимательного массива на уровне субъектов Российской Федерации. Например, в Законе Республики Саха (Якутия) от 18 июня 2009 г. 718-З № 317-IV «О сохранении репродуктивного здоровья населения на территории Республики Саха (Якутия)» содержатся такие понятия как «репродуктивные права» и «репродуктивное здоровье»[121]. Безусловно, такой факт подтверждает признание за человеком репродуктивных прав на законодательном уровне. Самой сутью репродуктивных прав является их естественная природа, они принадлежат каждому человеку от рождения в силу самой человеческой природы. Именно признание за человеком репродуктивных прав является одной из основ формирования демографической безопасности Российской Федерации.

Анализируя текст Конституции Российской Федерации, стоит выделить ряд статей, направленных на формирование института репродуктивных прав и обеспечение основ демографической безопасности нашего государства. В частности, в части 2 Статьи 7 Конституции Российской Федерации закреплена государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Часть 3 Статьи 19 содержит положение, гарантирующее равные права и свободы мужчинам и женщинам, а также равные возможности для их реализации. В части 1 Статьи 38 провозглашено, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Часть 1 Статьи 41 Конституции гарантируется право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Пункт «ж.1» части 1 Статьи 72 содержит положения, направленные на сохранения традиционных ценностей, и закрепляет защиту института брака как союза мужчины и женщины, а также создание условий для достойного воспитания детей в семье[122].

Данные конституционные положения выступают первоосновой формирования системы, направленной на обеспечение охраны репродуктивных прав человека в целом. Однако рассмотрение охраны и защиты репродуктивных прав как исключительно частного интереса отдельно взятого лица представляется ошибочным в виду того, что вопрос репродуктивного здоровья входит в одно из направлений государственной политики и непосредственно влияет на

---

[121] Закон Республики Саха (Якутия) от 18.06.2009 718-З № 317-IV «О сохранении репродуктивного здоровья населения на территории Республики Саха (Якутия)» (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 18.06.2009 З № 318-IV) // Ил Тумэн. – № 29. – 31.07.2009.

[122] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

демографическую ситуацию в стране. Такое положение дел явственно свидетельствует о наличии публичного интереса в деле защиты репродуктивных прав граждан. Российская Федерация стремится создать условия для укрепления основ традиционной семьи, обеспечения доступности медицинской помощи, расширения системы гарантий охраны репродуктивного здоровья своих граждан, а также создать условия для рождения второго и последующих детей.

Полагаем, что репродуктивные права следует рассматривать не только сугубо в негативном ключе как право на контроль за рождаемостью (право на аборты), данную группу прав следует рассматривать как право на возможность иметь детей в целом в том количестве и с тем интервалом рождения, с которым человек посчитает нужным, право на должную медицинскую помощь, право на получение исчерпывающей информации о состоянии своего репродуктивного здоровья и о том, как его сохранить, а также право на защиту своих репродуктивных прав.

Среди характерных направлений проводимой демографической политики в Российской Федерации в области репродуктивных прав и репродуктивного здоровья следует выделить такие направления, как комплекс мер, направленный на борьбу с бесплодием среди населения, сутью которого является повышение общего уровня репродуктивного здоровья населения, сопряженного с лечением заболеваний, вызывающих сложности с зачатием и вынашиванием ребенка, а также комплекса мер профилактического характера, направленных на лиц фертильного возраста, с целью формирования ответственного отношения к планированию семьи и сохранению своего репродуктивного здоровья. Однако стоит отметить, что в российском обществе все еще активны тенденции обращения внимания на свое здоровье сугубо в случаях его ухудшения. Такие тенденции также прослеживаются в области репродуктивного здоровья граждан. Полагаем, что основным принципом охраны репродуктивного здоровья должен стать принцип профилактических мер, нацеленный на предотвращения возникновения бесплодия.

Процессы внедрения вспомогательных репродуктивных технологий только набирают свои обороты. Все больше российских граждан в силу различных причин прибегают к данным процедурам. Немаловажным стимулом является проводимая Российской Федерации политика по выделению льгот для прохождения медицинских процедур с применением методов вспомогательных репродуктивных технологий для семейных пар с подтвержденным диагнозом бесплодия. Государство рассматривает применение вспомогательных репродуктивных технологий «как компонент решения демографической проблемы»[123]. На государственном уровне поставлена за-

[123] Самойлова В. В. Семейно-правовые аспекты реализации репродуктивных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий. – М.: МЭСИ, 2012. – С. 14.

дача, направленная на «внедрение инновационных медицинских технологий, а также формирование системы защиты прав пациентов[124]. В условиях нарастающего демографического кризиса применение репродуктивных технологий становится все более актуальным в решение проблемы бесплодия у российских граждан[125].

«Инновационные технологии позволили увеличить численность населения, способного к деторождению, за счет и бесплодных, и тех, кто находится за границами естественной репродуктивности, и тех, чья способность к воспроизводству ограничена соматическим здоровьем»[126], также появление детей посредством использования биологических материалов, сохранившихся от умерших людей[127]. Все эти вопросы, безусловно, требуют правового регулирования.

Вследствие стремительного развития репродуктивных технологий в наш лексикон введены такие понятия как суррогатная мать, биологические родители, доноры. Данные термины являются не только сугубо медицинскими, но и прочно укоренились в правовом поле. Однако стоит отметить, что на федеральном уровне до сих пор отсутствует единый нормативно-правовой акт, направленный на правовое регулирование репродуктивных прав, который бы детально описывал права и обязанности лиц, прибегающих к применению вспомогательных репродуктивных технологий. Более того, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[128] лишь в общих чертах затрагивает вопросы обеспечения репродуктивных прав, в частности применения вспомогательных репродуктивных технологий, что не может в полной мере отвечать потребностям настоящих реалий. Все это приводит к неоднознач-

---

[124] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

[125] Дадаева Т. М., Баранова В. В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. – 2019. – № 1 (106). – С. 140-141.

[126] Русанова Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – № 1. – С. 71.

[127] Исупова О. Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. – 2017. – № 1. – С. 36.

[128] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts =lyJfGKTwdSMHiSzZ2&cacheid=E1C4ED56FD51BEE83D5FF8A1B3D124A5&mode=splus&rnd=EUmWYQ&base=LAW&n=416259#LDFqGKTURblBYgGr (Дата обращения: 02.10.2022 г.).

ным ситуациям как в плоскости межличностного взаимодействия участников данных отношений, так и в сфере правового регулирования данной области в целом.

Таким образом, в настоящее время за гранью должного правового регулирования остаются такие достаточно важные вопросы, «как правовой статус эмбриона, правомерность искусственного оплодотворения, замораживание эмбрионов, яйцеклеток, сперматозоидов, сроки их хранения и возможности их использование для реципиентов, права и обязанности доноров половых клеток»[129]. Полагаем, что в целях упрочнения основ демографической безопасности требуется скорейшая регламентация данных категорий на законодательном уровне, формирование системы гарантий охраны и защиты репродуктивных прав граждан Российской Федерации. Без решительных шагов в сторону правовой регламентации вопросов, связанных с репродуктивными правами трудно говорить о всестороннем обеспечении безопасности человека, и тем более о демографической безопасности, что не может не влиять на национальную безопасность нашего государства в целом.

§ 7. Концепт безопасности личности в историческом, политологическом, социологическом и правовом измерении

В различных сферах гуманитарных и общественных наук выявлено множество подходов к осмыслению понятия безопасности в целом – от восприятия его как *состояния полного отсутствия опасности* до определения в качестве *состояния защищенности значимых объектов, при наличии средства отражения опасности, если таковая возникнет*.

Окончание периода «холодной войны» знаменовалось усилением интереса к проблематике коллективной безопасности. М. Михалка отмечает, что разнообразие дефиниций заставило ученых признать данную категорию «спорной по сути», ибо она несла такую комплексную смысловую нагрузку, что практически невозможно вывести удовлетворяющее всех определение[130] Причем, как признавали ученые, основная сложность состояла не в самом пояснении концепта безопасности, а в ценностях и социальных объектах, подлежавших защите. В качестве последних обычно воспринимались индивиды, общества, государства и международные учреждения, а среди

[129] Погодина Т. Г., Бородачева И. В. Необходимые инновации в сфере правового регулирования охраны здоровья граждан // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 552.

[130] Baldwin D. The Concept of Security, Review of International Studies. – 1997. – Vol. 23. № 1. – Pp. 3-26; Коэн Р., Михалка М. Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. URL: http://www.marshallcenter.org. (Дата обращения: 08.08.2020 г.). – С. 44-45.

ценностей значились: *физическая безопасность, политическая независимость* и *экономическое благосостояние.*[131] Периодически, под влиянием внешнеполитических событий, западноевропейские тенденции и риторика менялись от «озабоченности проблемой выживания государства» (т.н. «hard» security) к идее «экономического процветания» («soft» security).[132]

В процессе развития государств и межгосударственных отношений сложился механизм обеспечения национальной и международной безопасности, опирающийся на фундамент публичного права национальных правовых систем и надстройку в виде международного публичного права.

Тем не менее, в конце XX века проявилась новая тенденция, вносящая разлад в парадигму коллективной безопасности на глобальном, региональном и внутригосударственном уровне. Речь идет об идее human security. Одним из апологетов этого направления становится Л. Эксуорси (Lloyd Axworthy, министр иностранных дел Канады 25.01.1996 – 16.10.2000) полагавший, что эскалация внутренних вооруженных конфликтов, насилия и преступности, массовых случаев нарушения прав человека, болезней и разрушение окружающей среды рождают потребность в новых схемах поддержания коллективной безопасности. Он предложил шесть компонентов т.н. «новой стратегии безопасности личности», суть которой сводится к призыву к отступлению от постулата о прямой зависимости безопасности индивидов от безопасности государства, в котором последняя является приоритетной.[133]

Политические хитросплетения новых трендов в межконцептуальном подходе к идее безопасности (коллективная, на базе сотрудничества и безопасность личности) нашли отражение в работе Р. Коэна и М. Михалки, опубликованной в 2001 году.[134] Как заявлено в ее названии, монография сфокусирована на конструкте безопасности на базе сотрудничества (для большего удобства, мы далее будем именовать ее коллаборативной безопасностью – прим. Е.В. Калининой). Последняя является более сложной, чем ранее сформулированные идеи всеобщей, коллективной и личностной безопасности, поскольку в коллаборативную безопасность включены (1) безопасность личности и (2) «активное обеспечение и распространение ста-

---

[131] Baldwin D. The Concept of Security, Review of International Studies. – 1997. – Vol. 23. № 1. – Pp. 3-26

[132] Коэн Р., Михалка М. Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. URL: http://www.marshallcenter.org. (Дата обращения: 08.08.2020 г.). – С. 45.

[133] Axworthy L. An address on Human Security // Minister of Foreign Affairs, To the G-8 Foreign Ministers' Meeting, June 9, 1999.

[134] Коэн Р., Михалка М. Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. URL: http://www.marshallcenter.org. (Дата обращения: 08.08.2020 г.).

бильности на территориях, прилегающих к зоне безопасности на базе сотрудничества».[135] Р. Коэн обосновывает допустимость вмешательства во внутренние дела государств, пусть даже это противоречит одному из основополагающих принципов международного права – суверенного равенства государств, а в данном случае, затрагивает также принцип целостности территории и незыблемости государственных границ, – опасностью, порождаемой нестабильностью на территории отдельно взятой страны, власти которой не в состоянии поддерживать порядок во вверенном им пространстве, для соседних государств, заключивших между собой договор о взаимодействии и создавших, тем самым, пространство сотрудничества. Признание конструкта коллаборативной безопасности имеет далеко идущие последствия – любые беспорядки (включая всевозможные нарушения прав человека), возникающие на территории, соседствующей хотя бы с одним участником пространства сотрудничества, позволяет заинтересованным странам развернуть комплекс мероприятий, включающих применение силы, в отношении «проблемной» территории.

Достаточно быстро, с появлением трансграничных вызовов и угроз, понимание «соседства» размывается и потенциал возможностей применения воздействия на территории, представляющие интерес для ведущих акторов глобального пространства, расширяется. Р. Коэн использует категорию «глобализации озабоченности» для обозначения ситуации, в которой определенные факторы признаются опасными для стабильности субъектов международного права, что может, в случае всеобщего признания проблемы, запустить санкционный механизм в отношении «неблагополучной территории». Ключевым инструментом в этой схеме является идея безопасности человека: «вопрос обеспечения индивидуальной безопасности занимает центральное место в международной повестке дня. Вестфальская концепция абсолютного права государств действовать на своей территории так, как им заблагорассудится, более не является приемлемой ни для либеральных демократических государств, ни для стран-членов таких международных организаций, как ООН. Концепцию государственного суверенитета нельзя рассматривать в качестве *ширмы*, за которой можно *безнаказанно совершать массовые нарушения безопасности отдельных людей*, даже если это происходит в пределах признанных государственных границ» – утверждает Р. Коэн.[136]

По сути, предложенные Р. Коэном тезисы оправдывают вмешательство ведущих держав во внутренние дела государств, чьи территория и ресурсы представляют стратегический интерес для данных держав. И, хотя автор пре-

[135] Там же. С. 10-11.
[136] Там же. С. 12.

дупреждает о возможных попытках манипулирования формулировкой «обеспечения стабильности» и использования ее в качестве достаточного основания для разрешения на внешнее вмешательство во внутренние дела отдельных государств, предложенный им путь предотвращения потенциальных злоупотреблений вышеизложенной риторикой представляется весьма «туманным»: «необходимо предусмотреть *адекватные механизмы санкционирования и мониторинга активного дипломатического, экономического* или *военного вмешательства*».[137] Тем не менее, не следует игнорировать тот факт, что идеи защиты прав человека и других либеральных ценностей, представляющие собой инструментарий для воздействия гегемонов мирового сообщества на отдельные страны, являются прочно укоренившимися в современном межгосударственном общении категориями.

Динамика изменения отношения международного и национальных сообществ к содержанию концепта человеческой безопасности. Концепт human security не мог не оказаться в центре международного научного дискурса.[138] Учитывая тесную связь данного явления с вопросом о дальнейших перспективах идеи государственного суверенитета,[139] мнения ученых явно разделились на 2 лагеря: (1) апологетов *традиционных концепций* международных отношений (глобалистов, неореалистов и неолибералов и (2) *постпозитивистов* (постмодернистов, конструктивистов, постфеминистов, постмарксистов).[140]

В российской государственно-правовой доктрине также не выработано единого мнения по данной проблеме[141] несмотря на то, что постанов-

---

[137] Там же. С. 13.

[138] Конышев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: канун новых великих дебатов? // ПОЛИС (Политические исследования). – 2013. – № 2. – С. 66–78.

[139] Конышев В. Н. Американский неореализм о проблеме суверенитета // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 68–88; Макарычев А. С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 22–52; Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 5–21.

[140] Конышев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – 40(277); Конышев В. Н. Американский неореализм о проблеме суверенитета // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 68–88; Макарычев А. С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 22–52; Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 5–21.

[141] Балуев Д. Г. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. – 2003. – Т. 1. – № 1. – С. 95–105; Касьянова А. А. Канада и «безопасность личности»: концепция и политика // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 8. – С. 36–53; Козырева П. М., Смирнов А. И. Безопасность личности и проблема противодействия преступности // ПОЛИС (Политические исследования). – 2012. – № 6. – С. 142–154; Михайленок О. М. Политические аспекты информационной безопасности личности // Власть. – 2010. – № 12. – С. 64–70; Соловьев Э. Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского универси-

ка вопроса, большинством ученых датируется концом XX века (90-е гг.). Расхождение в подходах сопровождается *вариативностью терминологии*: в русскоязычном понятийном аппарате до сих пор фигурируют категории «человеческая безопасность»/«безопасность человека» и «личностная безопасность»/«безопасность личности».[142]

История научно-политической полемики начинается с опубликования в 1994 г. доклада ООН «Глобальное развитие человека». На тот момент, речь шла о *расширительном* понимании концепта human security и способов его обеспечения. Составители документа исходили из «основных человеческих потребностей» в продовольствии, в охране здоровья, в «благоприятной экологии, в культурной среде, а также в трудовой занятости с достойным доходом», что характеризует качественный уровень жизни индивида и общества в целом, а также говорит об обеспеченности безопасности, прав и свобод личности.[143]

Следует отметить, что доклад не был поддержан экспертами, справедливо полагавшими, что реализация данной идеи противоречит принципу суверенитета государства, являющемуся нормой jus cogens. Тем не менее, на встрече министров иностранных дел G-8 в 1999 году было озвучено намерение стран-участниц противодействовать угрозам безопасности личности.[144]

В конце XX века, под предлогом преодоления последствий межконфессиональных и этнических столкновений, в международной практике начинают использоваться т.н. «гуманитарные интервенции». Концептуальные составляющие этого нового типа операций выглядели весьма привлекательно: идеи гуманности и всеобщей справедливости, сопряженные с привлечением к ответственности виновных и предотвращением или сведением к минимуму рисков повторения подобных ситуаций. Однако учитывая тот факт, что воздействие/вмешательство в дела определенной территории и ее

тета. Сер. 12. Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 72–77; Цыганков П. А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 78–83.

[142] Конышев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – 40(277). – С. 45.

[143] Худайкулова А. В. «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – (6(15)):175-180. URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-175-180 (Дата обращения: 08.08.2022 г.). – С. 175.

[144] Axworthy L. An address on Human Security // Minister of Foreign Affairs, To the G-8 Foreign Ministers' Meeting, June 9, 1999; Конышев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – 40(277). – С. 43-56.

населения происходит извне, такие мероприятия не могут не нарушать принцип суверенитета государства, с какой стороны на это ни посмотреть.

Сама идея гуманитарных интервенций подчеркивает противопоставление безопасности индивидов и коллективной безопасности, традиционно ассоциировавшейся с безопасностью государства. Апологеты теории безопасности личности указывают на риск возникновения ситуаций, в которых государство не только не обеспечивает защиту населения вверенной ему территории, но само «представляет угрозу его дальнейшему существованию». Вышеуказанные гуманные цели призваны оправдать даже применения силы, а извращенная логика такого вектора позволяет рассуждать о вооруженных конфликтах как об инструменте «поддержания мира и защиты прав человека».[145]

В 2001 Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета был опубликован доклад под названием «Ответственность по защите», в котором имевшая ранее широкое хождение в политико-правовом дискурсе идея «гуманитарной интервенции» была представлена под другим углом зрения с приоритетом безопасности индивидов: поскольку на суверенном государстве лежит обязанность защиты населения своей территории, то внешнее вмешательство становится допустимым, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения государством данного предназначения.[146]

В период 2001-2003 гг. интерес к данной проблеме возобновился в связи с активной деятельностью Канады и Японии, оказывавших политическую и финансовую поддержку в продвижении идеи «ответственности по защите» личности на различных международных «площадках».[147]

В 2003 г. публикуется доклад *специальной комиссии ООН под названием* «Человеческая безопасность сегодня»[148], закрепивший перечень актуальных задач по защите индивидов, как в связи с вооруженными конфликтами, так и в мирное время (экономическая безопасность, доступ к медицинскому обслуживанию, базовому образованию и прочие блага), а также тезис о необходимости *смещения фокуса системы обеспечения безопасности* с *защиты территории* к *защите индивидов*, причем мирными

---

[145] Худайкулова А. В. «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – (6(15)):175-180. URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-175-180 (Дата обращения: 08.08.2022 г.). – С. 176.

[146] Там же. С. 178-179.

[147] Конышев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – 40(277). – С. 44.

[148] Human Security Now. Commission on Human Security, New York, 2003.

средствами – «*посредством устойчивого развития через совершенствование здравоохранения, образования и политической свободы, в дополнение к экономическому благосостоянию*».[149] Заданная тенденция сохранилась и в последующих ежегодных докладах, определивших ключевые параметры категории human security: универсальность самого концепта; комплексный и системный характер его компонентов; допустимость превентивных мероприятий и «человеко-ориентированность».[150]

С 2004 г. тема human security входит в повестку ООН и Евросоюза – что указывает на начало этапа поиска оптимального механизма противодействия вызовам и угрозам «нетрадиционной безопасности» (киберпреступления, терроризм, эпидемии, стихийные бедствия и др.).[151]

Однако, как и в случае с другими политико-правовыми конструкциями, обладающими мощным потенциалом, искомое понятие до сих пор не подкреплено каким-либо *единообразным определением*, зато различные ее вариации получили opinio juris, будучи упомянуты в официальных документах государств и международных организаций.

В двух предшествующих Стратегиях национальной безопасности РФ – в СНБ, утвержденной в 2009 г. до 2020 г., и в СНБ РФ 2015 г. безопасность личности позиционировалась как *составляющая национальной безопасности*[152]. По мнению профессора В. Н. Конышева, в российской интерпретации безопасность личности сводилась «к безопасности всего общества от самого широкого спектра угроз».[153] Хотя СНБ 2009 года не включала личную безопасность в число «основных приоритетов национальной безопасности», тем не менее, наряду с ними, в ст. 24 фиксировалась гарантия личной безопасности граждан РФ. В СНБ 2015 г. используется иная версия термина – «безопасность личности». Она, хоть и на последнем месте, но включена в перечень *объектов обязательной* ***защиты***. Для сравнения: ныне действующая СНБ РФ, утвержденная 02.07.2021 г. в определении со-

---

[149] Худайкулова А. В. «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – (6(15)):175-180. URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-175-180 (Дата обращения: 08.08.2022 г.). – С. 176.

[150] Там же. С. 176.

[151] Там же. С. 176.

[152] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. URL: http://kremlin.ru/supplement/424 (Дата обращения 20.08.2022 г.); Diplomatic Bluebook, 1999. Chapter 2, Section 3. URL: http://mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1999/11-3-a.html. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 31.12.2015 г. URL: https://rg.ru/documents/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html (Дата обращения 20.08.2022 г.).

[153] Конышев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – 40(277). – С. 45.

держания национальной безопасности не выделяет в качестве ее элемента безопасность личности, хотя предполагает обеспечение «реализации конституционных прав и свобод граждан, достойных качества и уровня их жизни»[154]. В список объектов обязательной защиты СНБ 2021 г. безопасность личности не включена.

К сожалению, в официальных актах, определяющих государственную стратегию безопасности, не обозначены механизмы и перспективы обеспечения безопасности личности в период внешнеполитической напряженности; кроме того, прямо не регламентировано соотношение безопасности личности, общества и государства в системе приоритетов, если искомая категория в этот перечень включена.

Анализируя мнение экспертов по данному вопросу, профессор В. Н. Конышев, предлагает условное деление имеющихся точек зрения на 3 категории: (1) понятие безопасности личности, будучи привлекательно, лишено, тем не менее, научной оформленности; (2) само понятие приемлемо, однако нуждается в максимально ограничительном подходе к его содержанию; (3) предпочтительно именно расширительное толкование безопасности личности, для обеспечения наиболее полного охвата имеющихся и прогнозируемых вызовов.[155] Ученый справедливо отмечает, что отсутствие единообразного восприятия содержания искомого понятия не позволяет выработать механизм обеспечения его функционирования на международном уровне, что неизбежно приводит к превращению идеи безопасности личности в эффективный инструмент политики влиятельных акторов международного сообщества. Что касается отдельно взятых государств, то отсутствие внятной дефиниции безопасности личности не позволяет понять, «что же, собственно, нужно защищать и от кого, и что именно является приоритетом среди множества угроз».[156]

Содержание категории «human security». Несмотря на отсутствие единообразной дефиниции концепта безопасности личности, приверженцы этой идеи единодушно призывают к изменению парадигмы национальной и международной безопасности за счет изменения адресатов защиты: вместо безопасности государств, следует сфокусировать усилия на обеспечении безопасности индивидов.[157]

---

[154] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/401425792/ (Дата обращения 20.08.2022 г.)

[155] Конышев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – 40(277). – С. 45.

[156] Там же.

[157] Худайкулова А. В. «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. –

А. В. Худайкулова сформулировала обобщенное содержание базовых компонентов безопасности личности: «возможность для индивидов мирного и безопасного существования в пределах границ государства; возможность осуществления своих политических, социальных, экономических, гражданских и культурных прав; возможность полноценного участия в жизни социума».[158]

В отчете ПРООН Human Development Report (1994) перечислены элементы, дополняющие данный список: «экономическая защищенность; здоровье и доступность медицинской помощи; обеспеченность продовольствием; безопасная окружающая среда; персональная безопасность от различных видов насилия; безопасность общественной группы, т.е. сохранение культурной, религиозной, этнической и другой самобытности; политическая безопасность», «уважение прав человека, защита от диктатуры, от репрессий со стороны государства»[159].

Учитывая современное состояние заявленной проблемы, в докладе ПРООН 2022 года о безопасности человека, были отмечены злободневные вызовы и угрозы, сохраняющиеся в последние годы – угрозы цифрового пространства, неравенство, вооруженные конфликты и пандемия[160].

В силу комплексного характера концепт безопасности личности является предметом изучения различных наук, что позволяет рассматривать его в качестве интегративной категории. Пугачева А.С. и Андреева С.А. выделили следующие компоненты алгоритма «процесса формирования безопасности личности»: «*1) информационно-психологическая безопасность […]*; *2) социальная безопасность […]*; *3) имущественная безопасность […]*; *4) гражданская безопасность […]*; *5) физическая безопасность […]*; *6) безопасность личности в условиях чрезвычайной ситуации*».[161]

Особого внимания из вышеперечисленных заслуживает такая междисциплинарная конструкция как «информационно-психологическая безопасность личности».

Интенсивный научно-технический прогресс породил дополнительные вызовы систем безопасности на национальном, региональном и глобальном уровнях. Благополучие и нормальная жизнедеятельность индивидов, не го-

---

(6(15)):175-180. URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-175-180 (Дата обращения: 08.08.2022 г.). – С. 175.

[158] Там же. С. 176.

[159] United Nations Human Development Program. Human Development Report 1994 – New Dimensions of Human Security. New York, Oxford University Press, 1994, 210 p.

[160] https://news.un.org/ru/story/2022/02/1417972 – Официальный сайт ООН.

[161] Пугачева А. С., Андреева С. А. Безопасность личности как интегративная категория // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=14888 (Дата обращения: 04.04.2022 г.).

воря о частной жизни, попадают во все большую зависимость от информационных технологий. И именно в данной сфере происходит переплетение отношений, ранее четко разделявшихся на публичное и частноправовое поле. При помощи инновационных средств становится возможным формирование общественного мнения не только населения отдельно взятой страны, но и целого ряда государств, а также всего международного сообщества в целом; как правомерные виды сотрудничества, так и преступные практики, перемещаясь в цифровое пространство, предоставляют участникам большую свободу действий, приобретающих зачастую трансграничный характер. В новых условиях поддержание не только коллективной безопасности, но и безопасности личности становится все более затруднительным.

Поскольку объективирование концепта безопасности личности активно перемещается в плоскость информационного пространства, инновационные инструменты противодействия недобросовестному манипулированию этой весьма «деликатной идеей», представляющей зачастую убедительный аргумент для применения санкций, должны, в первую очередь, предполагать мероприятия в цифровой среде, связанные с анализом технологий манипуляций общественным мнением и управлением массовым сознанием.

И по странному стечению обстоятельств, те страны, которые больше всего ратуют за продвижение концепта безопасности личности путем снятия с повестки дня идеи государственной безопасности, как морально устаревшей, наиболее интенсивно (с 90-х годов XX века) занимались разработками технологий воздействия на массовое сознание населения противоборствующего государства через информационную среду. Данные технологии рассматривались американскими и английскими спецслужбами в качестве перспективной альтернативы физическому противодействию на полях сражений.

Идея безопасности личности столь активно насаждаемая «постпозитивистами» и «либеральными» кругами, противоречит концепту государства, в принципе. Она ставит перед государством невыполнимую задачу: обеспечить и гарантировать безопасность каждому индивиду при любых обстоятельствах, не предлагая никаких адекватных путей решения. По сути, перед нами дилемма:

1) во-первых, понятие «безопасности личности» трактуется слишком широко, что открывает простор для искаженных интерпретаций, используемых для манипуляции общественным сознанием и, как следствие, – общественным мнением;

2) во-вторых, концепция «безопасности человека» как олицетворение нового качественного уровня развития т.н. цивилизованного сообщества вступает в коллизию с идеей целесообразности суверенного государства.

Тем не менее, государство изначально создается как *оптимальный механизм обеспечения основных потребностей индивидов*, причем, речь идет о всеобщих основных потребностях и, в первую очередь, - безопасности.

Порядок и безопасность возможны только там, где проведена четкая граница между всеобщим благом и частными устремлениями. Проблема безопасности не случайно отнесена к компетенции публичного права, а посягательство на безопасность личности, общества и государства расцениваются как общественно-опасные деяния.

Широко трактуя концепт безопасности личности и предлагая изменить парадигму, поставив интересы личности над интересами общества и государства, мы распространяем специфику частного права на правовое поле публичного. Итогом может стать разрушение государства, как такового, со всеми его первоначальными задачами. Что взамен? Возврат к естественному состоянию?

Наблюдая за происходящим в мире, сложно отрицать очевидное – деформацию идеи государства. Но речь и не идет о его сохранении ради него самого. В свое время, Аврелий Августин, жестко критикуя все государственные практики, признавал, что при всей порочности данной конструкции, ее существование оправдывается той, пусть даже минимальной защитой, которую она предоставляет индивидам. Разрушив ее, что мы можем предложить взамен? Межгосударственную интеграцию? Глобальный международный Союз, о котором мечтали юристы-международники рубежа XIX-XX веков? Давно были доказаны и проверены опытным путем закономерности, связанные с зависимостью успешности поддержания правопорядка от размера управляемой территории – чем последняя больше, тем проблематичнее этот процесс.

Буквальное восприятие концепта безопасности личности абсурдно. Данная идея, как и идея прав человека, была явно задумана и постепенно внедрялась в национальный и международный дискурс для расшатывания стабильности государств, особенно крупных территориально, а также государств, чьи цивилизационные устои не вписывались в «Прокрустово ложе» западного формата, – именно там чаще всего якобы выявлялись «случаи нарушения прав человека» и личной безопасности.

Идеи человеческой безопасности и прав человека превращаются в «разменную монету», в фикцию, при помощи которой, особенно в период вооруженных конфликтов, каждая из сторон пытается продемонстрировать порочность и преступность оппонента, что оправдывало бы ее собственные действия, а что еще предпочтительнее, – отвлекало бы внимание масс и международного сообщества от предпринятых ею бесчинств.

Категорию безопасности личности, как и концепцию прав человека в целом, следует понимать как части теории цивилизованных государств и народов, достигших высокого уровня правосознания и правовой культуры.

Подобный подход превосходно «вписался» бы в утопическую конструкцию Г. В. Ф. Гегеля, в которой человек соизмеряет свои частные потребности с интересами большинства, более того, подчиняет свои интересы потребностям общества. Не о такой «истинной» свободе толкуют современные либералы.

Однако бессмысленно пытаться принуждать общество, в котором процветают эгоизм и коррупция, а в последнее время рассредоточенности и децентрализации власти, – особенно, – поступать так, как будто каждый индивид является его законопослушным и ответственным участником. К этому вопросу можно вернуться тогда, когда человеческие сообщества достигнут высочайшего нравственного уровня.

В свете происходящих событий и заявленной темы, представляется целесообразным внести ряд предложений, связанных не столько с идеей безопасности личности в целом, сколько с крайне злободневными *отдельными ее вызовами*.

Наибольший накал, в последнее время, приобретают столкновения, происходящие в социальных сетях, становящихся виртуальным театром военных действий. Именно там, отрабатываются приемы информационных войн, жертвами которых становятся индивиды, общества, государства. В то же время, отсутствие действенного механизма правового регулирования поведения в информационном пространстве не позволяют обеспечить безопасность ни индивидов, ни общества, ни государства. И если уж рассуждать о сфере, в которой следует отдать предпочтение человеческой безопасности перед защитой государства, то это именно сфера информационных технологий.

Предложения:

1) признать общественно опасным психологическое воздействие на массовое сознание СМИ, недобросовестно трактующих события в период внешнеполитической напряженности, с целью формирования определенного общественного мнения;

2) установить ответственность представителей СМИ за подогревание общественной напряженности;

3) для реализации п.2 необходимо:

– сформулировать единообразные нормативные определения понятий «информационная безопасность», «психологическая безопасность»,

– сформулировать перечень способов недопустимого информационного воздействия на общественное сознание и мнение;

– ввести четкие ограничения на способы подачи материала в период чрезвычайных ситуаций, внутри- и внешнеполитической напряженности (если в современных условиях в случае объявления обстановки чрезвычайной, признаются уважительными временные ограничения реализации отдельных видов

прав и свобод человека и гражданина, аналогичные ограничения следует предусмотреть и для способов подачи материала, например, на выражение собственного суждения лица, представляющего факты – да, даже в период напряженности индивиды и общество имеют право на получение информации о происходящих событиях, но последняя должна быть максимально *нейтральна, «очищена» от субъективных манипуляционных техник*);

– создавать специальные международные комиссии ad-hoc для анализа действий государств-участников конфликтов по распространению информации о развитии ситуации, с целью выявления случаев недобросовестной пропаганды и информирования мировой общественности об имеющихся нарушениях – это должно заставить государства воздерживаться от попыток манипулирования общественным мнением (все более частыми и неприкрытыми становятся попытки отдельных участников конфликта использовать собственное мирное население для увеличения статистики жертв и пострадавших; а предвзято настроенная общественность с готовностью поддерживает критику в адрес стороны, обвиняемой в кровопролитии, забывая о «вкладе» тех, кто все это «срежиссировал»).

Все эти и другие коррективы, необходимые для повышения эффективности профилактики внешнеполитической напряженности, должны быть осмыслены и реализованы на базе *междисциплинарного* взаимодействия представителей правовой, политической, научно-технической и социально-психологической сфер деятельности.

§ 8. Актуальные проблемы правового регулирования процессов медикализации российского общества

На сегодняшний день медикализация стала ярким научным феноменом, который, несмотря на социологическое происхождение, исследуют специалисты в разных научных областях: медицине, философии, экономике, праве и др. Таким образом, данная категория может получить множество определений. В целом сама концепция медикализации зародилась в западной науке в 70-х годах XX века, идеей которой стало «участие медицины в управлении обществом»[162]. Наиболее ясной и универсальной дефиницией данной категории выступает формулировка американского социолога П. Конрада, который определял медикализацию как «определение проблемы в медицинских терминах, обычно как болезни или расстройства, или использование медицинского вмешательства для ее лечения»[163].

[162] Conrad P. The Shifting Engines of Medicalization. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002214650504600102 (Дата обращения: 01.10.2022 г.)
[163] Там же.

Таким образом, медикализация – социальный феномен, в рамках которого отдельные немедицинские ситуации: роды, старение, пубертатный период ребенка, пандемия и др., – определяются в качестве медицинских, тем самым квалифицируя их как болезнь, отклонение или расстройство. Стоит согласиться с мнением В. Н. Сокольчик, отмечающей, что на сегодня медицинское знание и практика вбирают в себя несвойственные им функции социального контроля, оценки, продуцирования смыслов и ценностей, тиражирования и трансляции профессиональной терминологии в обыденный язык[164].

С одной стороны, положительным является тот эффект, что медикализация в обществе усиливает роль и значение медицинских познаний в социуме. Но это явление имеет и довольно много негативного. С позиции права в данном аспекте главной проблемой видится то, что субъекты отношений, тем или иным способом втянутые в медикализационные явления, зачастую стараются обойти вопросы правового регулирования, руководствуясь, как правило, собственными экономическими интересами.

Сказанное можно ярко проиллюстрировать следующими примерами. В частности, если говорить о медикализации родов, то однозначно можно констатировать это как сложную, пока не разрешенную правовую проблему. Исторически сложилось так, что до второй мировой войны роды в индустриальных странах проходили преимущественно в домашних условиях. Позже медицинские работники, сформировали устойчивое мнение среди женщин репродуктивного возраста, что больница наиболее безопасное место для родов. Таким образом, на сегодняшний день больничные роды выступают одним из главных признаков медикализации репродуктивного опыта женщин[165]. В чем же здесь видится проблема, что, если сами женщины, по вполне понятным причинам, проявляют заинтересованность в медицинском вмешательстве, применении альтернативных вспомогательных медицинских технологий, облегчающих родовые страдания, и получении комфортных дородовых и послеродовых условий пребывания в роддомах и специализированных отделениях медицинских организаций?

Актуальным правовым вопросом здесь выступает аутентичный контроль здоровья и тела женщины. Он основан пока только на наличии субъективных гражданских и медицинских прав, которые предоставляет женщинам потребительское законодательство[166], например, право на

---

[164] Сокольчик В. Н. Медикализация общества: социальные риски. URL: https://bioethics.belmapo.by/article/the-medicalization_of_society_social_risks (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

[165] Темкина А. А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – № 12(3). – С. 321.

[166] Закон Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 14.07.2022 г.) «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 09.04.1992, № 15, ст. 766.

получение полной и достоверной информации об услуге и ее исполнителе, и гражданском законодательстве, дающем возможность получения возмездных медицинских услуг (глава 39 Гражданского кодекса Российской Федерации[167] (далее – ГК РФ)). Существующий в обществе и в законодательстве подход формирует восприятие естественного физиологического процесса родов как медицинскую проблему. В конечном итоге вполне благоприятное физическое и психическое состояние человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма, т.е. квалифицируемое ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[168] как здоровое, трансформируется в товар, объект потребления.

Здесь мы сталкиваемся и с широкой рекламой подобного рода товаров (объектов), основанной на позитивной коннотации сопроводительных медицинских мероприятий и позитивных обещаний: улучшится качество родов, произойдет снятие болевого синдрома, а поскольку медицинский персонал будет неотступно обеспечивать родовспомогательный процесс на всем его протяжении, то все пройдет согласно самому благополучному для роженицы и ее ребенка сценарию и т.д. Это провоцирует попадание человека в сильную психологическую и финансовую зависимость от медицинских услуг, - что, несомненно, может быть рассмотрено как эффект от применения медицинским и фармацевтическим бизнесом манипуляции сознанием потребителей. При этом информируя пациента, дающего добровольное согласие на медицинское вмешательство, медицинский персонал, доходы которого находятся в четкой коррелирующей связи с количеством пациентов, которых они убедили в необходимости получения дополнительных платных медицинских услуг, как правило, не акцентирует внимание пациента на нужности таких услуг, их обоснованности, необходимости объяснения пациенту или лицу, обратившемуся за медицинской услугой, о его личной ответственности за применение профилактических мер в отношении себя самого.

Безусловно, не стоит забывать об иных, положительных проявлениях описанной ситуации, выражающихся в формировании ценности здорового образа жизни, в процесс которого огромный вклад вносят медики, концентрируя внимание общественности на необходимости улучшения качества человеческой жизни. Однако гиперболизация такой формирует культ телес-

---

[167] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 29.01.1996 г., № 5, ст. 410.

[168] Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 28.11.2011 г., № 48, ст. 6724.

ности и завышенные ожидания долголетней молодости, красоты и даже скачкообразного увеличения времени жизни человека. Медицинская наука смещает фокус внимания на профилактические практики, а также формирует ценностные предпочтения личности через фармацевтику, пластическую хирургию, косметологию, манипуляции со стволовыми клетками, генетические технологии, трансплантологию и т.д.

Стоит сделать акцент на том, что в пп. 3 п. 24 Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г.[169] в качестве наиболее значимых вызовов национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан, т.е. в том числе являющихся проявлением процессов медикализации общества, было указано замещение бесплатных медицинских услуг, предоставляемых в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи, платными медицинскими услугами, что порождает нарастание социальной напряженности.

Отсутствие надлежащей правовой регламентации рассматриваемого вопроса является одной из ключевых причин, порождающих следующую проблему – люди перестают воспринимать здоровье как объективную ценность, считают, что практически все медицинские вопросы может и должен решить врач, перестают брать ответственность за состояние собственного здоровья (а равно, и здоровья своих детей), сохранение активного трудового долголетия, полагают, что новые медицинские технологии смогут нивелировать их нездоровый образ жизни или трудности объективных физиологических процессов (пубертатного периода, наступления климакса, утраты привлекательности с возрастом и др.).

Ярким проявлением медикализации общества стала экспликация новых болезней, приобретших значимость социальных недугов[170]. Примером здесь могут выступать целлюлит и анорексия, синдром хронической усталости и эмоционального выгорания, эректильная дисфункция, детская гиперактивность, - т.е. определенные отклонения, не вписывающиеся в режим болезни. Пристального внимания заслуживают серьезные инфекционные заболевания: куриный, свиной грипп (и другие виды), лихорадка Эбола, атипичная пневмония, COVID-19 со всевозможными мутациями и пр. Результатом становится широкий общественный резонанс, возникающий «на почве» возможности заражения/приобретения заболевания, поиски и «самодиагностирование» «модных» болезней и, как следствие, самолечение, в

[169] Указ Президента Российской Федерации от 06.06.2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года // Собрание законодательства Российской Федерации, 10.06.2019, № 23, ст. 2927.

[170] Сокольчик В. Н. Медикализация общества: социальные риски. URL: https://bioethics.belmapo.by/article/the_medicalization_of_society_social_risks (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

том числе с использованием сомнительных фармацевтических препаратов. Не упускаем и из виду коммерческую рекламу широкого распространения, грамотно подогревающую и усиливающую соответствующий интерес.

Это порождает еще одно социальное следствие медикализации (в совокупности с процессами информатизации) – всеобщую медицинскую «грамотность». Доступность медицинской информации, в том числе концентрируемой на интернет-форумах, о способах и технологиях лечения, выборе врача и методах лечения, при отсутствии базовых знаний о человеческом организме, а также навязчивой рекламой и данью моде приводит к формированию у пациентов опасного мифа о наличии у него медицинских знаний и возможности самодиагностики.

Самой страшной проблемой видится то, что с позиции права совершенно неконтролируем процесс повального распространения болеутоляющих препаратов. В 90-х годах прошлого века медицина стала использовать понятие – качество жизни[171], в этот момент фарминдустрия активно разрабатывала болеутоляющие препараты нового поколения[172], в том числе опиоидные анальгетики. Их реклама пестрила информацией о том, что такие препараты не вызывают привыкания, что можно смело квалифицировать такую информацию как недостоверную. Это повлекло за собой появление огромного количества граждан, которые находятся в жесткой зависимости от анальгетиков. Как отмечают специалисты, вместе с эпидемией легальных болеутоляющих растет и эпидемия нелегальных наркотиков – 80 % употребляющих героин стали наркоманами после прописанного врачами курса обезболивающего. Этот процесс ярко демонстрируют США, где ежегодно выписывается 240 миллионов рецептов болеутоляющих препаратов. Причем их прописывают, как правило, малоимущим пациентом, получающим бесплатную медицинскую помощь по программе Medicare, которая позиционируется в государстве как огромное социальное достижение [173].

---

[171] Евсина О. В. Качество жизни в медицине – важный показатель состояния здоровья пациента (обзор литературы). URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/kachestvo_zhizni_v_meditsine_vazhnyy_pokazatel_sostoyaniya_ zdorovya_ patsienta_obzor_literatury_(Дата обращения: 01.10.2022 г.).

[172] См., например: Арбух Д. М., Абузарова Г. Р., Алексеева Г. С. Опиоидные анальгетики в терапии болевых синдромов (часть 1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opioidnye_analgetiki_v_terapii_bolevyh_sindromov_chast_1 (Дата обращения: 01.10.2022 г.); Насонов Е. Л. Нестероидные противовоспалительные препараты (Перспективы применения в медицине). – М: Ан-ко, 2000. – С. 44; Traversa G, Bianchi C, Da Cas R et al. Cohort study of hepato-toxity associated with nimesulide and other non-steroidal anti-inflammatory drugs. BMJ 2003; 327: 18-22.

[173] Брюн Е. А. Искоренить наркоманию не получится. URL: https://iz.ru/827238/evgenii_kurbatov_eteri_chalandziia/iskorenit_narkomaniiu_ne_ poluchitsia (Дата обращения:

Это означает, что вместо настоящей медицинской помощи малоплатежные или неимущие граждане, лица, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, процент которых в любом обществе, особенно в российском, составляет более половины всего населения вместо необходимой помощи просто получают обезболивающее. Сами же пациенты не имеют реальной информации и даже не пытаются задуматься о том, что, принимая обезболивающие препараты, они снимают симптомы, не устраняя проблемы и подрывая естественный иммунитет. Медицина же, идя на поводу у фармацевтических компаний, успешно выстраивающих на этом бизнес, выполняет главную задачу, которую ставит пациент, – снять болевой синдром, обеспечить безболезненное существование. Огромную обеспокоенность вызывают клинические медицинские протоколы и стандарты лечения, содержащие требования по рекомендации болеутоляющих (например, анальгетиков) или неспецифических противовоспалительных препаратов, перекрывающих возможность человеческому иммунитету бороться с болезнью естественным образом и, в конечном итоге, поражающих выделительную систему, вызывающих токсические гепатиты печени.

Апогеем проблемы видится то, что современный рынок продуктов питания представлен в основном углеводсодержащими продуктами (т.е. простыми сахарами). Не секрет, что современный человек употребляет огромное количество углеводов, что порождает кросс-зависимость – перекрестную зависимость от опиоидных анальгетиков[174]. Т.е., при возникновении небольшой медицинской проблемы, которую нужно перетерпеть, человек просто принимает обезболивающие препараты (кажущиеся, на первый взгляд, довольно безобидными) и автоматически попадает на фоне углеводной зависимости в зависимость более страшную, наркотическую. При этом никакого понимания у человека не возникает, напротив, он доволен качеством своей жизни: боль купировали, прекрасное настроение после дозы лекарства, – что является проявлением типичной наркотической зависимости.

Каким в такой ситуации видится решение указанных проблем, приобретших международный характер?

Думается, что в настоящих российских реалиях, характеризующихся проявлениями политической, социальной и экономической турбулентности, любые актуальные проблемы крайне важно рассматривать с позиций

01.10.2022 г.); Шишонин А. Ю. Бесконтрольное употребление опиоидных болеутоляющих препаратов в мире. URL: https://shishonin.ru/o_klinike/smi_o_nas/2021/rossiya_stoit_pered_novoj_rukotvornoj_epidemij (Дата обращения: 01.10.2022 г.)

[174] Уйба В. В., Криворотов Д. В., Забелин М. В., Радилов А. С., Рембовский В. Р., Дулов С. А., Кузнецов В. А., Ерофеев Г. Г., Мартинович Н. Н., Соснов А. В. Антагонисты опиоидных рецепторов. От настоящего к будущему. Медицина экстремальных ситуаций. – 2018 – № 20(3). – С. 356-357.

национальных интересов. Так, требуется определить долгосрочные перспективы развития отечественного здравоохранения, в полной мере отвечающие приоритету создания суверенитета России в области медицины, под которым предлагается рассматривать способность государства самостоятельно обеспечивать все текущие и перспективные потребности в медицинских ресурсах внутри страны, отказаться от навязанных западными медицинскими моделями (преобладающими в странах ЕС и США) губительных медицинских стандартов и протоколов, а также без влияния каких-либо стран и коллективных международных факторов определять параметры своего развития в сфере медицины и проводить собственную независимую медицинскую политику.

Подобные подходы находят отражение в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[175], где в целях осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, среди прочих можно найти такие национальные цели развития России, как сохранение населения, здоровье и благополучие людей; комфортная и безопасная среда для жизни.

При этом главой государства были определены следующие ориентиры, характеризующие достижение указанных целей: обеспечение устойчивого роста численности населения страны; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет; увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70 % и др.

В данном ключе видится целесообразным разработка и принятие отдельного документа – Медицинской стратегии Российской Федерации, для чего необходимо дать соответствующее поручение Минэкономразвития России, которое, как известно, осуществляет разработку ряда системообразующих документов стратегического планирования. В указанном документе должны найти отражение положения о независимой политике России в области медицины. В рамках такой политики главным видится следование вектору преобладания собственных национальных интересов в области медицины и здравоохранения, использование собственных преимуществ, разработка и внедрение осмысленных, независимых от ЕС и США медицинских стандартов и протоколов лечения.

[175] Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.07.2020 г., № 30, ст. 4884.

§ 9. Философские категории в уголовно-правовых нормах, содержащих медицинские аспекты

Российские отрасли права в содержание норм вкладывают не только специально-сущностные категории, позволяющие трактовать и толковать сущность реализуемых правоотношений, но и учитывают мировоззренческие аспекты философской науки. Философские категории, выступая неотъемлемой составляющей общей теории права, входят в содержание материальных и процессуальных отраслей права. Тем самым, целью исследования, изложенного в этом вопросе, выступают те философские категории, которые в обязательном порядке учитываются не только при формировании соответствующей отрасли права, но и реализуются в процессе возникшего правоотношения правореализующими компетентными органами. Основу нашего изучения составляют нормы криминального цикла, которые очерчены российским законодательством в сфере реализации уголовной ответственности. Источниками авторского исследования выступают положения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права Российской Федерации. Новизна материала свидетельствует о систематизации, обобщении уголовно-правовых норм, охватывающих медицинскую сферу, предусматривающих ответственность за совершение общественно-опасных деяний.

Уголовно-правовые нормы, содержащие медицинское направление, реализуются с момента возникновения правоотношений в виде совершения преступлений, посягающих на область медицины. Тем самым, под уголовно-правовыми нормами, включающими медицинские аспекты, следует понимать совокупность исчерпывающего перечня составов преступлений, посягающих на объекты медицинской сферы, установленных уголовным законодательством Российской Федерации. Согласно действующему отечественному Уголовному закону к объектам уголовно-правовой охраны медицинской направленности следует отнести: жизнь человека, его здоровье (как физическое, так и психическое), анатомическую целостность человеческого организма, половую неприкосновенность, репродуктивную функцию, медицинскую деятельность, фармацевтическую деятельность, оборот лекарственных средств, оборот медицинских изделий, оборот деятельности по выдаче рецептов.

В действующем уголовном законе России содержится исчерпывающий перечень составов преступлений, поставивших под уголовно-правовую охрану наиболее важные для личности, общества и государства ценности, блага и при этом основным условием реализации уголовной ответственности выступает нарушение такого блага, объекта, предмета посягательства[176].

[176] Правовая форма и правовые средства в правовом регулировании / О. Н. Куликова, Ю. Б. Масягина. – Москва: Юрлитинформ, 2022. – С. 94.

Уголовно-правовые правоотношения возникают в момент совершения противоправного деяния, запрещенного Уголовным кодексом России под угрозой наказания, посягающего на наиболее важные для личности и социума, государства и общества блага и ценности. Одним из наиболее важных объектов уголовно-правой охраны выступают посягательства против личности, в частности, жизни и здоровья (глава 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья»), а также посягающие на здоровье населения (глава 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»). В отдельных главах уголовного закона также описаны те блага, которые входят в медико-правовой круг охраняемых государством отношений. Так, например, преступления в виде изнасилования и сексуальных насильственных действий (ст. 131 и 132 УК РФ) содержатся в главе 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности», а геноцид относится к посягательствам против мира и безопасности человечества и содержится в соответствующей 34 главе УК РФ. При этом, уголовно-правовой охране подлежит и сам труд медицинских и фармацевтических работников, если в отношении их трудовой деятельности не соблюдаются требования охраны труда, способные причинить тяжкий вред здоровью этого работника либо привести к его смерти (ст. 143 УК РФ).

Момент возникшего уголовно-правового отношения, обусловленный совершением общественно-опасного посягательства, порождает выполнение определенных процессуальных действий со стороны компетентных правоохранительных органов. Таковыми, согласно действующему российскому законодательству, следует определить федеральные органы исполнительной и иной государственной власти, чья деятельность связана с осуществлением судопроизводства и направлена на решение двух ключевых задач. Одна из них – это обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан, а вторая – реализация российских законов по осуществлению правосудия в Российской Федерации. При этом следует отметить, что посредством следственно-судебной и иной процессуальной деятельности, направленной на обеспечение правосудия, осуществляются обе задачи, очерченные не только федеральными законами, но и установленные в Конституции России.

Именно момент возникновения уголовно-правовых отношений, свидетельствующих о совершении посягательства на любые из охраняемых уголовным законом благ, исключением не являются и ценности в медицинской области, правоприменители, выполняя свои должностные обязанности по реализации уголовно-правовых норм, опираются на ряд философских категорий, суждений, онтологических направлений. Так, при выполнении процессуальной деятельности должностными органами предварительного расследова-

ния, оперативно-разыскной деятельности, прокурорской работы осуществляется квалификация преступлений как юридическая оценка деяния. Такая оценка осуществляется судебными органами посредством судебного рассмотрения дела, в частности, при вынесении судом обвинительного приговора.

Весь процесс обеспечения судопроизводства от начальной стадии – возбуждения уголовного дела в связи с совершенным посягательством, в том числе посягающим на медицинскую сферу, до момента окончания отбывания наказания, в том числе охватывая досрочное освобождение от него, – является тем видом деятельности правоохранительных органов, которые в своей работе используют философские категории, положенные в основу их профессии.

Органы правореализации уголовно-правовых норм (следствие, орган дознания, прокуратура, суд, органы принудительного исполнения) в своей профессиональной деятельности реализуют мировоззренческие функции, положенные в основу философской науки. Наряду с мировоззренческими аспектами, выполняется применение методологических азов, средств познания, детерминизма, развития, прогресса и пр.

Система современного здравоохранения обеспечиваются соответствующими органами государства и регулируется целым комплексом законодательства, позволяющего реализовать медицинскую и сопряженную с ней деятельность. Ряд общественных отношений, входящих в сферу государственной охраны в области медицины, охраняется государственно-правовыми нормами, применение которых связано с реализацией уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законов России.

Так, посредством Уголовного кодекса, определяется вид совершенного преступления. Такой процесс называется квалификацией преступления, который при этом регулируется нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ. Квалификация преступления охватывает следственную деятельность, для реализации которой в полном объеме необходимо проведение оперативно-разыскных мероприятий. При выполнении указанной работы по квалификации преступлений, посягающих на медицинскую сферу, правореализаторы используют средства познания события преступления, обстоятельств его совершения, условий развития криминального деяния. Такой познавательный процесс сопоставим с познанием в философской науке. Он охватывает применение формально-логических определений через род и видовое различие[177]. Именно такой процесс входит в последовательность квалификации преступлений, в частности по определению объекта преступного посягательства, без установления которого невозможно реализо-

[177] Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник – 4-е изд.. перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 97.

вать уголовную ответственность и, как следствие этого невозможно применить уголовный, уголовно-процессуальный, а впоследствии и уголовно-исполнительный закон.

Определяя признаки объекта преступления, которым может выступать элемент медицинской сферы, необходимо выяснить входит ли он в пределы уголовно-правовой охраны, не относится ли он к предмету регулирования иным законодательством. Например, преступления, посягающие на жизнь граждан, как самой важное неотъемлемое благо, которое есть у любого существа, охватывают как таковое физическое существование человека. В философском смысле это вопросы бытия, материи, времени и пространства. А смысл жизни — это предназначение человека, цель существования, понятие, определяющее для чего же он пришёл в этот мир[178]. При этом исходное знание содержит в себе как знание, являющееся результатом анализа признаков общественно опасного деяния, так и знание, опирающееся на содержание конкретной уголовно-правовой нормы[179].

Как справедливо отмечают в своих работах А.В. Славин и А.П. Чернов: «Первостепенную важность приобретает умение оперировать пространственными образами, способность наглядно представлять различные экспериментальные ситуации…рычагом, который приводит субъекта из реальной действительности в плоскость воображения, но воображения, регулируемого знанием объективно действующих законов»[180]. Именно такие средства познания положены следователем и органом дознания в основу выдвижения версий, гипотез, предположений о событии преступления, потенциальном лице, его совершившем, мотивах содеянного.

В арсенале философских средств диалектика немыслима без логики формальной, без ее правил и законов[181]. Так, логико-методологические основы квалификации преступлений составляют в своей основе законы, приемы, операции мыслительной деятельности, с помощью которых лицо, как в целом познает мир, так и познает совершенное негативное деяние. Как отмечает В.Н. Кудрявцев: «Основой качественной определенности, взаимообусловленности и устойчивости лежит логическое мышление. В практической работе следователя, прокурора и судьи применяется обычно безотчетно, неосознанно, так как

---

[178] Коновалов С. В., Соколова М. Г. Проблема смысла жизни и счастья человека // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2022. – 2(81). – С. 16. URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/13114. (Дата обращения: 03.10.2022 г.).

[179] Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / А. В. Корнеева; отв. ред. А. И. Рарог. - 2-е изд. - Москва: Проспект, 2013. – С. 38.

[180] Славин А. В. Проблема возникновения нового знания. М., 1976. – С. 278-279; Чернов А. П. Мысленный эксперимент. М., 1979. – С. 7-22.

[181] Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник – 4-е изд. перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 97.

логическое мышление — это свойство человеческого мозга, развивающееся в течение всей жизни независимо оттого, изучал человек логику или нет»[182].

В литературе указывается, что процесс квалификации преступлений протекает по форме дедуктивного умозаключения[183], который представляет собой выведение из определенных суждений другого – нового суждения, выраженного переходом от общего к частному знанию, когда основная посылка силлогизма охватывает знание уголовного законодательства, а вторичная опирается на содеянное виновным лицом. И в таком случае следователь, судья в итоге устанавливая в выводе конкретизированное суждение об оценке противоправного деяния, осуществляет результат квалификации в виде указания соответствующей статьи Особенной части УК Российской Федерации.

Познавательные способности человека, являясь неотъемлемыми категориями философии, встают в один ряд философского изучения вместе с уровнями постижения действительности, истины и заблуждения, рациональности и иррациональности, аргументации, понимания, творчества, спора, интуиции, смысла, системности, ценности и оценки научно-познавательской деятельности. Например, такие философские категории как возможность, действительность и вероятность определяются при квалификации преступлений не только с позиций познавательно-умозаключительной деятельности, процесса познания должностными органами судопроизводства в государстве, но и путем применения Постановлений Пленума Верховного суда России. Такие Постановления не предусматривают изложения алгоритмов процесса применения уголовно-правовых норм, но призваны выработать наиболее точные рекомендации для единообразного применения действующего законодательства судами общей юрисдикции и правоохранительными органами, выработать определенную процессуальную процедуру, восполнить и преодолеть пробелы в законе, толковать и разъяснять нормативные акты, применяемые судами[184]. Ряд ученых современности в области отраслей криминального цикла отмечает вспомогательное значение Постановлений Пленума Верховного суда России: «… не являются источником права и обязательность их применения при рассмотрении дел в суде никак не закреплены»[185].

---

[182] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений - 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2004. – С. 50.

[183] Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / А. В. Корнеева; отв. ред. А. И. Рарог. - 2-е изд. - Москва: Проспект, 2013. – С. 39.

[184] Перов С. В., Панфилов М. А. Источники права и Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации. URL: https://saransk.ruc.su/upload/medialibrary/0bc/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2_%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2-%D0%BD%D1%8C%D1%8E.pdf. (Дата обращения 11.10. 2022 г.).

[185] Фомин А. В., Губайдуллина Э. Х. Роль Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. 4-4 (55), 2021. – С. 187.

Для правоприменения уголовного закона, реализации уголовно-правовых норм, охраняющих медицинскую сферу, наиболее первостепенными следует выделить такие категории философии как истина, ложь, заблуждение, методы исследования и методы познания. Указанные категории наиболее характерны при определении посягательств, описываемых уголовным законом посредством указания бланкетных или описательных норм, например, при установлении критериев тяжести вреда здоровью, неизгладимого обезображивания лица, принуждения к трансплантации тканей и органов человека, геноциде. Спор и аргументация имеют место при проведении отграничении составов, где законодатель описывает разные формы вины или иные отдельные обстоятельства схожих по отдельным признакам деяний. К ним следует отнести: 1) убийство и причинение смерти по неосторожности; 2) убийство и убийство новорожденного; 3) убийство и убийство в состоянии аффекта; 4) убийство двух и более лиц и геноцид; 5) причинение тяжкого вреда здоровью с умышленной или неосторожной виной; 6) причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, повлекшее прерывание беременности и незаконное проведение искусственного прерывания беременности; 7) причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью умышленно либо в состоянии аффекта; 8) побои и истязания; 9) неоказание помощи больному, халатность и невиновное причинение вреда и пр.

Интуиция выступает ключевым направлением в мыслительном процессе не только лиц, выполняющих следственную работу, но и является важной основой деятельности оперативных сотрудников, чья основная задача направлена на оказание помощи органам предварительного расследования по установлению истины по уголовному делу посредством осуществления оперативно-розыскных мероприятий. В деятельности судебных инстанций при принятии ими решений по рассмотрению уголовных дел наряду с категориями истины, аргументации, понимания, рациональности, практики, реализуются такие философские категории, как возможность, действительность, справедливость, ответственность. При этом, если говорить о вышестоящих судебных инстанциях, рассматривающих дела, например, в надзорном порядке, следует к указанным философским компонентам отнести детерминизм, развитие, прогресс как относящиеся к философской науке и нужные ей. Применяя идеальный порядок движения от несовершенного к приближению к совершенному, можно подвести общий итог, путем «высказывания своего суда над целым действительной истории, определяя его смысл»[186].

[186] Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса // Собр. соч. Т.1. История с философской точки зрения. СПб., 1912. – С. 122-123.

Итак, следует определить, что в уголовно-правовых нормах, содержащих медицинские аспекты, подлежащие охране уголовным законом России, регулируемые общественные отношения в связи с посягательствами на жизнь человека, его здоровье, анатомическую целостность организма, половую неприкосновенность, репродуктивную функцию, медицинскую деятельность, фармацевтическую деятельность, оборот лекарственных средств и медицинских изделий, оборот деятельности по выдаче рецептов находят отражение ключевые категории философской науки – познание, постижение, истинность, заблуждение, спор, аргументация, творчество, научная познавательность, системность, детерминизм, действительность, ответственность. Такие категории выступают основой профессиональной деятельности должностных лиц, обеспечивающих в России судопроизводство, правоприменение, правореализацию, правосудие, права и законные интересы граждан.

§ 10. Институциональные факторы правонарушений: на примере менталитета русского народа

«Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык… во-вторых, потому, что ей чужда русская (православная) религиозность… Европа не знает нас, в-третьих, потому, что ей чуждо славянорусское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением, и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты, как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо».

И. А. Ильин[187]

На поведение человека оказывают влияние разнообразные институциональные факторы. Институт, согласно *Д. Норту*, — это правило, норма, закон, традиция, привычки, это создаваемые людьми рамки, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия в совокупности с внешним механизмом принуждения индивида к его соблюдению. Древние корни культуры проявляются в повседневном поведении, а особенно в кризисные моменты истории.

Правосознание у русских, по *И. Ильину*, «бесформенно, добродушно и справедливо». Объяснить это можно значительным удалением от центральной власти, что при отсутствии современных средств связи требовало мощ-

[187] Ильин И. Национальная Россия: наши задачи/под ред. О.А. Платоновой. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – С. 84-85.

ного развития местных неформальных правил общежития. Самоуправление, в том числе разрешение споров, расследование и наказание за нарушения, происходило в пределах сельской крестьянской общины. Община решала, кто пойдет в рекруты в армию, так как не существовало каких-либо возрастных списков и всеобщей воинской обязанности. Поэтому сообща решали: в этой семье три сына, значит, один из них пойдет служить, например, на 25 лет. А в этой семье – один сын, значит, он останется помогать родителям.

При этом русские всегда были нетерпимы к уголовникам (татям, душегубам), покушавшимся на простых людей. За воровство, например, лошадей, вора привязывали в лесу голым к дереву на съедение муравьям и комарам.

Некоторые законы сообразно времени и общественному строю, по современным понятиям, были слишком жестоки. От телесных наказаний освобождались только дворяне. За преступления против государства обычными мерами были каторга и смертная казнь. Поэтому и в настоящее время демократическое умягчение наказаний, например, мораторий на смертную казнь, не приводят к повышению правопорядка. Отсутствие страха посмертного наказания, как итог 70 лет насаждения атеизма, при снижении контрольной функции государства в 1990-е гг. породили «русскую мафию», тотальную коррупцию как негативные факторы, влияющие на экономику.

В современном российском обществе имеют место различные негативные проявления. Естественно, они существовали всегда. Однако в отдельные периоды истории они развиваются наиболее сильно. В массовом порядке нарушения законности отмечаются уже в 1970-е гг., а всплеск преступности и связанных с ней подобных явлений пришелся на 1990-е гг. – первые годы построения в России открытой рыночной экономики. Ниже приведена схема (Рис. 1), которая преследует цель прежде всего показать логические взаимосвязи между некоторыми негативными явлениями общественной жизни России (коррупция, воровство, разбазаривание общественного имущества, вандализм и т.п.), рассматривая их как неслучайные явления, а как институты, имеющие древние корни в виде обычаев природопользования славян и их традиционных религий. Традиции общинного пользования природными угодьями (лес, река и т.п.), когда считалось, что всё «наше», закрепилось в народной концепции «Земля – Божья». Наиболее четко использование народного понятия «Земля – Божия» в обычном праве было определено в труде *Федора Андреевича Щербины* «Сольвычегодская земельная община».

Автор выделил несколько категорий в крестьянских понятиях о правах на землю.

1. Божья земля: это – свободные, незанятые, пустые земли; их можно распахивать или косить на них траву, рубить лес, охотиться, ловить рыбу.

Если начальство не разрешало пользоваться пустопорожними землями и привлекало за это к ответственности, крестьяне считали это несправедливым, хотя в это же время крайне щепетильно относились к посягательствам на чужую собственность. Но пустопорожние государственные земли они таковой не считали. Автор приводит крестьянское рассуждение на этот счет: «Зачем же и земля, как не затем, чтобы пользоваться ею?» Пользоваться, значит, и трудиться, а трудиться, значит, – и владеть.

2. Общественная, или мирская, земля; это – земли конкретных общин, с определенными границами; ими владеют все члены мира сообща, и крестьяне никогда не считают эти земли ничейными, даже если они окажутся в какой-то части пустопорожними.

3. Надел – часть общинной земли; ею пользуется конкретный крестьянин со своей семьей.

4. Новина, или роспашь, – вновь поднимаемая земля, часть мирской.

5. Собственная земля, или частная земельная собственность. Поставленное в ряд с другими народными обозначениями разных уровней прав на землю, понятие «Божья земля» означает, казалось бы, лишь какую-то часть территории – с максимальными возможностями свободного пользования. Но здесь, по существу, присутствует понимание того, что вся земля – Божия изначально; просто в данной категории земель это ее свойство наиболее заметно, а в других как бы заслонилось разными отношениями мирской жизни.

Представления русских крестьян об ограниченности любых прав на землю, поскольку истинный собственник ее – сам Бог, вполне соответствует определению Священного Писания: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» (Лев. 25, 23).

Это трепетное, благоговейное отношение к земле проявлялось не только и не столько в отдельных высказываниях, сколько во всем строе хозяйствования, обнаруживающем внимательное, предельно ответственное исполнение трудовых задач, основанное на глубоком эмпирическом знании, накапливаемом из поколения в поколение и деталям в обработке почв, уходе за культурами, сборе урожая. Именно такой подход и является той основной традицией земледелия, которая заслуживает использования и ныне.

В исламе в отношении собственности действует «концепция наместничества», где собственник – сам Аллах. Поэтому владелец собственности в ответе за благосостояние всего общества. Сокровище не должно оставаться втуне, должен происходить прирост товаров и услуг, а не денежной массы. Мусульманские авторы многократно подчеркивают социальный долг собственности, отвергают частную собственность на

природные полезные ископаемые (например, нефть, воду) и признают за государством право ограничивать свободу распоряжения средствами производства, чтобы подкорректировать давший сбой рынок. Здесь, как и в некоторых других религиях, земля объявляется творением Аллаха и поэтому его собственностью, люди же в той или иной мере — пользователями этого блага[188].

Поэтому подсознательное убеждение, что природные богатства принадлежат всем людям, одновременно оказалось сильнее, чем христианская заповедь «Не укради»: да и ведь как считать воровством то, что и так «моё»? Это ли не подсознательное психологическое оправдание позднейшего браконьерства и варварской эксплуатации природы, когда понятие «Божье» было вырвано из этой взаимосвязи?

Отрыв же православного человека от природы путем вознесения его над тварным миром, согласно Библии, и приближения его к антропоморфному божеству создал идеологические предпосылки для позднейшего оправдания тезиса «Человек — царь природы». Близость крестьянина с природой, конечно, оставалась, например, в аграрном календаре. Однако многие знания и ритуалы ушли в область суеверий и были осуждены церковью.

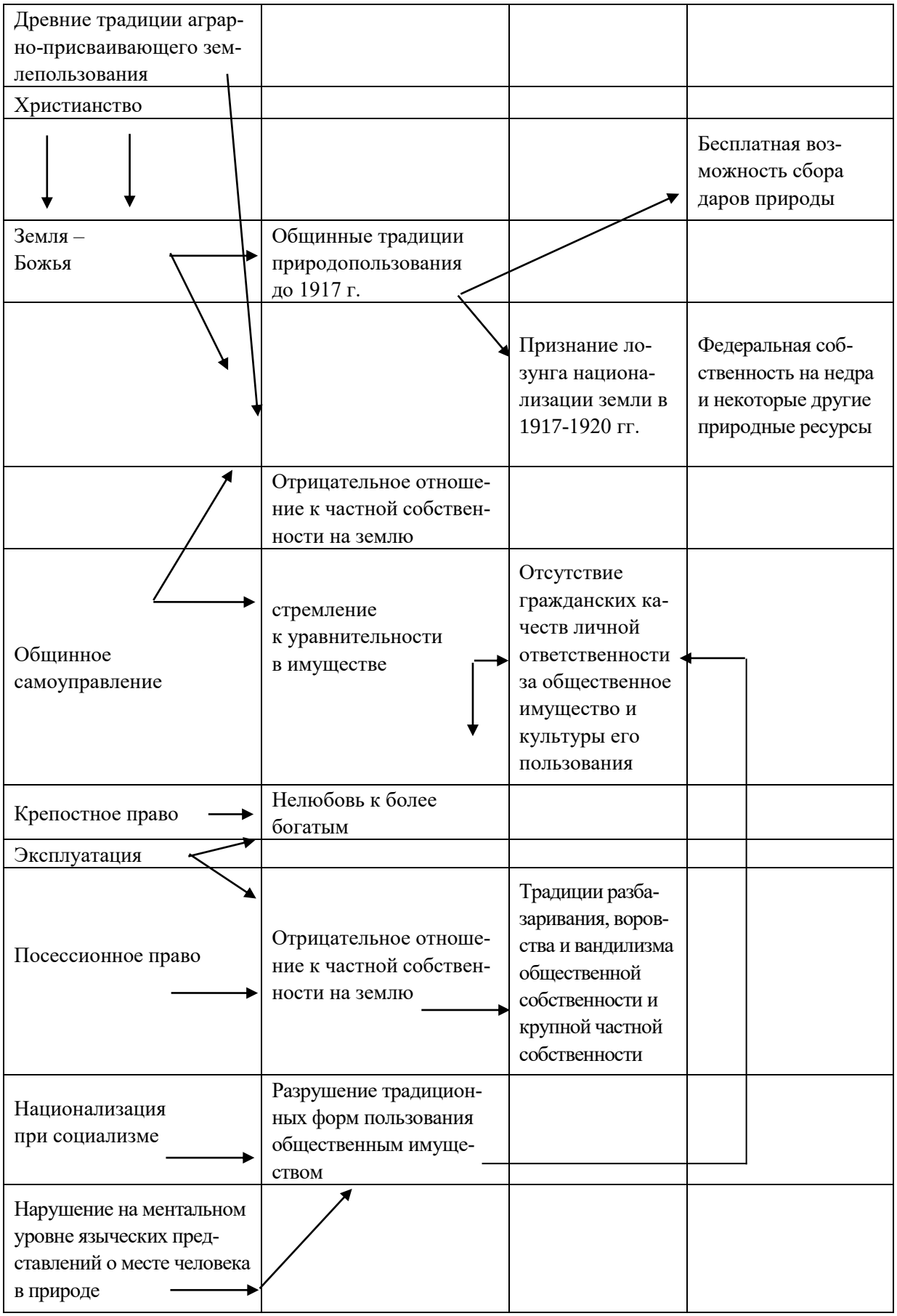
В русском обществе не успели оформиться крепкие традиции частной собственности – особенно крупной, нажитой упорным трудом нескольких поколений родственников. А без этого невозможно сформировать в массовом общественном сознании чувство хозяина, ибо у хозяина должна быть собственность. А если ты не научился ценить свое, кровно заработанное имущество, как ты будешь ценить общественное, тем более что оно уже давно стало социалистическим, а после 1991 г. – федеральным? Русский крестьянин был насильственно оторван и от общинной собственности, и от едва начавшей формироваться у него в период 1907–1929 гг. мелкой частной собственности.

Коллективные формы собственности и совместный труд объективно порождали общее знание – о природе, обществе, хозяйстве. Выражение «Страна советов» носит не только политический, но и информационный смысл. Это значит, что на обыденном уровне у русских принято делиться между собой бесплатно полезными знаниями, советами. Так, в СССР издавались журналы «Юный техник», «Техника – молодежи», «Моделист-конструктор», где публиковались изобретения и советы по техническим и бытовым вопросам. Уже в рыночную эпоху появилась телепередача «Очумелые ручки» с тем же содержанием. Отсюда – один из корней неприятия права интеллектуальной собственности, которая, по традиции, обычно была не частной, а всенародной.

---

[188] Привалов Н. Г. Третий путь России: новая надежда в XXI веке. Екатеринбург: Уральское изд-во, 2012. – С. 230-231.

Рис. 1 Логическая и историческая взаимосвязь древних традиций землепользования, менталитета и других формальных и неформальных институтов русского народа в хозяйственной деятельности.

Отсюда вытекает и извращенное отношение к общественной собственности со стороны некоторых чиновников. Так же как воеводы и губернаторы (не говоря уже о более мелких служащих) рассматривали свои должности просто как «денежные места», современные министры и губернаторы также мыслят не по-государственному, а как временщики, временно и случайно попавшие на места, где «мёдом намазано». К ним нельзя применять западный подход как к «менеджерам» (т.е. специалистам-управленцам, нанятых народом). Их даже называют по-другому — «слуги народа». Только наименование это лицемерное.

Однако русские не являются слепыми приверженцами старых обычаев и стереотипов. В случае крайней необходимости они *способны пойти на изменение поведения, если такое изменение будет «по совести».*

Изменения, происшедшие насильственно, не «по совести» (например, революции), рано или поздно будут отвергнуты – и Россия стихийно будет пытаться вернуться на прежний, именно ее, «третий», путь развития.

Разумеется, не все русские по происхождению являются носителями описанного выше типа культуры. Ответственность в поведении тысячами лет формировалась скорее внешним принуждением (со стороны сельской общины, ближайшего окружения, семьи, государственной власти). Внутренняя убежденность в необходимости соблюдения морали формировалась, прежде всего, православием. Поэтому искусственное замещение традиционной религии атеизмом и коммунистической идеологией лишь на короткое время создали оригинальный менталитет Советского периода, державший миллионы людей в относительном порядке. Огромную роль сыграли 70 лет проповеди новой светской формы религии – атеизма. Все в молодости были октябрятами, пионерами и комсомольцами. Это не может не сказываться на их мировоззрении. Часть стала космополитами, считающими, что «родина там, где хорошо» (примеры – многочисленные бежавшие за границу деятели культуры – А. Пугачева, М. Галкин и др.). Однако социологические опросы свидетельствуют, что у большинства населения (и не только русских по национальности, но и связанных судьбой проживания в России) сохраняются основные традиционные ценности, даже если они носят нерелигиозный характер, а встроены в новую массовую культуру смешанной квазирыночной экономики.

Можно вместе с Ильиным ***резюмировать:*** «Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) – сами по себе ему мало свойственны. Без любви — он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели»[189].

[189] Ильин И. Национальная Россия: наши задачи / под ред. О.А.Платоновой. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – С. 131.

Это мы особенно ярко наблюдали в период правления первого президента России Б.Н. Ельцина в 1991–1999 гг. В этот период все устои России были подвергнуты максимальному уничтожению:

1) Распался Советский Союз — и с ним прежние экономические, социальные, культурные и прочие связи, прежде скреплявшие территорию СССР как преемника Российской империи;

2) Были опорочены идеалы социализма, с которыми выросло уже несколько поколений. Поскольку социализм был светской формой религии, с его ликвидацией сильно пошатнулась нравственность, бывшая симбиозом социалистических и христианских принципов;

3) Ликвидированы социальные завоевания — право (и возможность) на бесплатное жилье, образование, здравоохранение, труд, отдых и социальное обеспечение в старости;

4) На место дружбы народов пришли межнациональные конфликты, вплоть до вооруженных столкновений в Чечне, Приднестровье, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Республике Абхазии, Киргизии и др.

В целом у русского народа отняли веру в прежние идеалы – и молодое поколение пошло вразнос, о чем предупреждал еще И. Ильин. Идеалы же западной демократии и рыночной экономики лишь ненадолго вскружили голову и не привились на чужеродной почве. «Скажем прямо и недвусмысленно: поколение безответственных шкурников и безответственных честолюбцев не освободит Россию и не обновит ее; у него нет и не будет тех духовных сил и качеств, которые строили подлинную Россию в прошлом и которые необходимы для ее будущего»[190].

Поэтому как никогда становится актуальным подписание Президентом РФ Указа от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где прямо содержится защита «человека традиционного»: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей,

[190] Ильин И. Национальная Россия: наши задачи / под ред. О.А. Платоновой. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – С. 141.

общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию».

§ 11. «Переживание истории» как междисциплинарное понятие [191]

Обращение к прошлому характерно для государства и общества на различных этапах развития[192]. История человечества знает целые эпохи, когда в качестве примеров брались образы и образцы, которые казалось бы давно уступили место другим, более поздним, идеям и символам. В такие периоды прошлое «оживает» совершенно в разных сферах – архитектуре, изобразительном искусстве, музыке, литературе, науке. Классицизм конца XVIII – начала XIX вв., опирающийся на достижения Древнего Рима, нашёл своё отражение и в юриспруденции кодификационными работами, с одной стороны, и появлением и развитием исторической школы права, с другой.

Современное состояние человечества можно назвать этапом «переживания истории»[193], причём исследователи считают, что во многом он связан либо с идеей конца истории[194], либо её мифологизации[195].

Совокупность причин такого «переживания» отличается многообразием.

Первая группа связана с тем, что XX век накопил множество политических противоречий, которые не были разрешены и актуализировались уже в начале III тысячелетия. Сюда можно отнести последствия мировых войн, распада федеративных государств, построенных по национальному принципу, противостояния капиталистического и социалистического мира, появление и развитие глобальных проблем человечества и т.д.

Ко второй группе причин можно отнести социально-психологические. Уже после Первой мировой войны в науке появилось понятие «социальная

---

[191] Данный параграф подготовлен А.А. Дорской при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».

[192] См., напр.: Бочкарев С.В. Кризисы в праве как фактор юридической формы переживания истории: опыт Франции второй половины XIX века // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2021. – № 2. – С. 23-25.

[193] Сидоров А.В. Научный поиск в русле переживания истории: результаты обзора зарубежной научной литературы // Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение. Сборник научных статей. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 74-81.

[194] Фатенков А.Н. Переживание прошлого в ситуации конца истории // Философия и культура. – 2014. – № 4 (76). – С. 535-545.

[195] Журавлева Н.И. История как миф: конструирование культурной идентичности // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 76-81.

травма»[196]. Постепенно учёные создали классификации таких травм, выявили стадии их развития и преодоления, показали возможные позитивные и негативные пути выхода из травмирующих ситуаций[197]. Как оказалось, например, африканскими странами тяжело переживается длительный период колониализма, государствами Океании – эпоха великих географических открытий, в результате которой началось порабощение местного населения, США – Гражданская война 1861-1865 гг., ставшая «знаменем» в борьбе за преодоление расовой дискриминации, многими странами постсоветского пространства – попытки пересмотра результатов Второй мировой войны и роли СССР в борьбе с нацизмом[198] и т.д.

Третья группа причин была предопределена появлением новых международных интеграционных образований, которых не было раньше. Наднациональность става новым вызовом, к которому современные государства и общества оказались не совсем готовы[199]. Так, в рамках Европейского Союза возникла потребность написания «новой» общеевропейской истории, которая сглаживала бы существовавшие веками противоречия между различными европейскими странами, доказывала бы преимущества интеграции Европы.

Ещё одна группа причин связана с появлением на политической карте мира новых государств, которые должны в достаточно короткие сроки «определиться» со своим прошлым, выявить исторические периоды, служащие точкой отсчёта и примером наивысшего развития. Это очень слож-

---

[196] Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 6-40.

[197] Бочкарев С.В. Теория социальной травмы и современный конституционализм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 2 (34). – С.8-14; Матчанова З.Ш. Международно-правовой аспект преодоле-ния социальных травм и потрясений в свете положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г. // Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы. Коллективная монография / Под ред. А.А. Дорской, З.Ш. Матчановой. – СПб.: Астерион, 2018. – С. 311-314; Матчанова З.Ш. Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. –2018. – № 3 (31). – С. 56-63; Игнатьева М.В. Нарушение социальных прав человека как социальная травма // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4 (36). – С.28-33; Игнатьева М.В. Использование понятия социальной травмы в современной российской юриспруденции // Российское государствоведение. – 2018. – № 3. – С. 73-78.

[198] Реброва И.В. Память о Второй мировой войне в современном обществе: индивидуальный дискурс в контексте властного, государственного // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – № 19 (138). – С. 119-123.

[199] Уваров П.Б. Причинно-следственные связи в истории как проекция ситуативных переживаний новоевропейского человека: опыт теоретической препозиции // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы 12 Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Пирс, 2016. – С. 50-55.

ный процесс самоидентификации, который, как показывает история, можно идти по нескольким направлениям:

1) независимость и суверенитет страны как высшая ценность. В этом случае государственная идеология строится в позитивном ключе, поскольку обретение государственности является результатом длительной эволюции и воспринимается как великое завоевание, а отношение к историческому прошлому выстраивается как поиск тех периодов, когда достигалось могущество страны. В частности, такой подход демонстрируют многие государства Центральной Азии;

2) признание государства самого себя жертвой, в отношении которой другие страны совершили в прошлом несправедливые действия или даже преступления. Это один из вариантов, который даёт быстрый результат формирования официальной политики памяти, но стратегически является опасным, поскольку, во-первых, может способствовать развитию реваншистских настроений в обществе, а то, насколько это опасно, ярко демонстрирует нацистский период в истории Германии, во-вторых, создаёт напряжённую обстановку в отношениях с другими странами, которых таким образом пытаются привлечь к ответственности за события прошлого, в-третьих, вызывает желание идти по пути не собственного развития, а получения компенсации извне. Ярким примером является требование Польши к Германии, озвученное осенью 2022 г., о выплате 1,3 триллиона долларов за потери, понесённые во Второй мировой войне (1939–1945 гг.);

3) отношение к истории как к ресурсу для сплочения общества. Такой подход неоднократно демонстрировала Франция[200]. Правда, иногда попытки консолидации на фоне исторических событий имеют обратный эффект. Показательной стала реакция французского общества на речь Президента Э.Макрона в дни празднования 100-летия окончания Первой мировой войны, в которой он признал заслуги генерала Филиппа Петена в 1914-1918 гг. Во Франции это вызвало бурную полемику, поскольку затем, в 1940-1944 г., он возглавлял коллаборационистское правительство Виши[201];

4) переживания чувства вины за определённый этап своего исторического прошлого[202]. Так, ответственность за злодеяния в период нахождения

---

[200] Дорский А.Ю., Черногор Н.Н. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 311-331.

[201] Макрона раскритиковали за заявления о заслугах маршала Петена // https://www.interfax.ru/world/636900 (Дата обращения: 04.12.2022 г.).

[202] Дорский А.Ю. Глорификация и чувство вины в государственных коммуникациях: интенции мемориального законодательства // Медиалингвистика. Материалы IV международной научной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственыний университет, 2020. – С. 68-71.

нацистов у власти стала основой самоиндетификации германского общества после Второй мировой войны.

«Переживание истории» представляет собой междисциплинарное понятие, содержащее в себе как минимум историческую, юридическую, социологическую, психологическую составляющие.

Если говорить об историческом компоненте, то он подразумевает, с одной стороны, временной, темпоральный, хронологический аспекты, помогающие увидеть причинно-следственные связи, динамику развития, выделить этапность и т.д., а с другой – событийную, содержательную сторону происходившего, позволяющую проанализировать исторические факты, установить их взаимосвязь, выявить возможные другие пути решения существоваших проблем.

Юридическое оформление «переживания истории» существовало в различные эпохи, но его формы менялись. Например, со Средневековья издавались различные нормативные правовые акты, устанавливавшие наградные системы государств. Празднование военных побед часто сопровождалось изданием соответствующего указа царствующей особы.

Однако во второй половине XX века произошли серьёзные изменения. Появилось понятие мемориальных законов, целью которых стало юридическое закрепление определённого отношения к конкретным историческим событиям[203]. Данный процесс является очень сложным[204].

Во-первых, значительное количество мемориальных законов имеет чисто декларативный характер, и их содержание сводится к юридической оценке событий прошлого с позиций современного уровня развития международной и национальных правовых систем. Правомерность такого подхода нуждается в дополнительном изучении, т.к. возникает проблема применения более поздней терминологии к описываемым событиям и явлениям, её содержательного наполнения и т.д. Например, именно такой процесс наблюдается в современном использовании термина «геноцид».

Во-вторых, нет однозначного ответа на вопрос о том, как можно криминализировать отношение к историческим фактам исследователей, если, к примеру, они нашли новый, засекреченный ранее документ, проливающий свет на события прошлого несколько в другом ключе, чем предполагалось до этого.

---

[203] Аникин Д.А. Мемориальные законы: от философских теорий к юридической практике // Мир человека: нормативное измерение - 4: Гуманитарное знание. Сборник трудов международной научной конференции. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2015. – С.163-168.

[204] Копосов Н.Е. Мемориальный закон и историческая политика в современной России // Ab imperio. – 2010. – № 2. – С.249-275

В-третьих, не является ли принятие нормативно-правового акта, определяющего отношение к историческим событиям в другой стране, вмешательством во внутренние дела государства, если в самой стране это событие оценивается иначе, а, может быть, даже служит системообразующим как в официальной политике памяти на государственном уровне, так и в коллективной памяти народа?

Перечень таких вопросов может быть продолжен, но мемориальные законы стали одним из важных явлений, характеризующих современную правовую жизнь во многих странах.

При рассмотрениее социологической составляющей «переживания истории» необходимо отметить, что историческое знание в силу развития современных технических средств и способов коммуникации стало доступно гораздо большему числу людей, чем это было во все предшествующие эпохи. Если раньше доступ к архивным источникам, специальной научной литературе имел достаточно узкий круг исследователей, то теперь Интернет-ресурсы, отцифровка документов, находящихся в различных архивах, современные базы накопления разнообразных источников позволи интерпретировать исторический материал тем, кто не имеет специальной подготовки[205].

Кроме того, достижения социологии очень важны при оценке того, какие исторические события или периоды волнуют общество, существует ли раскол во мнениях, преодолены ли социальные травмы, вызванные переживанием прошлого, или появились новые травмирующие события и т.д.

Психологические аспекты «переживания истории» во многом связаны с понятием памяти. Причём речь идёт и об индивидуальной, и о семейной, и о коллективной памяти[206]. Существует даже мнение, что никогда раньше «история» и «память» не находились друг с другом в столь тесном взаимодействии. Во многом это объясняется техническим прогрессом, который сделал возможным транслирование собственной «истории» практически на глобальном уровне.

Очень важные исследования проводятся в отношении коллективной памяти. Они опираются на достиежния в области психологии и социологии, которые были достигнуты в XX веке. Необходимо выделить, в хронологическом порядке, прежде всего, работы трёх учёных.

---

[205] Доманова С.А. Память и история в контексте философской антропологии // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 66-70.

[206] Молчанова А.С. О соотнесении понятий коллективная память и автобиографическая память // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. Материалы III международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. – С. 233-239.

Первый - французский психоаналитик и философ Жак Мари Эмиль Лакан (1901-1981), который в 1974-1975 г. предложил концепцию «воображаемого»[207] в виде схемы: «воображаемое» – «символическое» – «реальное». Применив к ним математическую модель «колец Борромео», он сделал вывод, что хотя ни одно из колец не сцеплено с другим попарно, размыкание одного из них неминуемо приводит к распаду всей конструкции.

Второй - французский философ, экономист и психоаналитик Корнелиус Касториадис (1922-1997), издавший в 1975 г. издал работу «Воображаемое установление общества»[208], в которой воображаемое понималось как бесконечый общественный проесс творчества значений, создание разнообразных форм, образов и символов.

Третий - британский политолог и социолог, профессор Корнеллского университета Бенедикт Ричард О'Горман Андерсон (1936-2015), опубликовавший в 1983 г. труд «Воображаемые сообщества»[209]. Рассуждая об истоках и сущности национализма, автор дал определение нации как нового, характерного для современного общества, способа связывать воедино, в целостном восприятии, пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения и заключается в том, что оно не осуществимо без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь, без унифицирующего воображения, создающего культурно целостные воображаемые сообщества, которые к тому же имеют ценностный характер[210].

В результате современные исследователи стали выделять разные виды (уровни) коллективной памяти. В частности, немецкий историк и культуролог Алейда Ассман, опираясь на три переменные – носителя, среду и опору – охарактеризовала четыре уровня памяти:

1) нейронную, где в качестве условного носителя выступает мозг человека, в качестве среды – социальная коммуникация, а в качестве опоры – символические медиаторы;

2) социальную, где в качестве носителя выступает социальная коммуникация, в качестве среды – мозг индивидуума, а в качестве опоры – символические медиаторы;

---

[207] Lacan J. R.S.I. Séminaire 1974-1975. – Paris: A.L.I., 2002. – 212 p.

[208] Касториадис К. Воображаемое установление общества / Пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. – 480 с.

[209] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

[210] Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // http://library.khpg.org/files/docs/1319798451.pdf (Дата обращения: 04.12.2022 г.).

3) культурную, содержащуюся в символических медиаторах, где в качестве среды выступает социальная коммуникация, а в качестве опоры – мозг индивидуума;

4) политическую, объединяющую элементы социальной и культурной памяти, а поэтому отличающуюся дуализмом и носителя, и среды, и опоры[211].

Необходимо отметить, что проблема коллективной памяти изучалась в данный период и в Советском Союзе. Например, Ю.М. Лотман (1922-1993) рассматривал данный феномен с семиотической точки зрения. Он считал, что культура является надындивидуальным механизмом хранения, передачи и создания новых сообщений, т. е. коллективной памятью[212].

Постепенно сложилось понятие коллективной памяти, под которой стали понимать как память человечества в целом или отдельных народов, так и определённых социальных групп.

Таким образом, «переживание истории» - это междисциплинарное понятие, возникшее на основе достижений в разных областях научного знания. Это процесс самоидентификации человечества, народов, различных социальных страт, личности через осознание и осмысление своего прошлого посредством определения трагических страниц истории, героических периодов, периодов, которыми можно гордиться, преодоления социальных травм, возникновение которых связаны с какими-то драматическими историческими событиями, поддержания и развития коллективной памяти о прошлом, которое служит либо ориентиром, либо примером, соответствующим этипету: «Это никогда не должно поповториться».

Развитию данного понятия будут способствовать не только дальнейшие исследования в различных сферах гуманитарного и общественного знания, но и использование учёными исследований из различных научных областей. При этом базовой установкой должно являться осознание того, что история, пусть даже это история ошибок, трагедий должна объединять людей, а не служить поводом к возникновению и эскалации новых противоречий и конфликтов.

---

[211] Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

[212] Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 200-202.

§ 12. Социальное моделирование политико-правового сознания посредством визуализации маргинальности в средневековом испанском романском искусстве XI-XIII вв. Теория и практика междисциплинарного взаимодействия в историко-правовой науке

Государственно-правовая система характеризуется целостностью и функциональной взаимосвязью основных компонентов: общество, политико-правовые институты, экономика и культура. Право связано даже с поэзией, они происходят из одного источника: в Античности фигура жреца, поэта, судьи и законодателя совпадала в одном лице. Испанский историк права Э. де Инохоса показал связи между поэтическими и юридическими формами и содержанием, начиная с анализа Законов XII таблиц, которые построены в рамках поэтической структуры[213], что позволяет рассматривать их как памятник одновременно исторический, правовой и литературный.

Разные сферы культуры невозможно рассматривать раздельно, поскольку они обусловливают друг друга, хотя ранее право как инструмент управления и рационализации дистанцировалось от других элементов социальной жизни. По мнению С. С. Алексеева, понятие правовой системы шире, чем понятие права[214]. С этой позиции, близкой к культурально-антропологической, в правовую систему входит множество элементов, которые, «сопровождают» его, раскрывая его сущность, не являясь собственно правовыми, с точки зрения позитивистского правопонимания. Это довольно широкое определение правовой системы, которое представляется методологически необходимым и обоснованным для раскрытия связей между правовыми и неправовыми явлениями в их системности. Неправовые явления, связанные с правом и взаимообусловленные им, предложено называть «метаправом»[215]. Государственная и правовая система неразрывно связаны между собой, что даёт возможность говорить о едином функциональном комплексе – государственно-правовой системе. Государственная система вносит в этот комплекс, как политические, так и неполитические компоненты, которые по аналогии можно было бы называть метаполитическими.

И государство, и право в культурально-антропологической перспективе представляются цивилизационными феноменами, обусловленными

---

[213] Hinojosa y Naveras, E., de. Poesia y derecho // Obras. T. III: Estudios de. Síntesis. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos. – 1974. – P. 436.

[214] Алексеев С. С. Право и правовая система. Известия высших учебных заведений // Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 27-34.

[215] Головина А. А. Право и «метаправо» как компоненты правовой системы // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник науч. трудов по итогам междунар. науч.-практ. конференции. Екатеринбург. – 2015. – № 2. – С. 14-16.

культурой, то есть они не только национальны, но и являются частью более крупных объединений. «Право – это древнейший механизм саморегуляции, культурно-нормативная ценность»[216]. Соотношение между правом и культурой, конечно, не линейное и довольно сложное. «Оно включает в себя четыре условия: единство, различие, взаимодействие, противоречие»[217].

Для развития нашего исследования стоит отметить, что в Испании к XI веку завершается становления феодального порядка и формулируется его идеология. Создается универсальный и единообразный европейский художественный язык, стремящийся транслировать в общество не только теологические социально-культурные представления, источником которых в основном является Церковь, но и светскую социально-экономическую идеологию[218].

Культура, в частности, искусство, может служить одним из инструментов легитимации власти. Трудно не согласиться с тем, что «с помощью искусства в целом и изобразительного искусства в частности каждый человек вовлекается в огромное информационное поле, в котором хранятся, накапливаются и передаются художественно-эстетические и духовные категории культуры, в том числе правовой культуры»[219]. «Искусство прямо или косвенно всегда соприкасалось с правом, отражая его и влияя на представление о справедливом и несправедливом, произволе или насилии, нравственном и безнравственном, прекрасном или безобразном»[220].

Культура в целом и искусство в частности – нормативные феномены. Они призваны не развлекать, как это представляется в современном мире, а направлять и даже управлять общественным сознанием, которое включает в себя правосознание. Нормативны и другие элементы культуры – религия, политика, обычаи, мораль и др. Нормативность можно считать системообразующим фактором, выявляющим внутренние закономерности каждого социально-культурного феномена. Нормативно-ценностное измерение культуры, по мысли Е. А. Лукашиной, важно для юристов, поскольку право и правовое

---

[216] Балакшин А. С. Культура и право // Научные проблемы водного транспорта. – 2014. – № 36. – С.146.

[217] Гусейнов А. И. Соотношение права и культуры // Социология власти. – 2005. – № 6. – С. 142.

[218] Larrañaga Zulueta, M. Una función ¿marginal? de la imagen románica: la legitimación del poder feudal // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid, CSIC. – 2008. – P. 160.

[219] Малышкин А. В. Изобразительное искусство и право: формы взаимодействия и интегрирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 45.

[220] Вишневский В. П. Право в изобразительном искусстве // Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции / сост. Т. А. Кочемасова, Н. Н. Мухина. Ярославль: Филигрань, 2015. – Вып. 1. – С. 114.

поведение людей не существуют изолированно в вакууме, они социально обусловлены, и именно культура обеспечивает воспроизводство эталонов и ценностей, лежащих в основе государственно-правовой системы[221].

Такое понимание дало возможность Л. И. Спиридонову показать, что «культурные и правовые нормы могут совпадать по своему содержанию, т.е. они могут заключать в себе одни и те же правила поведения»[222]. Это совпадает с мнением А. Ф. Лосева о том, что уже в искусстве Античности «установленные понятийные нормы мировосприятия должны были найти своё выражение в искусстве»[223]. Античные государства осознавали силу искусства, которому придавалось прикладное значение как «средству воспитания граждан и политической агитации»[224]. Это относилось и к скульптуре, которая обладала огромными дидактическими возможностями по формированию картины мира, в том числе, политико-правовой.

Визуализация маргинальности в средневековом испанском (в частности, романском – XI-XIII вв.) искусстве служила для контрастного выявления добродетели легитимируемых репрезентаций власти. В это время происходит становление власти, которая впоследствии будет названа публичной и станет основой для определения государства. Раннее средневековое государство нуждается в легитимизации и для этого использует, в частности, идеологические тексты разной природы, законодательную деятельность, судебные действия и насильственное принуждение. Контекст обеспечивается религиозной формой посредством романского храма. Так развивается форма средневекового аудиовизуального языка, в котором романский художественный образ и проповедь часто совпадают по форме и содержанию[225]. При этом прихожане могут многое не понять в сложной проповеди, а поэтому необходим иллюстративный материал, который понятным для простых умов крестьян и горожан языком сможет донести не только непосредственное религиозное, но социально-экономическое послание, исходящее от власти. Это объясняет выделение огромных средств на художественные произведения со стороны государства и Церкви, а также местных сеньоров.

Из этого следует, что искусство тоже участвует в процессе становления государственно-правовой системы: «право, как и культура, … дает си-

---

[221] Лукашева Е. А. Право и культура // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 5 – С. 32.
[222] Спиридонов Л. И. Теория государства и права. Москва: Проспект, 2001. – С. 119.
[223] Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Москва: АСТ, 2000. – С. 741.
[224] Кравцов Н. А. Живопись и скульптура в политической жизни Древнего Рима // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 25.
[225] Larrañaga Zulueta, M. Una función ¿marginal? de la imagen románica. – P. 157.

стему оценок: добро – правомерное, зло – неправомерное»[226]. При этом то, что является культурной девиацией может быть расценено правом как правонарушение, и наоборот, хотя совпадение необязательно и неполно.

Религия – важнейшая часть средневековой европейской культуры. Можно сказать, что христианство – это ядро европейской цивилизации. Поэтому светские и религиозные образы в искусстве часто неразделимы. Не всегда можно точно понять, где заканчиваются одни транслируемые смыслы и начинаются другие. Искусство в своей основе религиозно. Поэтому религиозные образы в искусстве содержали в себе комплексные послания, в которых трудно выявить отдельно политические, отдельно правовые, а отдельно – чисто религиозные послания. Искусство – это способ отражения мира, особый взгляд, который запечатлевается в каком-то прочном материале, что позволяет нам напрямую увидеть репрезентации важнейших социальных феноменов Средневековья, познать мир глазами давно ушедших людей той далёкой эпохи.

Трудно сказать, что появилось прежде: сначала был придуман божественный суд, который воплотился в общественных институтах, или наоборот – суд как социальный институт был отражён в религиозных представлениях. Ясно лишь то, что оба они идут из глубины веков и рождаются в сознании человека как способ ментального упорядочивания действительности, который воплощается в той или иной форме в общественной практике. Государство земное – это отражение, хоть и несовершенное, государства небесного. «Бог установил естественные и человеческие законы и этим законам человек неизбежно подчиняется»[227]. Это непререкаемая истина Средневековья. Поэтому одно из основополагающих качеств социального порядка – неизменность. Любые изменения воспринимались, если они были направлены на то, чтобы устранить какой-то недостаток, препятствующий достижению божьего мира на земле.

В более прагматичном видении религия служила одним из важнейших легитимирующих инструментов зарождающейся публичной власти, которой необходимо было опираться на духовный авторитет. Именно правящие элиты Пиренейского полуострова на политическом и интеллектуальном уровне использовали религиозные и юридические тексты и хроники, а также символы и институты, которые придавали складывающемуся обществу характер единства и коллективного смысла[228].

---

[226] Сорокина Ю. В. О взаимодействии права и культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 4 (31). – С. 73.
[227] Там же. С. 80.
[228] García-Serrano F. Reflexiones sobre la identidad: la invención medieval de España // Cuadernos Canela: Revista anual de Literatura, Pensamiento e Historia, Metodología de la

Общество обладало магическим мышлением, которое направлялось христианством. Сотрудничество с Церковью было важным для королей, а Церковь использовала инструменты управления, которыми пользовалась светская власть. Таким образом «европейская политико-правовая мысль в период Средневековья испытывала сильнейшее влияние религии, а юристы находились под весьма ощутимым бременем богословия. Влияние церкви и канонического права в той или иной мере проявлялось во всем христианском мире»[229].

Религия, политика и право были неразрывно связаны друг с другом. Они имели одни корни – нормативное систематизированное мышление. Этим они отличались от мифологического мышления, и названные качества помогли им стать важнейшими регулятивными инструментами. «Все сферы общественной жизни, политико-правовая мысль, законодательство и даже искусство не были разделены. Они образовывали гармоничную систему, элементы которой активно взаимодействовали. Объединяла их религия»[230].

Эта связь была настолько сильна, что не было ничего удивительного в том, что король мог издавать постановления, касающиеся церковной власти (например, в некоторых странах короли могли назначать епископов), в то время как церковные Соборы принимали решения, касающиеся политики и вынуждали королей подчиняться принятым решениям. И, конечно, «религия – это один из инструментов, способствующих формированию всех уровней правосознания (официального, профессионального, обыденного)»[231].

Религиозные нормы вместе с правовыми определяли «сценарии повседневного поведения»[232]. «Человек живет в мире, управляемом законом, и хотя он не страшится своей судьбы, он знает, что ведом провидением, а оно подчинено воле Бога – суверенного законодателя, и божественным законам»[233]. Религия и нравственность оказывали значительное влияние на правовые отношения (Кондратьева, 2014, с. 208).

Особенно ярко связь религии и права проявляется в определении преступления, неразрывно связанного с понятием греха. «Изначально, раннесредневековое общество не разграничивало такие понятия как грех и

Enseñanza del Español como Lengua Extranjera y Lingüística de la Confederación Académica Nipona, Española y Latinoamericana . – 2011. – № 23. – P. 28.

[229] Лукашева Е. А. Указ. Соч. – С. 36.

[230] Калинина Е.Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход. Дисс. … д.ю.н. Санкт-Петербург, 2021. – С. 206.

[231] Там же. С. 201.

[232] Young Gregg J. Devils, Women, and Jews: Reflections of the Other in Medieval Sermon Stories. New York: SUNY Press, 2012. – P. 3.

[233] Сорокина Ю.В. Указ. Соч. – С. 81.

преступление, они являлись синонимичными и взаимно заменяемыми. В самом общем виде все преступления были грехами, а все грехи – преступлениями»[234].

В христианской религии так же крепко связаны и зависят друг от друга понятия искупления и греха, поэтому логично, что в произведениях искусства, задуманных для того, чтобы подчеркнуть важность искупления, грех играет значительную роль, и поэтому оба они представлены вместе, графически показывая связь, которая должна быть между ними[235].

Для средневекового европейского искусства тема греха была одной из основополагающих. Она охватывала не только связь нашего и потустороннего мира, но стала определяющей для понимания того, что считается правильным и неправильным в конкретном политико-правовом пространстве. Искусство стало не просто способом визуализации основополагающих для средневекового общества образов, но орудием публичной власти в процессе становления и консолидации.

Очевидно существование определённых механизмов, к использованию которых прибегают те, кто осуществляет власть в сформировавшемся феодальном средневековом европейском обществе, узаконивая свое положение путём передачи устных и визуальных взаимодополняющих посланий обществу[236]. Это новая перспектива рассмотрения произведений искусства в политико-правовом контексте, который демонстрирует непривычную для обычного зрителя систему, где фокус сдвигается с творца на заказчика.

Для того чтобы идентифицировать заказчика в эпоху романского искусства, мы должны спросить себя, кто финансировал художественные произведения. Это те, кто индивидуально или коллективно играли роли социальных лидеров. Таким образом, мы можем говорить о королях, дворянах-мирянах, высоком духовенстве, монастырях и городских советах, но все они имеют общий знаменатель, поскольку погружены во Вселенную, глубоко отмеченную христианской мыслью и феодальным строем[237].

Такой взгляд позволяет рассмотреть идею, закладываемую в произведение искусства и способ её подачи, поскольку заказчик может согласиться или не согласиться с предлагаемой композицией, концепцией мастера. Идея заказчика зависит от политико-правового контекста, который определялся

---

[234] Кондратьева А.Н. Соотношение понятий «Грех» и «Преступление» в средневековом каноническом праве западной Европы // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – № 20 (6). – С. 209.

[235] Teijeira Pablos, M.D. Vicio y ¿castigo? en las sillerías de coro una visión crítica del pecado en el tardogótico hispano // Clío & Crímen: Revista del Centro de Historia del Crimen de Durango – 2010. – № 7. – P. 62.

[236] Larrañaga Zulueta M. Una función ¿marginal? de la imagen románica. – P. 157.

[237] Ibid. P.158.

двумя основными компонентами: религиозной и светской управленческими доктринами, которые, в рамках гипотезы данной работы, тесно, практически неразрывно, связаны между собой. Искусство религиозно, даже если оно антирелигиозно, именно потому, что оно не может освободиться от опеки Церкви. Ведь именно Церковь в романский период обладает почти неограниченной монополией на культуру, и практически все социальные тексты – от привычных нам, письменных, до визуальных – создаются и передаются посредством этой структуры. Впрочем, спасает то, что нередко сами рассказчики, авторы произведений искусства, неортодоксальны. К тому же мастер может следовать логике иллюстрируемого нарратива, более или менее дословно переводя текстовое повествование в изображения, в котором отражаются разные стороны действительности и мировидения. Мы не знаем точно, в какой степени живописцу или скульптору, помимо технических решений, было позволено выйти за пределы установленных заказчиком и общей культурой границ. Конкретные темы, которые должны быть представлены, и построение сюжета, по всей вероятности, решался мастером. Тем не менее, свобода художника в Средневековье, по мнению многих авторов, всё же была минимальной. Сюжет выбирался заказчиком, способ работы и композиция обусловливались культурой, традицией, имеющимися техническими средствами.

Иконография зависит от идеи пространства-времени и видения общего смысла реальности, которые также определяются официальной религиозной доктриной. Например, в рассматриваемое время мы имеем дело с пониманием реальности как отражения предустановленного божественного порядка. Пространство не делится строго на материальное и нематериальное. Время имеет начало (Творение) и конец (Страшный Суд), внутри него чётко выделяется время жизни и земной смерти Христа, но при этом время не движется, оно существует в зафиксированном виде, а значит, всё существует одновременно.

Все эти принципы общего устройства реальности отражаются в романском искусстве. Следовательно, можно предположить, что политико-правовые образы ясно отражены в испанском романском искусстве. Дуалистическое представление о мире отражается в виде противостояния маргинального и официально допустимого и одобряемого.

Главное в искусстве то, что оно одновременно рационально и иррационально, а, следовательно, обладает возможностью воздействия на рациональную и иррациональную зоны сознания (иначе говоря, на разум и подсознание). Информация, которая связана с эмоцией, действует на картину мира отдельного человека и целых социальных групп более интенсивно. В этом состоит сила убеждения образов, созданных искусством. Они часто

замещают в сознании реальность. И в этом нет ничего удивительного: для сознания все обрабатываемые образы одинаково реальны.

Способность визуальных образов активировать эмоции была отмечена уже с давних времён[238]. Если искусство предоставляет более яркие, эмоционально наполненные образы, то они будут более значимыми для сознания, чем отражение реальности. На этом основано действие средств массовой информации. Книжные герои становятся более близкими, чем окружающие люди. Формируются герои и антигерои. «Один из возможных способов влияния искусства на личность заключается в способности искусства к моделированию. Человеческие поступки зачастую являются следствием полученного опыта»[239], который не обязательно должен быть реальным.

Виртуальный опыт, полученный из смоделированного, в частности, посредством искусства, присваивается индивидами и коллективами. Произведение искусства может направлять образ мысли и поведения, заложив в основу сознания определённую мифологию, которая может иметь и политико-правовой характер.

Религиозность средневекового искусства небесполезна для историка права, потому что религиозные нормы близки к тому, что сегодня считается безусловно правовой сферой жизни. Поэтому религиозный текст, определяющий границы возможного или должного поведения, осуждающий определённые виды поведения, наглядно демонстрирует границу между маргинальностью и нормальностью. Эта граница пролегает близко от границы между добром и злом. «Причина плохих поступков, в том числе и преступлений – в грехе. Таким образом, грех и преступление имеют различную природу. В то время как грех рождается в сердце человека, преступление – это его внешнее выражение. Получается, что грех лежит в основе преступления, является основанием и причиной его совершения. Соответственно грех и преступление можно соотнести как причину и внешнее следствие»[240].

В романскую эпоху была сформирована иерархическая социальная структура, имитирующая небесную гармонию, создан феодальный порядок, понимаемый не только как совершенный и справедливый, но и как необходимый для достижения вечной жизни, то есть освящённый религиозными миропониманием. Возникновение этого порядка более или менее совпадает

---

[238] Gombrich E.H. La imagen visual, su lugar en la comunicación // La imagen y el ojo:nuevos estudios. La imagen y el ojo. Madrid: Debate. – 2000. – P. 137-161.

[239] Васильева Е. Н. Единство задач правовой политики и искусства: теоретико-методологический дискурс // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 383.

[240] Голубов И. И., Денисенко М. В. Некоторые аспекты соотношения греха и преступления // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 4. – С. 144.

с формированием ранней государственности, становлением публичной власти, переходом от общинного устройства к территориальному. Для достижения такого общественного устройства феодальное дворянство сделало крестьянство зависимым, присвоив средства производства. Этот процесс подчинения большей части общества, несомненно, нуждался в эффективных формах легитимации, в том числе, с помощью искусства.

Концепция маргинальности в Средневековье непроста для восприятия в современности. Как маргинальные группы, так и их положение менялись, и искусство повторяло эту эволюцию[241]. Восприятие образа маргинала субъективное, и связано это не только с недостаточностью источников, но и с тем, что эта группа неоднородна и нестабильна. Маргинализированы те группы (компактные или нет), которые, будучи частью общества, не в полной мере могут проявлять себя из-за того, что они подвергаются давлению, исключению, унижению. Непреодолимые социально-объективные обстоятельства мешают им изменить свой статус, например, перейти в социально значимую группу, позволяющую обладать более или менее полным набором прав. Они зависимы практически от всех других социальных групп, не может существовать без посторонней помощи.

Маргинал не принадлежал к закрытой или стабильной социальной группе, не соответствовал определённому профилю, который охватывал бы все возможные признаки маргинала – он мог принадлежать к различным социальным группам или не принадлежать ни к одной из них[242].

Маргинальное сообщество не закрыто, и в него периодически могут попадать люди, изначально принадлежащие другим группам. Но и попадание в эту группу не фатально. Из большинства маргинальных групп можно выйти и вернуться в социум. Ещё один интересный факт Средневековья – возможность одновременной принадлежности к маргинальной и общепризнанной социальной группе.

Так, например, зарождается легенда о рыцаре-разбойнике, то есть о благородном человеке, который в силу несправедливости вынужден уйти на социальную периферию. Этот образ, конечно, более поздний, поскольку только к эпохе Нового времени устоялись социальные границы, определяющие поведение допустимое и недопустимое, что связано с окончательным становлением публичной власти, которая была способна насаждать жёсткие правила поведения с помощью санкции. В любом случае достоверно из-

[241] Gutiérrez Baños F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC, 2009. – P. 185.
[242] Medina B. Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria. Trabajo de Fin de Grado.Universidad de Valenci. – 2016.

вестно, что тот, кто ушёл в разбойники, мог вернуться, если сохранял свою анонимность.

Роль маргинала в Средневековье важная для общества. Это огромная социально сконструированная общность, своего рода «воображаемое сообщество». Общеизвестное понятие «воображаемых сообществ», введённое Б. Андерсоном, не означает, что они являются несуществующими общностями, а то, они были сконструированы, чтобы быть представленным в коллективном воображении, потому что идеи нации, родины, земли, народа, религиозных или политических образований гораздо более обширны и сложны, чем каждый человек может испытать непосредственно в индивидуальном опыте, поэтому различные общины, неважно, реально они существуют или только в ментальности, должны быть чётко определены, чтобы сохраниться живыми в коллективной памяти[243].

Они, как минимум, формируют понятие границ в обществе с разных точек зрения, например, в поведенческом аспекте, при формировании идентичности. Ведь если существуют маргиналы, значит, есть и периферия, начинают обозначаться границы. Но сама его личность пока трудно определяется: его голос не слышен в хоре других голосов, доносящихся к нам из пространства Средневековья. Они не занимают какое-то пространство, и чаще всего их статус тем и определялся, что они выходили, добровольно или вынужденно, за пределы чётко устанавливаемых обществом границ. Для общества они зачастую как бы не существуют. Признать их существование равноценно признанию того негативного, что нормальная личность или группа как субъект отрицают сами в себе. Поэтому источники не только не стремятся обозначить их существование, но, напротив, либо его сводят к социальному нулю, либо представляют чем-то негативным, что необходимо изжить в себе.

В этом случае, когда мы, наконец, пытаемся установить связь с людьми Средневековья и что-то узнать о них, мы находимся в затруднительном положении. У нас нет письменных документов, в которых сами маргиналы объективно рассказывали о себе. Все свидетельства в основном исходят с противоположной стороны, чаще от элит, а потому небеспристрастны и чаще всего негативны. Фигура маргинала средневекового мира видится сегодня нечётко, его голос молчит, его личность размывается, границы занимаемого им пространства постоянно меняются[244].

Когда мы говорим о репрезентации маргинальности в средневековом искусстве, то необходимо разделить эту тему на две части. С одной

[243] García-Serrano F. Ibid. P. 27.

[244] Lahoz L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. textos y contextos // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC, 2008. – P. 213.

стороны, речь идёт о маргиналиях – обычно живописных или графических произведениях на полях рукописи, которые служили иллюстрацией к тексту или исполнялись художниками без всякой связи с содержанием, скорее всего, из скуки или по другим причинам, ныне нам не известным. С другой стороны, это изображение маргиналов. Это две разные модели. В первом случае речь идёт о «маргинальном искусстве», а во втором – об искусстве «в центре» и от лица центра, которое повествует о социальной периферии[245]. Маргиналы могли изображаться и на периферии, и особенно это относится к обсценным фигурам, изображающим грехи. Они могли появиться на портиках неглавных входов, на спинках хоровых кресел и т.п.

Средневековая скульптура имеет большое значение как сама по себе, так и как одно из основных средств коммуникации и пропаганды, используемых религиозным обществом для передачи ряда моделей поведения, которым следует подражать[246]. В готической скульптуре образы становятся более доктринальными и закосневшими, в них не столь ярко проявляется дыхание народной жизни. Мастера ограничиваются в элементах иконографии, в образах. Романские мастера находились в поиске, а потому их работы более непосредственны. Они могут отразить даже эмоцию художника, нередко – его иронию, которая граничит с перевёрнутой репрезентацией транслируемого текста.

Маргинальные фигуры занимают значимое место в романском скульптурном испанском искусстве. Художественные репрезентации маргинальных групп обладает специфическими характеристиками, которые позволяют определить их статус и уточнить их социальный статус[247]. Они предстают в виде не главных персонажей, но тех, которые призваны подчёркивать их нормальность и даже добродетельность (самый яркий пример – подача милостыни, акт, который отличает святых или милосердных людей). Маргиналы как бы оттеняют положительную роль основных действующих лиц изображаемого сюжета, не будучи всегда в полной мере отрицательными, хотя это нередко. Их главная роль исходит из их функции, выраженной в попытке их исключения.

Например, идея Добра представленного ангелами, святыми, библейскими сценами и т.д. контрастирует с идеей Зла, отождествляемого с чудовищными деформированными существами, населяющими романский

[245] Gutiérrez Baños F. Ibid. P. 185.
[246] Lahoz L. La imagen del marginado en el arte medieval // Clio & Crimen. – 2012. – № 9. – P. 41.
[247] Muñoz Martínez A.B. Pobreza, enfermedad y exclusión en la iconografía bíblica románica // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC, 2008. P. 167.

мир[248]. В этом иконографическом контексте тот, кто сталкивается со злом, – воины, рыцари - связаны с окружающей социальной реальностью, прекрасно известной зрителю. В библейских сценах, скорее, будут присутствовать люди, одетые по современной зрителю моде, а не в старинных одеждах. Это служит тому, что прослушивая проповедь, прихожане, видя современные им образы, легче ассоциируют сказанное со своей повседневной жизнью[249]. Так проповедь и романское искусство превращаются в мощный легитимационный инструмент, используемый властью.

Образы маргиналов обязательно необходимо учитывать при трактовке послания, транслируемого произведением искусства, чтобы создать более объёмное представление о средневековой реальности.

Маргинальных групп в средневековой Испании очень много, и мы остановимся на той, что наиболее ярко отражена в романской скульптуре – это образ грешника. Он отличается репрезентативностью, когда мы работаем в русле историко-правовой науки, поскольку речь в сюжетах, в которых фигурируют грешники, идёт о границах поведения, о его допустимости, о «преступлении» и наказании. Из наиболее часто встречающихся сюжетов можно увидеть, как развивалось средневековое право.

Грешников изображали особенно интенсивно, по сравнению с другими маргиналами. Они составляли, пожалуй, самую большую маргинальную группу, потому что всё, что не входило в нормы Церкви, считалось грехом. Грешниками признавались, с одной стороны, все те, кто совершал один или несколько смертных грехов, к которым относились гордость, жадность, похоть, гнев, обжорство, зависть и лень. С другой стороны, грешниками были те, кто уличался в краже, прелюбодеянии, убийстве, содомии или проституции. Все эти действия, на первый взгляд трудно контролируемые, строго регулировались религиозными и светскими законами и осуждались средневековой Церковью, которая стремилась предотвратить их через внушаемый прихожанам страх. Церковь использовала целенаправленный дидактический подход, который заключался в подробном описании грехов, что должно было вызывать ужас от сцен мучений осужденных. Грешники изображались как в масштабных сценах, связанных, прежде всего, со Страшным судом, так и сами по себе, как назидательные картинки для прихожан. Описание грехов и стремление вызвать сильные негативные эмоции прихожан от наблюдения за муками осужденных, а также близость Страшного Суда – это воспитательный метод, используемый Церковью намеренно[250]. В юриспруденции такой подход называется превентивным.

---

[248] Larrañaga Zulueta M. (2012) Sermón, sociedad y sacralización del orden social: siglos XII-XIII // Mundos medievales: espacios, sociedades y poder. – 2012. – № 1. – P. 654.
[249] Larrañaga Zulueta M. Una función ¿marginal? de la imagen románica. – P. 161.
[250] Lahoz L. La imagen del marginado en el arte medieval. – P. 42

Загробная жизнь, изображаемая скульпторами и живописцами, сообщает нам о средневековом видении мира. Это идеальная модель, по которой можно судить о повседневности, в частности, об управлении обществом, о суде и правовых обычаях. Многие испанские учёные сходятся в том, что описания загробного мучения грешников нередко даёт представление о земной юстиции. Адские муки транслируют, в том числе, правовой опыт общества в наказании преступников. И это вполне нормально, если учесть, что даже самая бурная фантазия основывается на том, что воспринимается из реального окружающего мира. Воспитательное воздействие на прихожан тем сильнее, чем большую связь с реальностью они ощущают. Нет никаких сомнений в том, что образы ада имеют не столь много фантастического в своей основе. Средневековый ад отражает повседневность и тесно связан с правовыми и религиозными повседневными практиками.

Изображение имеет инструментальный характер, через изображения передаются и получаются разнообразные послания. Образ сам по себе является проповедью[251]. Средневековая иконография фокусируется на персонажах, которые становятся маргиналами, или, точнее, изображают то, что власть через церковь стремится маргинализировать. Именно поэтому особенно ярко изображаются картины, в которых показано наказание, а также поясняется, какими качествами, внутренними и внешними, обладает грешник. Художники используют хорошо известные и сегодня средства: яркий цвет (скульптуры часто были полихромными), экспрессионизм в изображении, натурализм или, напротив, деформация формы, композиция, в которой акцентировалось самое важное в транслируемом послании, символизм, с помощью которого в один зрительный образ закладывалось несколько значений, легко считываемых современниками, манипулирование с пространством и временем в построении образов. И, конечно же, нужно отметить такую важную характерную черту романского искусства, которая может вызвать недоумение у тех, кто знаком со средневековым искусством поверхностно – его реалистичность. Реалистичность эта заключается не в портретности и не в стремлении художника копировать действительность, с точки зрения формы, внешних признаков. Реалистичность заключается в том, что это искусство, несмотря на жёстко заданные религиозные образы, стремилось отражать окружающую жизнь. На это обращает внимание Агустин Гомес Гомес[252].

Средневековая скульптура имеет большое значение, с одной стороны, сама по себе, а с другой как одно из средств коммуникации и пропаганды,

[251] Ibid. P. 51.

[252] Gómez Gómez A. Y lo cotidiano en la iconografía románica de la Ribera del Duero // Biblioteca: estudio e investigación. – 2008. – № 23. – P.217.

наиболее часто используемых религиозным обществом для передачи ряда моделей поведения для подражания. Понятие порядка имеет основополагающее значение для понимания средневековой вселенной и, следовательно, для интерпретации мира художественных образов, которые, в сущности, говорят именно о небесном и земном порядках[253], то есть о том, как должно быть, как следует вести себя.

Само религиозное здание, то есть церковь, в средневековые времена обладало огромной властью над верующими, поскольку считалось Домом и Словом Божьим. Этот факт позволил инструментализировать как живопись, так и скульптуру. Изображения выстраивались в логике объединения прошлого (библейского), настоящего (отражение повседневности в одежде, занятиях и т.п.) и будущего времени (Страшный суд). В результате в повествование о должном и неправильном неминуемо вплетались мотивы, связанные с современностью. Одним из элементов визуальных образов становилась мирская власть, значение которой прочитывалось зрителем. «Посредством этого дискурса земная власть, церковная или светская, легитимизирует себя, становясь неотъемлемым элементом достижения конечной цели человеческого общества – спасения во Христе, что являлось конечной целью католической цивилизации»[254].

Откуда же черпались яркие образы, до сих пор вызывающие сильные чувства? Художники и скульпторы отвечали за то, чтобы изображать наиболее драматическими красками всевозможных демонов и мучения, претерпеваемые в качестве наказания, которые оказывали наиболее сильное эмоциональное воздействие на простые умы жителей приходов. «Идея возмездия, выраженная в духовном и земном наказании, не просто преследовала цель «поучить» наказуемого, а имела характер сложного процесса по охранению «своего» мира от влияния хаоса, якобы порожденного дьяволом. Следовательно, проблема преступления выходила за рамки чисто юридической и переросла в метафизическую сферу, приобретая этико-религиозную значимость»[255].

Сцены ада и наказаний нередко брались из откровений, полученных монахами. Иногда те во всех подробностях рассказывали о полученном трансцендентном опыте, уверяя, что они присутствовали в своих видениях в аду по Божественной благодати, чтобы донести до народа ужасы, которые ждали в этом месте всех тех, кто попирал общественные нормы. Примером является бенедиктинский монах Альберико де Сеттефрати, который в XII

[253] Larrañaga Zulueta M. Orden e imágenes en la Edad Media // Eikón Imago. – 2015. – V.4. – № 2. – P. 382.
[254] Larrañaga Zulueta M. Imagen, palabra y poder (siglos XI-XIII). Oppidum: cuadernos de investigación. – 2007. – № 3. – P. 105.
[255] Целищева З. А. Идея возмездия в средневековой культуре западной Европы // Материаловедение. Энергетика. – 2010. – № 2-2. – С. 252.

веке утверждал, что его доставили голубем к вратам ада, откуда Святой Петр и два ангела сопровождали его во время его визита. Альберико описал наказания грешников, заявив, что порочные женщины, особенно те, которые отказались кормить грудью своих детей, были подвешены за груди, а также были покусаны змеями; прелюбодейки были повешены за волосы и сожжены; прелюбодеев, а также тех, кто сексуально не воздержался в воскресенье, заставляют спуститься по железной лестнице, раскалённой докрасна, в сторону пруда из кипящей смолы; мужья-тираны и женщины, которые делают аборт, жарятся в печах; убийц бросают в огненное озеро цвета крови; епископов, которые покрывают коррумпированных священнослужителей, погружают в котлы с кипящей смолой, свинцом, оловом и серой; драконы, змеи и другие адские животные без разбора нападают на всевозможных грешников, таких как воры, лжесвидетели, лжецы, кощунники, и т.п.[256]. Кроме того, монахи обычно украшали свои рассказы, объясняя, что они видели какого-то уже умершего соседа в аду, который они посетили, что увеличивало доверие христианского населения к этим рассказам.

Грехи, которые больше связаны с земными страстями, с самыми низкими инстинктами, давали возможность разгуляться фантазии художника, который создавал либо очень страшные, либо, наоборот, бурлескные, даже иногда гротескные образы. Это свидетельствует не о неумелости средневековых художников, как часто ошибочно полагают, а об интуитивном знании психологии. Это своего рода сатирический взгляд на грех как преступление, особенно если он носит плотский характер, сочетающий в себе критику и насмешку. «С одной стороны, пороки преследуются и наказываются, хотя нередко с невысокой эффективностью, даже в среде клира. Но наряду с критическим взглядом всегда присутствует юмор, насмешка, даже игривость, которые придают изображаемым образам компонент забавы, расслабления»[257]. Обсмеянный грех не столь соблазнителен, не вызывает желания следовать ему.

Вероятно, для придания большей эмоциональности эти образы нередко становились вульгарными, обсценными. Впрочем, именно эта обсценность ряда романских скульптурных образов нередко заводит в тупик современных исследователей, особенно если учесть священность того места, в котором эти образы появляются – церковь. И средневековые, и современные авторы согласны с эффектом непристойного – оскорбление, скандал, шок, но причины репрезентации сексуальных (иногда порнографических) образов, связанных с религиозными сюжетами, пока остаются неопределёнными[258].

---

[256] См.: Medina, B. Op. Cit.

[257] Teijeira Pablos, M.D. Op. Cit. – P. 171.

[258] Villaseñor Sebastián F. Obscenidad en el margen // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. – Madrid: CSIC, 2008. – P. 102.

Таким образом, скульптура предлагает нам определенное восприятие эпохи, целостное мировоззрение, которое безымянные авторы хотели передать своим современникам, а мы вынуждены подвергать тщательной дешифровке. Романское искусство представляет нам множество образов, которые содержат в себе гораздо больше, чем демонстрируют, а потому у исследователей вопросов оно вызывает гораздо больше, чем даёт ответов.

§ 13. Петр I и межконфессиональные браки в Российской Империи

В России вплоть до XVIII столетия вступление в брак православных с лицами иной веры или иной конфессиональной принадлежности официально считалось недопустимым. Запрет был основан на правилах двух поместных и двух вселенских церковных соборов: поместного Лаодикийского собора 341 года (правила № 10[259] и 31[260]), поместного Карфагенского собора 393–419 года (правило № 30[261]), вселенского IV-го собора 451 года (правило № 14[262]) и вселенского VI-го собора 680-681 года (правило № 72[263]).

Эти правила, вошедшие в состав Кормчей книги, церковного сборника, появившегося на Руси в XIII веке[264], запрещали браки христиан с язычника-

[259] «Не должно церковным без разбора совокупляти детей своих брачным союзом с еретиками».

[260] «Не подобает со всяким еретиком заключати брачный союз или отдавати таковым сынов или дщерей, но паче брати от них, аще обещаются христианами быти».

[261] «Заблагоразсуждено, чтобы дети состоящих в клире не совокуплялися браком с язычниками или с еретиками».

[262] «Понеже в некоторых епархиях позволено чтецам и певцам вступать в брак: то определил святый Собор, чтобы никому из них не было позволено брать себе в жену иноверную; чтобы родившие уже детей от таковаго брака, и прежде сего уже крестившие их у еретиков, приводили их к общению с Кафолическою Церковью, а некрестившие не могли крестить их у еретиков, ни совокуплять браком с еретиком или иудеем, или язычником; разве в таком только случае, когда лицо, сочетавающееся с православным лицом, обещает прейти в православную веру. А кто преступит сие определение святаго Собора тот да подлежит епитимии по правилам».

[263] «Недостойно мужу православному с женою еретическою браком совокупляться, ни православной жене с мужем еретиком сочетаваться. Аще же усмотрено будет нечто таковое, соделанное кем-либо: брак почитать не твердым, и незаконное сожитие расторгать. Ибо не подабает смешивать несмешаемое, ни совокуплять с овцою волка, и с частью Христовою жребий грешников. Аще же кто постановленное нами преступит: да будет отлучен. Но аще некоторые, будучи еще в неверии, и не быв причтены к стаду православных, сочеталися между собою законным браком: потом один из них избрав благое, прибегнул ко свету истины, а другой остался во узах заблуждения, не желая воззреть на Божественные лучи, и аще при том неверной жене угодно сожительствовать с мужем верным, или напротив мужу неверному с женою верною: то да не разлучаются, по Божественному Апостолу: святится муж неверен от жены, и святится жена неверная от мужа».

[264] Впоследствии эти правила были включены и в Книгу правил, сборник церковных канонов, впервые изданный Святейшим Синодом в 1839 г.

ми, иноверными и еретиками. Допускались лишь случаи, когда нехристианин при вступлении в брак обещал принять христианство либо когда один из супругов-нехристиан, уже состоявших в браке, принимал христианство.

По сути, данные правила вовсе не запрещали браки между христианами различных конфессий, но Русская православная церковь с середины XV века трактовала еретичество весьма широко, называя еретиками католиков и вообще всех неправославных христиан. Поэтому, чтобы неправославный мог вступить в брак с православным, от него обычно требовали, чтобы он присоединился к православию.

Отказ же от православия считался преступлением. Например, за совращение православного в басурманство (ислам), совратителю грозила квалифицированная смертная казнь в виде сожжения (ст. 24 гл. 22 Уложения 1649 г.).

Такая официальная позиция Русской церкви и властей, конечно же, не означала, что в России в доимперский период на практике вовсе не было случаев заключения браков православных лиц с христианами других конфессий и даже с лицами иных вероисповеданий[265], однако подобное расценивалось как нарушение существующих правовых норм либо исключение из них.

Позиция отечественного законодателя в этом отношении меняется лишь в первой четверти XVIII века. Впервые разрешение на межконфессиональные браки было законодательно установлено при царе Петре Алексеевиче в самом конце Северной войны, и мотивировалось это государственными нуждами – необходимостью привлечения на русскую службу иностранцев, прежде всего плененных в ходе Северной войны шведов. Любопытно, что произошло это при участии небезызвестного Василия Никитича Татищева.

В 1720 году капитан артиллерии Василий Татищев и бергмейстер Иван (Иоганн Фридрих) Блиер во главе особой команды были посланы в Сибирскую губернию для прииска рудников и строительства заводов. Помимо прочего, им было поручено всячески привлекать к рудному и торговому делу пожелавших поступить на русскую службу пленных шведов, поселенных в Казанской и Сибирской губерниях. 7 марта 1721 года Татищев и Блиер сообщили в Берг-коллегию, что многие шведские пленники согласны служить русскому государю, «имеют охоту селиться для торгов», но просят позволить им жениться на русских девках без перемены для этого своей веры. Оказалось, что немало шведов уже поженились на русских, но у многих из них «за разность веры жен поотняли» и отдали в супружество другим,

[265] Некоторые исторические примеры таких браков были приведены в указе Святейшего Синода от 23.06.1721. – См. ниже.

поэтому из них, шведов, «опасен всякой принять и службы, ибо своей веры жены достать тамо не может, а русской не дают». В результате Берг-коллегия в мае того же 1721 года обратилась с соответствующим прошением во вновь учрежденный Святейший Правительствующий Синод (Духовную коллегию), ссылаясь на то, что в России своих необходимых специалистов нет, что в других странах «в рудных делах гораздо искусных людей» найти сложно, что из таковых лишь немногие согласны «тамо оставя свои домы и промыслы» приехать в Россию и что в некоторых государствах выезд в Россию на службу ныне вообще запрещен[266].

Еще ранее этого обращения Берг-коллегии в Синод в апреле 1721 года был издан царский манифест «О призыве шведов в службу…», которым позволялось каждому из военнопленных при условии принятия присяги на верность и подданство российскому государю «в государстве Нашем в городах так и в деревнях селиться и по своей склонности жениться, хотя на российской или чужестранной»[267].

В ответ же на обращение Берг-коллегии Святейший Синод указом от 23 июня 1721 года «О дозволении находящимся в Сибирской губернии шведским пленникам вступать в браки с православными без перемены исповедуемой ими веры» постановил: шведским пленным, искусным «в рудных делах и в торгах», находящимся в Сибирской губернии, которые поступили или поступят на русскую службу и присягнули или присягнут в будущем на верность Российскому монарху, дозволять жениться на русских девках или вдовах без перемены своей веры. Но с условием, что они должны перед браком дать подписку («сказку за рукою») о том, что «под штрафом жестокого истязания» обязуются своих жен никаким образом не склонять к перемене православной веры, а детей, рожденных от таких браков, крестить и воспитывать по православному обычаю. Православным священникам, имеющим в своих приходах иноверцев, женившихся на русских, под угрозой лишения сана вменялось в обязанность строго следить за тем, чтобы эти жены и их дети (с 7 лет) неукоснительно соблюдали православную обрядовость (ходили в церковь, исповедовались и причащались у пресвитеров восточного исповедания)[268].

Вскоре новая норма получила более полное обоснование и расширенное толкование в акте «Послание Святейшего синода к православным о беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами», изданном Синодом 18 августа 1721 года.

---

[266] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое (далее ПСЗ-1). Т. 6. № 3814.
[267] ПСЗ-1. Т. 6. № 3778. П. 1.
[268] ПСЗ-1. Т. 6. № 3798.

В Послании отмечалось, что брак «верных» (православных) с «неверными» или «иноверными» (христианами других конфессий) «не есть сам собою нечист, или богомерзок, и лицо верное самим ложа сообщением оскверняющий», что такие браки в истории существовали и даже некогда способствовали распространению истинной веры, которую мог принять «неверный» из супругов и их дети. Но что со временем такие браки были запрещены лишь из опасения противной ситуации, из-за угрозы, что «верный» из супругов может быть соблазнен «неверным» или «иноверным» в свою веру.

Резолютивная часть Послания сводилась к тому, что ныне, учитывая острую государственную необходимость, и при условии строго контроля за тем, чтобы не было отходов от православия («когда будет сильное и довольное оберегательство, дабы верное лицо не совратилося к неверию или иноверию своего подружия»), Синод полагал возможным вновь допустить браки «верных» с «неверными» или «иноверными».

В обоснование такой позиции в Послании приводились многочисленные примеры из библейской и всемирной истории, а также истории русской[269]. Также Синод ссылался на то, что «о простого народа браках с иноверными засвидетельствует вся Республика Польская», где православные часто брали в жены дочерей католиков и лютеран.

В Послании был воспроизведен текст синодского указа от 23 июня 1721 года, но с особой расширительной оговоркой, гласящей, что норма, прописанная в этом указе, касается не только шведских пленных, но и всех «свободных иноверцев, которые Царскому Величеству записалися на вечную службу».

Также в Послании специально оговаривалось исключительное положение монарха и членов его семьи: «Высочайшие же и самодержавные власти имеют к таковым бракам собственные иногда великие нужды, а оберегательство крепчайшее делают своими важнейшими контрактами».

Внутренняя противоречивость Послания заключалась в том, что Синод, обосновывая и, казалось бы, допуская при соблюдении известных

[269] Брак дочери великого князя Ярослава Анны с французским королем Генрихом I, брак самого великого князя Ярослава с королевной шведской Ингрой, брак дочери великого князя киевского Всеволода Марии с польским королем Болеславом Храбрым, брак великой княгини Елены Ивановны с польским королем Александром, брак в Орде князя Глеба Васильковича, брак князя Тверского Димитрия Михайловича с дочерью князя Литовского Гедимина Великого, брак Суздальского князя Бориса Константиновича с дочерью великого князя Литовского Олгерда Гедиминовича, брак великой княжны Марии Володимеровны с великим князем Голштинским, брак Евдокии (Елены) Петровны Солтыковой с поляком Потоцким, присутствие русского посла в Константинополе Петра Андреевича Толстого при венчании посла Голландских Штатов графа Якова Колиера с православной, совершенном Константинопольским Патриархом Гавриилом.

условий браки православных не только с «иноверными» (христианами других конфессий), но и с «неверными» (представителями других религий), последнего, в результате все же не дозволил, разрешив лишь межконфессиональные браки и выразив надежду, что они отныне будут способствовать переходу иноверцев в православие[270].

Вскоре Северная война закончилась, 30 августа 1721 года со Швецией был подписан мирный договор, и пленным шведам было разрешено вернуться из России на родину.

В связи с этим 21 октября 1721 года был издан царский указ (данный в Сенате 16.10.1721), согласно которому (П. 4) шведские военнопленные, женившиеся на русских и не перешедшие в православие, если они захотят вернуться в Швецию, отпускались, но одни, без жен. Причем таковых отъезжающих мужей надлежало опрашивать (брать с них «сказки») на предмет того, намерены ли они в будущем вернуться в Россию к своим женам или нет. Тем, кто выразил намерение вернуться, был установлен законный срок в 1–2 года, по истечении которого их жены должны были считаться свободными от супружества с «невозвращенцами». Для оформления расторжения таких браков следовало письменно обращаться в Сенат, который должен был представлять эти дела на разрешение Синода[271].

В тексте данного указа это прямо не оговаривалось, но из его содержания логически вытекало, что браки тех отъехавших шведов, кто «сказывал», что к жене впредь вернуться не намерен, подлежали расторжению сразу же после их отъезда.

15 мая 1722 года был издан синодский указ «О распоряжениях по обращению раскольников к православной церкви». В нем запрещалось венчать раскольников (П. 8), а перед венчанием раскольников с православными, первые должны были дать обещание с присягой об отказе от раскола и обращении к церкви (П. 7)[272].

Сенатским указом от 28 мая 1725 года в Выборге, отошедшем в результате Северной войны к России, разрешалось местным вдовам и девкам выходить замуж за приезжих из Швеции, однако жены таковых, принявшие православие, и «из российской нации» после этого с мужьями в Швецию уже не отпускались.[273]

В период правления Петра II был издан именной указ Императора, данный в Верховном тайном совете от 15 августа 1728 года «О мерах к отвращению смоленской шляхты от перемены грекороссийского исповеда-

[270] ПСЗ-1. Т. 6. № 3814.
[271] ПСЗ-1. Т. 6. № 3839.
[272] ПСЗ-1. Т. 6. № 4009.
[273] ПСЗ-1. Т. 7. № 4234.

ния…». Согласно этому указу католичкам (девкам и вдовам) из-за польского рубежа разрешались браки со смоленскими шляхтичами, только если они, невесты, предварительно перешли в православие. Смоленских шляхтянок выдавать замуж за рубеж за католиков и униатов запрещалось[274].

Синодским указом от 5 ноября 1728 года лютеранским пасторам в Петербурге и Выборге предписывалось перед заключением брака опрашивать, не состоит ли кто-либо из намеревающихся вступить в брак в православном исповедании и не оставили ли они находящихся в живых мужа или жену «за несогласность веры». Обо всех выявленных таких случаях пасторы обязаны были немедленно доносить в Синодальную канцелярию[275].

При Императрице Анне Иоанновне сенатским указом от 21 марта 1736 года было установлено, что раскольников, пожелавших венчаться у православных иереев, следует обязывать «присягою и сказками с жестоким подтверждением» отойти от раскола[276].

В период правления Императрицы Елизаветы Петровны после заключения нового мирного договора со Швецией был издан сенатский указ от 6 сентября 1743 года «О распоряжениях к исполнению мирного трактата со Швецией 7 августа 1743 года». В этом указе почти дословно были продублированы нормы петровского указа от 21 октября 1721 года: пленные шведы, принявшие православие, обратно на родину не отпускались. Те, кто без перемены своей веры женился на русских православных, отпускались одни, без жен, и с них брались сказки об их намерении вернуться (или нет) к своим женам. На возвращение им давался 1–2-годичный срок, по истечение которого «те их жены от супружества с ними будут свободны», о чем следовало писать «для ведома в Сенат и в Святейший синод, требуя о тех браках разрешения»[277].

При Императрице Екатерине II 24 февраля 1768 года был заключен Варшавский договор и подписан «Вечный трактат между Российской Империей и Речью Посполитой Польской». Согласно этому трактату, в Речи Посполитой, где, хотя римско-католическая церковь и объявлялась господствующей, а отказ от католицизма рассматривался как уголовное преступление, отныне провозглашалось гражданское равенство христиан всех конфессий и закреплялась свобода вступления в брак между ними: «Бракосочетание между людьми разной веры, то есть католицкой римской, греческой, неуниатской и евангелической обоего исповедания, не имеют быть ни от кого запрещаемы и препятствуемы. Дети от разной веры родите-

[274] ПСЗ-1. Т. 8. № 5322. П. 11.
[275] ПСЗ-1. Т. 8. № 5343. П. 3.
[276] ПСЗ-1. Т. 9. № 6928.
[277] ПСЗ-1. Т. 11. № 8777. П. 4.

лей рождающиеся, сыновья в отцовой, а дочери в матерней вере воспитаны быть должны, выключая договор для дворянства, если бы каковой чрез контракт брачный, перед свадьбою заключенный, состояться имел, бракосочетание должно совершаться священником или министром той веры, коей будет невеста, если же бы священник невесты римской веры брака благословить не хотел, то и диссидентский священник имеет вольность оное учинить. Декреты сему учреждению противные, если в каком суде воспоследовали, в ничто обращаются»[278].

Казалось бы, эти нормы, допускающие межконфессиональные браки и вновь установленные для Польши, к России прямого отношения не имели. Но дело в том, что они были сохранены в полной мере на бывшей польской территории, присоединенной в 1772 году к Российской Империи (в так называемых Белорусских губерниях), как привилегия для местного населения, что подтверждалось сенатским указом от 20 ноября 1780 года «О воспитании детей в Белоруссии, рождаемых от супругов разных исповеданий, сыновей в отцовской, а дочерей в материнской вере»[279].

Однако спустя некоторое время в Святейший Синод стали поступать многочисленные жалобы от православного духовенства на ситуацию в Белоруссии.

Так, например, псковский архиепископ Иннокентий доносил о том, что униатские священники, основываясь на Трактате 1768 года, «столь далеко вольность свою простирать начали, что невест униатской веры венчают с женихами нашего православного исповедания несмотря на самое ближайшее между ими родство, в противность и нарушение Святых Правил, как то: двух братьев сочетают с родными сестрами, родных отцов и сыновей с матерьми и дочерьми» [280]. Вследствие этого Синод 31 октября 1782 года обратился в Сенат с просьбой предписать католическому римскому и униатскому духовенству, чтобы оно таких браков «без надлежащего о свободности их к браку осведомления сами собою не венчали, а имели о том сношение с священниками грекороссийской церкви, у которых в приходе жених жительство имеет». Правительствующий Сенат запросил справку у генерал-губернатора белорусских наместничеств Петра Богдановича Пассека, который подтвердил, что во вверенных ему губерниях католическое и униатское духовенство при вступлении в брак православных женихов с не-

[278] ПСЗ-1. Т. 18. № 13071. Артикул 1 и Параграф 10-й Артикула 2-го Акта сепаратного 1-го Трактата.
[279] ПСЗ-1. Т. 20. № 15088.
[280] Речь идет о ситуациях: 1) когда братья из одного рода вступают в брак с сестрами из другого рода; 2) когда жених, уже имеющий сына от предыдущего брака, женится на невесте, имеющей дочь, а эти их дети, ставшие в результате брака родителей сводными братом и сестрой, также вступают в брак между собою.

вестами-католичками или униатками никак не соотносится с православными священниками («не делает никакого сношения»). В результате 22 августа 1783 года был издан сенатский указ «О невенчании женихов грекороссийского исповедания с невестами римской или униатской религии в степенях, запрещенных православною церквою» (подтвержден в 1798), которым предписывалось: «бракосочетающиеся лица грекороссийского исповедания при вступлении в брак с иноверными относительно до близости степеней родства должны наблюдать правила веры, ими исповедываемой; ибо как законами строго запрещено подданным российским грекороссийского исповедания переходить в другую веру, то равно запрещается и преступать принятые грекороссийскою церковию правила». Согласно указу, римскому и униатскому духовенству перед венчанием невест своей веры с православными женихами надлежало осведомляться в приходе жениха «о свободности их к браку» у российских (православных) священников. Последние же, в случае поступивших к ним от иноверного духовенства запросов о близости родства вступающих в брак, должны были «справливаяся о том в своих приходах», давать требуемые сведения «без всякого медления и проволочки»[281].

То есть было постановлено, что отныне католические и униатские священники при венчании межконфессиональных браков должны руководствоваться более жесткими требованиями православной церкви для вступающих в брак (запрещенные к браку степени родства и свойства) и обязаны предварительно обращаться к приходскому православному духовенству на предмет допустимости межконфессионального брака.

Имелись и определенные сложности, связанные с рассмотрением вопросов о расторжении межконфессиональных браков.

Так в начале 1790-х гг. за разъяснениями в Сенат обратилась Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндскх и финляндских дел. Этому ведомству еще в 1734 году при Императрице Анне Иоанновне (Высочайшая резолюция от 23.03.1734, опубликованная в сенатском указе от 12.03.1734) было предписано рассматривать все духовные дела лиц «чужестранных законов» (неправославного исповедания), в том числе и дела о разводах. К рассмотрению таких дел Коллегия должна была привлекать местных представителей духовенства тех конфессий, о которых «суд производиться имеет», и совместно с ними выносить решения[282]. Но в 1782 году в связи с учреждением в г. Могилеве архиепископства и при нем Консистории римско-католической церкви, в ведение которой были переданы все духовные дела католиков в Империи, Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндскх и финляндских дел было запрещено всту-

[281] ПСЗ-1. Т. 21. № 15819.
[282] ПСЗ-1. Т. 9. № 6548.

паться в дела «до Римской церкви принадлежащие»[283]. Теперь же в Лифляндскую юстиц-коллегию поступил запрос от Белорусской римско-католической консистории, которая сперва отказала в принятии от жены-католички ее прошения о разводе с мужем-протестантом на том основании, что следует «просить в том судебном месте, где муж ее подсудим» (согласно общей норме судопроизводства подсудность определялась по ответчику), но все же запросила в Коллегии копию с указа, которым самой Консистории дозволялось бы принимать решение, несмотря на то, что одна из сторон протестантского исповедания. Поскольку Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндскх и финляндских дел подобный указ известен не был, то и потребовались разъяснения Сената. В ответ Правительствующий Сенат, отметив, что еще в 1786 году подавал Императрице доклад о необходимости законодательно определить, «в котором же месте первоначально приносить о разводе жалобы», на что «Высочайшей конфирмации еще не последовало», своим указом от 28 марта 1791 года определил: «дабы не было в течении таковых дел остановки, и тяжущиеся не оставались бы без надлежащего по законам удовольствия, Юстиц-коллегии Лифляндской предписать, чтоб она до воспоследования Высочайшего решения на доклад Сената по вступаемым в оную делам о разводе держалась правил доселе ею наблюдаемых, то есть, ежели ответчик протестантского исповедания, то истец, хотя и римского закона, должен искать себе суда в Юстиц-коллегии». При этом данная коллегия, как это было ей предписано и ранее, в 1734 году, обязывалась «к тому приглашать из духовенства здесь обретающегося того исповедания, которого держится ответчик, и обще с ним чинить решение»[284].

Еще одно обращение в Сенат Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел последовало в результате поступившей в нее, опять-таки из Римско-католической духовной консистории в Могилеве, жалобы на то, что протестантское духовенство, особенно в Санкт-Петербурге и Москве, вопреки указу 1780 года, основанному на трактате 1768 года, заключает в протестантских церквях браки между невестами-католичками и женихами-протестантами[285]. На что Правительствующий Сенат указом от 12 ноября 1792 года разъяснил, что положения о браках трактата 1768 года «относится единственно до Белоруссии, а не до городов Всероссийской Империи, где таковые разных вер люди могут венчаться в той церкве, в которой они взаимно между собою согласятся»[286].

---

[283] ПСЗ-1. Т. 21. № 15326. П. 7.
[284] ПСЗ-1. Т. 23. № 16955.
[285] Согласно трактату 1768 и указу 1780 г. заключение межконфессионального брака должно было совершаться священником по вере невесты.
[286] ПСЗ-1. Т. 23. № 17081.

В царствование Павла I в подтверждение и развитие указа 1783 года Правительствующим Сенатом был издан указ от 4 марта 1798 года, повелевающий священникам римского исповедания в случае венчания браков, где одно лицо будет православного исповедания, а другое «иной религии» (католической), сноситься предварительно с российскими священниками не только о степенях родства, но и о времени, когда не возбраняется совершать браки, и не венчать в нарушение («в противность») принятых в русской церкви правил, «дабы тем не подать повод к соблазну содержащим православие».[287]

4 мая 1798 года Император Павел Высочайше утвердил для недавно образованной Курляндской губернии «Положение для Курляндской консистории, касательно брачных разводов и средств к прекращению оных от легкомыслия». Согласно этому закону, развод в Курляндии производился светским судом. Однако особо оговаривалось, что «брак, в коем один из супругов греческого исповедания, не разводится, чего для о сем ни в каком суде разводной жалобы не принимать». Для остальных был установлен следующий порядок: прошения о разводе предварительно объявлялись духовенству, которое должно было всячески стремиться к примирению супругов, а затем уже отсылались в надлежащий светский суд. Если супруги были протестантского исповедания или один из них, являвшийся ответчиком, был протестантом, то разводная жалоба от местного духовенства передавалась в Лютеранскую консисторию. Если же они были католиками или тот из них, кто выступал ответчиком, придерживался католической веры, то жалоба поступала для разбора римско-католическому духовенству, а затем представлялась в Департамент римско-католических дел Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел[288].

В начале XIX столетия при Александре I имперскому законодателю (в дополнение к указу 1792 г.) пришлось еще несколько раз обращать внимание на то, что положения трактата 1768 года о межконфессиональных браках относятся исключительно к бывшей польской территории и ее коренным жителям, но не к временно там пребывающим или служащим.

Так, в указе Святейшего синода от 16 октября 1803 года отмечалось, что поскольку в бывшем Польском крае Высочайшей властью предоставлена каждому свобода в исповедании веры, то следует и впредь оставить в тех, присоединенных к России губерниях, лиц, вступающих в браки, на прежнем основании, однако с тем изменением, «что поелику воспитание сыновей в отцовской, а дочерей в матерней вере может быть поводом ко всегдашнему несогласию между таковыми детьми и семейственным рас-

[287] ПСЗ-1. Т. 25. № 18416.
[288] ПСЗ-1. Т. 25. № 18517. Гл. 4. Пар. 4, 15, 16.

стройствам, то во избежание неприятных последствий для той и другой религии, и в отвращение сего неудобства… постановить, чтобы рождаемые от таковых браков дети обоего пола крещены были священником той веры, в которой находится отец, и воспитываемы в оной». При этом в синодском указе особо оговаривалось, что данные положения, установленные для указанных губерний, относятся только к местным «природным польским жителям». Что же касается «до приезжающих в те губернии и проживающих тамо временно при должностях чиновников, также и воинских чинов», то они «яко природные российские подданные» должны были поступать «при бракосочетаниях своих с лицами иноверными» в точном соответствии с законами 1721 года. Издание указа обосновывалось, в частности, выявленными нарушениями. В нем говорилось, что некоторые российские чиновники, «вступившие в браки в присоединенных от Польши губерниях и венчанные священниками не греко-российской религии, возвратясь в Россию, при произшедшем между собою несогласии, как по делам в Святейшем синоде явствует, не признавая означенного бракосочетания правильным и жен своих законными, просят с оными разводов»[289].

Затем Синод обратился в Сенат, указывая тому на многочисленные нарушения установленных правил, когда православные полковые священники венчали браки с невестами-католичками, плебаны (приходские католические священники) сочетали браком православных лиц, не сносясь предварительно с православным духовенством, или перевенчивали браки, совершенные православными священниками, почитая их недействительными, и т. д. Вследствие этого был издан сенатский указ от 9 января 1805 года «О бракосочетании лиц грекороссийского исповедания с иноверными в бывших Польских провинциях», в котором сообщалось, что 3-й департамент Сената постановил вынести на рассмотрение Общего собрания Сената вопрос о том, чтобы положения Трактата 1768 года, как этого требует Святейший Синод, распространить «на одних природных жителей, а на заезжающих из России венчающихся на иноверных чиновников распространять постановление Синода 1721 года».[290]

Следует отметить, что как Синод, так и Сенат в своих решениях в 1803 и 1805 годах исходили из тех соображений, что вне территорий, на которые распространяются нормы трактата 1768 года с последующими дополнениями, межконфессиональные браки с участием православных должны быть венчаны исключительно православными священниками, хотя об этом прямо и не говорилось в тех предшествующих законах, на которые они при этом ссылались.

[289] ПСЗ-1. Т. 27. № 20987.
[290] ПСЗ-1. Т. 28. № 21588.

Эта позиция нашла свое выражение и в решении Синода (указ от 14.11.1805) по делу о разводе православного форштмейстера (лесничего) Степана Каминского с женой-лютеранкой Елисаветой, урожденной фон-Набель, брак между которыми был заключен по обрядам лютеранской церкви протестантским пастором. Хотя Синод и передал это дело о разводе на рассмотрение Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел, но отметил, что брак Каминского был совершен «в противность изданных на сии случаи государственных узаконений» и «поелику пастор приступил к обвенчанию его Каминского, находящегося в господствующей грекороссийской вере, в противность, как выше значит, законов: то особо предписать оной коллегии, чтобы не оставлен был сей поступок его пастора без надлежащего внимания, дабы впредь от благословения таковых непозволительных браков удержался»[291].

Также на рассмотрение Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел Синодом было передано (указ от 29.10.1808) и бракоразводное дело православного надворного советника Павла Йозефовича, который в 1801 году за границей (в Штейнбоке близ Гамбурга) вступил в брак по лютеранскому обряду с Доротеей, урожденной фон Бухвальд.[292]

С другой стороны, Святейший Синод по делу о разводе супругов, обоих лютеранского исповедания, которые по их прошению ввиду отсутствие лютеранского священника были обвенчаны православным священником по православному обряду, указом от 24 октября 1807 года постановил, что все подобные дела о разводах подлежат исключительно ведению духовного суда православной церкви[293]. Положение о том, что производство разводного дела супругов-лютеран, обвенчанных православным священником, принадлежит «Духовному греко-российскому правительству» содержится и в указе Синода от 10 июня 1816 года, изданном по рассмотрении аналогичного казуса[294].

В 1809 году именным указом Императора, данным Коллегии иностранных дел (от 15.11.1809), было установлено, что впредь русские дипломаты заграницей должны не только предварительно испрашивать позволение на вступление в брак с иностранками, но и представлять от своей невесты подписку в том, что она, будучи в замужестве за русским дипломатом, должна будет продать свое имение «в чужих краях», иначе ее муж «обязан оставить сей род службы»[295].

---

[291] ПСЗ-1. Т. 28. № 21949.
[292] ПСЗ-1. Т. 30. № 23319.
[293] ПСЗ-1. Т. 29. № 22656.
[294] ПСЗ-1. Т. 33. № 26307.
[295] ПСЗ-1. Т. 30. № 23987.

16 мая 1810 года сенатским указом «О бракосочетании православных лиц с иноверными на основании правил греко-российской церкви» вновь подтверждалась необходимость соблюдать при венчании православных с лицами иных конфессий принятые в православной церкви более строгие условия для вступления в брак. Указ последовал в результате судебного дела по казусу, имевшему место в Подольской епархии еще в 1804 году, когда жених-католик попытался вступить в брак с беременной от него православной невестой, с которой он состоял в четвертой степени свойства (сестра жены брата), что было недопустимо по правилам Русской церкви. По этой причине местное православное духовенство их венчать отказалось, тогда в другом месте влюбленная пара обратилась к католическому священнику, который их и обвенчал, присоединив невесту к Римско-католической церкви. Последнее, то есть отказ от православия, как это и следовало по законам, было признано уголовным преступлением, а незаконный брак был расторгнут[296].

После присоединения к России великого княжества Финляндского Святейшим Синодом был издан указ от 5 июля 1811 года «О браках между людьми различных исповеданий в новоприобретенной Финляндии». Синод постановил, что на вновь присоединенной территории с лицами, желающими вступить в брак с православными, следует поступать по узаконениям 1721 года; венчание таких браков производить православным священникам в приходских или полковых церквях по православным правилам; брать с вступающих в брак подписку о воспитании детей в православной вере; оглашения или обнародования о лютеранах, вступающих в брак с православными, предварительно также производить и в приходских лютеранских церквях (без сведения об этом из лютеранской церкви православному священнику такой брак венчать запрещалось); все вступающие в брак должны были иметь свидетельства о дозволении на это и об отсутствии препятствий к браку (коренные жители-лютеране получали такие свидетельства от пасторов и местных властей, а православные военные и гражданские чиновники, нижние чины и временно приезжающие в Финляндию православные и лица другого исповедания – от своих консисторий и своих властей, «каждому по ведомству своему»)[297].

Однако вскоре Высочайшим манифестом от 20 марта 1812 года «О правилах заключения браков между финляндскими жителями и российскими подданными» установленный было Синодом для Финляндии порядок заключения межконфессиональных браков был несколько изменен (с учетом частично действовавшего там шведского законодательства). Согласно манифе-

[296] ПСЗ-1. Т. 31. № 24235.
[297] ПСЗ-1. Т. 30. № 24712.

сту при заключении таких браков между жителями Финляндии и прочими подданными Российского Императора должны были соблюдаться следующие общие правила: венчание должно было проходить по обрядам церквей обеих исповеданий, как это было предусмотрено шведским королевским законом от 24 января 1781 года. Детей, рожденных от этого брака, надлежало воспитывать в вере, исповедуемой отцом, как это ранее было установлено для бывших польских территорий в составе Российской Империи (незаконнорожденные воспитывались в вере матери, а если содержались на общественном иждивении – то в лютеранстве). В манифесте подробно описана процедура получения свидетельств об отсутствии препятствий для вступления в брак и оглашения о браках, особо оговорено, что новые правила не касаются населения православных приходов в Финляндии, для которых в будущем предполагалось издать особое постановление[298].

В 1814 году Правительствующему Сенату по выявленным нарушениям вновь пришлось подтверждать требование к римско-католическому духовенству о соблюдении условий для брака, принятых в православной церкви, при венчании католичек или униаток с православными, «дабы тем не подать повода к соблазну содержащим православие». На этот раз речь шла о количестве допустимых браков. В результате был издан сенатский указ от 26 февраля 1814 года «О воспрещении римско-католическому духовенству венчать браки православных с католиками, если один из вступающих в супружество посягает на четвертый брак». Нарушители этого предписания подлежали судебной ответственности[299].

В том же 1814 году Святейший Синод по запросу от лютеранского пастора Иозефатальской колонии Екатеринославской губернии о том, может ли он обвенчать невесту-лютеранку с женихом, принадлежащим к духоборческой секте, и в какой вере должны воспитываться дети от такого брака, постановил (указ от 25.06.1814), что поскольку «духоборческая секта находится вне всякого установленного исповедания христианской религии, что она есть не что иное, как только невежественное уклонение от правоверия», то он, Синод, «не входя ни в какое суждение насчет совершения брака духоборца с невестою, содержащею лютеранское исповедание, не может дать разрешения на сей случай»[300].

В 1819 году Святейший Синод по жалобам, поступившим из Лифляндской губернии на то, что там при венчании лютеран с православными многие православные священники, особенно армейские, не спрашивают об оглашении брака в лютеранских приходах, что в лютеранской церкви счи-

[298] ПСЗ-1. Т. 32. № 25045. Пар. 1–15.
[299] ПСЗ-1. Т. 32. № 25545.
[300] ПСЗ-1. Т. 32. № 25610.

талось обязательным, приказал предписать (указ от 08.01.1819) находящимся в Лифляндии епархиальным и армейским священникам, «дабы они к венчанию браков между лицами нашего исповедания с содержащими протестантское, не приступали иначе, как если жених или невеста протестантские представят от пастора своего свидетельство о том, что они в приходе своем оглашены и не открылось никакого препятствия ко вступлению их в супружество». Кроме того, православным священникам вменялось в обязанность после венчания уведомлять соответствующего пастора о времени совершения такого межконфессионального брака[301].

В период правления Императора Николая I в 1830 году был повышен брачный возраст для лиц, принадлежащих к православному и униатскому, а затем (в 1831 г.) и к евангелическому исповеданиям, – для мужчин с 18, а для женщин с 16 лет[302], что относилось и к межконфессиональным бракам.

Тогда же Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 30 сентября 1830 года в «возвращенных от Польши губерниях» (присоединенных к России в XVIII в. и Белостокской области) были восстановлены положения трактата 1768 года, согласно которым дети, рожденные от межконфессиональных браков, должны были воспитываться следующим образом: сыновья в вере отца, а дочери в вере матери, если это не изменено брачным контрактом. Однако православным отныне запрещалось заключать контракты, в которых было бы предусмотрено, что все их будущие в этом браке дети должны быть крещены и воспитаны в иной (неправославной) вере[303].

Однако в результате Польского восстания 1830–1831 годов это решение было частично пересмотрено. 23 ноября 1832 года был издан сенатский, последовавший по Высочайшему повелению указ «О венчании браков лиц православного исповедания с иноверными в возвращенных от Польши губерниях на основании общих действующих в России узаконений». Отныне и в этих губерниях все браки с православными должны были совершаться по разрешению православного архиерея через православного священника и с предварительным обязательством лица иного исповедания о том, что их дети будут крещены и воспитаны в православной вере. При этом Император Николай Павлович в собственноручной резолюции на представленном ему докладе добавил: «браки русских, совершенные одними католическими священниками, не почитать действительными доколе тот же брак не обвенчан российским священником»[304].

---

[301] ПСЗ 1. Т. 36. № 27630.
[302] ПСЗ-2. Т. 5. Отд. 1. № 3807; Т. 5. Отд. 2. № 3981; Т. 6. Отд. 1. № 4277; Т. 8. Отд. 1. № 6668.
[303] ПСЗ-2. Т. 5. Отд. 2. № 3969
[304] ПСЗ-2. Т. 7. № 5767.

При систематизации текущего законодательства в изданный в 1832 году и вступивший в действие с 1 января 1835 года Свод законов Российской Империи были включены следующие основные нормы, касающиеся межконфессиональных браков.

Лицам всех христианских исповеданий дозволялось вступать в России между собою в браки по правилам и обрядам их церквей (ст. 48).

Если жених или невеста принадлежали к греко-российской вере, то требовалось: 1) чтобы вступающие в брак лица других исповеданий дали подписку, что «не будут ни поносить своих супругов за православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом к принятию своей веры, и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах грекороссийской веры»; 2) чтобы при заключении таких браков были соблюдены «все правила и предосторожности», установленные для браков между лицами греко-российского исповедания; 3) чтобы эти браки были венчаны греко-российским священником с разрешения епархиального архиерея по правилам и обрядам православной церкви (ст. 54).

Исключение делалось лишь для коренных жителей Финляндии, где разноверные браки должны были венчаться в обеих церквях, а дети, рожденные от таких браков, должны были воспитываться в вере своих отцов (ст. 55).

В Лифляндии[305] при браках лиц греко-российского исповедания с протестантами от последних требовалось свидетельство пастора, что они оглашены в своем приходе и не имеется никаких препятствий к браку (по совершении венчания пастора следовало уведомить об этом) (ст. 56).

Брак «русских» (православных), совершенный одним лишь католическим священником, считался недействительными, пока тот же брак не будет обвенчан православным священником (ст. 57).

Разноверные браки (но не с православными) в возвращенных от Польши губерниях[306] совершались священником веры невесты, но при несогласии римско-католического священника благословить такой брак, венчание могло быть предоставлено священнику другого исповедания. Детей, рожденных в таких браках, следовало крестить: сыновей в отцовской, а дочерей в вере матери, если иное не предусмотрено в брачном договоре (ст. 58).

Для браков христиан с нехристианами правила были такие:

Российским подданным православного, униатского и римско-католического исповедания вступление в брак с нехристианами было за-

[305] Впоследствии указывалось: «в губерниях Лифляндской, Курляндской и Эстляндской».

[306] Впоследствии указывалось: «в губерниях Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской».

прещено вовсе. Только лица евангелического исповедания (у которых венчание не признается таинством) на основании Устава евангелическо-лютеранской церкви в России могли вступать в брак с исповедующими ислам или иудаизм, т. е. с монотеистами (ст. 66–67).

Однако могла сложиться ситуация, когда один из супругов нехристиан принимал крещение, а другой оставался в прежней вере. По желанию супругов такой брак сохранял силу и без венчания по правилам православной церкви, но при условии единобрачия. Если брак был полигамным, то новокрещеный супруг должен был избрать одну жену или одного мужа (ст. 61–65)[307].

Данные нормы, не претерпев каких-либо принципиальных изменений, включались и во все последующие редакции Свода законов, сохранив свою действенность до конца имперского периода в России.

§ 14. Эволюция российского правотворчества и видов актов с древних времен по К. А. Неволину

В работах русского юриста, доктора права и одного из основателей отечественной юриспруденции Константина Алексеевича Неволина можно найти много интересных и поучительных мыслей, достоверных описаний истории русского права, исторических фактов и заключений. Определенное внимание ученый уделил вопросам создания узаконений русскими правителями. В статье представлены некоторые фрагменты юридического наследия К. А. Неволина, посвященные процессу принятия законов и выбору правовых форм для их установления. Особое значение для дела теоретического изучения законов и их «обработки» ученый придавал реформаторским усилиям Петра I и Николая I. Авторские выводы позволяют по-иному представить периодизацию развития русского законодательства и законотворчества.

Описывая древнюю историю русского законодательства, К. А. Неволин (1806-1855) выделял три периода: первый – от начала русского народа до издания Русской правды Ярославом I (начало XI в.); второй – со времен издания Русской правды до издания судебника Великим Князем Иоанном Васильевичем в 1497 г.; третий – от издания этого судебника до издания Уложения в 1649 году[308].

Взгляды на периоды развития законотворческого процесса и законодательной техники различны. В частности, у Е. А. Юртаевой сложилось мнение о двух этапах развития законотворческого процесса: начальный –

[307] Свод законов Российской Империи. Изд. 1832. Свод законов гражданских и межевых (Т. 10). Ч. 1.

[308] Неволин К. А. Полное собрание сочинений К.А. Неволина: Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1857-1859. – 24. Энциклопедия законоведения: Вторая половина особенной части. – 1857. – X, [2]. – С. 457, 458-472.

XVIII век, а второй этап – «петербургский» – с конца XVIII века до первых десятилетий XX века[309]. Два этапа развития законодательной техники выделяет Е. А. Жилонкина: первый – XII-XVII вв.; второй – с XVIII в. до середины XIX вв.[310] (исследование ограничено XIX веком).

Обращает на себя внимание то, что К. А. Неволин неоднократно называет Русскую правду «собранием законов»[311]. Зная содержание этого исторического правового памятника, например, пространной редакции, содержащей краткие правила, можно утверждать, что под законом понималось единичное правило и термин «закон» не применялся в значении вида правового акта (разновидности правовой формы). В последующем эти правила называются по-разному – постановлениями, узаконениями или обычаями, а применительно к их содержанию автором делается заключение: «въ первые времена жизни народа все вообще законодательство принимаетъ видъ уголовныхъ законовъ»[312]. Далее эти правила автор называет статьями: «Дѣти Ярославовы и Мономахъ отмѣняли и прибавляли в сихъ законахъ нѣкоторыя статьи с боярами Кіевскими, Черниговскими и Переяславскими»[313].

Как составлялась и дополнялась Русская правда?

Русская правда, как пишет известный русский правовед, включает «постановленія самихъ русскихъ князей и, можетъ быть также Новгородскаго вѣча, далѣе – некоторыя Греческія узаконения и наконец… обычаи»[314].

Исходя из этого факта, можно предположить, что, несмотря на относительную простоту текста Русской правды, появлению данного акта предшествовала определенная правотворческая работа, связанная с подбором известных и доступных нормативных текстов, их переводом, обсуждением и оценкой их содержания применительно к особенностям фактически складывающихся отношений с учетом сложившихся русских обычаев, выбор и уточнение нормативных формулировок, их запись.

Кроме Русской правды в период Древней Руси принимались уставы (о мостовых, о земельных делах, о церковных судах), но они не были общеприменимы во всех русских княжествах, которые имели свои обычаи и законоустановления[315]. Вероятно, что устно передаваемые обычаи правления касались и законотворения, ограничивая княжескую волю, и Великий князь

---

[309] Юртаева Е. А. История законотворчества в России (XVIII – начало XX вв.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 30-31.

[310] Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII-XIX веков: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Ставрополь, 2012.

[311] Неволин К. А. Полное собрание сочинений. К. А. Неволина: Т. 1. Указ. соч. – С. 461-463.

[312] Там же. С. 463.

[313] Там же.

[314] Там же.

[315] Там же. С. 463-464.

«не могъ издать никакого общаго для всѣхъ земель Русскихъ постановленія безъ согласія съ удѣльными князьями, равно какъ князья вообще не издавали общихъ узаконеній безъ согласія своей дружины»[316].

Кроме уставов К. А. Неволин упоминает распространенные в ту историческую эпоху жалованные грамоты, в том числе татарских ханов, уставные, судные, таможенные и губные грамоты[317].

Второй период характеризовался тем, что потребности «въ лучшемъ устройстве различныхъ частей жизни государственной и гражданской требовала изданія новыхъ законовъ»[318], что и привело к изданию Судебника 1497 года, церковного уложения 1551 года, а затем Судебника 1550 года, содержащего нормы не только уголовного и процессуального, но и гражданского права. Последний акт (Судебник 1550 г.) содержал общее правило законотворчества: «На будущее время въ самомъ судебникѣ было постановлено приписывать къ нему всѣ имѣвшія вновь выходить узаконенія (Суд. гл. 98. "въ семъ судебникѣ приписывати")»[319]. Этим установлением определялось правило дополнения узаконений в хронологическом порядке, с представлением новаций государю, обсуждением в боярской думе и решением государя.

К Судебнику принимались указы и постановления, которые назывались узаконениями, вносившими в него новые статьи.

С середины XVII века все ранее действовавшие законы были заменены Уложением 1649 года и Кормчей Книгой (церковная) 1652 года, после чего узаконения принимались в большом количестве, что усложнило законодательство, создавало его запутанность[320].

Особенности развития законодательного, говоря современным языком, процесса связаны с обоюдными усилиями светской и церковной властей. Как показывает К. А. Неволин, 16 июня 1648 г. в общем заседании высшего духовенства и царской думы Царь Алексей Михайлович определил «выписать изъ правилъ Св. Апостоловъ и Св. Отцевъ и изъ градскихъ Греческихъ царей статьи приличныя для рѣшенія государственныхъ и земскихъ делъ, собрать указы прежнихъ Россійскихъ государей и боярскіе приговоры по всѣмъ родамъ государственныхъ и земскихъ делъ, и тѣ и другіе справить съ старыми судебниками, недостающія же статьи написать вновь»[321]. Источниками Уложения стали также статут Литовский и «книги Моисеевыхъ»[322].

---

[316] Там же. С. 465.
[317] Там же. С. 465-468, 471.
[318] Там же. С. 468.
[319] Там же. С. 471.
[320] Там же. С. 472.
[321] Там же. С. 473.
[322] Там же. С. 476.

К этой работе были привлечены бояре и дьяки (князь Никита Иванович Одоевский, князь Семен Васильевич Прозоровский, князь Федор Федорович Волконский, дьяки Гавриил Леонтьев и Федор Грибоедов), а утверждать подготовленный акт предполагалось депутатам от всех государственных сословий. Текст Уложения был готов уже к 3-му октября, после чего начались слушания, в которых участвовал государь, высшее духовенство, царская дума и депутаты. По итогам слушаний в текст были внесены исправления и составлен чистый список, который «скрепили» участники. Затем текст Уложения был переписан в книгу, с которой оно было напечатано в 1649 г. и разослано областным наместникам и воеводам. Со временем Уложение было переведено сначала на латинский (1663 г.), затем на французский (1668 г.), немецкий и датский (1722 г.) языки[323].

Описывая происходящие в сфере развития законодательства события, К. А. Неволин подчеркивает особое значение петровских реформ («Первые начатки теоретическаго изученія и обрабатыванія законовъ въ Россіи относятся ко времени Петра Великаго»[324]), и высказывает мнение о том, что только в царствование Николая I, начиная с 1826 г., произошло обновление законодательства созданием свода законов. Однако даже выделяя это важное событие, автор не возвращается к вопросу об уточнении предложенной им периодизации развития законодательства России.

Достойна внимания оценка К. А. Неволиным петровских реформ применительно к правотворческой деятельности и правотворческой технике. Правление Петра I характеризуется возросшим количеством принимаемых государем актов и связанным с этим обстоятельством ускорением законотворения, заимствованиями положений из законов других стран, расширившимся перечнем видов правовых актов, принятием новых норм, попытками составления законодательных сводов (переработки Уложения и новоуказных статей) и некоторыми иными новациями.

Так, в первый период правления Петра Алексеевича к существующим видам актов добавились ратификация, в период совместного царствования Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича – отписка. С 29 января 1696 г. до 22 октября 1721 г. (принятие императорского титула) в практику управления и законотворчества вошли инструкции, наказные статьи, артикулы, манифесты, ведение (о форме грамот), договорные пункты, капитуляции, конвенции, Высочайшие резолюции, докладные пункты, аккордные пункты, декларации, универсал, табели, штаты, Высочайше утвержденная форма присяги, диплом, мемориал, определение, Высочайшее разрешение. До 28 января 1725 г. (кончина Императора Петра I) перечень актов был допол-

[323] Там же. С. 474-475.
[324] Там же. С. 501.

нен – запись межевая, пункты, данные из Канцелярии Правительствующего Сената. Наибольшее применение получили именные и сенатские указы, и в этот период впервые появились особые акты, состоящие из двух слов. Первое – «Высочайшие» (с различными окончаниями) – подчеркивало превосходную степень значимости акта[325].

Реформаторский характер всей деятельности Петра Первого позволяет рассматривать времена его царской и императорской самодержавной власти как переходный период, особенностью которого было также появление новых правовых форм иноязычного (датского, немецкого, шведского и др.) происхождения (например, манифест[326], декларация[327]).

Большое научное значение имеет археографический труд «Законодательные акты Петра В.» Н. А. Воскресенского[328], в котором представлен анализ правотворчества в петровский период.

Изучение труда Н. А. Воскресенского позволяет обнаружить интересные факты соответствующего исторического правотворчества. В разделе «Акты о законе и правотворчестве» издания приводится «Указ Петра I о вершении дел по Уложению, а не по новоуказным статьям и сепаратным указам, кроме изданных в дополнение Уложения; о пересмотре дел, вершенных на основании новоуказных статей и сепаратных указов; о рассмотрении в Сенате противоречивых, изданных в дополнение Уложения, указов, и о докладе своего мнения о них царю, от 20 мая 1714 года» в двух редакциях[329]. Первая редакция акта датирована 12 марта 1714 г., и ее текст состоит из вышеуказанной правовой формы (указ), заголовка и двух предложений. Вторая редакция датирована 20 мая того же года, имеет развернутый текст, включающий преамбулу и восемь пунктов, а заголовок состоит из одного слова – «Закон».

Соответствующий акт включен в ПСЗРИ, но оно содержит третий вариант текста, обозначающий правовую форму – «Именной указ», имеет бо-

---

[325] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 2: 1676-1688: [№ 619-1327]. – 1830. – [1], 974, 3 с.; Т. 3: 1689-1699: [№ 1328-1739]. – 1830. – [1], 690, [1] с.; Т. 4: 1700-1712: [№ 1740-2619]. – 1830. – [1], 881, 3, [4] с.; Т. 5: 1713-1719: [№ 2620-3479]. – 1830. – 782 с.; Т. 6: 1720-1722: [№ 3480-4136]. – 1830. – 817 с, Т. 7: 1723-1727: [№ 4137-5219]. – 1830. – 933 с.

[326] ПСЗРИ, Т. 4, № 1910, – С. 192.

[327] Там же. № 2285. – С. 531.

[328] Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники / Н. А. Воскресенский; под ред. и с предисл. Б. И. Сыромятникова; Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва; Ленинград: изд. и 1-я типолит. Изд-ва Акад. наук СССР, 1945 (Л.). – 1 т.; 26 см. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях [Текст]. – 1945. – XLIV, 602 с., 4 л. факс. – С. 22.

[329] Там же. С. 40-41.

лее краткий заголовок («О вершении дел по Уложению, а не по Новоуказным статьям») и значительно сокращенный текст с более поздней датой издания – 15 июня. В примечании к этому акту указывается, что «Указъ сей полученъ въ Сенатѣ Маія 20»[330].

Сравнение подлинного текста, представленного Н. А. Воскресенским, и текста ПСЗРИ показывает, что в них имеются различия: по дате принятия или издания; по содержанию (текст сокращен, полностью исключены пункты 6, 7 и 8); по правовой форме (подлинник переписан писцом, исправлен и дополнен Петром Первым и имеет наименование правовой формы «Закон», тогда как в ПСЗРИ акт включен как именной указ).

Еще один архивный документ приведен по беловому[331] тексту, который начинается словами «Закон. Указ Сенату» и датирован 10-м февраля 1720 г.[332] Однако в ПСЗРИ этот документ приводится как именной указ, объявленный из Сената[333], и не имеет уточнения о том, что это закон.

В издании Н. А. Воскресенского можно еще обнаружить подобные примеры неотображения в ПСЗРИ таких же особенностей петровских актов. Например, оригинальное заглавие акта – «Закон. Указ господам Сенату»[334], но в ПСЗРИ акт представлен как «Именный», т.е. – указ[335].

Приведенные Н. А. Воскресенским архивные материалы, в том числе написанные рукою Петра Первого, доказывают, что некоторые акты триста лет назад именовались как *законы* и одновременно как указание Сенату. Можно предположить, что при подготовке к публикации Полного собрания законов Российской империи в 1830 г. основное внимание издателей, учитывающих сложившуюся долголетнюю практику правотворчества, было обращено на слово «Указ» и последовавшая обработка оригинала текста имела следствием утрату первого слова – «Закон».

Возвращаясь к труду К. А. Неволина, резюмируем: законодательный процесс при самодержавной власти представлен следующим образом:

– сочинение предначертаний по усмотрению и воле государя или исходя из необходимости;

– для этих целей в отдельных случаях создавались комиссии;

– предначертания (проекты) законов рассматривались предназначенным местом (приказ, коллегия, министерство и др.);

---

[330] ПСЗРИ, Т. 5, № 2828, – С. 116-117.

[331] Беловой – написанный или начерченный набело, не черновой. См.: Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с. – С. 720. – С. 47.

[332] Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Указ. соч. – С. 80.

[333] ПСЗРИ, Т. 6, № 3515, – С. 128-129.

[334] Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Указ. соч. – С. 107-108.

[335] ПСЗРИ, Т. 6, № 3970, – С. 656-657.

– после этого предначертания представлялись на Высочайшее усмотрение;

– при утверждении государем акты поступали к исполнению[336].

К приведенным правилам добавлялись другие: новый закон или дополнение к нему постановлялись только за собственноручным подписанием государя; разъяснения по содержанию или исполнению закона излагались по словесным Высочайшим повелениям как указы, объявляемые уполномоченными местами (лицами); законам давались наименования уложений, учреждений, уставов, наказов, грамот, положений, манифестов, указов, мнений и докладов, удостоенных Высочайшего утверждения, а также рескриптов и приказов[337].

Присоединение новых земель и народов к Российской империи привело к дополнению законодательства местными законами Царства Польского, Великого княжества Финляндского, губерний Остзейской, Малороссийской, Ставропольской, Бессарабской области, Закавказского края, Сибирской губернии и области, земель войск казачьих и кочевых инородцев[338].

Не все указы имели силу закона. Так, указы по частным делам, если в них не оговаривалось особо, силу закона не имели. С другой стороны, судебные решения имели силу закона только для дел, по которым они выносились[339].

Акты (законы и постановления) обнародовались большей частью письменно и печатно с рассылкой на места.

Объективная необходимость составления нового свода законов осознавалась высшей властью и практически все государи, сменяющие друг друга, пытались провести эту работу, создавая соответствующие комиссии. Поясняя особенности работы каждой из десяти комиссий (1700, 1714, 1720, 1728, 1730, 1754, 1760, 1767, 1797, 1804 гг.), К. А. Неволин отмечает безуспешность этих действий и называет одной из причин то, что по отношению ко многим важнейшим предметам законодательства «понятія Русскихъ не были еще совершенно установлены»[340].

Таким образом, К. А. Неволин первым представил периодизацию развития русского законодательства, ограничившись тремя периодами, окончание которых приходится на 1649 г. в связи с принятием Уложения. Однако он же подчеркивал, что начало обработки законов положено Петром Первым, а фактическое обновление законодательства приходится на годы

[336] Неволин К. А. Полное собрание сочинений К. А. Неволина: Т. 1. Указ. соч. С. 478-479.
[337] Там же. С. 479.
[338] Там же. С. 480.
[339] Там же. С. 479.
[340] Там же. С. 482.

работы над Сводом законов Российской империи (1826-1832 гг.), что позволяет в более расширенном формате решить вопрос о периодизации эволюции законодательства России.

Из сочинения следует, что правила Русской правды именовались различным образом (постановления, узаконения, обычаи, статьи), а понятие «закон» не имело в лексиконе до начала XX века значения особенной правовой формы (вида правового акта). Закон как правовая форма впервые был обозначен в некоторых собственноручно написанных актах Петра I, что не образовало в тот период постоянную практику в законотворчестве.

Представленные К. А. Неволиным разновидности правовых актов не исчерпывают всех видов, использованных самодержавной властью для установления тех или иных правил, поскольку, как нами было показано, Полное собрание законов Российской империи к середине XIX века содержало большое количество разновидностей правовых актов (около 200: допетровский и петровский периоды – 72; послепетровский период – 126).

Процесс принятия новых норм сложился в Древней Руси и первоначально имел форму обычая в княжеском управлении делами. Постепенно наиболее важные в правотворчестве действия получали описание в правовых актах (например, в Уложении), а затем они сложились в определенную последовательность узаконений о правотворчестве в Своде законов Российской империи, которую описал К. А. Неволин.

§ 15. Государственные гражданские служащие учебных заведений в социально-правовом пространстве Российской империи

История российского государства и права имеет большой законодательный и правоприменительный материал, позволяющий проанализировать проблему формирования и развития правового статуса преподавателей учебных заведений Российской империи, находящихся на государственной гражданской службе, и использовать этот исторический опыт в ходе сегодняшних реформ сферы образования.

В соответствии с документами о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений ЮНЕСКО «преподавание в сфере высшего образования является профессией: оно является формой общественной службы…»[341]. Развитие российской государственности в начале XIX века сопровождалось активным законотворчеством в сфере образования, осуществлялись крупные реформы в области просвещения.

[341] Рекомендации о статусе преподавательских кадров высших учебных заведений. Генеральная конференция ЮНЕСКО. XXIX сессия. Париж, 1997.

На основе «Предварительных правил народного просвещения» 1803 года были определены основы единой системы просвещения Российской империи, которая была представлена следующими типами учебных заведений: приходские училища, уездные училища, гимназии и университеты. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» от 5 ноября 1804 года[342], определил основные принципы деятельности учебных заведений. Россия была разделена на шесть учебных округов: Московский, Петербургский. Казанский, Харьковский, Виленский и Дерптский[343]. Центрами этих учебных округов стали университеты, которые должны были руководить деятельностью гимназий своего округа, а профессора и преподаватели университетов – осуществлять методический и инспекторский контроль. Все структурные звенья системы просвещения находились в административной связи и вертикальной зависимости: высшие курировали низшие, низшие подчинялись высшим. Государство в начале XIX века стремилось «органически связать» по определению И. Е. Андреевского «три рода общих учебных заведений»: народные школы, гимназии и университеты[344]. В Российской империи была создана система высших, средних и низших учебных заведений, которая просуществовала до 1917 года.

Для учебной службы в системе просвещения были характерны общие черты государственной гражданской службы Российской империи и целый ряд особенностей, исключений из общих правил, законодательно закрепленные в отношении служащих учебного ведомства. В известном труде начала XX века С. В. Рождественского «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках» по поводу преподавательской деятельности было замечено: «…готовясь стать самостоятельной отраслью… государственной службы, педагогическая профессия должна была найти себе определенное место в «Табели о рангах»[345]. Рассматривая формирование правового статуса профессорско-преподавательского корпуса российских императорских университетов, Н. Н. Зипунникова отмечает постепенное юридическое оформление вхождения преподавателей университетов в систему государственной службы: «…от отдельных признаков ста-

[342] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собрание первое. Т. XXVIII. СПб, – 1830. – № 21501.

[343] Указом императора Александра I 1 октября 1824 года «О новом распределении губерний по учебным округам» эти 6 округов остаются, но критерием их выделения уже выступают не университеты, а система генерал-губернаторского правления – Гриневич И. М. Образовательная реформа Александра I в нормативно-правовых документах министерства народного просвещения // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 9. – С. 265. – Примечание 10.

[344] Андреевский И. Е. Полицейское право. В 2-х т. СПб., 1876. – Т.2. – С. 166

[345] Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. Т.1. СПб., 1912. – С. 518.

тусного положения преподавателей как субъектов, входивших в систему государственной службы, до полного законодательного включения их в существовавшую в империи иерархию классных чинов в начале XIX века»[346].

Преподаватели университетов имели целый ряд привилегий и льгот, отражающих специфический характер службы в учебном ведомстве как службы «особого рода». Так, в частности, правительство по некоторым ведомствам допускало назначение на должности лиц независимо от их чинов, учитывая недостатки гражданского чинопроизводства в части того, что «занятие самой должности поставлено в зависимость от имеющегося у служащего чина» и награждало более высокими чинами, минуя низшие. Это исключение из общего правила было распространено на лиц, оканчивающих курс наук в высших учебных заведениях, а также на лиц, занимающих должности по ученой и учебной части[347]. В первую очередь, к кандидатам на должности профессорско-преподавательского состава университетов предъявлялись научные требования.

Преподаватели университетов имели не только специальные правила чинопроизводства, но и специальный, определенный для них порядок замещения должностей, присвоения ученых степеней[348]. Указанный институт присуждения ученых степеней был важным инструментом правового регулирования государственной гражданской службы в высших учебных заведениях. Таким образом, одновременное присутствие двух систем (чинопроизводства и присуждения ученых степеней как регуляторов служебной деятельности преподавателей) было специфической особенностью гражданской службы в университетах Российской империи.

В Российской империи пенсионное обеспечение было привилегией исключительно государственных служащих. Вопросы пенсионного обеспечения в университетах для профессорско-преподавательского состава как государственных служащих правительственных учреждений разрешаются с момента возникновения российских университетов в начале XIX века. На законодательном уровне их пенсионное обеспечение в первой четверти XIX века осуществлялось на основе пенсионного устава Екатерины II, а также университетского законодательства (Утвердительных грамот императорских университетов). Следует отметить, что в Утвердительных грамотах

---

[346] Зипунникова Н. Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX в.: монография. Екатеринбург, 2009. – С. 309.

[347] Евреинов В. А. Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1887. – С. 60.

[348] Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР, 1985. – № 2. – С.141-153, Якушев А. Н., Климов А. Ю. Исследование развития законодательства в сфере присуждения ученых степеней в Российской империи // Право и образование. – 2006. – №2. – С. 208-217.

уже присутствуют правовые положения об обеспечении вдов и детей профессоров, чего не было в пенсионном уставе Екатерины II. Университетское законодательство в этом вопросе опередило положения общего пенсионного законодательства. Уже с 1827 года назначение и выплата пенсий регулируется Общим Уставом о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам[349].

В университетских Уставах 1835, 1863, 1884 годов имеют место специальные разделы о пенсиях и пособиях за службу в университетах. Положения этих разделов часто имеют нормы бланкетного характера, которые отсылали по вопросам порядка назначения пенсий профессорам к соответствующим статьям Устава о пенсиях и единовременных пособиях. Это, в свою очередь, свидетельствовало о соответствующей интеграции пенсионных положений университетского законодательства и законодательства о государственном пенсионном обеспечении лиц, находящихся на государственной службе. В частности, в университетском уставе 1863 года подобные нормы бланкетного характера по вопросам порядка назначения пенсий профессорам были представлены в статьях 145-147. Впервые в 1864 году на служащих по учебному ведомству, выходящих в отставку по болезни, были распространены сокращенные сроки назначения пенсий. До этого времени данная привилегия была у гражданских чиновников других ведомств, но на учебную службу не распространялась[350].

Помимо Общего Устава о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам в правовом пространстве Российской империи имели место Особенные Уставы о пенсиях и единовременных пособиях по некоторым ведомствам[351], которые учитывали специфику гражданской службы в различных ведомствах. В первую очередь, в них учитывались политические интересы государства, значимость конкретного рода деятельности для осуществления государственных задач и целей, условия службы, отдаленность местностей и др. В Особенных Уставах присутствовали и специальные положения по назначению пенсий и единовременных пособий по ведомству учебному и ученому. Служащим «по учебной части министерства народного просвещения» и их семьям пенсии назначались на основе особых правил статей 467–529 Особенных пенсионных уставов из средств государственного казначейства.

Для общегражданской службы Уставом о пенсиях не предусматривалась выплата пенсии одновременно с выплатой содержания по службе. Для профессоров императорских университетов такая льгота была установлена.

---

[349] Свод законов Российской империи. СПб., 1857. – Т. 3. – Кн. 3. – Раздел первый.
[350] ПСЗ РИ, Собр.I. Т.XXXIX. Ч. 1. СПб., 1867. – № 41047.
[351] Свод законов Российской империи. СПб., 1857. – Т. 3. – Кн. 3. – Раздел второй.

Они имели право на получение пенсии одновременно с получением жалования по выслуге в разных должностях по учебной части свыше 25 лет. Преимущества такой 25-летней выслуги были подтверждены и детализированы в особых Высочайших повелениях 13 апреля и 23 ноября 1837 года. Но Высочайшим указом 6 ноября 1852 года эта льгота была отменена. В период с 60-х гг. XIX в. – до 1906 г. разворачивается реформа государственной гражданской службы, разрабатывается система привилегий государственных служащих, восстанавливаются некоторые из отмененных ранее преимуществ для служащих учебного ведомства. Специальным Указом Правительствующего Сената от 23 мая 1855 года было восстановлено утраченное в 1852 году право профессоров, выслуживших двадцатипятилетний срок службы, но продолжавших преподавательскую деятельность в университетах, на получение пенсии одновременно с жалованием[352].

Для преподавателей университетов, которые по состоянию здоровья не могли продолжать службу в университете, по пенсионному законодательству была предусмотрена пенсия. В соответствии со статьей 156 Университетского Устава 1884 года, профессорам с тяжелыми и неизлечимыми болезнями, которым требовался постоянный уход, назначалась пенсия в размере одной трети оклада (за службу от пяти до десяти лет), размером в две трети оклада – за службу от десяти до двадцати лет. Полный оклад был предусмотрен в таких ситуациях за службу от двадцати лет и более. Наличие в законодательстве подобных правовых норм о пенсиях по болезни, инвалидности, а также членам семей по потере кормильца, означало оформление своеобразного государственного социального страхования государственных гражданских служащих по учебному ведомству и свидетельствовало о довольно высоком уровне развития пенсионного законодательства в отличие от некоторых европейских государств того периода[353]. В системе российского дореволюционного права отдельно не выделялись пенсионное, социальное или трудовое право в качестве самостоятельных отраслей права. Право пенсионного обеспечения относилось к институтам государственного права.

Законодательство о пенсионном обеспечении преподавателей университетов проходит в своем развитии через соответствующие этапы становления, систематизации, интеграции и консолидации. В этом процессе развития прослеживается тенденция интеграции положений о пенсионном обеспечении университетского законодательства и пенсионных уставов, ко-

[352] Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 283, оп. 3, д. 4678, л. 2.
[353] Ташбекова И. Ю. Проблемы пенсионного обеспечения в России во второй половине XIX – начале XX века // Известия Курского государственного технического университета. – 2010. – № 2(31). – С. 135.

торые были предназначены в целом для всех государственных гражданских служащих Российской империи. При этом происходит определенное уменьшение норм привилегированного характера, предусмотренных именно для профессорско-преподавательского состава университетов.

Не все льготы государственной службы по учебному ведомству распространялись на профессорско-преподавательский состав. В частности, дети профессоров не освобождались от платы за обучение в средних учебных заведениях. Дети учителей гимназий и училищ такую льготу имели (с учетом стажа работы педагогов-родителей и их материального положения)[354]. По решению министерства народного просвещения с 1907 года дети профессоров, приват-доцентов были освобождены от платы за изучение университетского курса[355]. Преподаватели университетов освобождались от несения воинской службы[356].

Право поступления на государственную гражданскую службу в соответствии с Указом от 5 октября 1906 года «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и других лиц бывших податных сословий» было предоставлено всем желающим, независимо от их происхождения и сословного положения. Тем самым государственная гражданская служба из привилегии переходит в профессию. Служебные привилегии и льготы начинают уже в большей степени ассоциироваться, прежде всего, с профессиональной деятельностью, профессией преподавателя университета[357], а не только с его статусом государственного гражданского служащего.

Для служебной карьеры преподавателей университетов немаловажное значение имели государственные награды. Награждение орденами становится важным условием успешной служебной карьеры с начала 40-х годов XIX века. По общим правилам для наград за отличие устанавливался срок: одна за другой награды могли быть пожалованы не ранее чем через три года. Для ежегодного числа наград устанавливалась норма, которая была для каждого ведомства разная.

В соответствии со специальными наградными нормами лица, находящиеся на государственной гражданской службе по ведомству министер-

---

[354] Свод законов Российской империи. СПб., 1893. – Том XI. – Ч.1. – Ст. 1495.

[355] Грибовский М. В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 2. – С. 104.

[356] Сборник постановлений по министерству народного просвещения. – Т.15. – СПб., – 1902. – Стб. 1159–1196.

[357] Именно в таком качестве льготы преподавателей высших учебных заведений (право на дополнительную жилую площадь, надбавки к заработной плате каждое пятилетие профессиональной деятельности) были представлены в советский период истории российского государства.

ства народного просвещения, делились на три категории. К первой категории относились лица учёно-учебной службы в учёных учреждениях, высших и средних учебных заведениях. Из учителей приготовительных классов средних учебных заведений в эту категорию входили только те, кто получил высшее образование. Ко второй категории относились лица, служащие в низших учебных заведениях, учителя приготовительных классов средних учебных заведений, не имеющие высшего образования, а также директора и инспекторы народных училищ. К третьей категории относились лица без права учебной службы (почетные попечители, почетные смотрители, делопроизводители и другие), то есть, не являющиеся государственными гражданскими служащими. Лица, служащие по найму (не утвержденные в занимаемых должностях) в эти списки не включались. По каждой из этих трех категорий награды распределялись соответственно в пропорции: одна награда на восемь человек; одна награда на двадцать человек; одна награда на сорок человек.

Ежегодно, не позднее первого сентября, в министерство просвещения должны были поступить представления на награды за служебные отличия от каждого учебного округа. В законодательстве о государственной гражданской службе подчеркивалось, что начальства не должны «испрашивать наград без истинных заслуг и достоинств» и иметь ввиду, что «одна выслуга определенных для наград сроков и прямое исполнение служебных обязанностей, по долгу присяги, не составляя особенного отличия не могут служить основанием ходатайства о награде»[358]. В случаях должностных или уголовных преступлений многие правительственные награды отнимались по судебному приговору.

Ордена как награда за отличие по службе были отнюдь не редким явлением в профессорско-преподавательской среде. Так, в частности, награждение ученого сословия в годы управления министерством народного просвещения А. В. Головниным становится не эпизодическим, а частым явлением. Ежегодно по учебному ведомству награждалось 150 человек из 4450 служащих, среди них было немало и профессоров[359]. Из 500 штатных профессоров и преподавателей, служивших в отечественных университетах в 1887/88 учебном году, те или иные ордена имелись у 399 человек[360]. В послужных списках профессоров университетов помимо орденов Святого Владимира, Святой Анны (различных степеней) представ-

[358] Свод законов Российской империи. СПб., 1896. – Т. 3. – Книга первая. – Ст. 667.
[359] Перфилова Т. Б. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов: монография. Ярославль, 2014. – С. 229.
[360] Грибовский М. В. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1.

лены такие формы награды как награждение бриллиантовым перстнем от императора, пожалование императором денежных сумм (в том числе и на издание своих трудов)[361]. До середины XIX века пожалование любым орденом сопровождалось возведением в потомственное дворянство. Это было немаловажно для преподавателей университетов, которые в большинстве своем были выходцами из недворянских сословий. С 1845 года награждение третьей степенью ордена святой Анны стало давать только личное дворянство, как и изменившийся статут двух низших степеней ордена святого Станислава. В 1859 году изменился и статус Знака отличия беспорочной службы (учрежденного в 1827 г.) за 15 и более лет (по пятилетиям) нахождения в классных чинах, который теперь присваивался за выслугу не менее 40 лет. Возможность получения ордена связывалась с классом чина награждаемого, хотя ордена и не были формально приравнены к классам Табели о рангах. С 1856 года возведение в потомственное дворянство давало награждение орденом святого равноапостольного князя Владимира IV степени. С 1900 года – награждение орденом Владимира III степени. Орден могли получить чиновники не ниже V класса[362]. О награждении отличившихся преподавателей ректор университета по уставу 1863 года ходатайствовал через попечителя, в уставе 1884 года попечитель в этой процедуре уже не упоминается, ходатайства о награждении служащих в университет лиц «восходят к начальству от ректора». В силу специфики учебной службы для служебной карьеры профессоров в университетах особое значение имели соответствующие научные награды, признание научных заслуг профессуры в России и за рубежом, членство в зарубежных научных обществах, присуждение профессорско-преподавательскому корпусу российских и международных премий и наград.

§ 16. Искусственное прерывание беременности в России в первой половине XX в.: медико-правовые проблемы

По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире более 30 млн женщин (8–10 %) прерывают беременность[363]. В России годовое число абортов вплоть до 2007 г. в течение нескольких десятилетий превышало число родов. В отдельные годы соотношение составляло два и более абортов на одно рождение. В 2018 г. на 100 рождений в России

[361] Российский государственный исторический архив, ф. 733, оп. 1, д. 205, л. 10об, 32. 35-36, 40, 65.
[362] Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. – С. 199, 210, 211.
[363] Кулаков В. И., Зак И. Р., Куликова Н. Н. Аборт и его осложнения. М.: Медицина, 1987. – С. 3.

пришлась 41 прерванная беременность, то есть примерно 29% зачатий завершилось прерыванием[364]. Однако, тема абортов была актуальна и вызывала острую дискуссию еще в конце XIX – начале XX вв. Междисциплинарный характер проблемы абортов заключается в обращении внимания на данную проблему со стороны юристов, медиков, социологов, психологов. Публично обсуждались медицинские, этические, гигиенические, нравственные аспекты искусственного прерывания беременности, проблемы полового просвещения, методов контрацепции. Специалисты выделяли аборты, произведенные в медицинском учреждении (искусственные) и аборты, являющиеся следствием внебольничного вмешательства (внебольничные, криминальные).

Согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1885 г. и по прод. 1906 г.)[365] умышленное изгнание плода без ведома и согласия беременной женщины наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжную работу на срок от четырех до шести лет. Если в результате данного преступления помимо изгнания плода причинено тяжкое повреждение здоровью женщины, то срок ссылки на каторжную работу увеличивался от шести до восьми лет. В случае же, если от совершенной процедуры последовала смерть беременной женщины, то срок ссылки составлял от восьми до десяти лет (ст. 1461). Лицо, совершившее умышленно изгнание плода с согласия беременной женщины, подвергался лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на срок от пяти до шести лет (ст. 1462). Если изгнание плода было совершено с участием врачей, акушеров, повивальной бабки и аптекаря, то предусматривалось ужесточение наказания одной степенью (ст. 1463).

В конце XIX в. врачами исследовалась проблема высокого процента искусственных выкидышей и негативных последствий на организм и здоровье женщин от абортов. Уже в 1889 г. на III Пироговском съезде (Санкт-Петербург) в выступлениях медиков наряду с обсуждением искусственного прерывания беременности под призмой негативного социального явления, звучали мысли о том, что существуют медицинские основания для оправдания женщин и врачей. Конечно, в первую очередь, речь шла о состоянии репродуктивного здоровья беременных. Руководствуясь указанным соображением, врачи выступали «с предложением снизить наказание

[364] Аналитический доклад Института демографии НИУ ВШЭ. Аборты в России. Распространенность, новейшие тенденции и проблемы статистического наблюдения // URL: https://iq.hse.ru/news/484659480.html?ysclid=l83hvv2vzv753218406 (Дата обращения 16.09.2022 г.)

[365] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (Изд. 1885 г.) // СЗРИ. Т. XV. Раздел 10. Гл. 1.

для женщин, а также расширить сеть приютов и воспитательных домов для детей»[366].

С медицинской точки зрения, искусственное прерывание беременности обсуждалось в связи с вредным влиянием, оказываемым на организм женщины после совершения искусственного выкидыша. Отмечалось, что подобная операция может привести к различным осложнениям беременности и родов: инфекционным процессам, нарушению работы репродуктивных органов, бесплодию, самопроизвольным выкидышам, преждевременным родам и др. В этой связи врачами подвергались анализу различные методы прерывания беременности, осуществлялся поиск наименее травматичных и наиболее безопасных способов прерывания беременности.

По данным Императорского Клинического Повивально-Гинекологического Института (Санкт-Петербург) за период с 1897 по 1899 гг. искусственные выкидыши составляли 5,2 %, в 1905 г. – 10 %, в 1911 г. – 19,5 %[367]. Медики, сравнивая смертность среди женщин при родах и при абортах, приходили к выводу о том, что в последнем случае женщина рискует в 10 раз больше, чем при родах. Другая опасность была связана с заболеваемостью женщин. Если при родах этот показатель не превышал 9 %, то при абортах был в 2–3 раза выше, чем при родах. Отличалась и степень тяжести заболеваний, поскольку, по наблюдениям специалистов, внебольничные аборты сопровождались, как правило, септическими поражениями, оказывающими необратимые последствия на здоровье женщин[368].

Другой вопрос, остро стоявший в медицинском сообществе, был связан с юридической ответственностью врачей за совершение абортов. Так, российский акушер-гинеколог, профессор Ленинградского медицинского института Л. Г. Личкус указывал на несправедливость законов, предусматривающих уголовную ответственность врачей в случаях оперативного вмешательства и производства аборта пациентке для достижения «надлежащей цели». К таковым целям данный профессор относил жизнь и здоровье беременной женщины[369].

---

[366] Юкина И. И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 2. – С. 243-262. DOI: https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.11 (Дата обращения 16.09.2022 г.)

[367] Якобсон В. Л. Современный выкидыш с общественной и медицинской точки зрения //Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов: (16–19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Под ред. проф. А. Редлиха. Вып. 1. СПб., 1912. – С. 9-10.

[368] Там же. С. 11.

[369] Личкус Л. Г. Выкидыш с судебно-медицинской точки зрения. Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов: (16-19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Под ред. проф. А. Редлиха. Вып. 1. СПб., 1912. – С. 20.

Проблема при решении вопроса о прерывании беременности, по мнению Л. Г. Личкуса, заключалась в том, что наряду с безусловными показаниями к искусственному прерыванию беременности, имеются и относительные показания. В последнем случае прерывание беременности осуществляется в профилактических целях, чтобы в послеродовом состоянии не возникло заболеваний, ухудшающих здоровье до такой степени, что стало бы опасным для жизни и здоровья беременной. Поскольку относительные показания необходимо рассматривать в каждом конкретном случае, имеется угроза их различного толкования специалистами. Выступая за необходимость предоставления большей свободы врачам на основании медицинских показаний в конкретных случаях, Л. Г. Личкус полагал необходимым введение следующих мер: 1) выслушивание мнений трех экспертов, специализирующихся на том заболевании, которое является препятствием к деторождению и производство аборта только в случае единогласного совпадения этих мнений; 2) получение письменного согласия от беременной женщины и ее мужа (при наличии) на операцию; 3) по возможности заблаговременное помещение пациенток на стационарное лечение или в родильный дом для наблюдения и эффективного оперативного вмешательства в наиболее подходящее время; 4) в случае возникновения необходимости экстренного искусственного прерывания беременности на дому у беременной женщины осуществление этой операции в присутствии трех специалистов[370].

На XII Пироговском съезде (1913 г., Санкт-Петербург) рассмотрение вопросов, связанных с искусственными выкидышами, проходило в специально созданной секции акушерства и женских болезней, в которой выступали известные медики, акушеры-гинекологи, среди которых: Л. Г. Личкус (Санкт-Петербург), И. Д. Астрахан (Москва), Я. Е. Выгодский (Вильна), П. Н. Чунихин (Харьков) и др. В работе данной секции также приняла участие специально образованная Комиссия по борьбе с искусственными выкидышами, которая выступила с докладом Омскому Медицинскому обществу. Так, участники комиссии выступили за необходимость освобождения от уголовной ответственности не только матерей, но и врачей, производящих искусственный аборт как по медицинским показаниям, так и по просьбе беременной женщины[371].

На этом же съезде среди аргументов за легализацию абортов по медицинским показаниям врачами особое внимание уделялось тяжелым по-

[370] Там же. С. 35-37.

[371] Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1]. / О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1913. – С. 87.

следствиям от искусственных абортов, проводимых неквалифицированными работниками. Описывались «бытовые методы», распространенные среди женщин («производство абортов вязальными иглами, перьями, палочками» и т.п.), которые беременные женщины применяли сами на себе (П. Н. Чунихин)[372]. Таким образом, уголовное преследование за производство абортов на практике приводило к тому, что женщины проводили сами себе операцию, в несоответствующих условиях и обстановке.

Помимо того, что смертность женщин при абортах превышала смертность при родах, отмечалось, что даже в тех случаях, когда женщины после произведённых внебольничных абортов оставались в живых, частыми были случаи их лихорадочного состояния, септического поражения организма и утраты трудоспособности (В.П. Федоров)[373].

Кроме того, на съезде звучали мысли не только о влиянии абортов на организм женщины, но и о том, что женщина, являясь свободной личностью, вправе сама решать вопрос о детях, что она и делает, однако в ущерб своему здоровью (К. Н. Бронникова)[374]. Учитывая неэффективность законодательного ограничения совершения абортов, врачи выступали за необходимость внесения изменений в законодательстве и легализацию абортов (К. Н. Бронникова, Л.М. Горовиц)[375], а также за создание достойных социальных условий для беременных женщин, уравнение прав женщин и мужчин в оплате труда[376].

В результате долгих прений, большинством голосов Двенадцатый Пироговский съезд принял резолюцию, согласно которой предлагалось исключить уголовное преследование за искусственный аборт в отношении женщин и врачей, производящих искусственное прерывание беременности[377].

Таким образом, аборт по медицинским показаниям поддерживало большинство врачей. Подобная позиция была сформулирована врачами ис-

---

[372] Чунихин П. Н. К статистике выкидышей и преждевременных родов среди народонаселения // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1] / О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1913. – С. 91–92.

[373] Федоров В. П. К вопросу о лечении выкидыша. Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1] / О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1913. – С. 93

[374] Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1] / О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1913. – С 212.

[375] Там же.

[376] Там же. С. 213.

[377] Василевский Л. М. Аборт как социальное явление. Днепопетровск: Космос, 1927. – С. 50.

ходя из необходимости сохранения жизни и здоровья женщин и будущего потомства. Однако, по итогам обсуждения проблем, связанных с производством искусственных выкидышей, указанием на особую социальную значимость вопроса, становилось очевидным, что вопрос об искусственном прерывании беременности необходимо было решать одновременно с реформированием социально-экономических отношений, государственной поддержкой матерей, самостоятельно воспитывающих детей и детей, рожденных вне законного брака.

Кроме того, такое активное и всестороннее обсуждение в широких массах темы абортов свидетельствовало, по мнению М. И. Покровской, о «протестах женщин, их желании жить по-своему, не подчиняясь природе, а приспособляя ее к себе»[378].

Аналогичное мнение было оглашено на X общем собрании Русской группы Международного союза криминалистов (13–16 февраля 1914 г., Санкт-Петербург). В качестве дополнительного обоснования своей позиции криминалисты отмечали, что при производстве аборта женщина причиняет телесное повреждение себе, то есть наносит вред лишь самой себе, в связи с чем, наказывать за эти действия государство не вправе (В. Д. Плетнев). Известные российские ученые-правоведы, специалисты в области уголовного права и криминологии Н. С. Таганцев, П. И. Люблинский, А. А. Жижиленко, А. М. Кулишер, В. Н. Ширяев выступали за необходимость декриминализации абортов по медицинским показаниям, либо в «особо тяжких социальных и личных условиях». При этом, по мнению указанных юристов, реформы в данной сфере должны сопровождаться введением государственных мер охраны материнства и поддержки женщин[379].

Однако, были и противники декриминализации абортов (М. М. Исаев, М. Н. Брюхатый, М. Зейлигер), высказывавшие опасения, что отмена наказуемости абортов приведет к «одичанию нравов и половой распущенности»[380]. Российские юристы С. В. Познышев, М. П. Чубинский, ссылаясь на недопустимость безнаказанности абортов, утверждали также, что их производство может привести к поощрению лиц, «не гнушающихся профессиональным занятием» и возможности с большим успехом «рекламировать свое искусство». Указанное, по их мнению, будет иметь неблагоприятное действие на «общественную нравственность»[381].

---

[378] Покровская М. И. Вопрос расовой гигиены // Женский вестник. 1914. № 1. URL: https://a-z.ru/women/texts/stat2r.htm (Дата обращения 23.08.2022 г.)

[379] Василевский Л. М. Аборт как социальное явление. Днепопетровск: Космос, 1927. – С. 50–55.

[380] Там же.

[381] Грин И. В. Аборт – преступление или операция?: докл., сделанный на XII Пироговском съезде. М.: тип. и цинк. т/д Мысль Н.П. Меснякин и К°. 1914. – С. 18, 32.

Закономерным ответом на подобные доводы стало утверждение о том, что число абортов уменьшится естественным образом, если будут созданы благоприятные социальные условия для матерей, законодательная охрана материнства, а также будет установлена ответственность в отношении мужчин, уклоняющихся от заботы о своих будущих детях (Л. М. Горовиц-Власова, А. Зарудный). В итоге большинство участников научного съезда Международного союза криминалистов проголосовало за кардинальную резолюцию, предложенную юристами В. Д. Плетневым и М. Н. Гернетом: «признать необходимым исключить изгнание плода из числа преступных деяний»[382].

Изменение государственной политики Советского государства в отношении абортов связано с принятием постановления в 1920 г.[383], которым регламентировалось бесплатное производство искусственного прерывания беременности. Данная операция должна была проводиться в больницах и только врачом. Акушерки или бабки, а также врачи, осуществившие данную операцию вне стен больницы, в корыстных целях подвергались уголовному преследованию.

Стоит отметить, что статистика абортов повсеместно имела тенденцию к увеличению. Так, по данным крупнейшей в Берлине акушерской клиники Бумма, за период с 1917 по 1920 гг. в Германии ежегодно производилось около 270 000 абортов, что составляло примерно 15,8 % от общего числа родов. В Голландии искусственные аборты в 1913 г. составляли 13 %, в Америке – 35 %, во Франции – 50 %. К негативному явлению относился не только высокий процент абортов, но и стремительные темпы увеличения этого показателя. Например, в Швеции с 1891 по 1900 гг. число абортов утроилось по сравнению с предыдущими десятилетиями[384].

Уголовное законодательство европейских стран рассматривало искусственный аборт в качестве уголовно наказуемого деяния и посягательства на плод и беременную женщину. Так, во Франции законом 1920 г. запрещались абортивные средства и публичная пропаганда аборта, а согласно закону 1923 г. тюремному заключению за совершение абортов подлежали как беременные женщины, так и лица медицинского звания, и торговцы медицинскими предметами, причастные к производству аборта. Уголовный кодекс Бельгии, принятый в 1867 г. не признавал плод объектом юридической

---

[382] Василевский Л. М. Аборт как социальное явление. Днепопетровск: Космос, 1927. – С. 50-55.

[383] Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 г. № 471 «Об охране здоровья женщин» // СУ РСФСР. 1920. Ст. № 471.

[384] Василевский Л. М. Аборт как социальное явление. Днепропетровск: Космос, 1927. – С. 66-67.

защиты, однако рассматривал искусственные аборты в качестве посягательства на интересы семьи. Голландский, Венгерский, Германский уголовные кодексы рассматривали аборты в разделе об убийстве, за которые предусматривалось тюремное заключение. При этом законодатели данных стран высказались за недопустимость требования о ненаказуемости абортов, в связи с их вредными для здоровья женщины и опасением возможного широкого распространения искусственных выкидышей среди населения[385]. В целом следует отметить, что в Европе, где «церковь сохраняла свое влияние на общество, аборты были узаконены на 40–50 лет позже, чем в России»[386].

В первые годы после легализации абортов в России наблюдалось заметное возрастание их численности, складывание так называемой «абортной культуры», в ходе которой сложилось привыкание общества к широкому распространению абортов[387]. Указанное связывалось как с материальной необеспеченностью, усугубленной Гражданской войной, а затем и переходом к НЭПу, а также с неопределенностью в области гендерной политики[388].

В связи с ростом числа женщин, прибегающих к абортам, в 1924 г. были созданы специальные комиссии из трех человек, в которых выдавалось разрешение на совершение абортов, устанавливалась очередь на проведение операции по искусственному выкидышу, а также распределялись бесплатные места для совершения данной операции[389]. В 1924 г. «районными тройками по аборту» было выдано 6 692 разрешений на производство операций, а в 1925 г. уже за первые 4 месяца число разрешений достигло 4 923, за весь же 1925 г. было выдано 12 326 разрешений. При обращении с ходатайствами о проведении абортов женщины указывали следующие причины, побудившие их на совершение этой процедуры: материальная необеспеченность (7 340 разрешений), болезненное состояние (1 646), наличие грудного ребенка (681), многодетность (538), не желание иметь ребенка (364), желание скрыть беременность (37), невозможность продолжать обучение (5) и др.[390]. Во всех этих случаях прошения беременных женщин были удовлетворены. Отказы в

---

[385] Маннс Г. Ю. Аборт как социальное явление и проблема его наказуемости. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1927. – С. 57-60.

[386] Баранов А. Н., Санников А. Л., Сизюхина Н. Н. Аборт: междисциплинарный взгляд // Экология человека. 2006. № 6. – С. 49-55.

[387] Mishina E. Soviet family law: women and child care (from 1917 to the 1940s) // Russian Law Journal. – 2017. – Т. 5. – № 4. – С. 69–92.

[388] Попова А. В. Историко-социологический анализ политики советского правительства по легализации искусственного прерывания беременности // Наследие. 2020, – No 1(16) – С. 151-161. DOI: https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.1.10 (Дата обращения 16.09.2022 г.)

[389] Там же.

[390] Василевский Л. М. Аборт как социальное явление. Днепропетровск: Космос, 1927. – С. 76.

ходатайстве имели место при установлении достаточной материальной обеспеченности (900), позднего срока беременности (160), признания женщины здоровой (115), первой беременности (18), а также при частых абортах в прошлом (74)[391]. Таким образом, наиболее частым мотивом абортирующих женщин выступала материальная необеспеченность, в то время как медицинские показания выступали на втором месте.

Увеличение численности абортов, резкое падение рождаемости в стране, вызванное голодом 1932–1933 гг., привели к демографическому кризису. Постепенно проводилась «антиабортная кампания», которая заключалась в платности абортов и росте цен за его совершение. В обществе формировалось мнение о необходимости «суровой законодательной борьбы с абортами» для того, чтобы «женщины не лишали страну потомства»[392].

Постановлением 1936 г.[393] производство искусственного прерывания беременности официально было запрещено. Данный запрет распространялся как на совершение операции в больницах, так и на дому у врачей, а также на частных квартирах. Исключение составляли случаи, когда продолжение беременности угрожало жизни и здоровью женщины, либо при наличии тяжелых заболеваний, передающихся по наследству. Одновременно с запретом абортов были приняты меры по увеличению материальной помощи беременным женщинам, государственной помощи многодетным матерям, значительному расширению сети родильных домов, яслей и детских садов.

Хотя реализация данного постановления была направлена на улучшение демографической ситуации, повышение рождаемости, однако, число абортов не уменьшилось. Женщины стали обращаться к нелегальным способам производства искусственного прерывания беременности. В этой связи увеличилось количество летальных исходов среди женщин, прибегших к криминальному аборту. Медиками исследовались негативные последствия для здоровья женщин при производстве внебольничных абортов. Большинство врачей в сельских местностях не производили аборт и отказывали женщинам, в силу чего последние были вынуждены обращаться к неквалифицированной помощи повивальных бабок, что заканчивалось неудачным абортом, осложнением состояния здоровья беременной женщины, зачастую имевшими необратимые последствия для ее здоровья. В

[391] Там же. С. 77.

[392] Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. М.: Соцэкгиз. 1937. – С. 227.

[393] Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

1940 г. материнская смертность от аборта составляла 51 %, в начале 1950-х эта доля превысила 70 % и подавляющее большинство их них – от внебольничных абортов[394].

Поскольку постановлением 1936 г. разрешалось производство абортов в исключительных случаях, врачи «нередко выдавали разрешение на аборт по медицинским показаниям, когда таковых не было». В 20 % случаев, когда разрешение не было выдано, женщинами производился самоаборт, либо внебольничный аборт[395].

Несмотря на законодательный запрет абортов, расширение мер государственной помощи матерям и усиление охраны материнства и детства Указом 1944 г.[396], активного выявления лиц, причастных к производству криминальных абортов не случилось. В этой связи в 1944 г. по приказу Прокурора СССР органам прокуратуры было предписано осуществлять активную деятельность по уголовному преследованию и привлечению к юридической ответственности лиц, виновных в незаконном производстве абортов и в понуждении женщин к производству абортов. Основная задача сотрудников прокуратуры состояла не столько в отыскании женщин, решившихся на криминальный аборт, сколько в выявлении лиц, производящих аборты в виде промысла. В отношении последних органам юстиции надлежало применять меру пресечения в виде заключения под стражу[397].

Кроме того, несмотря на законодательное закрепление мер, способствующих увеличению рождаемости, работа по таким важным направлениям как строительство и обустройство детских яслей, детских садов, родильных домов, не была выполнена в полном объеме. Так, план строительства детских яслей в первом квартале 1938 г. был реализован только на 17,8%, а «вследствие халатности и преступно-бюрократического отношения к делу со стороны органов здравоохранения не были выполнены и планы строительства родильных домов»[398].

---

[394] Вишневский А. Г., Сакевич В. И., Денисов Б. П. Запрет аборта: освежите вашу память // Демоскоп Weekly. 2016. No 707–708. URL: http://demoscope.ru/weekly/2016/0707/tema01.php (Дата обращения 06.08.2022 г.).

[395] Там же.

[396] Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

[397] Обзор важнейших приказов Прокурора СССР 1941–1944 г.: Пособие для районных и городских прокуроров освобожденных областей / Прокуратура Союза ССР. Кодификационно-справочный отд. М.: Юрид. изд-во. 1945. – С. 14.

[398] Денисов Б. П., Сакевич В. И. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика.

Если до 1930 г. в СССР еще публиковалась статистика абортов, свидетельствующая о росте их числа, с 1939 г. сбор статистических данных об искусственных абортах был полностью прекращен[399]. Сложность сбора статистических сведений проявлялась и в том, что имелось значительное число невыявленных лиц, занимающихся производством незаконных абортов или самоабортами. Особенно остро эта проблема проявлялась в сельских местностях, где «лица, занимающиеся производством абортов у себя на дому в антисанитарной обстановке, оставались безнаказанными, продолжая заниматься своей преступной деятельностью»[400].

Итак, если реализация постановления 1936 г. и привела к сокращению количества абортов и росту рождаемости на всей территории РСФСР, то на непродолжительное время. На фоне нерешенных социальных и экономических потребностей населения официальный запрет искусственного прерывания беременности привел к увеличению «самоабортов», нелегальных абортов, неполных абортов, производившихся вне лечебных учреждений. На этом фоне все отчетливее звучали идеи о том, что борьба с абортами должна вестись не с помощью уголовного преследования женщин, решившихся на аборт, а путем устранения причин, в первую очередь, социально-экономических, которые вызвали необходимость для беременной женщины решиться на эту операцию[401].

Таким образом, вопрос искусственного прерывания беременности в России имеет длительную историю и значительный опыт различных подходов и методов его правового регулирования. Юристами и медиками первой половины XX в. указывалось на необходимость борьбы не только с криминальными, но и легальными абортами. Среди путей борьбы с проблемами, связанными с производством искусственного прерывания беременности, отмечалась необходимость развития мероприятий по охране материнства и детства, материальной поддержки беременных женщин, обустройства необходимого количества детских яслей, садов, родильных домов, а также культурного просвещения населения по преодолению стереотипов о подчинённом положении женщин в семье.

Памяти А. Я. Кваши: Сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 186–208.

[399] Баранов А. Н., Санников А. Л., Сизюхина Н. Н. Аборт: междисциплинарный взгляд // Экология человека. – 2006. – № 6. – С. 49–55.

[400] Постановление Пленума Верховного суда СССР от 23.09.1937 г. № 58 «О судебной практике по борьбе с незаконным производством абортов» // Сборник действующих Постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР. 1924–1944 гг. / под ред. И. Т. Гоялкова. М.: Юрид. Изд-во, 1946. – С. 63-64.

[401] Крупская Н. К. Женщина равноправный гражданин СССР: Сборник статей и речей. М.: Партиздат, 1937. – С. 52.

§ 17. Развитие особого производства в цивилистическом процессе: исторические аспекты в праве

Одной из современных тенденций развития права является курс на ускорение и упрощение цивилистического судопроизводства. Институт особого производства призван содействовать решению этой задачи. Но некоторые аспекты, в частности, отнесение к особому производству рассмотрения заявлений о нотариальных действиях или отказе в их совершении, до сих пор в юридической науке вызывают ряд дискуссионных вопросов и предложений. Обращение к историческому опыту, в том числе советского периода, целесообразно для совершенствования института особого производства в современном цивилистическом процессе.

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10 июля 1923 г. к делам особого производства, помимо дел о выдаче судебных приказов по актам, относил дела: об оставшемся после умерших имуществе, о третейских записях и решениях, о внесении в суд предметов обязательств (депозит), о расторжении брака, об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям, по жалобам на действия нотариусов (ст. 191) [402].

Порядок распоряжений суда по имуществу, оставшемуся после умерших, регулировался главой 21 ГПК РСФСР. Если судья признавал необходимым назначить хранителя к оставшемуся после умершего имуществу, то такой хранитель назначался им преимущественно из числа имеющихся наследников. Если обнаруживалось, что нет законных наследников, или законные наследники отсутствуют, или когда имелись факты, доказывавшие расхищение наследственного имущества, губернский финансовый отдел должен был обращаться в народный суд с просьбой о принятии охранительных мер[403]. При необходимости народный судья делал распоряжение о выдаче из оставшегося после умершего имущества сумм на покрытие расходов по погребению, по содержанию находившихся на иждивении покойного лиц, по хранению имущества и управлению им (ст. 195 ГПК РСФСР). По истечении шестимесячного срока после открытия наследства народный судья по просьбе заинтересованных лиц выносил определение, которым удостоверял переход наследственного имущества к соответствующим лицам или учреждениям (ст. 196 ГПК РСФСР).

На практике зачастую происходило неправильное толкование и применение правовых норм об особом производстве, в связи с чем Народным

---

[402] Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. – 1923. – № 46-47. – Ст. 478.

[403] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом / сост. С.В. Александровский. М.: Юрид. изд-во НКЮ. – 1925. – С. 261.

Комиссариатом Юстиции РСФСР принимались циркуляры, а Верховным Судом РСФСР выносились определения для исправления недостатков в правоприменительной деятельности.

Так, в совместном Циркуляре Народного Комиссариата Финансов (НКФ) РСФСР, Народного Комиссариата Юстиции (НКЮ) РСФСР, Народного Комиссариата Здравоохранения (НКЗ) РСФСР указывалось, что после лиц, умерших в больницах, санаториях, здравницах и тому подобных лечебных учреждениях здравоохранения, оставались различные малоценные предметы домашнего обихода и личного их употребления (платье, постельные принадлежности, незначительные суммы, ценности до 10 рублей золотом и т.п.); и администрация учреждений требовала обычно от родственников, являвшихся за этими вещами, предоставления определения народного суда о признании за ними наследственных прав на это имущество. НКЮ РСФСР по соглашению с НКЗ РСФСР и НКФ РСФСР, принимая во внимание ряд факторов (что обращение к суду за утверждением в праве наследства необязательно, что оставшиеся предметы подобного рода чрезвычайно малоценны и относятся исключительно к предметам домашнего обихода, не подлежащим обложению наследственной пошлиной, что требование обращения к суду создает неоправданную волокиту, что по своей простоте вопрос может быть без труда разрешен администрацией лечебного учреждения), установил следующий порядок: предметы домашнего обихода и личного употребления, оставшиеся после лиц, умерших в больницах и других лечебных учреждениях, должны были выдаваться лицам, перечисленным в ст. 418 ГК РФ, непосредственно администрацией учреждения при условии явки в течение 6 месяцев и по представлении ими удостоверения о наличности отношений к умершему. Имущество и ценности, не подходившие под перечисленное выше, должны были передаваться наследникам на общих основаниях[404].

Дела о третейских записях и решениях регулировались ст. 199-203 ГПК РСФСР. Согласно ст. 199 ГПК РСФСР, соглашение сторон о разборе их спора по гражданскому праву соответствующим третейским судом (третейская запись) вступало в силу лишь после того, как народный судья делал надпись на третейской записи о ее регистрации.

Правовое регулирование в период действия норм ГПК РСФСР 1923 г. имело особенности, вызванные конкретно-исторической обстановкой.

В частности, законодательством не предусматривалась возможность разбора третейским судом имущественных споров, возникших между госу-

[404]Циркуляр Народного Комиссариата Финансов РСФСР, Народного Комиссариата Юстиции РСФСР, Народного Комиссариата Здравоохранения РСФСР от 10 сентября 1923 г. – № 183.

дарственным предприятием и частным лицом. Обусловлено это было характером советского строя: общие начала советского законодательства и политика правительства характеризовались предоставлением правовых привилегий государственным предприятиям по сравнению с частными лицами. «Стремление оберечь общегосударственный интерес, – указывал НКЮ РСФСР, – закон ставит выше точного выполнения договорных отношений в спорах между госпредприятиями, предписывая принимать во внимание при разборе последних в арбитражных комиссиях не только интересы истца или ответчика, но и общегосударственные, и устанавливая возможность вынесения постановления о полном или частичном освобождении от обязательств или ответственности»[405].

Решения третейских судов, в случае нежелания добровольно их исполнять, передавались в народный суд. Народный суд в течение 24 часов должен был сделать надпись о приведении решения в исполнение в принудительном порядке. Постановления третейских судов обжалованию не подлежали. Но если народный судья отказывал в выдаче исполнительного листа, стороны могли подать частную жалобу на отказ народного судьи в выдаче исполнительного листа в губернский суд (ст. 249 ГПК РСФСР).

Дела о расторжении брака в соответствии со ст. 220-225 ГПК РСФСР рассматривались в порядке особого производства. Согласно ст. 220 ГПК РФ, в случае несогласия одного из супругов на расторжение брака, заявитель подавал заявление о расторжении брака в народный суд по месту жительства. Вызов сторон производился в общеустановленном для вызова истца и ответчика порядке; если заявителю было неизвестно местожительство другого супруга, то в суде вывешивалось объявление о том, что дело будет заслушано спустя месячный срок. Соглашение между супругами о том, с кем остается на воспитании ребенок, об алиментах заносилось в протокол судебного заседания и подлежало исполнению как судебное решение; это не лишало супругов и детей претендовать впоследствии в общеисковом порядке на причитавшееся им содержание, если последнее превышало размер, предусмотренный соглашением. При отсутствии такого соглашения судья одновременно с постановлением о расторжении брака выносил определение о том, кто из супругов до разрешения спора в общеисковом порядке будет нести расходы по содержанию детей и у кого дети временно должны оставаться на воспитании.

В Определении Пленума Верховного Суда РСФСР от 16 февраля 1924 г. содержался пример нарушения народным судом норм права. Как

[405] Возможно ли передать разрешение возникших между госпредприятием и частным лицом имущественных споров третейскому суду? // Еженедельник Советской юстиции. – 1924. – № 34. – С. 803.

указал Пленум, народный суд 3 участка Черкесской автономной области, принимая к рассмотрению два дела о расторжении брака, совершенного после 20 декабря 1917 г. в церкви без регистрации ЗАГС, нарушил Кодекс законов об актах гражданского состояния, так как подобные браки по закону силы не имеют и никаких обязанностей не порождают. Но приняв во внимание, что решения вступили в законную силу, в срок не обжалованы и никаких материальных интересов ни государства, ни трудящихся масс не затрагивали, Верховный Суд не увидел надобности их отменить, а ограничился вышеизложенным разъяснением[406].

Ст. 226-230 ГПК РСФСР регулировали основания и порядок рассмотрения дел об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям. Согласно ст. 226 ГПК РСФСР, лица, желавшие на основании Декрета Совета Народных Комиссаров от 14 декабря 1920 г. ходатайствовать об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям, могли подать соответствующее заявление в губернский суд. Ходатайство должно было быть подано не позднее, как за месяц до срока явки к призыву. Такие дела рассматривались с вызовом просителя и при обязательном участии представителя прокуратуры. Суд заслушивал заключение экспертизы о том, действительно ли данное лицо принадлежит к тому религиозному учению, которое оно указывает, и практически осуществляет его, и исключает ли принадлежность к нему несение военной службы в каком бы то ни было виде. В определении суда об освобождении от военной службы должно было быть указано: какая именно работа назначается, куда и в какой срок должен явиться освобожденный для выполнения назначенной работы или должны были приводиться мотивы полного освобождения.

Пленум Верховного Суда РСФСР в Определении от 16 февраля 1924 г. обратил внимание на недопустимость представительства по делам об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям. И указал: точный смысл ст. 226 и ст. 227 ГПК РФСР, в отмену п. 3 Декрета от 14 декабря 1920 г., требует возбуждения ходатайства об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям лично заинтересованным лицом с обязательным вызовом его в судебное заседание[407].

Дела по жалобам на действия нотариусов или на отказ в совершении действий в отличие от других дел особого производства, рассматривавшихся народным судьей единолично в публичных судебных заседаниях, рас-

[406] Определение Пленума Верховного Суда РСФСР от 16 февраля 1924 г. // Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом / сост. С.В. Александровский. М.: Юрид. изд-во НКЮ. – 1925. – С. 292.

[407] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом / сост. С.В. Александровский. М.: Юрид. изд-во НКЮ. – 1925. – С. 296.

сматривались гражданским отделением губернских судов. Основаниями для жалобы, согласно ст. 231 ГПК РСФСР, признавались: 1) совершение нотариусом какого-либо действия; 2) отказ нотариуса в совершении действий; 3) допущенная нотариусом волокита. Срок для обжалования действия или отказа в совершении действий составлял две недели и исчислялся с того дня, когда распоряжение нотариуса объявлено жалобщику или стало ему известно. Жалобы на волокиту не имели ограничения срока на подачу.

Циркуляром НКЮ РСФСР уточнялось, что нотариальная контора должна была возвратить жалобу, поданную с пропуском срока с донесением об этом нотариальному отделению. Нотариальные отделения также возвращали жалобы за пропуском срока, за исключением случая, если отделением было возбуждено против нотариальной конторы дело в порядке надзора[408]. Согласно ст. 193 ГПК РСФСР 1923 г., если при рассмотрении дела особого производства, к которым были отнесены дела по жалобам на нотариусов, заинтересованным лицом возбуждался спор, то суд мог прекратить особое производство, предоставляя сторонам возможность разобраться в общеисковом порядке.

Так, например, Московский губернский суд 11 апреля 1924 г. рассмотрел поданную Госсельскладом жалобу на отказ нотариуса засвидетельствовать договор. Нотариус первой нотариальной государственной конторы в г. Москве отказал в засвидетельствовании договора между Госсельскладом и Банаркомземом от 8 января 1924 г., обосновав отказ неясностью договора и тем, что контрагенты по договору являются не физическими, а юридическими лицами, и в связи с этим лишены права заключать договоры простого товарищества. Московский губернский суд признал действия нотариуса неправильными ввиду отсутствия в законе запрета участвовать юридическим лицам в простом товариществе, и предложил нотариальной конторе принять договор к засвидетельствованию. Постановлением губернского суда от 31 мая 1924 г. данное дело ввиду неясности закона было направлено в Пленум Верховного Суда РСФСР для разъяснения вопроса о допустимости участия юридических лиц в простом товариществе. Рассмотрев вопрос в заседании от 21 июля 1924 г., Пленум Верховного Суда, принимая во внимание, что соответствующие статьи Гражданского Кодекса РСФСР о простом и полном товариществах, как имеющие совершенно особый характер, распространительному толкованию не подлежат, и, признавая вследствие этого, что участие юридических лиц в качестве членов про-

[408] Циркуляр НКЮ № 209 с Инструкцией Народного Комиссариата Юстиции губсудам и нотариату, изданной в порядке 33-й статьи Положения о госнотариата (изд. 1922 г.) с изменениями согласно Положения о госнотариате издания 1923 года // Еженедельник Советской Юстиции. – 1923. – № 40. – С. 931.

стого и полного товарищества не допускается, отменил определение Московского губернского суда от 11 апреля 1924 г., считая отказ нотариуса в засвидетельствовании договора Госсельсклада с Банаркомземом от 8 января 1924 г. правильным[409].

Решения губернского суда, выносимые по жалобам на действия нотариусов, подлежали кассационному обжалованию в общем порядке в гражданскую кассационную коллегию Верховного Суда РСФСР с соблюдением ст. 38 ГПК РСФСР в отношении взимания пошлин как по делам особого производства.

А. Ю. Францифоров называет наличие в настоящее время в составе особого производства дел по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении «рудиментарным» явлением, оставшемся со времен действия ГПК 1923 г., когда все категории дел, не отнесенные к исковому производству, находились в составе особого производства[410].

Дела особого производства, согласно ст. 192 ГПК РСФСР, должны были рассматриваться народным судьей единолично в публичных судебных заседаниях с проверкой доказательств и с вызовом в необходимых случаях заинтересованных лиц, за исключением дел о выдаче судебных приказов, об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям, по жалобам на действия нотариусов. Дела разрешались судьями в соответствии с законом, а в случае недостаточности законов – на основе революционного правосознания[411].

Если при рассмотрении дела заинтересованным лицом возбуждался спор, то судья мог прекратить особое производство, предоставляя сторонам возможность разобраться в общеисковом порядке (ст. 193 ГПК РСФСР).

Как дела особого производства рассматривались дела о взыскании недоимок по обязательным натуральным поставкам и наложении штрафов, порядок рассмотрения которых был установлен Постановлением ЦИК и СНК от 11 апреля 1937 г.[412]

---

[409] Разъяснение пленума Верховного Суда РСФСР от 21 июля 1924 г. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом / Сост. Председатель Гражданской Кассационной Коллегии Верховного Суда РСФСР С.В. Александровский; предисл. Я.Н. Бранденбургского. Москва: Юридическое издательство НКЮ. – 1925. – С. 304.

[410] Францифоров А. Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты): автореферат дис. … канд. юрид. наук. Саратов. – 2009. – С. 17.

[411] Филонова О. И. Развитие судопроизводства в период нэпа: историко-правовой опыт // Российское правосудие. – 2019. – № 6. – С. 62.

[412] Постановление ЦИК СССР № 94, СНК СССР № 603 от 11.04.1937 «Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному стра-

В судебной практике в период действия норм ГПК РСФСР 1923 г. дела особого производства имели достаточно большой удельный вес. Это объясняется, в частности, отнесением к ним дел о расторжении брака и дел о выдаче судебных приказов. Например, в 1945 г. в Кассационной коллегии по гражданским делам Ленинградского областного суда преобладающими были жилищные дела, дела о возвращении собственности и дела особого производства; наблюдался высокий процент отмены решений народных судов по делам особого производства, что руководство областного суда объясняло недостаточным знанием закона по этой категории дел со стороны молодых народных судей[413]. Органами судебного управления принимались меры для преодоления недостатков. В частности, в Ленинградском областном суде 25 ноября 1949 г. прошла выездная сессия кафедры гражданского процесса Ленинградского государственного университета, на которой рассматривались вопросы по делам особого производства (руководитель – профессор Л.И. Поволоцкий)[414]. В ноябре 1949 г. обсуждалась в Леноблсуде и была направлена в помощь народным судьям книга по делам особого производства[415].

Согласно акту ревизии судов Ленинградской области за 1952 г., проведенной Министерством Юстиции РСФСР, отмена решений по делам особого производства составила 22%, что свидетельствовало о допущении допущение судами ошибок при рассмотрении таких категорий дел[416].

Распространенными делами, рассматривавшимися народными судами в порядке особого производства, были дела об установлении факта нахождения на иждивении и по заявлениям об установлении факта регистрации брака.

11 июня 1964 г. был утвержден новый Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. Согласно ст. 245 ГПК РСФСР 1964 г. к делам, рассматривавшимся судом в порядке особого производства, были отнесены дела: об установлении фактов, имеющих юридическое значение; о признании гражданина безвестно отсутствующим и об объявлении гражданина умершим; о признании гражданина ограниченно дееспособным и недееспособным; о признании имущества бесхозяйным; об установлении неправильностей записей в книгах актов гражданского состояния; по жалобам на действия нотариусов и органов, выполняющих нотариальные действия; о восстановле-

---

хованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан» // СЗ СССР. – 1937. – № 30. – Ст.120.

[413] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). – Ф. Р-744. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 9.

[414] ЦГАИПД. – Р-744. – Оп. 6. – Д. 1. – Л. 97.

[415] ЦГАИПД. – Р-744. – Оп. 6. – Д. 1. – Л. 82.

[416] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). – Ф.Р-24. – Оп.75. – Д. 463. – Л. 28.

нии прав по утраченным документам на предъявителя (вызывное производство)[417]. Таким образом, из состава особого производства в ГПК РСФСР 1964 г. по сравнению с ГПК РСФСР 1923 г. были исключены составлявшие большой удельный вес в судебной практике дела о выдаче судебных приказов по актам и дела о расторжении брака. В состав особого производства в 1964 г. вошли дела, которые и по настоящее время на основании ст. 262 ГПК РФ[418] рассматриваются в порядке особого производства.

Итак, в период действия ГПК РСФСР 1923 г. в состав особого производства входили разнохарактерные дела; общим для них было отсутствие спора о праве – если при рассмотрении дела заинтересованным лицом возбуждался спор, то судья прекращал особое производство и давал сторонам возможность решить спор в общеисковом порядке. Особенным являлся субъектный состав: в частности, разбор третейским судом имущественных споров, чью запись регистрировал народный суд, был возможен только в отношении частных лиц; ходатайствовать об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям могло лишь лично заинтересованное лицо.

На примере дел по заявлениям (жалобам) на совершенные нотариальные действия или отказ в их совершении можно выявить элементы преемственности и новизны в ГПК РСФСР 1923 г. и ГПК РФ. Преемственность проявляется в том, что дела по жалобам на действие или бездействие нотариуса при отсутствии спора о праве рассматриваются в порядке особого производства. Если же между заинтересованными лицами возникает спор о праве, основанный на совершенном нотариальном действии, то особое производство прекращается судом, и дело рассматривается в порядке искового производства. К отличительным чертам можно отнести определение подсудности: по ГПК РСФСР 1923 г. жалоба рассматривалась губернским судом, а по ГПК РФ – районным судом. Сократился с двух недель до 10 календарных дней срок на подачу заявления. В соответствии с ГПК РСФСР 1923 г. обжаловать можно было не только совершенное нотариальное действие или отказ в его совершении (как предусмотрено и современным законодательством), но и волокиту, что, вероятно, объяснялось отнесением нотариата к числу государственных органов.

---

[417] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г. – № 24. – Ст. 407.

[418] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. 14 июля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. – № 46. – Ст. 4532.

ГЛАВА II
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ В ОТРАСЛЕВЫХ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

§ 1. Международное право в историко-правовых исследованиях

В настоящее время в российской юриспруденции не угасает интерес к историко-правовым исследованиям различных аспектов развития государственно правовых систем, при этом, появляются новые подходы, способные, как представляется, увидеть новые контексты и способные более широко осветить соответствующие явления и процессы.

По мнению автора, недооценены и не исследованы должным образом роль и значение международного права в рамках развития различных правовых явлений и процессов национальных государственно-правовых систем, при этом, несомненно, что формирование межгосударственной системы и соответствующее развитие международного права с XIX века оказывали влияние на формирование национальных правовых систем, в том числе правовой системы Российской империи. Соотношение национального и международного права можно рассматривать в различных ракурсах: доктринальное, нормативное, практическое, в том числе, в контексте межсистемной рецепции и имплементации правовых ценностей, а также активизации внутрисистемного развития. Использование соответствующего подхода в рамках историко-правовых исследований позволит проводить их более эффективно.

Единого подхода ученых-международников к периоду зарождения международного права не существует, при этом, при проведении историко-правового анализа целесообразно учитывать, что благодаря Петру I Российское государство было включено в международно-правовую систему, а с XIX века, периода интенсификации межгосударственных отношений, установления их системного характера, международное право стало признанной правовой системой, стало активно развиваться в формате позитивного права, увеличилось количество направлений взаимодействия государств, что не могло не влиять на правовые процессы в Российской империи.

Таким образом, начиная с XIX века представляется целесообразным исследование национального права и национальных правовых систем в контексте развития международного права, учитывая, что у них много общего: обе системы по своей природе носят социальный характер и как следствие связаны с эволюцией общественных отношений, отражают потребности общества, историческое развитие обеих систем носит преимущественно объективный характер, хотя и не лишено определенного субъективного

влияния, международное право, как и национальное, генетически связано с государством. Помимо этого, нельзя не согласиться с Т. Ш. Риядом, который в своем исследовании отмечает, что «международное и национальное право имеют глубинные черты сходства, обусловленные их связью с государством, различными аспектами его суверенитета, а также интеграционными процессами в мире и т.д. С другой стороны, в рамках общностей они представляют относительно самостоятельные правовые системы, обладающие комплексом присущих им свойств и признаков. Однако черты сходства и различия между ними могут иметь подвижные соотношения в зависимости от характера национального правопонимания, специфики задач, решаемых государствами, характера правовой культуры и т.д.»[419]. Нельзя забывать, что несмотря на то, что международное и национальное право – это обособленные системы, между ними много общего, а также безусловно важным для понимания является их взаимосвязь и взаимодополнение в рамках регулирования отношений.

Проблемы соотношения международного и национального права, в целом, не является новой для российской юридической науки, дореволюционные, советские и российские ученые исследовали данную проблематику. Дореволюционная правовая наука, благодаря влиянию европейских тенденций, начиная с XIX века стала рассматривать соответствующие вопросы, эта проблема нашла свое отражение в международно-правовой доктрине: русские ученые Ф. Ф. Мартенс, П. Е. Казанский, Л. А. Камаровский и другие уделяли внимание исследованию соотношение указанных правовых систем. В советский период основатель уральской школы международного права Г. В. Игнатенко в своих работах уделял большое внимание этому вопросу[420]. В одной из его работ указано: «Объективной предпосылкой и источником взаимодействия советского и международного права служат закономерности развития тех общественных отношений, которые воплощают единство внутренней и внешней политики … государства и регулирование которых является функцией обеих правовых систем… Взаимодействие правовых систем проявляется и в правотворческой, и в правоприменительной

[419] Рияд Т. Ш. Соотношение международного и внутригосударственного (национального) права: теоретические аспекты: дис. … доктора юр. наук. М., 2003. С. 112.

[420] Международное право: учебное пособие / Под ред. Г. В. Игнатенко, Д. Д. Остапенко. Свердловск, 1974; Великая Октябрьская социалистическая революция и современное международное право // Советский ежегодник международного права. М., 1979. – С. 11-40; Конституция и международное право: как упорядочить неадекватные нормы. Конституционное развитие России: история и современность: материалы Всероссийской конференции. Часть первая. Екатеринбург, 2003. – С. 9-11; Взаимодействие внутригосударственного и международного права: учебное пособие. Свердловск, 1981; Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. – 1885. – № 5. – С. 73-81; и другие.

деятельности государства, в связи с чем можно говорить о процессе непрерывного, «сквозного» взаимодействия»[421].

В свою очередь, известный исследователь профессор И. П. Блищенко предлагал рассматривать проблему в трех взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектах: 1) соотношение международного права в целом и внутригосударственного права как всей совокупности норм, как систем права; 2) соотношение международно-правовой нормы и нормы внутригосударственного права и 3) в контексте вопроса относительно непосредственного действия международно-правовых норм внутри государства (на его территории) и действии норм внутригосударственного права в сфере международно-правовых отношений[422]. Профессор Д. Б. Левин, в свою очередь, определяет три аспекта обозначенной проблемы: 1) влияние внутреннего права отдельных государств на образование и развитие принципов и норм международного права и обратное влияние международного права на право отдельных государств; 2) юридическая сила отдельных норм международного права, когда речь идет о правовом регулировании отношений внутри государства, и юридическая сила норм национального права, когда речь идет о правовом регулировании международных отношений; и третий, главный аспект – коллизии норм международного права и норм внутригосударственного права и пути предупреждения и разрешения таких коллизий[423]. Профессор Г. И. Тункин считает, что правильное решение проблемы соотношения международного и внутригосударственного права возможно только в ходе выяснения реальных связей между ними, в процессе формирования норм международного права, с одной стороны, и применения норм международного и национального права – с другой[424]. Исследователь заявленного вопроса Таха Шамсон Рияд, обобщая и анализируя различные подходы, делает вывод об отсутствии общей точки зрения и предлагает свое видение, согласно которому необходимо рассматривать следующие направления: соотношение международного и внутригосударственного права как систем права (выяснение общего и особенностей); взаимодействие и взаимовлияние международного и внутригосударственного права; согласование норм внутригосударственного права с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также с нормами международных догово-

[421] Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Игнатенко Г. В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сб. научных публикаций за сорок лет (1972 – 2011 годы). М., 2019. – С. 163-165.
[422] Блищенко И. П. Международное и внутригосударственное право. М., 1960. – С. 5-6.
[423] Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974. – С. 192.
[424] Тункин Г. И. Основы современного международного права. М., 1956. – С. 9.

ров данного государства[425]. Однако, обратим внимание на тот факт, что вопросами соотношения международного и национального права преимущественно занимаются ученые-международники, преимущественно на уровне общего, концептуального соотношения, не вдаваясь в конкретные процессы на уровне национальных правовых систем, а историко-правовая и теоретико-правовая науки не уделяют данным вопросам должного внимания.

Вероятно, это обусловлено тем, что длительное время (до XIX века) не признавался самостоятельный характер международного права, имела место позиция, согласно которой отрицалось существование разных правовых систем в мире, подразумевалось наличие единой универсальной правовой системы. Однако, что окончание наполеоновских войн дало толчок новому этапу развития международных отношений и резкому усилению миграционных процессов, которые, в том числе, были сопряжены с интенсификацией международных отношений и их юридического оформления, что нельзя не учитывать.

С XIX века международные договоры играли значимую роль в регулировании отношений как непосредственно на уровне международного права, так и на внутригосударственном уровне. Вместе с тем, ретроспективному изучению международных договоров, находящемуся на стыке международного права и истории государства и права, в современной науке не уделяется должного внимания. Что представляется необоснованным, и данный пробел требует восполнения, что позволит более качественно анализировать соответствующие правовые процессы, в том числе, внутригосударственного значения.

Нельзя не отметить, что определенную сложность исследования международных договоров составляет отсутствие в XIX веке установленных источников их опубликования: не все из них подлежали официальному опубликованию, поэтому Полное собрание законов Российской империи содержит лишь ограниченный перечень соответствующих межгосударственных соглашений. Значительный вклад в опубликование международных договоров вносили сборники неофициальной инкорпорации, благодаря которым есть возможность исследовать данную группу источников и в настоящее время. Так, по отношению Главноуправляющего Собственной Е. И. В. канцелярии графа Блудова архивом Министерства иностранных дел была подготовлена справка, согласно которой за период с 1800 по 1845 год было выявлено 12 Высочайших указов и докладов, которые не были напечатаны[426].

---

[425] Рияд Т. Ш. Соотношение международного и внутригосударственного (национального) права: теоретические аспекты: дис. … доктора юр. наук. М., 2003. – С. 60.

[426] АВПРИ. Санкт-Петербургский Главный архив. Ф. 161. Оп. 179. Д. 30: «По отношению Главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярии Графа Блудова о сделании в

Как уже было отмечено, в источниковой базе есть ряд изданий, весьма ценных с точки зрения поиска международных правовых актов, в первую очередь к ним стоит отнести «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами», подготовленное непосредственно Ф. Ф. Мартенсом, собрание договоров с каждым конкретным государством сопровождается вводным очерком истории дипломатических и международно-правовых отношений до 1648 г., некоторые международные акты имеют введения, написанные также непосредственно Ф. Ф. Мартенсом на основании дипломатической переписки. Всего вышло 15 томов данного издания, прекратившегося в связи со смертью Ф. Ф. Мартенса: I–IV тт. – договоры с Австрией (1648 – 1878); V–VIII тт. – договоры с Германией (1656 – 1888); IX–XII тт. – договоры с Англией (1710 – 1895); XIII–XV тт. – договоры с Францией (1717 – 1906). Также к подобного рода сборникам можно отнести: «Собрание трактатов, конвенций и других актов, заключенных Россией с Европейскими и Азиатскими державами, а также с Северо-Американскими Штатами» (СПб., 1845); «Договоры России с Востоком» (СПб., 1869), составленный Т. П. Юзефовичем, сотрудником азиатского департамента Министерства иностранных дел, и некоторые другие, в том числе сборники международно-правовых актов по специальным вопросам, например, «Собрание ныне действующих торговых трактатов России» (СПб., 1877); «Сборник пограничных договоров, заключенных Россией с соседними государствами» (СПб., 1891); «Сборник действующих трактатов, касающихся различных вопросов частного международного права» (СПб., 1889 – 1896). Данный перечень не является исчерпывающим и приведен с целью продемонстрировать возможность эффективного поиска соответствующего международно-правового нормативного материала по различным исследовательским вопросам.

Приведем несколько примеров учета международно-правовых аспектов в историко-правовых исследованиях.

Для начала обратим внимание на правовое регулирование права завещать свое имущество наследникам. О регулировании вопроса о праве наследования иностранцев в России до XVIII в., согласно изученным работам, достоверных сведений не имеется. С уверенностью можно говорить о регламентации данного вопроса, начиная с 18 апреля 1749 г., когда с принятием Сенатского указа о передаче иностранцам доходящих им по наследству имений, по предварительно учиненной ими в верности прися-

---

Министерстве Иностранных дел справки, не найдутся ли в Архиве оного Указы, не бывшие ввиду II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии при издании как 1 так и 2 Полного Собрания Законов». Л. 12-13.

ги, право наследования иностранцев было признано, хотя и с ограничениями, вызванными, прежде всего, политическими побуждениями[427].

Впервые более или менее определенное правило о праве наследования иностранными подданными движимых и недвижимых имений, остающихся в России, было отражено в Манифесте от 1 ноября 1785 г. и имело отношение лишь к австрийским подданным. Так, п. 26 вышеуказанного манифеста гласил: «Остающееся по смерти австрийских подданных в областях наших движимое и недвижимое имение будет доходить свободно и беспрепятственно наследникам, от них духовною учрежденным или же следующим без завещания по законам и уставам земским»[428]. С 1 мая 1817 года все иностранцы получили возможность переводить имения в свое отечество[429].

Что касается обеспечения наследственных прав подданных, Россия изначально, наряду с некоторыми другими странами (Франция, Англия), относительно недвижимого имущества придерживалась принципа применения закона местонахождения имущества. Таким образом, в Российской империи недвижимое наследство иностранца определялось территориальным законом. Так, ст. 1106 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи содержала норму, согласно которой иностранные подданные не устранялись от права наследования. Порядок наследства иностранцев в имении, остающемся в России, определялся общими правилами, существовавшими для коренных подданных, с изъятиями, изложенными в законах о состоянии. Они содержались в ст. 1284, которая закрепляла, что «гражданские права и обязанности по распоряжению движимым имуществом лиц, не имеющих постоянного места жительства, и иностранцев определяются общими законами империи», а также в ст. 1294, устанавливающей, что «если иностранец, умерший во время пребывания своего в империи, или в Царстве Польском, или в Великом Княжестве Финляндском не был подданным России, то дела по оставшемуся после него движимому имуществу решаются по

---

[427] Сенатский указ «О выдавании иностранцам доходящим им по наследству имений, по предварительно учиненной ими в верности подданству присяге» от 18 апреля 1749 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1649-1675 гг. Санкт-Петербург, 1830. Т. XIII (1749-1753 гг.). № 9603.

[428] Манифест «Об открытии торговли между Российской империей и областями австрийской монархии» от 1 ноября 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1649-1675 гг. Санкт-Петербург, 1830. Т. XXII (1784-1788 гг.). № 16284.

[429] Положение Комитета министров, объявленное Министром Юстиции Сенату «О невоспрещении иностранцам, на основании Манифеста 22 июля 1763 года, переводить их имения из России в свое отечество» от 1 мая 1817 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание1-е. 1649-1675 гг. Санкт-Петербург, 1830. Т.XXXIV (1817 г.). № 26826.

общим о иностранцах законам того места, где он имел пребывание»[430]. Договорная практика развивалась в том же русле, в случае смерти подданного одной из договаривающихся стран во владениях другой законные его наследники по завещанию или без такового или их представители тотчас имели право вступать во владение наследством, а если таковые не являлись, то наследство переписывалось и оставалось на хранении[431].

Проблеме наследования имущества действительно уделялось значительное внимание при подписании международных договоров, которые, в свою очередь, устанавливали существенные ограничения действия российского законодательства. При этом в рамках исследования данного вопроса дела о наследствах можно разделить на четыре основные категории:

наследства, открывающиеся в государствах, с которыми Россия не заключила наследственных конвенций; наследства, открывающиеся в государствах, с которыми не заключено специальных конвенций о наследствах, но в торговых трактатах с которыми имеются положения на сей предмет; наследства, открывающиеся в странах, с которыми Россия заключила специальные конвенции о наследствах; наследства известной категории лиц (например, мореходцев), открывающиеся в государстве, с которым заключена специальная конвенция.

Если рассмотреть временную составляющую заключения конвенций, содержащих какие-либо положения относительно открывающихся наследств иностранных подданных, то в отношении вопроса о наследовании имущества иностранными подданными можно выделить два периода: (1) до заключения в 1874 г. специальных международно-правовых актов о наследствах и (2) после принятия в 1874 г. специальных конвенций о наследствах.

В первый период, до 1874 г., в трактатах о торговле и мореплавании, заключенных Россией и другими государствами, сохранялся общеустанов-

---

[430] Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1857. 604 с.; Свод законов о состояниях // Свод законов Российской империи. Т. 9. Санкт-Петербург, 1857. 572 с.

[431] См.: Трактат о дружбе и коммерции между Российской империей и Короной Великобританской, заключенный в Санкт-Петербурге от 23 августа 1776 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1649-1675 гг. Санкт-Петербург, 1830. Т. XVII (1765-1766 гг.). № 12682; Трактат о дружбе и торговле, заключенный в Санкт-Петербурге между Российской империей и Датскою короной от 8 (19) октября 1782 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1649-1675 гг. Санкт-Петербург, 1830. Т. XXI (1781-1783 гг.). № 15537; Манифест «Об открытии торговли между Российской империей и Областями Австрийской Монархии». С приложением Манифеста по сему предмету, последовавшего со стороны Римского императора от 1 ноября 1785 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. 1649-1675 гг. Санкт-Петербург, 1830. Т. XXII (1784-1788 гг.). № 16284; и др.

ленный в Своде законов Российской империи порядок наследования. Так, трактат с Великобританией, заключенный 31 декабря 1858 г. (12 января 1859 г.), в ст. 13 указывал, что «подданные каждой из обеих договаривающихся держав будут иметь право приобретать собственность и располагать ею, между прочим, посредством духовных завещаний, наследство по умершем без духовного завещания, или всякими иными способами, на тех же условиях, какие установлены законами страны для всех иностранцев. Их наследники и представители их прав могли наследовать такую собственность и вступать во владение как сами лично, так и через действующих от их имени агентов, точно так же и с соблюдением тех же законом предписанных формальностей, которые существовали для собственных подданных государства. Если у умершего не было наследников, либо представителей прав таковых, в отношении оставленной собственности принимались меры, аналогичные соответствующим при смерти собственного подданного государства при подобных обстоятельствах»[432]. Аналогичные положения содержались и в трактате о торговле и мореплавании между Россией и Италией 16 (28) сентября 1863 г.[433], а в соответствии с конвенцией, заключенной в 1876 г. с Королем Нидерландским, и трактатом, заключенным с Королем Греции, все возникающие о наследстве споры должны были решаться по законам и в судах той страны, где открылось наследство. Следующим этапом в развитии наследственного права на международном уровне с участием Российского государства стало нормативное закрепление процесса наследования в соответствии с конвенциями о наследствах, заключенными с Францией 20 марта (1 апреля) 1874 г.[434], с Германией 31 октября (12 ноября) 1874 г.[435], с Италией 16 (28) апреля 1875 г.[436], с Испанией 14 (26) июня 1876 г.[437], с Швецией и Норвегией 28 марта (9 апреля) 1889 г.; а также декларацией о взаимной выдаче

---

[432] Трактат между Россией и Великобританией от 31 декабря 1858 г. (12 января 1859 г.) о торговле и мореплавании // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 1825-1881 гг. Санкт-Петербург, 1860 . Т. XXXIII (1858 г.). Отд. I. № 34157.

[433] Трактат между Россией и Италией «О торговле и мореплавании» от 16 (28) сентября 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 1825-1881 гг. Санкт-Петербург, 1866. Т. XXXVIII (1863 г.). Отд. I. № 40454.

[434] Конвенция о наследствах, заключенная между Россией и Францией 20 марта (1 апреля) 1874 г. // Александренко В. Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (1774 – 1906). Варшава, 1906. № 61.

[435] Конвенция о наследствах, заключенная с Германией 31 октября (12 ноября) 1874 г. // Александренко В. Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций… № 62.

[436] Конвенция о наследствах, заключенная в Санкт-Петербурге между Россией и Италией 16 (28) апреля 1875 г. // Александренко В. Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций… № 63.

[437] Конвенция о наследствах, заключенная в Санкт-Петербурге между Россией и Испанией 14 (26) июня 1876 г. // Александренко В. Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций… № 64.

наследств, остающихся после смерти мореходцев, заключенной с Великобританией 9 августа 1880 г., и нотой нидерландского поверенного в делах в Санкт-Петербурге от 24 ноября (6 декабря) 1883 г., 17 (29) января 1884 г., и нотами нидерландского министра иностранных дел русскому посланнику в Гааге от 16 июля 1885 г. и от 1 апреля 1886 г.

Все указанные конвенции и, соответственно, порядок наследования, регламентируемый ими, за небольшими исключениями тождественны и содержат общее правило, что наследство разделяется на две части: движимое, которое должно подчиняться отечественным законам наследодателя, и недвижимость, правовой режим которой определялся по законам страны нахождения имущества. Из этого следовало, что и все возникающие споры, относящиеся к наследованию недвижимого имущества, подлежали разбору исключительно судебных установлений той же страны (ст. 10). Но из данного правила, касающегося движимого имущества, существовало одно исключение на случай, если подданный того государства, в котором наследство открылось, предъявит свои права на наследство до истечения шестимесячного со дня последней публикации о вызове наследников и кредиторов умершего срока, либо восьмимесячного, если публикация не была сделана. В означенном случае рассмотрение иска предоставлялось судебным установлениям или подлежащим властям той страны, где наследство открылось, которые и выносят решение по законам своей страны. Иные же споры, предъявленные до истечения указанных сроков местными подданными либо подданными третьего государства, хотя и подлежали рассмотрению судебных установлений страны, где открылось наследство, но лишь в случае, когда данные требования не были основаны на праве наследства по закону или по завещанию. Согласно ст. 8 рассматриваемых конвенций, по истечении установленных сроков (шесть и восемь месяцев соответственно), «если не будет заявлено никакой претензии, консульская власть, уплатив в установленных местными законами размерах все числящиеся на наследстве издержки и счеты, получает окончательно в свое заведывание движимую часть наследства, которую ликвидирует и передает наследникам по принадлежности, отдавая в том отчет только своему собственному правительству»[438]. Таким образом, иностранцы в России и соответственно русские подданные в иностранных государствах имели возможность оставлять наследственное имущество.

Другим, более ярким примером может быть реформа процессуального законодательства 1864 года, представляется, что одной из причин данной реформы стала необходимость привести Российские процессуальные пра-

[438] См., например: Конвенция о наследствах, заключенная между Россией и Францией 20 марта (1 апреля) 1874 г. // Александренко В. Н. Собрание важнейших трактатов и конвенций… № 61. – С. 379.

вила в относительное соответствие с европейскими стандартами. В первой половине XIX века европейские государства стали активно выстраивать систему межгосударственных отношений и международной договорной практики по вопросам оказания правовой помощи по гражданским и уголовным делам. Однако, Российская империя не принимала в этом процессе активного участия.

Непосредственное значение для развития института выдачи, так же как и многих других сфер правового регулирования, имели реформы середины XIX века, в связи с чем рассматриваемый нами период можно разделить на 2 части: 1) до 1864 г., 2) с 1864 г. по начало XX в.[439]. Для первой части было характерно то, что были заключены отдельные договоры о выдаче, а для второй – уже создание устойчивой системы экстрадиции преступников на основе заключенных конвенций. Таким образом, для Российской империи процесс активного заключения договоров о выдаче начался лишь после осуществления реформ в сфере суда и судопроизводства в России 1864 г., когда российские законы стали соответствовать общепринятым европейским стандартам правосудия, в результате чего иностранные государства стали воспринимать Россию как равное им в правовом смысле государство.

Таким образом, начиная с 70-х гг. XIX в., Россия, наряду с конвенциями о выдаче преступников, стала заключать специальные соглашения о взаимодействии в правовой сфере. К таким договорам можно отнести следующие акты, заключенные Россией: декларация с Швецией от 20 мая (1 июня) 1870 г. о возмещении издержек свидетелям, вызванным по уголовным делам в пограничные судебные места[440], декларация с Италией от 21 июня (3 июля) 1874 г. о передаче судебных объявлений и об исполнении судебных поручений, конвенция с Германией от 23 января (4 февраля) 1879 г., дополнительный акт этой конвенции 17 (29) августа 1883 г.[441] и другие международно-правовые акты.

---

[439] Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. Санкт-Петербург, 1884. – С. 83.

[440] Сенатский указ «О Декларации касательно порядка вознаграждения лиц, вызываемых в пограничные судебные места Великого Княжества Финляндского и Швеции в качестве свидетелей по уголовным делам» от 23 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 1825-1881 гг. Санкт-Петербург, 1874. Т. XLV (1870 г.). Отд. I. № 48513.

[441] Сенатский указ «Министерская декларация о передаче судебных повесток и объявлений, заключенная между правительствами Русским и Итальянским» от 28 августа 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 1825-1881 гг. Санкт-Петербург, 1876. Т. XLIX (1874 г.). Отд. II. № 53840; Указ Сенатский по Высочайшему повелению «О Конвенции, заключенной 23 января / 4 февраля 1879 г. между Россиею и Германиею» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. 1825-1881 гг. Санкт-Петербург, 1881. Т. LIV (1879 – 18 февраля 1880 гг.). Отд. I. № 59474; Высочайше ратифицированный 3 октября 1883 г. дополнительный акт к конвен-

В России же до издания Судебных уставов 1864 г. в судебной практике не существовало определенного порядка признания и исполнения судебных решений иностранных судов. Если министр иностранных дел настаивал перед министром юстиции по поводу признания и исполнения решения суда того или иного государства, то оно могло быть и исполнено. Таким образом, зачастую разрешение вышеуказанного вопроса напрямую зависело от политических отношений, сложившихся у Российской империи с соответствующим государством, нежели от юридических установлений. Впервые законодательное закрепление институт исполнения судебных решений других государств получил в Уставе гражданского судопроизводства (ст. 1273-1281)[442].

На основании российского законодательства данное положение должно было быть закреплено в международном договоре (ст. 1273 Устава гражданского судопроизводства).

До указанного периода состояние российской национальной правовой системы не способствовало полному и максимально деятельному сотрудничеству в указанных сферах. После изменений, внесенных в законодательство, стало заключаться большое количество международных договоров по соответствующим вопросам. Сюда можно отнести и упомянутые выше специализированные конвенции о наследствах, декларации, дозволяющие акционерным (анонимным) обществам и другим товариществам торговым, промышленным или финансовым, учрежденным взаимными подданными, пользоваться всеми правами, в том числе правом на судебную защиту, предоставленными для собственных подданных; а также конвенции относительно взаимной судебной помощи по гражданским и уголовным делам. Что касается последней указанной выше группы конвенций, то это был большой шаг вперед в развитии как международного права, так и внутригосударственного гражданского и уголовного процессов.

В процессуальной сфере заключались соглашения о непосредственных сношениях судебных установлений государств, предоставление права бедности и обеспечение судебных издержек, установления взаимных обязательств по доставке судебных вызовов и исполнения поручений в гражданских и уголовных делах. Согласно ряду международных договоров, устанавливалось изъятие из правила об отводе, имеющегося во внутреннем

ции, заключенной между Россией и Германией 23 января (4 февраля) 1879 г., о непосредственных сношениях между судебными учреждениями Варшавского судебного округа и пограничных провинций королевства Пруссии // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. 1881-1913 гг. Санкт-Петербург, 1886. Т. III (1883 г.). № 1745.

[442] Устав гражданского судопроизводства // Свод законов Российской империи. 1892 г. Санкт-Петербург, 1892. Т. 16. Ч. 1. С. 113-132.

законодательстве, для подданных тех государств, в которых по закону или на основании заключенных с Россией конвенций русские подданные были освобождены от предоставления обеспечения издержек по делу и тех убытков, которые может понести ответчик.

В России до издания Судебных уставов 1864 года в практике не существовало определенного порядка признания и исполнения решений иностранных судов. Однако, несмотря на закрепление во внутреннем законодательстве положения о необходимости урегулирования данного вопроса на межгосударственном уровне, был заключен только один договор, предусматривающий взаимодействие по данному направлению, – с Болгарией 29 октября 1914 г.

В вопросах уголовной юрисдикции к подданным иностранных держав в Российской империи применялись нормы уголовного и уголовно-процессуального права России, однако многие положения в рассматриваемой сфере определялись международными соглашениями, в первую очередь о взаимной выдаче преступников. Большая часть заключенных в рассматриваемый период конвенций касались практически исключительно вопросов выдачи преступников, которые, в свою очередь, наряду со специальными договорами о выдаче преступников, содержали нормы, регулирующие межгосударственное взаимодействие по некоторым вопросам осуществления правосудия по уголовным делам.

Проблема выдачи взаимных подданных в международно-правовой практике обозначенного в работе периода была наиболее разработанным вопросом из области уголовного права и процесса. Первые конвенции устанавливали выдачу перебежчиков и бунтовщиков и были обусловлены, прежде всего, политическими взглядами. С течением времени направление договорной практики изменилось, и заключаемые договоры стали содержать положения о невыдаче политических преступников.

Развитие межгосударственного общения по вопросам выдачи преступников способствовало его правовой регламентации в национальном законодательстве Российской империи на уровне уголовных законов (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., его редакции 1885 г., а также Уголовное уложение 1903 г.). В России 15 декабря 1911 г. был принят специальный закон «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств», который подробно установил основания и процедуры выдачи преступников, закрепив на внутригосударственном уровне многие выработанные положения международных трактатов.

Что же касается международно-правовых документов в указанной сфере, то до 1911 года они являлись основными источниками института экстрадиции. Россией было заключено более 20 договоров по данному во-

просу. Процесс экстрадиции на международно-правовом уровне прошел развитие от разовых соглашений преследования преимущественно политических преступников до выработки относительно универсальных механизмов преследования уголовных преступников на межгосударственном уровне. Заключенные Россией конвенции о выдаче преступников определили перечень преступных деяний, за совершение которых иностранцы подлежали выдаче, были разработаны процессуальные механизмы выдачи, предоставления доказательств, возмещения расходов по экстрадиции и т.п. Заключаемые Российской империей договоры достаточно подробно регламентировали как субъектов, в отношении которых могла применяться экстрадиция, так и основания, а также порядок запросов и осуществления выдачи. Основанием являлось совершение преступления, входящего в список, обозначенный в соответствующей конвенции. К концу XIX века международные договоры о выдаче преступников охватывают деяния, разнообразные по своему составу и затрагивающие все наиболее важные, защищаемые законом общественные отношения.

Что касается отдельных немногочисленных специальных конвенций по вопросам уголовного процесса, то они не были достаточно полными и затрагивали только отдельные стороны рассматриваемой сферы, например, вопросные грамоты и судебные поручения, непосредственные сношения судебных органов, а также судебные издержки.

Как и в случаях приговоров гражданских иностранных судов, по общему правилу в России решения иностранных уголовных судов не подлежали исполнению.

Международно-правовые нормы могли устанавливать новые правила, направленные на регламентацию соответствующих статусов и процессов, устанавливать исключения из действующих правил национального законодательства для иностранных подданных, что, благодаря принципу наибольшего благоприятствования, активно используемому в XIX веке в различных сферах межгосударственных отношений активно распространялось на стандарты, действующие в отношении многих иностранных государств.

Кроме того, международное право, активно развиваясь, несомненно, оказывало влияние на развивающееся национальное право.

§ 2. Антимонопольный комплаенс как инструмент предупреждения нарушений антимонопольного законодательства

Под антимонопольным регулированием понимается комплекс экономических, административных и законодательных мер, направленных на

обеспечение условий для рыночной конкуренции и недопущение ситуации на рынке, угрожающей помощь нормальному функционированию[443].

Правовые основы антимонопольного законодательства заложены в Конституции РФ[444]. Так, ст. 8 РФ гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, а также свободу экономической деятельности. В свою очередь ст. 34 обусловило Конституции РФ, закрепляя права и свободы человека и гражданина, не допускает экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

В целях осуществления данных положений в Российской Федерации принят ряд гражданских нормативно-правовых актов (Федеральный ограничения закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[445] и т.д.). На земельных Федеральную антимонопольную службу России возложены функции по принятию нормативно-правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства и др.

В современный период развития антимонопольного регулирования признается не только необходимость осуществления контрольно-надзорной деятельности, но и организационно-консультационная помощь хозяйствующим субъектам в соблюдении требований антимонопольного законодательства.

В 2020 г. был принят Федеральный закон от 01.03.2020 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите конкуренции"[446]», который официально ввел термин «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» или в общеупотребимой терминологии – «антимонопольный комплаенс». Закон закрепил право внедрения хозяйствующими субъектами антимонопольного комплаенса, перечень требований к внутреннему акту антимонопольного комплаенса, возможность его согласования с ФАС России.

Антимонопольный комплаенс представляет собой внутреннюю систему организации, которая принимается для того, чтобы обеспечить соответствие требованиям антимонопольного законодательства. Применение

---

[443] Федеральная антимонопольная служба. URL: https://fas.gov.ru/spheres/.

[444] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.02.1993 г.] (с посл. изм. и доп. от 14.03.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[445] Федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с посл. изм. и доп. от 11.06.2022г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[446] Федеральный закон Российской Федерации от 01.03.2020 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (с посл. изм. и доп. от 01.2020г.) // Официальный интернет-портал правовой информации / URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

антимонопольного комплаенса позволяет реализовать задачу предупреждения нарушения антимонопольного законодательства и сокращения количества нарушений путем внедрения профилактических мер.

Специфика антимонопольного комплаенса заключается в том, что субъект самостоятельно разрабатывает для себя правила поведения и при этом также самостоятельно контролирует их выполнение.

Среди положительных сторон антимонопольного комплаенса для бизнеса и органов исполнительной власти можно выделить:

– во-первых, внутренний комплаенс способен предупреждать нарушение антимонопольного законодательства сотрудниками организаций, уменьшать количество антиконкурентных действий и, следовательно, санкций;

– во-вторых, при отсутствии правонарушений снизится административная нагрузка в виде проверок антимонопольным органом в рамках риск-ориентированного подхода;

– в-третьих, внутри самой организации при соблюдении антимонопольного комплаенса развивается внутрикорпоративная этика, повышение юридической грамотности сотрудников, и, как следствие, происходит снижение репутационных рисков компании.

В свою очередь для ФАС внедрение комплаенса позволяет повысить знания антимонопольного законодательства хозяйствующими субъектами и, как следствие, предупредить нарушения антимонопольного законодательства; снизить нагрузку на антимонопольный орган путем сокращения числа разбирательств антимонопольных нарушений и проведения контрольных мероприятий.

Основные этапы внедрения антимонопольного комплаенса можно представить следующим образом:

– во-первых, принятие хозяйствующим субъектом акта о внедрении антимонопольного комплаенса;

– во-вторых, выявление и нивелирование обстоятельств, поддающихся оценке, которые оказывают влияние на наступление противоправных действий в области антимонопольного законодательства (комплаенс-риски);

– в-третьих, оценка эффективности предпринимаемых мер;

– в-четвертых, подготовка и представление доклада об антимонопольном комплаенсе.

На практике очевидна специфика внедрения и применения системы антимонопольного комплаенса в зависимости от сферы деятельности, например, для федеральных органов исполнительной власти и коммерческих организаций.

Это обусловило потребность и необходимость разработки и принятия нормативно-правовых и программно-целевых актов в области регули-

рования и развития антимонопольного комплаенса[447]. Так, в конце 2018 г. появилось распоряжение Правительства РФ, которое регулирует систему антимонопольного комплаенса в федеральных органах исполнительной власти. А в разработанной ФАС России «Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в РФ на период до 2030 года»[448] акцентируется внимание на разработке и внедрении норм, которые стимулируют появление системы антимонопольного комплаенса у организаций частного сектора.

Развитие инициативы ФАС России о внедрении антимонопольного комплаенса хозяйствующими субъектами также нашла свое дальнейшее отражение в следующих актах:

– Указ Президента РФ от 21.12.2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»[449];

– Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы», утвержденный распоряжением Правительства РФ от 02.09.2021 г. № 2424-р[450];

– Приказ ФАС России от 18.03.2020 г. № 289/20 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года»[451];

– Методические рекомендации по внедрению десяти внутреннего контроля соблюдения антимонопольного законодательства, законодатель-

---

[447] Распоряжение Правительства РФ от 18.10.2018 г. № 2258-р «О методических рекомендациях по созданию и организации федеральными органами исполнительной власти системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» (ред. от 18.10.2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[448] Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года / Утв. протоколом Президиума ФАС России от 30.07.2019 г. № 6. (ред. от 30.07.2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[449] Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (ред. от 21.12.2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[450] Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021-2025 годы / Утв. распоряжением Правительства РФ от 02.09.2021 г. № 2424-р (с посл. изм. и доп. от 13.07.2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[451] Приказ ФАС России от 18.03.2020 г. № 289/20 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года» (с посл. изм. и доп. от 22.03.2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации / URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

ства о государственном оборонном заказе и законодательства, регулирующего закупочную деятельность, утвержденные распоряжением Правительства РФ от 26.04.2017 г. № 795-р[452];

– Положение об организации в ФАС России системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (антимонопольный комплаенс), утвержденное приказом ФАС России от 27.11.2018 г. № 1646/18[453];

– Постановление Правительства РФ от 01.03.2018 г. № 213 «Об утверждении критериев отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих экономическую деятельность, к категории риска при осуществлении государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства»[454]. В данном постановлении определено, что одним из критериев снижения степени риска является функционирование у хозяйствующего субъекта в течение не менее одного года на день принятия решения о присвоении (изменении) категории риска системы правовых и организационных мер, направленных на соблюдение таким хозяйствующим субъектом требований антимонопольного законодательства, предусмотренной внутренним актом (актами) хозяйствующего субъекта либо другого лица из числа лиц, входящих в одну группу лиц с хозяйствующим субъектом, если такие внутренние акты применяются к хозяйствующему субъекту, и др.

Первыми компаниями в России, которые реализовали в своей деятельности систему антимонопольного комплаенса и согласовали данные меры с антимонопольной службой, стали «Уралкалий», «МТС», «М-Видео», «Сибур» и др. Антимонопольный комплаенс в РФ востребован именно крупными компаниями.

ФАС России в 2018 г. подготовлен «пятый антимонопольный пакет», роль которого – изменить подходы к регулированию рынков в условиях

---

[452] Распоряжение Правительства РФ от 26.04.2017 г. № 795-р «О методических рекомендациях по внедрению внутреннего контроля соблюдения антимонопольного законодательства, законодательства об оборонном заказе и законодательства, регулирующего закупочную деятельность» (ред. от 26.04.2017г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[453] Приказ ФАС России от 27.11.2018 г. № 1646/18 «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства ФАС России (антимонопольном комплаенсе)» (ред. от 27.11.2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[454] Постановление Правительства РФ от 01.03.2018 г. № 213 «Об утверждении критериев отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих экономическую деятельность, к категории риска при осуществлении государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства Российской Федерации» (ред. от 01.03.2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

цифровизации. В связи с чем вводятся такие понятия, как «сетевой эффект» и «ценовой алгоритм». Кроме того, сформулированы условия признания доминирующего положения хозяйствующего субъекта, владеющего платформой, понятие недискриминационного доступа к данным и др. Шестого июля 2022 года Правительство РФ одобрило скорректированный «пятый антимонопольный пакет», внесение его на рассмотрение Государственной думой Федерального собрания РФ запланировано на сентябрь 2022 [455]г.

Принятие этих поправок в законодательство своевременно, поскольку прецеденты нарушений антимонопольного законодательства на цифровых товарных рынках периодически фиксируются антимонопольным с органом. Примеры судебной практики об оспаривании актов, принятых антимонопольным органом в отношении хозяйствующих попадающих субъектов в этой сфере (ООО «Хэдхантер» и др.) за 2021 г., приведены в Докладе о состоянии конкуренции за 2021 г.[456]

Как отмечают И. В. Князева и К. В. Дозмаров, у предприятий малого бизнеса, зачастую не попадающих в регуляторное поле уполномоченного органа, риски нарушения антимонопольного законодательства могут быть даже более значительными, чем у крупных организаций, как и соответствующие санкции. Поэтому очевидно, что для организаций данного сектора антимонопольный комплаенс также актуален. При этом наличие внедренного антимонопольного комплаенса является национальный обстоятельством, смягчающим административную ответственность.

По данным ФАС России, по состоянию на 2021 г. антимонопольный комплаенс внедрен в 39 федеральных органах исполнительной власти, 100% органов власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления 76 регионов. Органом власти комплаенс внедряется на основании ведомственного правового акта, а специфика обусловлена особенностями правового статуса, полномочиями и особенностями организации закупочной деятельности.

Рост количества нарушений антимонопольного законодательства со стороны органов власти в прошлом году зафиксирован только в тех регионах, где необходимые внутренние документы приняты не в полном объеме либо содержат существенные недоработки.

Создано управление по взаимодействию с территориальными органами и координации проектов по развитию конкуренции, которое при-

[455] Кабмин одобрил проект «пятого антимонопольного пакета», регулирующего цифровые платформы. URL: https://www.sostav.ru/publication/pyatyj-antimonopolnyj-paket-55327.html07.07.2022 (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[456] Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2021 год. URL: https://fas.gov.ru/documants/688431 (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

звано обеспечить функционирование антимонопольного комплаенса в ФАС России.

ФАС России ведет работу по содействию хозяйствующим субъектам в организации эффективной системы антимонопольного комплаенса. Антимонопольный комплаенс конкретного субъекта может создаваться с учетом его особенностей: организационной структуры, численности кадров, отрасли экономики и т. д. В частности, для реализации указанной цели протоколом Президиума ФАС России от 02.07.2021 г. № 4 утверждены разъяснения «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», содержащие методические рекомендации по разработке документа, оценке рисков, порядок направления на рассмотрение ФАС и т. д.[457]

Роль института антимонопольного комплаенса возрастает в условиях реализации механизма «регуляторной гильотины» в сфере регулирования конкуренции, предусматривающего признание утратившими силу ряда нормативно-правовых актов, содержащих избыточные или устаревшие нормы.

По данным, приведенным в Докладе об антимонопольном комплаенсе ФАС России за 2021 г., отмечено увеличение доли обжалованных и отмененных решений антимонопольных органов, что, в частности, обусловлено изменением правоприменительных подходов в судебной практике. В связи с этим до конца 2022 года запланированы меры для выработки единых подходов судебной и антимонопольной практики[458].

Значимым инструментом развития антимонопольного комплаенса в России является научная и образовательная деятельность в сфере конкурентного права и антимонопольного законодательства. В 2021 г. ФАС России проведены обучающие семинары для впервые принятых на государственную гражданскую службу, в 50 образовательных организациях созданы кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования и др. Меры в данном направлении реализуются и на уровне субъектов РФ территориальными органами ФАС.

Так, Забайкальским УФАС России проводится организация мероприятий в рамках научной деятельности и антимонопольного комплаенса. В 2020 г. было организовано проведение трех публичных мероприятий (семинар, дискуссионные площадки (круглые столы), на которых совместно с ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» уполномочен-

[457] Разъяснения «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» / Утв. протоколом Президиума ФАС России от 02.07.2021 г. № 4. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401403096/ (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

[458] Доклад об антимонопольном комплаенсе ФАС России за 2021 год. URL: https://fas.gov.ru/documents/688451 (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

ным по защите прав предпринимателей в Забайкальском крае, представителями Министерства финансов Забайкальского края, региональной службы по тарифам и ценообразованию Забайкальского края, ГКУ «Забайкальский центр государственных закупок» осуществлялось обсуждение вопросов:

– нормативно-правовое регулирование правоотношений и применение на практике норм антимонопольного законодательства: различные аспекты;

– основные положения организации работы по взысканию в судебном порядке ущерба, причиненного государству деятельностью картелей и иными ограничивающими конкуренцию соглашениями;

– антимонопольные ограничения в части формирования цены за производимый (реализуемый) товар хозяйствующими субъектами, занимающими доминирующее положение[459].

С 2020-2021 учебного года Читинский институт Байкальского государственного университета проводит обучение по программе повышения квалификации «Развитие конкуренции и антимонопольного законодательства Российской Федерации. Внедрение антимонопольного комплаенса исполнительными органами государственной власти Забайкальского края». Данный курс разработан при участии сотрудников Забайкальского УФАС России и содержит, помимо лекционных и практических занятий, тесты, презентации, нормативно-правовую базу. Преподавателями на указанных курсах, наряду с работниками вуза, являются сотрудники Забайкальского УФАС России.

Кроме того, разработана методика обучения антимонопольному комплаенсу государственных гражданских служащих органов исполнительной власти субъекта (по сертификатам), применение которой возможно другими территориальными органами ФАС России. Обучены государственные гражданские служащие десяти органов исполнительной власти Забайкальского края (в их числе органы, имеющие широкий перечень комплаенс-рисков: Министерство строительства, дорожного хозяйства и транспорта Забайкальского края, Министерство сельского хозяйства Забайкальского края, Департамент государственного имущества и земельных отношений Забайкальского края, Министерство ЖКХ, энергетики, цифровизации и связи Забайкальского края). Слушателям выданы удостоверения о повышении квалификации по направлению «Развитие конкуренции и антимонопольного законодательства в Российской Федерации. Внедрение антимонопольного комплаенса исполнительными органами государственной власти Забайкальского края».

[459] Управление Федеральной антимонопольной службы по Забайкальскому краю. URL: https://zab.fas.gov.ru (Дата обращения: 21.09.2022 г.).

В складывающихся условиях развития национальной экономики антимонопольный комплаенс приобретает значение одного из самых действенных механизмов реализации государственной политики в области защиты конкуренции. Координация действий органов исполнительной власти всех уровней, бизнеса, науки и образования в рамках создания и организации системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, способствует предупреждению нарушений антимонопольного законодательства, соблюдению принципов законности и прозрачности ведения деятельности субъектами разных сфер деятельности. При соблюдении антимонопольного комплаенса компаниями бизнес сможет проводить саморегулирование, как следствие, он избежит чрезмерного регулирования и повысит доверие государства к частному сектору, снизив нагрузку на антимонопольные органы.

Основными направлениями дальнейшего развития антимонопольного комплаенса в РФ на ближайшие годы, по мнению авторов, человека являются:

– разработка методических рекомендаций по организации системы внутреннего соответствия антимонопольному законодательству для организаций разных отраслей и секторов (для компаний, действующих на цифровых товарных рынках; предприятий малого и среднего бизнеса и т. д.);

– увеличение доли охвата внедрением антимонопольного комплаенса федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;

– совершенствование антимонопольного законодательства и правоприменительной практики при реализации механизма «регуляторной гильотины»;

– всестороннее исследование и научное обоснование различных аспектов антимонопольного комплаенса.

§ 3. Соседское право как междисциплинарное понятие в области цивилистики

На протяжении многих лет владельцы расположенных рядом объектов (земельные участки, квартиры, дачи и др.), сталкивались с проблемой недобрососедских отношений. Чаще всего в основе этих конфликтов лежат имущественные отношения. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений между владельцами расположенных рядом объектов, становятся все более распространенными.

Данный вопрос является актуальным в юридической науке. Кроме того, на практике судами рассматривается большое количество споров между соседями, что свидетельствует о необходимости правового совершенствования данного вопроса.

Регулирование отношений между соседями зародилось еще в римском праве. Именно там были созданы оптимальные методы, которые были направлены на устранение нарушений в области «прав по соседству» (Iura vicinitatis)[460]. Позже нормы соседского права получили распространение в Германском гражданском уложении[461].

Причиной споров, регулируемых Германским гражданским уложением, является строительство, которое осуществляет один из жильцов. В указанном случае спор будет регулироваться публичным правом. Оспаривание строительства, нарушающего права соседа, может основываться не только на предписаниях, которые защищают права собственника прилегающего участка, но и на положениях о расстояниях между зданиями или на положениях о дополнительных подъездных дорогах.

Из-за разделения публичного и частного права бывают случаи, когда при разрешении конфликтов между собственниками соседних объектов могут быть применены различные правовые институты. Например, в Германии, при возникновении споров между соседями, один из собственников может подать гражданский иск в суд (либо в суд низшей инстанции, либо в суд федеральной земли, если сумма больше 5 000 €)[462]. В случае, если сосед хочет воспрепятствовать строительству, которое ведет второй собственник соседнего участка, то он имеет возможность оспорить выданное разрешение на строительство и уже обратиться в административный суд.

Перейдем к правовому регулированию соседских отношений в российском законодательстве, определяющих дефиницию сосед и учет его интересов, а также радиус действия раздражающих факторов, среди которых могут быть: шумы, неприятный запах, яркий свет, вибрации, электромагнитное излучение, которые могут быть существенными и распространяться на соседей неприлегающих территорий.

Обращаясь к ч. 4 ст. 17 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ) наблюдаем общее правило, которое обязывает соседей соблюдать права других жильцов.

Согласно п. 3 ч. 4 ст. 83, ч. 1 ст. 91 ЖК РФ регулярное нарушение прав и законных интересов соседей служит основанием для расторжения договора социального найма жилого помещения и выселения нанимателя и членов его семьи без предоставления другого жилого помещения. В свою

---

[460] Виниченко Ю. В. Iura vicinitatis в римском частном праве // История государства и права. – 2012. – № 12. – С. 27.

[461] Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем., науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. – М., 2004. – С. 101.

[462] Королев С. В. Право земельных участков и соседское право Германии // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2011. – № 2 – С. 76.

очередь, ст. 293 ГК РФ и п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 14[463] устанавливает санкции за систематическое нарушение законных интересов соседей в виде лишения права собственности.

Из-за отсутствия института соседского права в Российской Федерации судьи при рассмотрении споров собственниками соседних участков обращаются к административному законодательству. Например, Свердловским районным судом города Костромы ООО «УК Жилстрой-2» привлечен к административной ответственности по обращению граждан об ухудшении условий проживания из-за повышенного уровня шума от работающего оборудования теплового узла, измерения уровня шума проводились Роспотребнадзором, и согласно экспертному заключению уровень звука превышал максимально допустимый от 1 до 14 дБА в зависимости от времени суток. На юридических лиц данное разъяснение ВС РФ не распространяется, амплитуду звукового колебания, эквивалентный и максимальный уровень звука в помещении жилого здания должны соответствовать СН 2.2.4/2.1.8.562-96 – «Шум на рабочих местах, в помещениях жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки», соответственно, контроль уровня шума следует осуществлять во всех случаях.

Поправки, которые в настоящее время вносятся в Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ), не затрагивают вопросы регулирования соседских прав, однако, данная сфера имеет большой потенциал для развития, поскольку оказывается, что множество споров тяжело урегулировать из-за нехватки нормативно-правовой базы.

Так, 27 апреля 2012 года Государственная Дума РФ рассмотрела и приняла в первом чтении поправки в ГК РФ, которые были внесены 02 апреля 2012 года Президентом Д.А. Медведевым, затронувшие все части ГК РФ, и постепенно вводящие в Кодекс термин «соседское право»[464], а также отграничивающие права собственника земельного участка в пользу соседа.

Собственник земельного участка должен владеть и пользоваться своим земельным наделом таким образом, чтобы права владельцев соседних земельных участков, предусмотренные законом, не были нарушены[465].

---

[463] Постановление Пленума ВС РФ от 02 июля 2009 года № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» – URL: http://supcourt.ru/documents/own/8112/ (Дата обращения: 14.10.2022 г.).

[464] Проект редакции Гражданского кодекса Российской Федерации с изменениями, внесенными проектом Федерального закона № 47538–6.

465 См.: Сварчевский К. Г. Категория интереса в институте соседских прав // Проблемы регулирования частноправовых отношений на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 апреля 2013 года / Составители: В. П. Очередько, К. Г. Сварчевский; Северо-Западный филиал ФГБОУВПО «Российской академии правосудия». – Санкт-Петербург: СПб.: ОЦ «СоветникЪ», 2013. – С. 140-144. – EDN WDSBCN.

Однако в качестве соседнего земельного участка (ст. 293 и ст. 294 ГК РФ) называют не только непосредственно примыкающие участки земли, но и не соприкасающиеся друг с другом территории, если в процессе эксплуатации одного земельного участка возникает негативное воздействие на другой участок.

Указанные поправки в ГК РФ устанавливают, что собственник земельного участка не может возводить постройки, которые могут мешать соседнему участку. Однако при этом законодатель не поясняет, как именно будет определяться недопустимое воздействие на соседний участок. Достаточно только точки зрения самого соседа (что маловероятно) или же стоит ждать дополнительных пояснений законодателя.

По нашему мнению, одним из самых эффективных способов решения данного вопроса является судебная практика, находящая свое отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Она необходима для судебного толкования гражданско-правовых норм и позволяет безошибочно решить вопрос о правах собственников соседних участков на практике.

Кроме того, хотелось бы отметить важность правового регулирования правовых отношений между соседями, поскольку внешние воздействия могут оказывать существенное влияние на жизнь и здоровье соседей. Так, повышенный уровень шума может приводить к нарушению сна, нарушается деятельность сердечно-сосудистой и нервной систем. Схожие последствия для организма человека оказывает длительное воздействие электромагнитного излучения и иных негативных факторов.

В качестве примера пагубного воздействия на здоровье прилегающих соседей рассмотрим американскую компанию DuPont, специализирующуюся на производстве тефлона. Фермер Уилбур Теннант обратился к частному юристу Роберту Биллоту для подачи иска в окружной суд штата Вирджиния против располагающейся вблизи компании DuPont. Фермер утверждал, что компания DuPont производит выбросы химических реагентов в водоем, а также захоронение химических отходов в землю.

Основанием для иска служил высокий уровень смертности домашнего скота, а также многочисленные заболевания семьи Уилбура Тенанта, среди которых можно выделить: заболевания щитовидной железы, рак почек, высокий уровень холестерина и язвенный колит. Судебные разбирательства проводились в период с 1999 по 2017 год, экспертной комиссией было установлено пагубное влияние используемой на производстве перфтороктановой кислоты (PFAS) на организм человека, а также было установлено присутствие соединений PFAS у большей части населения Земли. В ходе разбирательства с компании DuPont удалось взыскать 753 миллиона долларов.

Кроме того, в 2018 году адвокатом Робертом Биллотом был подан новый иск против компании Dupont для исследования большей группы химических веществ PFAS, судебные разбирательства по делу проходят и в настоящее время.

Подобные примеры доказывают актуальность и необходимость установления законодательного закрепления правовых норм, которые регулируют отношения между соседями.

§ 4. Взаимодействие норм гражданского и семейного законодательства в регулировании смежных отношений

Действующее законодательство в качестве основного приема правового регулирования смежных отношений использует субсидиарное применение законодательства, т. е. применение норм одной отрасли законодательства к отношениям, складывающимся в сфере регулирования другой отрасли[466].

В частности, семейное законодательство предусматривает, что к имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством, применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК РФ).

Свое конкретное воплощение подход, основанный на субсидиарном применении к отношениям в семейно-правовой сфере норм гражданского законодательства (т. н. «прямое применение»), нашел во многих ситуациях. Так, изменение или расторжение брачного договора по решению суда допускается по основаниям и в порядке, которые установлены ГК РФ для изменения и расторжения договора (п. 2 ст. 43 СК РФ), а признание его судом недействительным полностью или частично – по основаниям, предусмотренным ГК РФ для недействительности сделок (п. 1 ст. 44 СК РФ). Другим примером является соглашение об уплате алиментов: к его заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным применяются нормы ГК РФ, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок (п. 1 ст. 101 СК РФ).

В целом такой подход законодателя к регулированию соглашений в семейно-правовой сфере следует признать удачным, поскольку его использование привело к экономии нормативного материала. В СК РФ не были включены нормы, уже содержащиеся в ГК РФ и не требующие для их при-

[466] Абрамова А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 46.

менения к отношениям между членами семьи установления каких-либо особенностей.

Однако если отношения между членами семьи по определенному вопросу обладают спецификой по сравнению с гражданско-правовыми отношениями, то СК РФ должен специальным образом регулировать их, и соответствующие нормы должны применяться в приоритетном порядке. В противном случае цель правового регулирования достигнута не будет.

В этой связи уместно привести пример, связанный с изменением и расторжением соглашения об уплате алиментов. В силу п. 4 ст. 101 СК РФ в случае существенного изменения материального или семейного положения сторон и при недостижении соглашения об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с иском об изменении или о расторжении этого соглашения. При решении вопроса об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов суд вправе учесть любой заслуживающий внимания интерес сторон.

Возникает вопрос о том, является ли указанная норма специальным основанием изменения и расторжения соглашения об уплате алиментов, исчерпывающим образом определяющим условия для такого изменения и расторжения, или она лишь называет основание изменения и расторжения соглашения об уплате алиментов, а его условия следует определять в соответствии с предписаниями ст. 451 ГК РФ об изменении и расторжении договора? Ответ на него имеет принципиальное значение для правоприменительной практики, поскольку в первом случае условия изменения и расторжения соглашения об уплате алиментов будут более гибкими (суд вправе учесть любой заслуживающий внимания интерес сторон), чем во втором (суд должен установить более сложный фактический состав).

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56)[467] разъяснил, что изменение материального или семейного положения сторон может быть признано судом существенным и явиться основанием для удовлетворения требования об изменении или о расторжении соглашения об уплате алиментов, если материальное или семейное положение сторон изменилось настолько, что в случае если бы такое положение имело место на момент заключения соглашения, оно не было бы заключено в связи с нарушением интересов любой из сторон соглашения, либо стороны заключили его на значительно отличающихся условиях (п. 55).

[467] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

Фактически Верховный Суд РФ предложил судам при установлении оснований изменения и расторжения соглашения об уплате алиментов всецело руководствоваться нормами ГК РФ. Такой вывод следует из того, что в п. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 фактически полностью воспроизводится п. 1 ст. 451 ГК РФ применительно к изменению материального и семейного положения сторон.

Получается, что Верховный Суд РФ ориентировал нижестоящие суды на применение более строгих правил ГК РФ в спорах об изменении и расторжении соглашений об уплате алиментов, в то время как в п. 4 ст. 101 СК РФ имеются достаточные установления по поводу оснований изменения и расторжения соответствующих соглашений, что представляется спорным. Итогом применения приведенных разъяснений является то, что соглашение об уплате алиментов практически невозможно изменить или расторгнуть, когда ухудшилось материальное положение истцов и они хотели бы перейти на уплату алиментов согласно ст. 81 СК РФ[468].

Наиболее яркой иллюстрацией несправедливого применения норм ГК РФ при установлении оснований для расторжения соглашения об уплате алиментов является следующее дело, рассмотренное по первой инстанции Тосненским районным судом Ленинградской области.

Отец несовершеннолетнего ребенка состоял в разводе с его матерью и добровольно платил алименты. В октябре 2014 г. бывшие супруги заключили соглашение об уплате алиментов на ребенка, поскольку отец уезжал в Москву на высокооплачиваемую работу. Суть соглашения состояла в следующем:

1) отец ежемесячно уплачивает на содержание дочери 5 прожиточных минимумов, установленных в Санкт–Петербурге, до ее совершеннолетия;

2) дополнительно ежемесячно уплачивает 18 500 рублей до декабря 2020 года, оплачивает одежду и образование, в том числе дополнительные занятия в любых секциях и кружках, санаторно-курортное лечение, все расходы на любое необходимое лечение ребенка в полном объеме.

Следует отметить, что на момент подписания соглашения у нотариуса материальное положение отца не позволяло ему выполнить условия соглашения, но отец прошел собеседование на предмет трудоустройства на высокооплачиваемую должность в Москве с декабря 2014 г. Заработная плата, выплачиваемая истцу в Москве, позволяла ему исполнять соглашение об

[468] См.: Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 24.12.2019 по делу № 33-10345/2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts; апелляционное определение Воронежского областного суда от 18.06.2019 по делу № 33-4285/2019. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts (Дата обращения: 01.09.2022 г.).

уплате алиментов в полном объеме, претензий и требований о принудительном взыскании алиментов от Ответчика не поступало.

Спустя несколько лет отец лишился работы, вернулся в Санкт-Петербург и обратился к бывшей супруге с просьбой изменить соглашение об уплате алиментов.

Бывшая супруга отказалась вносить изменения в соглашение, отец обратился в суд с иском о расторжении соглашения об уплате алиментов. В обоснование иска указал, что его доход существенно уменьшился, а ребенок сменил место жительства: переехал из Санкт-Петербурга в Ленинградскую область.

Суд первой инстанции расторг соглашение и взыскал на содержание ребенка алименты в размере одной четверти всех видов заработка и одновременно в твердой денежной сумме в размере одного прожиточного минимума, установленного для детей по месту жительства ребенка ежемесячно, начиная с даты вступления решения суда в законную силу. В обоснование решения суд указал, что: доход отца сократился, как минимум, в 3 раза; содержание детей должно обеспечиваться обоими родителями в равной степени; ребенок сменил место жительства, переехав в Ленинградскую область; мать ребенка работает учителем в школе, и нет необходимости в большом количестве репетиторов, на которых тратится ежемесячно, по данным матери, 25 700 рублей.

Суд апелляционной инстанции отменил решение, определил, что ребенок имеет право на удовлетворение привычных, а не только необходимых потребностей, не зависимо от материального положения родителей. Суд исходил из того, что отец имел б*о*льший доход на момент обращения в суд, чем он имел на момент подписания соглашения в октябре 2014 года. Доход истца на момент подписания также не позволял ему исполнять соглашение, но он его подписал. Кассационная инстанция оставила в силе определение суда апелляционной инстанции[469].

Авторы соглашаются с решением суда первой инстанции в рассмотренном деле и считают, что вышестоящие суды не учли:

1) специфику отношений между бывшими супругами по поводу содержания и воспитания ребенка, которые носят длящийся (до совершеннолетия ребенка) и личный, доверительный характер (отец платил алименты до отъезда в Москву по устной договоренности с супругой и решил заключить соглашение, чтобы у бывшей супруги были гарантии)[470].

---

[469] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.10.2020 г. по делу № 8Г-17666/2020 // Архив Третьего кассационного суда общей юрисдикции, 2020.

[470] Подробнее об этом см.: Михеева Л. Ю. Развитие кодификации российского семейного права. В кн.: Кодификация российского частного права / Под ред. Д. А. Медведева. М.:

Для сравнения: супруги часто заключают брачный договор, не имея никакого имущества, а в последующем он может быть признан недействительным как ставящий одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (п. 2 ст. 44 СК РФ). При этом крайне неблагоприятное положение супруга будет определяться на момент исполнения, а не на момент заключения брачного договора.

2) защиту интересов несовершеннолетнего алиментополучателя в случае расторжения соглашения об уплате алиментов нормами СК РФ (в таком случае алименты выплачиваются в долях к доходу, ст. 81). При расторжении договора в соответствии со ст. 451 ГК РФ такая защита, по общему правилу, не предоставляется[471].

В контексте взаимодействия гражданского и семейного законодательства следует назвать и другую проблему – проблему применения специальных норм семейного законодательства в субсидиарном порядке к гражданско-правовым отношениям (т. н. «обратное применение»), что законом прямо не предусмотрено.

Рассмотрим данный вид применения на примере совместного завещания супругов и наследственного договора, в котором участвуют супруги, а также наследования по закону пережившим супругом. В силу прямого указания закона названные сделки утрачивают силу в случае расторжения брака или признания брака недействительным как до, так и после смерти одного из супругов (п. 4 ст. 1118, п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ). Признание брака недействительным влечет исключение лица, состоявшего в браке с наследодателем (в том числе добросовестного супруга), из числа наследников первой очереди по закону и в случае вступления в законную силу соответствующего решения суда после открытия наследства (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»).

Как видно, в случае признания брака недействительным добросовестный супруг не сможет наследовать ни по одному из вышеперечисленных оснований (совместное завещание, наследственный договор, закон). Возможность наследовать для него остается только в случае составления ординарного завещания.

Статут, 2008. – С. 196; Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. – С. 44.

[471] Малкин О. Ю. Проблемы применения норм ГК РФ к соглашениям в семейно-правовой сфере / О. Ю. Малкин, Л. А. Смолина. В кн.: Правовое регулирование договорных отношений в России: проблемы и перспективы развития. Коллективная монография. Верховный Суд Российской Федерации; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – С. 209-217.

Такой однозначный подход отечественного законодателя вполне обоснованно подвергается сомнению в литературе. В частности, Д. В. Лоренц, а также авторы настоящей статьи обращали внимание на то, что в России (п. 4 ст. 30 СК РФ) и зарубежных странах есть опыт признания действительным брачного договора в целях защиты добросовестного супруга. Поэтому есть смысл сформулировать в ГК РФ правила, позволяющие на случай расторжения или недействительности брака сохранить за добросовестным (невиновным) супругом право на наследство по совместному завещанию, наследственному договору или закону, которое причиталось бы ему на случай смерти второго супруга[472].

В этой связи можно привести пример, когда брак между К. и М. был заключен в 1990 г., К. умер в 2011 г. Нотариусом заведено наследственное дело, по которому наследниками значились дочь наследодателя и супруга наследодателя. После смерти мужа жена, жившая в браке с ним 21 год, узнает, что решением суда 1978 г. К. был признан недееспособным вследствие психического заболевания. По указанному основанию по иску дочери К. решением суда в 2011 г., после открытия наследства, брак между К. и М. был признан недействительным.

В данном случае М. не знала о наличии препятствий к заключению брака с К., супруги совместно проживали и вели общее совместное хозяйство вплоть до смерти К. Также из материалов дела следовало, что, несмотря на наличие решения суда 1978 г. о признании К. недееспособным, над К. опека не устанавливалась, он самостоятельно при жизни в период брака в период с 1990 по 2011 год распоряжался своими доходами. Поэтому суд посчитал, что М. является добросовестным супругом и в соответствии с п. 4 ст. 30 СК РФ применил в отношении имущества, нажитого ими совместно до признания брака недействительным, режим общей совместной собственности[473].

Однако в силу закона дочь осталась единственным наследником после смерти своего отца К.

Можно ли до внесения дополнений в ГК РФ в части защиты прав добросовестного супруга применять подход, закрепленный по этому вопросу в

---

[472] Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 119–120; Малкин О. Ю. К вопросу о влиянии прекращения брачных отношений на наследование пережившим супругом / О. Ю. Малкин, Л. А. Смолина // Наследственное право. – 2022. – № 1. – С. 22–23.

[473] Пункт 20 Обзора судебной практики Верховного суда Чувашской Республики по гражданским делам за первый квартал 2014 года. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=FaKqGqSmyCrz8Ecm1&cacheid=D1FA9AF09A6F467069454F7D4B7A6915&mode=splus&base=SOPV&n=424641#a9LqGqSKagAFgEwF1 (Дата обращения: 01.09.2022 г.).

СК РФ? В соответствии с п. п. 1 и 2 ст. 6 ГК РФ в случаях, когда отношения прямо не урегулированы гражданским законодательством или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, в порядке аналогии закона применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения. При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. Иначе говоря, ГК РФ при применении аналогии закона и аналогии права ориентирует прежде всего на использование норм и принципов гражданского, а не смежного законодательства. В то же время положения семейного законодательства о защите прав добросовестного супруга могут быть применены в качестве требований добросовестности, разумности и справедливости при аналогии права, т. к. они имеют межотраслевое значение.

На основе изложенного материала можно сделать следующие выводы:

1) взаимодействие гражданского и семейного законодательства может быть не только прямым (субсидиарное применение к отношениям в семейно-правовой сфере норм гражданского законодательства, что прямо предусмотрено законом), но и обратным (применение норм семейного законодательства к отношениям, регулируемым гражданским законодательством, что прямо законом не предусмотрено, но вполне возможно при применении аналогии права);

2) при прямом применении существует проблема подмены семейно-правовых норм специального характера более общими гражданско-правовыми нормами. Например, применение в приоритетном порядке норм ст. 451 ГК РФ в ущерб п. 4 ст. 101 СК РФ в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ не учитывает специфику семейных отношений и в силу этого не способствует максимально возможному росту числа заключенных соглашений об уплате алиментов, плательщику алиментов выгоднее их выплачивать в размере, установленном законом. Значит, по-прежнему высокой будет оставаться нагрузка на суды в части разрешения споров о взыскании алиментов. Поэтому подход Верховного Суда РФ к изменению и расторжению соглашения об уплате алиментов нуждается в пересмотре. Наиболее оптимальным способом разрешения сложившейся ситуации видится предоставление возможности судам применять гибкую норму п. 4 ст. 101 СК РФ об учете любого заслуживающего внимания интересе сторон без обращения к ст. 451 ГК РФ, что будет способствовать росту числа соглашений об уплате алиментов;

3) следует признать не только возможность, но и ценность, практический смысл взаимодействия гражданского и семейного законодательства в

обратном порядке. На примере противоречий в подходах к защите прав добросовестных супругов в семейных и наследственных правоотношениях при признании брака недействительным показано, что семейное законодательство обеспечивает определенную защиту прав добросовестного супруга, а гражданское законодательство, напротив, отказывает добросовестным супругам в защите их прав в случае призвания к наследованию по совместному завещанию, наследственному договору и по закону. При этом какие-либо логические объяснения выявленной разницы в подходах отсутствуют.

В целях обеспечения корреляции норм наследственного законодательства и семейного законодательства в части защиты прав добросовестного супруга представляется возможным внести изменения и дополнения в п. 4 ст. 1118, п. 5 ст. 1140.1, ст. 1150 ГК РФ ГК РФ, закрепив положения о правомочиях суда признать за добросовестным пережившим супругом право на наследование доли того из супругов, кто умер, хотя бы в имуществе, которое было приобретено ими за время этого брака. Благодаря такому подходу будет соразмерно учтен интерес пережившего добросовестного супруга и не нарушены интересы иных наследников умершего.

До внесения в ГК РФ соответствующих изменений и дополнений более удачные нормы СК РФ в части защиты прав добросовестного супруга могут быть применены в качестве требований добросовестности, разумности и справедливости при аналогии права.

§ 5. Проблема разграничения международного частного и международного публичного права

Вопрос разграничения международного частного и международного публичного права является одним из сложнейших в отечественной правовой доктрине и не имеет четкого решения. В исследованиях по соотношению международного публичного права и международного частного права предлагаются различные варианты ответа на этот вопрос.

Так, например, исследуется процесс взаимодействия международного публичного права и международного частного права и делается вывод о «взаимопроникновении».[474]

Ю. Л. Медведев, придерживаясь правильного методологического подхода, согласно которому необходимо исходить из правовой природы и места международного частного права в правовой системе, приходит к противоречивому выводу об «оригинальной структуре, которая через междуна-

[474] Красиков Д. В. Международное публичное и международное частное право: от взаимодействия к взаимопроникновению // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2019. – № 3. – С. 211-215.

родные частноправовые отношения обеспечивает взаимодействие соответствующих отраслей национального права различных государств»[475]. Если международные частноправовые отношения только обеспечивают взаимодействие соответствующих отраслей национального права различных государств, то они не имеют самостоятельного содержания.

Попытку «примирить» различные подходы к международному частному праву мы находим в фундаментальном исследовании «Международное публичное право и международное частное право: взаимодействие и взаимное влияние»: «Международное частное право – категория норм, регулирующих международные отношения немежгосударственного характера, т.е. регулирующих отношения «с иностранным элементом», а также норм так называемого транснационального права, не включаемого государствами в свою национальную систему права, но имеющих, по существу, внутригосударственный характер»[476]. При такой неоднородности предмета международного частного права отрицается его свойство самостоятельной системы права.

Последняя концепция международного частного права близка к воззрениям интернационалистов XIX в. Михаил Исаакович Брун в курсе лекций по международному частному праву, читанных в 1908-9 акад. году, отмечал: «Цительман различает два Международных Частных Права: одно есть совокупность тех норм, которые действуют в каждом отдельном государстве; это внутренне-государственное Международное Частное Право, другое – есть надгосударственное Международное Частное Право: оно содержит в себе те требования, которые обращаются к отдельным государствам относительно содержания его внутреннего Международного Частного Права»[477]. Эти воззрения были прогрессивными для XIX в. и предвосхитили процесс унификации в международном частном праве.

На сегодняшний день не вызывает сомнения, что вопрос о разграничения международного частного и международного публичного права поразному решается специалистами, придерживающимися той или иной концепции природы международного частного права.

Рассмотрим основные концепции природы международного частного права с тем, чтобы определить, как решается вопрос о разграничения меж-

---

[475] Медведев Ю. Л. Международное частное право и международное публичное право: соотношение и степень взаимодействия на современном этапе развития //Актуальные проблемы права: теория и практика. – 2014. – № 29. – С. 241-248.

[476] Юмашев Ю. М., Черниченко С. В., Смирных С. Е. Международное публичное право и международное частное право: взаимодействие и взаимное влияние. – М.: Юстицинформ, 2019. – С. 254.

[477] Брун М. И. Международное частное право. Лекции М. И. Бруна, читанные в 1908-9 акад. году // Золотой фонд российской науки международного права. – М.: Международные отношения, – 2009. – С. 125.

дународного частного и международного публичного права в рамках отдельных концепций.

Исторически первой была цивилистическая концепция природы международного частного права и его места в системе права, которая соответствовала степени развития международного частного права в XIX в.: до 80-х г.г. XIXв. международное частное право было преимущественно национальным несмотря на то, что торговые договоры заключались с древнейших времён, а договоры о правовой помощи были известны в Древней Греции. В настоящее время её придерживаются ряд известных правоведов (Звеков В.П., Лебедев С.Н., Кисиль В.И., Кучера З., Норт П., Фосетт Дж.Дж.) [478] .

Однако правоведы, придерживающиеся этой концепции, по-разному определяют место международного частного права в системе права: одни полагают, что международное частное право – это часть гражданского права, регулирующая гражданско-правовые отношения «с иностранным элементом» (Брагинский М. И.,[479] Норт П., Фосетт Дж. Дж.[480] и др.); другие же (например, Бендевский Т.,[481] Лунц Л. А.,[482] Перетерский И. С. и др.) считают международное частное право самостоятельной отраслью внутреннего права каждого отдельного государства. Так, Т. Бендевский пишет: «В последнее время преобладает точка зрения на международное частное право как самостоятельную отрасль в правовой системе государства… Единого международного частного права для всех государств не существует: каждому правопорядку отдельного государства соответствует своё международное частное право»[483] .

Представители цивилистической концепции международного частного права полагают, что международное публичное и международное частное право имеют единые основы (общие принципы). В частности, В. П. Звеков в своём Курсе лекций пишет: «… в отечественной доктрине международного частного права неизменно отстаивалась идея *единства исходных начал международного частного права и международного публичного права.* К таким

---

[478] См., например: Звеков В. П. Международное частное право. Курс лекций. М.: Норма, 1999. – С. 8; Лебедев С. Н. О природе международного частного права // Советский ежегодник международного права. – 1979. М.: Наука, 1980. – С. 75; Кисіль В. І. Міжнародне приватне право. Київ: Україна, 2005. – С. 14; Kučera Z. Mezinárodni pravo soukromé. Brno: Doplnek, 1996. – S. 28-29; North P., Fawcett J. J. Cheshire and North's Private International Law. Thirteenth edition. London, Edinburgh, Dublin: Butterworths, 1999. – P.3).

[479] Брагинский М. И. О природе международного частного права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 24. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1982. – С. 146-160.

[480] North P., Fawcett J. J. Op.cit. P. 3.

[481] Бендевский Т. Международное частное право. Пер. с македонского. М.: Статут, 2005. – С. 10.

[482] Лунц Л. А. Международное частное право. М.: Юридическая литература, 1970. – С. 9-16.

[483] Бендевский Т. Указ. соч. – С. 20.

началам относятся общепризнанные принципы и нормы международного права, в том числе принципы суверенного равенства государств, мирного разрешения международных споров, невмешательства во внутренние дела, всеобщего уважения прав человека, сотрудничества, добросовестного выполнения международных обязательств»[484].

Подтверждение этому мы находим в фундаментальных трудах выдающихся отечественных учёных. Профессор Л. А. Лунц писал: «Ряд основных начал международного публичного права имеет определяющее значение и для международного частного права»[485]. Профессор М. М. Богуславский также отмечает, что «…в международном частном праве используется ряд общих начал международного частного права. Определяющее значение здесь имеют прежде всего принципы суверенитета государств, невмешательства во внутренние дела, недопущение дискриминации (принцип недискриминации). В области международного частного права… большое значение имеет принцип соблюдения каждым государством как своих договорных обязательств, так и общеобязательных для всех государств норм и принципов международного права»[486].

Вызывает сомнение, что у внутреннего и международного права могут быть общие принципы. Речь идет об ином: согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Системное толкование данного положения позволяет сделать вывод о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации применяются в правовой системе Российской Федерации, не утрачивая свою системную принадлежность и не становясь механически частью российской правовой системы. При этом толкование судами международных договоров в терминах российского права без специальной оговорки к международному договору ведёт к нарушению принципа *Pacta sunt servanda*.

Другая концепция – интернационалистская, основана на мысли о том, что международное частное право является частью международного публичного права. Она также имеет истоки в XIX в. Т. Бендевский пишет: «немецкий правовед E. Zitelmann в учебнике по международному частно-

---

[484] Звеков В. П. Указ. соч. – С. 14-15.
[485] Лунц Л. А. Указ. соч. – С. 35.
[486] Богуславский М. М. Международное частное право. Учебник. Изд. 5-е. М.: Юристъ, – 2004. – С.23.

му праву, опубликованном в 1897 г. в Берлине, приводит многочисленные аргументы в подтверждение международно-правовой концепции, которая стала в том числе реакцией на позитивизм и стремление к закрытости и изоляции национальных правовых систем»[487]. В отечественной доктрине международного права её выдвинул профессор Крылов С. Б.[488]. Она была поддержана Грабарем В. Э. в его работе «Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917)», изданной в 1958 г. Грабарь В. Э. писал: «Международное гражданское право (которое часто именуется международным частным правом) представляет выделившуюся особую отрасль международного права, наряду с международным административным и международным уголовным правом»[489]. Данная концепция ведёт к «стиранию» границы международного публичного и международного частного права. Однако международное частное право не может быть «поглощено» международным публичным правом, поскольку имеет собственные специальные принципы и предмет регулирования. При этом основными субъектами международного частного права являются юридические лица, физические лица, международные неправительственные организации, то есть невластные субъекты, не обладающие международной правосубъектностью.

Существует также концепция, согласно которой международное частное право не является отраслью какой-либо системы права, а является только отраслью науки, комплексом, изучающим нормы внутреннего и международного права (Макаров А. Н., Мюллерсон Р. А.)[490]. В рамках данной концепции постановка вопроса о разграничении международного частного и международного публичного права невозможна.

Общим недостатком существующих концепций международного частного права является то, что они не основаны на прогрессивных исследованиях в теории международных отношений.

В настоящее время мы можем констатировать изменение понятия «международные отношения».

До 70-х гг. XX века теория международных отношений исходила из того, что международные отношения – это отношения межгосударственные, регулируемые международным публичным правом. Для регулирова-

---

[487] Бендевский Т. Указ. соч. – С. 17.

[488] Крылов С. Б. Международное частное право. Л.: Прибой. – 1930. – 328 с.

[489] Грабарь В. Э. «Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М.: 1958. – С. 463.

[490] Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. М.: Изд-во НКЮ РСФСР. – 1924. – С. 26; Мюллерсон Р. А. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права//Советское государство и право. – 1982. – № 2. – С. 86.

ния международным частным правом оставалась сфера внутригосударственных отношений «с иностранным элементом».

В 70-е гг. XX века появляются исследования, которые выявили изменение содержания международных отношений, ввиду участия в них новых акторов, прежде всего, международных неправительственных организаций и транснациональных корпораций, не обладающих международной правосубъектностью, но оказывающих существенное влияние на международные отношения и мировую политику[491]. В современных исследованиях также утверждается, что международные отношения сегодня немыслимы без международных неправительственных организаций[492]. Как следствие, отдельные зарубежные исследователи признают роль и значение в международных отношениях наиболее влиятельных негосударственных акторов.

В настоящее время сложилась концепция, согласно которой объективно существует новая система международных отношений, в которой, наряду с государствами, действуют и другие акторы – международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, индивиды и юридические лица, субъекты федераций, административно-территориальные образования, муниципалитеты, являющиеся основными субъектами международного частного права. Например, В. Снапковский пишет, что «сегодня национальные государства перестали быть единственными акторами на мировой арене. Во второй половине XX в. все более активное участие в системе международных отношений стали принимать новые акторы – международные организации, форумы многосторонней дипломатии, многонациональные корпорации, крупные города, трансграничные регионы, индивиды. Повышение их роли и значения в международной жизни особенно проявилось в последние десятилетия XX в. Сегодня можно говорить о том, что на смену моноцентристской международной системе одного актора постепенно приходит полицентристская международная система множества акторов»[493]. Несмотря на то, что основное внимание в исследовании В. Снапковского уделяется международным организациям, автор настоящего исследования разделяет общий подход В. Снапковского к международным отношениям как к отношениям, в которых участвует множество акторов, и представляющих собой полицентристскую систему.

---

[491] Merle M. Sociologie des relations internationals. – Paris: Dalloz, 1974. – 436 p.; Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems / Edited by James N. Rosenau. – New York: The Free Press, 1969. – 352 p.

[492] The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations. – Oxford: Oxford University Press, 2017 – P. 348.

[493] Снапковский В. Международные организации в системе международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3. – С.71.

Подтверждение этому подходу мы находим и в новейших исследованиях доктора философских наук, профессора П.А. Цыганкова: «Институализация международных отношений вызвала к жизни множество межправительственных, и, что более важно с рассматриваемой точки зрения, огромное количество неправительственных организаций, которые стали значимыми акторами международной жизни. Резко возросло число транснациональных фирм, банков и предприятий, увеличились их возможности влияния на международную и внутреннюю политику»[494]. Характерно, что данный исследователь, говоря о множестве акторов международных отношений, называет в числе таковых тысячи неправительственных организаций, транснациональных корпораций, фирм, банков и предприятий, крупных медиагрупп, множество профессиональных объединений, террористических группировок, преступных синдикатов, увеличивающихся во всех богатых и относительно богатых странах этнических диаспор, перебежчиков тех или иных спецслужб, финансовых спекулянтов, агентов влияния и т.п.[495]. Ввиду этого при применении концепции «множества акторов международных отношений» существует объективная необходимость разграничения понятий «актор международных отношений» и «субъект международного частного права». Основным критерием является правомерность возникновения и деятельности актора, соответствие основным принципам международного права. К субъектам международного частного права не могут быть отнесены террористические группировки, преступные синдикаты, агенты влияния и тому подобные акторы.

Сложившиеся направления теории международных отношений, как правило, не уделяют существенного внимания негосударственным акторам. Подтверждение этому мы находим в фундаментальных трудах Торбйорна Кнутсена[496], а также Мартина Гриффитса, Стивена Роуча, Соломона Скотта[497]. Данные монографии рассматривают такие исторически сложившиеся теории международных отношений, как реализм, либерализм, конструктивизм, критическую теорию, английскую школу, постмодернизм, феминизм, теорию международной этики, историческую социологию. Учитывая разнообразие направлений в теории международных отношений, её исторически сложившуюся неоднородность, нами в качестве базы для исследования

[494] Теория международных отношений / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2019. – С. 13.
[495] Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. П. А. Цыганкова, Л. О. Терновой. – М.: Кнорус, 2019. – С. 14.
[496] Knutsen T. A History of International Relations Theory. - Manchester: Manchester University Press, 2016 – 532 p.
[497] Griffiths M., Roach S., Solomon S. Fifty Key Thinkers in International Relations. – London: Routledge, 2009. – 404 p.

феномена международного частного права избрано именно то направление, которое учитывает современный этап развития системы международных отношений и может наиболее точно охарактеризовать предмет современного международного частного права.

В международные отношения вступают юридические и физические лица, международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, субъекты федераций, административно-территориальные образования, муниципалитеты – основные субъекты международного частного права. Это несуверенные акторы международных отношений. Юридические и физические лица, международные неправительственные организации, транснациональные корпорации являются невластными субъектами международного частного права. Субъекты федераций, административно-территориальные образования, муниципалитеты – властные, но не суверенные субъекты. Как следствие, в системе международных отношений наряду со сложившимися межгосударственными отношениями формируется новая группа отношений – международные отношения невластного характера, которые и составляют предмет современного международного частного права.

Понимание международного частного права как системы норм, регулирующих международные отношения невластного характера, обеспечивает внутреннее единство этой системы права, её самостоятельный характер ввиду единства и обособленности предмета правового регулирования – международных отношений невластного характера, а также чёткое разграничение международного частного и международного публичного права.

Для разграничения международного частного и международного публичного права применим методологический подход, данный в фундаментальном исследовании профессора Людмилы Никифоровны Галенской «Правовое регулирование транснациональных отношений»[498].

Границы международного частного права как системы норм, регулирующих международные отношения невластного характера, устанавливаются с учётом того, что:

1) международное частное право основано на собственных (специальных) принципах;

2) основные субъекты международного частного права не обладают международной правосубъектностью;

3) источники международного частного права отличаются как по содержанию, так и по кругу источников;

4) международное частное право обладает собственными механизмами принуждения.

[498] Галенская Л. Н. Правовое регулирование транснациональных отношений. СПб.: Изд-во СПбГУ. – 2022. – 316 с.

По нашему мнению, специальные принципы — международно-правовые нормы, выражающие качественное своеобразие определенных групп международных отношений и не противоречащие основным принципам. Применение выявленных свойств специальных принципов позволяет выявить три сложившихся принципа современного международного частного права: 1) принцип равенства субъектов международного частного права; 2) принцип равенства национальных правовых систем; 3) принцип, согласно которому основным субъектам международного частного права обеспечивается защита их прав и законных интересов.

Проблема действия принципа равенства субъектов международного частного права связана с тем, что в международные отношения невластного характера вступают неосновные субъекты международного частного права – государства и межгосударственные организации, обладающие иммунитетами. Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности от 2 декабря 2004 г. сохранила применение концепции абсолютного иммунитета государства только в отношении иммунитета от применения мер обеспечения иска (ст. 18 Конвенции). Концепция ограниченного иммунитета государства применена как в отношении иммунитета от предъявления иска, так и в отношении иммунитета от исполнения судебного решения. Иммунитет межгосударственных организаций ограничен изначально их учредительными документами, поскольку предоставлен исключительно для достижения уставных целей. Согласно ст. 104 Устава ООН Организация Объединенных Наций пользуется на территории каждого из своих Членов такой правоспособностью, которая может оказаться необходимой для выполнения ее функций и достижения ее целей.

Принцип равенства национальных правовых систем вытекает из принципа суверенного равенства государств, в нормативное содержание которого входит суверенное право каждого отдельного государства самостоятельно формировать свою правовую систему. Данному праву корреспондируют юридические обязательства иных государств уважать иностранную правовую систему. При этом широкое распространение негативного варианта оговорки о публичном порядке, при котором оцениваются последствия действия иностранного права в отечественном правопорядке, а не свойства и качества иностранного закона, свидетельствует о том, что принцип равенства национальных правовых систем приобрёл характер международного обычая.

Подтверждение действия принципа, согласно которому основным субъектам международного частного права обеспечивается защита их прав и законных интересов, мы находим в ст. 1 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7

октября 2002 года. Согласно Конвенции «граждане каждой из Договаривающихся Сторон, а также другие лица, проживающие на ее территории, пользуются на территориях всех других Договаривающихся Сторон такой же правовой защитой их личных, имущественных и неимущественных прав, как и собственные граждане этой Договаривающейся Стороны. Граждане каждой из Договаривающихся Сторон, а также другие лица, проживающие на ее территории, имеют право свободно и беспрепятственно обращаться в суды, прокуратуру, органы внутренних дел, органы безопасности и иные учреждения других Договаривающихся Сторон, к компетенции которых относятся гражданские, семейные и уголовные дела (далее именуемые учреждениями юстиции), могут выступать в них, подавать ходатайства, предъявлять иски и осуществлять иные процессуальные действия на тех же условиях, что и граждане данной Договаривающейся Стороны». Сходные формулировки содержатся и в двусторонних договорах Российской Федерации о правовой помощи с Азербайджаном, Албанией, Болгарией, Венгрией, Вьетнамом, Грецией, Египтом, рядом других государств.

Необходимо отметить, что профессор Людмила Никифоровна Галенская в своём фундаментальном исследовании «Правовое регулирование транснациональных отношений» четко аргументировала существование и иных принципов правового регулирования транснациональных отношений, которые характерны и для транснационального (международного) частного права: 1) принципа, согласно которому участие в транснациональных отношениях возможно только с общего или специального разрешения государства; 2) принципа свободы субъектов на участие в транснациональных отношениях; 3) принципа ограниченности саморегулирования; 4) принципа постоянной связи с государством национальности субъекта. С этим следует безусловно согласиться.

Дискуссия о признании международной правосубъектности индивидов и юридических лиц ведётся достаточно давно и далека от завершения. Так, В. Лов утверждает, что наряду с государствами юридические лица являются субъектами международного публичного права[499]. В подтверждение своей мысли он называет четыре сферы, в которых осуществляется регулирование деятельности юридических лиц в рамках международного публичного права: права человека, ответственность государств, дипломатическую защиту и юрисдикцию.

Следует отметить, что данная позиция не лишена определенного обоснования. По мере развития международного публичного права оно не ограничивается регулированием деятельности государств, а содержит нор-

[499] Lowe V. Corporations as International Actors and International Law Makers // Italian Yearbook of International Law. – 2004. – N 23. – P. 3-28.

мы, направленные на регулирование отношений с участием иных акторов. Существуют отдельные нормы, в отдельных отраслях и институтах международного публичного права, которые предоставляют определенные права индивидам и юридическим лицам в системе международных отношений. Эти нормы вырабатываются и проводятся в жизнь государствами.

В отношении юридических лиц существует тенденция не только наделения их определенными правами, но и возложения на них обязанностей. Если взять для примера институт защиты прав человека в международном публичном праве, то юридические лица выступают не только как пользователи определенными правами, предпринята попытка возложить на них юридические обязательства в области прав человека. Примером может служить Глобальное соглашение.

Уильям Томас Ворстер выдвинул концепцию функциональной международной правосубъектности негосударственных акторов. «Предыдущий обзор различных способов понимания субъекта в международном праве предполагает, что общей нитью является функциональность. Международные организации являются наиболее очевидным образованием, основанным на функциональном подходе, но мы также обнаруживаем, что квазимеждународные организации могут рассматриваться так, как если бы они были международными организациями, в зависимости от их функции. Кроме того, другие коллективные образования, такие как корпорации и НПО, а также единичные образования (физические лица), аналогичным образом пользуются аспектами международной правосубъектности, основанными на том, как они функционируют в рамках международного правового порядка» [500].

Вопрос правосубъектности юридических лиц активно дискутируется в польской правовой доктрине. Суть этой дискуссии изложена в монографии Кароля Карски[501]. Кароль Карски указывает, что в Польше решительным сторонником признания физических и юридических лиц внутреннего права субъектами права международного был В. Гуральчик. Таких же взглядов придерживались также другие авторы, среди прочих З. Чахур, С. Савицки и Я. Тырановский. В. Гуральчик и С. Савицкий, которые опирались на дефиницию, согласно которой субъектом международного права является тот, кто имеет права и обязанности, вытекающие непосредственно из международного права. Эта дефиниция также принята Карски К. При этом он указывал, что юридические лица как субъекты международного

[500] Worster W.T. Relative International Legal Personality of Non-State Actors // Brooklyn Journal of International Law. - 2016. - Vol. 42. - Iss. 1. - P. 207-274.
[501] Karski K. Osoba prawna prawa wewnetrznego jako podmiot prawa miedzynarodowego. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. – 2009.

права имеют вторичный характер по отношению к воле государств. Это государства создают их или придают им определенный статус.

Следует отметить, что ученые, поддерживающие концепцию международной правосубъектности индивидов и юридических лиц, делают это с определенными оговорками: они признают либо частичную правосубъектность (в отношении отдельных отраслей) либо вторичную правосубъектность (индивиды и юридические лица наделяются международными правами и обязанностями по воле государств).

На наш взгляд, признание правосубъектности индивидов и юридических лиц в международном публичном праве не носит принципиального характера. Независимо от того, будут ли являться индивиды и юридические лица субъектами международного публичного права, их существование уже поставило ряд проблем для международного публичного права. Статус индивидов и юридических лиц в международном публичном праве может быть объяснен с позиций теории международно-правового индигената.

В XIX веке была выдвинута теория международно-правового индигената. Согласно данной теории, физические лица не обладают правами в международном общении, а могут только пользоваться теми благами, которые им предоставило их государство. Сказанное справедливо и в отношении юридических лиц. Они выступают пользователями теми правами, которые предоставляются в рамках международного публичного права. В любом случае нормы, адресованные юридическим лицам, вырабатываются государствами. В частности, государства возложили на юридических лиц определенную экологическую ответственность, установили нормы об обращении в отдельные международные судебные учреждения, осуществляют их дипломатическую защиту, урегулировали статус частных охранных компаний в международном гуманитарном праве и т.п. Таким образом, государства устанавливают правила поведения юридических лиц в системе международных отношений. Сказанное позволяет утверждать, что юридические лица не являются субъектами международного публичного права, а являются индигенатами отдельных норм международного публичного права.

К источникам международного частного права традиционно относят международный договор и международный обычай, являющиеся одновременно источниками международного публичного права. При этом имеются в виду любые международные договоры: универсальные, региональные, двусторонние. Но международные невластные отношения регулируют не все международные договоры и международные обычаи, а только те, которые направлены на регулирование международных отношений невластного характера. Например, Бернская конвенция об охране литературных и худо-

жественных произведений 1886 г. – универсальный договор, который регулирует вопросы авторского права.

Исторически международное частное право складывалось как обычное право. Обычай можно отнести к древнейшим источникам права. Вместе с тем они применяются и в настоящее время. Наиболее распространены обычаи в морском и банковском праве.

С международными договорами связано такое явление как унификация. Унификация отличается от процесса гармонизации, при которой создаются не международные, а национальные нормы. Процесс гармонизации характерен для ЕС, где принимаются директивы, которые затем имплементируются в национальное законодательство. При унификации создаются единые нормы международного права, которые одинаково применяются во всех правовых системах. Примером унификационного договора может быть Венская конвенция о договорах международного купли-продажи товаров 1980 года.

Современное международное частное право имеет и свои, специфические, источники – международный прецедент, связанный с развитием международных судебных учреждений, и акты международных организаций, которые фактически и весьма эффективно регулируют международные отношения невластного характера. Ярким примером являются акты МТП, включая Incoterms®2020.

Проблема принуждения в международном частном праве, впервые поставленная профессором Людмилой Никифоровной Галенской в её фундаментальном исследовании «Правовое регулирование транснациональных отношений», заслуживает отдельного монографического исследования.

§ 6. Решение юридических проблем внедрения цифровых технологий в производимые на машиностроительных заводах Казахстана электромобильные и беспилотные машины

Электромобиль как экологически чистое транспортное средство выпускается многими автоконцернами Европы, Северной Америки и Восточной Азии. Есть разные определения понятия «электромобиль». Так, О. А. Ставров еще в 1984 году определял электромобиль как автомобиль, привод ведущих колес которого осуществляется электрической энергией, получаемой от химического источника тока[502]. Есть другое определение, согласно которому электромобиль понимается как транспортное средство, приводимое в движение электродвигателем, питание для которого подает автономный источник – аккумуляторная батарея.

[502] Ставров О. Л. Перспективы создания эффективного электромобиля. - М.: Наука, 1984. – С. 4-5.

Сегодня общее количество зарегистрированных электромобилей в мире насчитывается не менее 3 миллионов единиц. Аналитики компании «Wood Mackenzie» прогнозируют, что в 2035 году мировой парк электромобилей достигнет 125 миллионов электромобилей. Международные эксперты считают, что к 2040 году численность электромобилей мире будет равна приблизительно 280 миллионам единиц. Если принять меры политического характера, то не исключено, что к этому же году количество электротранспортных средств достигнет 900 миллионов штук. Такая статистика позволит практически полностью заменить электромобилями все традиционные бензиново-дизельные авто. Автоконцерн «Volvo» заявил, что переходит на выпуск авто на электрической тяге. Руководство Франции объявило, что к 2040 году автокомпании страны перестанут выпускать автомобили с двигателями внутреннего сгорания. Такой же запрет вводит и Великобритания. Власти Лос-Анджелеса (Калифорния, США) хотят создать автобусный парк с нулевым уровнем вредных выбросов. Японская автокомпания «Toyota» заявила, что она выпускает не менее 10 новых моделей электрических транспортных средств. «Volvo» (Швеция) и «Jaguar» (Великобритания) информировали о примерно таком же намерении. Toyota планирует продать миллион электромобилей к 2030 году, а Volkswagen уверен, что добьется этой цели уже к 2025 году. «BMW» (Германия) работает над 12 новыми моделями. Для продвижения электротранспортных средств в автоконцерны этих и других стран совершенствуют технологические инновации[503], тем самым способствуют устойчивому экологическому и экономическому развитию своих стран [504].

На планете сегодня производят не менее 68 моделей легковых электромобилей, электрогрузовиков, электробусов. В качестве примеров можно привести «Mitsubishi Airtrek», «Coolon Motors» (электрогрузовик), «Кама-1» (электромобиль), «Hyundai Ioniq» (электромобиль), «Modulo» (электробус). Наши казахстанские автозаводы могли бы выбрать эти или другие модели электромашин для промышленной сборки в своих цехах.

Казахстан, несмотря на отставание от мирового тренда в транспортной промышленности, тем не менее старается быть в ногу со временем. Так, еще в 2017 году было приобретено 19 машин на электрической тяге. В стране в целом насчитывается несколько сотен электромобилей. Причем они представлены преимущественно премиальными моделями: «Tesla Model X», «Model S,»

---

[503] Мнацаканова В. Г. Краткий обзор ключевых технологических инноваций автомобильной промышленности // Вопросы инновационной экономики. 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 345-362.

[504] Amatucci C., Mollo G. Sustainable growth and the role of artificial intelligence in improving circular economy // Law & Digital Technologies. 2022. Volume 2. № 1. Pp. 7-15. DOI 10.18254/S278229070019620-8.

«BMW i3», «JAC iEV5», «JAC iEV6S». Собственниками этих авто являются в основном физические лица из столичных городов Алматы и Астаны. Надо срочно решать проблему с ускорением роста производства дорожной инфраструктуры и расширением сети заправочных станций для электродвигателей. Чем скорее будут решены эти проблемы, тем скорее приступят автозаводы республики к производству электромобилей. Особую активность в этом направлении проявляет автозавод «СарыаркаАвтоПром» (г. Костанай, Казахстан). Электробусы, которые обслуживают пассажирские маршруты казахстанских городов Нур-Султан, Актау, произведены тем же автозаводом «СарыаркаАвтоПром». Серийное производство электромобиля («JAC iEV7S») запущено в Костанае. На юге Казахстана начали собирать электромобили[505]. Кокшетауский автозавод «КамАЗ Инжиниринг» мог бы, опираясь на опыт материнской компании «КамАЗ» (Набережные Челны, Россия), выпускать беспилотные грузовые машины на электрической тяге. Казахстанские предприниматели могли бы приобретать подобного рода грузовые авто.

Электродвигатель, как известно, является основным механизмом электромобиля, его главной движущей системой[506], который работает на принципе электромагнитной индукции, благодаря которой электрическая энергия преобразуется в механическую. Говоря другими словами, на автозаводе на раму данного транспортного средства устанавливают аккумуляторную батарею, призванную питать электрический двигатель, которую работники (или роботы) также прикрепляют к раме этого автомобиля.

В процессе сборки электромобиля на заводе устанавливают электродвигатели с постоянными магнитами со следующими металлами: неодим, диспрозий, тербий, празеодим. В процессе работы образуемые отходы становятся токсичными. Поэтому нужна технология, которая снижала бы уровень токсичности этих отходов до минимальной отметки. И эта проблема должна быть решена. Министерство индустрии республики могло бы взять под свой контроль решение данной проблемы, организовать тестовые испытания, установить определенные технические правила[507]. Техническое и технологическое решение этого вопроса сделало бы электромобиль полностью экологически чистым транспортным средством.

---

[505] На юге Казахстана начали собирать собственные электромобили. 14 августа 2022 года // https://tengrinews.kz/tech/yuge-kazahstana-nachali-sobirat-sobstvennyie-elektromobili-475343/ (Дата обращения: 14.09.2022 г.).

[506] Пасько А. В. Цифровые аспекты развития современного мирового рынка автомобилей на примере электромобилей // E-Management. 2019. – № 2 (2). – С. 16-22. – С.18. https://doi.org/10. 26425/ 2658-3445-2019-2-16-22.

[507] Воронин В. Н. Вопросы стратегического правового регулирования внедрения цифровых технологий на транспорте // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 128-137. https://doi. org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-128-137.

Надо обратить внимание на еще одну проблему, которая заключена в высокой стоимости аккумуляторной тяговой батареи электромобиля. Но есть прогноз, что стоимость литий-ионных батарей (именно их и устанавливают на автозаводах) и сопутствующего оборудования к 2030 году станет низкой почти в 4 раза. Если сегодня цена этой батареи равна 273 долларам, то к указанному году ее стоимость станет 73 доллара за киловатт-час. Не меньшей проблемой временного характера является дефицит как общедоступных, так и домашних электрозарядных станций. Решение этих проблем побудит многих граждан и юридических лиц покупать электромобили. А казахстанские автозаводы под этот спрос могли бы резко увеличить предложение в виде массового выпуска транспортных средств на электрической тяге. Разумеется, автозаводы республики будут особо нуждаться в государственных субсидиях, поэтому их надо не только сохранить, но и увеличить.

Как видим, одной из ключевых проблем электромобильности транспортного средства является необходимость ее частой электрозарядки тяговой батареи, которую на автозаводе размещают по всему периметру днища электромобиля. Разрядка тяговой батареи может создать проблему для водителей и пассажиров, поскольку такое обстоятельство приведет к остановке данного электромобиля на дороге между городами. Эту проблему, как нам думается, технически можно решить следующим образом. На раме электромобиля вместо установленной сегодня 1 (одной) почти квадратной аккумуляторной батареи работники автозавода могли бы поместить 2 автономные прямоугольные аккумуляторные батареи. Заряженная от стационарной электросети батарея № 1 могла бы приводить в движение электродвигатель, который давал бы скоростной ход движения электромобилю. Одновременно электродвигатель данного авто мог бы приводить в движение установленный рядом с ним на автозаводе небольшой электрогенератор, который заряжал бы батарею № 2. В процессе функционирования батареи № 2 происходила бы перезарядка батареи № 1. Если такая идея будет реализована, то водитель на таком электромобиле мог бы преодолевать тысячи километров, не заезжая на зарядные станции. В этом случае Казахстан мог бы сформулировать и принять технико-юридический стандарт «*Об установке двух тяговых батарей в одном электромобиле*» в свете Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2020 года «О техническом регулировании».

Но электрозарядные станции, которые могли быть сконструированы и (или) собраны на казахстанских заводах, безусловно нужны. Хотя бы для того, чтобы зарядить тяговую батарею на первоначальном этапе. Не исключается выход из строя первой или второй батареи электромобиля. Специалисты нанотехнологий республики могли бы изобрести малых размеров тя-

говую батарею, с помощью которой электромобиль мог бы добраться до ближайшей электрозарядной станции. Думается, есть смысл обратить внимание на постановление Кабинета министров Республики Татарстан «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Развитие зарядной инфраструктуры для электрического автомобильного транспорта в Республике Татарстан», которое принято в связи с необходимостью создания в 2022-2024 годах развитой зарядной инфраструктуры для электромобилей в республике, являющейся мощным центром автомобилестроения России. Аналогичное правительственное постановление под названием «*О создании сети электрозарядных устройств для электромобильных машин и механизмов*» можно принять и в Республике Казахстан, на базе которого электротехнические заводы как смежные предприятия автозаводов могли бы произвести примерно 6 тысяч электрозарядных устройств для размещения в регионах страны в ближайшие годы.

Казахстанские конструкторы и инженеры транспортно-машиностроительной сферы могли бы присмотреться к шведскому опыту движения транспортного средства с помощью электричества. Смысл шведского электромобильного подхода заключен в питании электромобиля по принципу движения поезда метрополитена. В дорожное полотно по всей длине дороги вмонтирован провод: установленный на автозаводе посредине днища авто с внешней стороны рожок при постоянном контакте с дорожным проводом подает ток на электродвигатель автомобиля. Надо полагать, что если трамвай и троллейбус получают электроэнергию сверху, то здесь электроэнергия подается снизу. Достоинства этого изобретения видны в том, что работникам автозавода не нужно устанавливать дорогостоящие тяговые батареи, конструируемые из редких металлов, в частности, кобальта, запасы которого в недрах Земли ограничены. Практически снимается проблема незапланированных остановок электромобиля на дороге между населенными пунктами. Отпадает необходимость в создании разветвленной сети электрозарядных станций по стране. Но есть ряд проблем, которые неизбежны при такой системе электропитания транспортных средств: невозможность использования неэлектрифицированных дорог, сложности при снегопадах и гололеде, коллапс всей транспортной системы при отключении электричества.

Как известно, в современном автомобиле примерно 30 тысяч больших и малых компонентов и деталей. Электромобиль содержит в себе 15-20 тысяч деталей: достаточно сказать, что электродвигатель электромобиля содержит несколько десятков деталей, в том время как в двигателе внутреннего сгорания содержится не менее 1 тысячи деталей. Это еще одно достоинство электромобиля. Естественно, на казахстанских и иных автоза-

водах и концернах не могут создавать каждую деталь, компонент в отдельности. Эти заводы преимущественно являются сборочными. Идеальным вариантом стало бы то, чтобы каждая деталь изготовлялась и направлялась на автосборочный завод отдельным смежным предприятием. При надлежащем контроле такой вариант производства деталей и частей электромобиля гарантировал бы высокое качество каждой детали в отдельности и электромобиля в целом.

Проводником инноваций, цифровых технологий в производственный процесс в западных странах стал малый бизнес. К примеру, «в Германии работают уже сотни тысяч небольших и средних инжиниринговых структур, которые развиваются «под крылом» промышленных гигантов и создают для них важные компоненты производства. Компании малого и среднего бизнеса производят отдельные детали для машин (автоконцернов) «Daimler», «BMW». «Volkswagen» или электронику для Siemens»[508]. Казахстанская автопромышленность держит курс на локализацию. В свете такой техническо-технологической политики республики было бы целесообразно в гораздо больших объемах, чем сейчас, увеличивать объемы локализации и оказывать большее содействие малым и средним машиностроительным предприятиям со стороны автозаводов, государственного бюджета, министерств индустрии, экономики, цифрового развития Республики Казахстан.

В свете этого предложения казахстанское государство в лице министерства индустрии на основе государственно-частного партнерства могло бы создать отдельное предприятие по производству тяговых аккумуляторных батарей для установки в собираемых в Казахстане электромобилей. Литий, кобальт, иные редкие металлы есть в недрах Казахстана, которые можно использовать как компоненты таких батарей. Такое предприятие могло бы стать совместным на основе заключения международного частноправового соглашения между правительством Казахстана, фирмой «Панасоник» (США), фирмой «Самсунг» (Республика Корея), которые являются мировыми лидерами в сфере производства аккумуляторных батарей. В процесс переговоров и совместной деятельности можно включить представителей талдыкорганских предприятий по производству аккумуляторов, учредивших успешное дочернее предприятие в Дубае (Объединенные Арабские Эмираты).

Цифровые технологии, в частности, промышленный интернет вещей, цифровые двойники могут и должны быть использованы в производственном процессе автосборочных и смежных машиностроительных заводов Казахстана по созданию электромобилей и его частей. Благодаря постоянной и

[508] Нурберген А. Мыслить инновационно // Казахстанская правда. 2022. 27 июня. – С. 10.

системной отправке данных о техническом состоянии оборудования и соответствующих деталей производимого электромобиля цифровому двойнику посредством промышленного интернета вещей, оборудованная в цехе интеллектуальная система указывает работнику (инженеру, мастеру, технику), к какому станку подойти, какие в нем возникли технические проблемы, какие возможны в нем поломки и как на них реагировать. Цифровой двойник может предсказать, когда и на каком оборудовании, станке может произойти технический сбой и как его можно избежать. Такие цифровые технологии оказывают содействие в оптимизации производительности данного предприятия, что позволяет избегать незапланированных производственных простоев[509].

Есть некоторые определения понятия «беспилотный автомобиль» или понятия «робомобиль». Иногда их отождествляют, исходя из того, что автономный автомобиль есть тот же интеллектуальный робот, выполняющий функции человека-водителя. Беспилотный автомобиль — это транспортное средство, которое оборудовано механизмом автоматического управления, что позволяет ему двигаться без участия человека. Автономное транспортное средство — это тоже беспилотник в виде того или иного транспортного средства, которое оборудовано технологией, обеспечивающей самостоятельное движение автомобиля (электромобиля).

По мнению Международного общества автомобильных инженеров, развитие автономности транспортного средства пройдет несколько стадий, первую из которых следует назвать нулевой.

– На нулевой стадии возможны некоторые элементы автономности, но человек-водитель полностью контролирует движение такого автомобиля.

– На второй стадии заводы добавляют целый ряд функций автономности с тем, чтобы оказать помощь водителю автомобиля (электромобиля) в процессе вождения.

– 3–ю стадию (с 2021 года) можно охарактеризовать как переложение на само транспортное средство всех задач вождения.

– На 4-й стадии, которая начнется с 2030 года, транспортное средство будет полностью передвигаться самостоятельно без участия человека-водителя.

Автогиганты уже с 2017 года приступили к созданию беспилотных автомобилей и электромобилей. Так, с 2017 года компания по обеспечению механизма беспилотного передвижения «MobilEye» (Израиль) и германский автоконцерн «BMW» сотрудничают в сборе данных по дорожным картам

[509] Лихвойнен А. В., Комарова М. В., Розов А. А., Солодкова Е. В., Степанова А. А. Цифровые двойники как способ оптимизации производства электромобилей // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 7 (часть 2). – С. 184-191.

для автономно передвигающихся машин, в оснащении автомобилей «BMW» камерами «MobilEye» для сбора информации, нужной для обновления цифровых дорожных карт. «MobilEye» входит в сотрудничество по таким же вопросам с автоконцернами «Audi» и «Mercedes» (Германия). До 2030 года у Казахстана есть определенное время для участия в конструкторских и иных работах по внедрению цифровых технологий в производимые на заводах транспортного машиностроения республики электромобили и беспилотные автомобили.

Наши работники автомобильных заводов уже имеют достаточную квалификацию по осуществлению промышленной сборки автомобилей известных мировых брендов. Но для осуществления промышленной сборки электромобильного и беспилотного транспорта они должны дополнительно повысить свою квалификацию с учетом особенностей этих видов транспортных средств. Студенты технических университетов республики и действующий технический персонал наших автозаводов должны научиться проектированию и умению устанавливать электрооборудование внутри как электромобильного, так и беспилотного транспорта. Они должны получить и пополнить знания по вопросам конструирования и организации эксплуатации электромобилей и зарядной инфраструктуры. Они должны разобраться в тонкостях работы компонентов электромобилей и беспилотников, систем управления этими видами транспорта с тем, чтобы они могли технически и технологически совершенствовать их, качественно производить их, уметь внедрять технологии искусственного интеллекта и цифровые технологии как в производственный, конвейерный процесс на автозаводах республики по выпуску электромобилей и беспилотных транспортных средств, так и внедрение этих же цифровых технологий в функционирование электрических и беспилотных машин.

Электромобильное беспилотное транспортное средство может самостоятельно передвигаться по дорогам республики с помощью, как правило, пяти лазерных и двух обычных радаров, 18 сенсоров, устанавливаемого на крыше автомобиля лидара и 6 камер, а также разнообразных нескольких сотен датчиков, суть и назначение каждого их них должны быть изучены каждым сотрудником всех автозаводов Казахстана. Это станет залогом нашего вклада в техническо-технологическое совершенство датчиков, всего беспилотного электромобиля в целом, а также профессионального умения качественно с учетом тонкого знания дорожного законодательства республики осуществлять их промышленную сборку, залогом безопасности произведенных ими электромобилей и беспилотников, выпускаемых на загруженные дороги республики. И вот здесь очень важно, чтобы Министерство индустрии республики и Союз машиностроителей Казахстана *проводили*

семинары и практикумы с приглашением зарубежных специалистов анализируемого узкого профиля для работников отрасли транспортного машиностроения, чтобы ключевые производственные проблемы беспилотного электромобилестроения стали предметом глубокого изучения, познания и руководством к действию.

Министерство и Союз машиностроителей могли бы обращать особое внимание работников казахстанских заводов транспортного машиностроения на то, что сейчас наступило время совершенно новых принципиальных подходов в данной сфере. Если раньше заводчане производили партию автомобилей в неконкурентной среде, продавали ее потребителям и наглухо закрывали заводские ворота, то сегодня специалисты автозавода должны за его пределами либо сами устанавливать дорожные датчики, либо находиться в постоянном контакте с дорожными строителями и согласовывать с ними установление дорожных датчиков, «умных» светофоров, дорожных разметок, дорожных знаков, которые коррелировали бы с принимающими сигналы датчиков устройствами на беспилотнике. Теперь заводам надо будет скрупулезно следить за изменениями в транспортном, машиностроительном, дорожном законодательстве республики, чтобы вносить соответствующие изменения в дорожные знаки, в программные приложения искусственного интеллекта по управлению беспилотником, а также в придорожные карты местности в процессе производства и эксплуатации машины, чтобы тем самым обеспечивать безопасное движение как самого беспилотника, так и других участников дорожного движения[510].

Говоря другими словами, нужны квалифицированные кадры, могущие в короткие сроки освоить, изучить сложные электротехнические и телекоммуникационные компоненты электрических транспортных средств, понимать взаимосвязь их компонентов, обладать таким уровнем знаний и технической, технологической квалификации, которая позволила бы им грамотно производить электромобильные, беспилотные транспортные средства и обеспечивать их надлежащую эксплуатацию. Эти же кадры вместе со специалистами должны уметь профессионально грамотно внедрять цифровые технологии в производственную деятельность своего завода по выпуску беспилотных электромобилей, в которые они должны внедрить цифровые технологии в целях их более успешного функционирования, эксплуатации. К примеру, они должны осуществлять промышленную сборку посредством цифровых технологий французского автомобиля «Peugeot», который создан как автомобиль в виде беспилотника с подключением к об-

[510] Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. – 2018. – № 3. – С. 117-132.

лачной платформе промышленного интернета вещей, которая является разновидностью цифровой технологии. Иначе говоря, они должны освоить и применить на практике знания о цифровых технологиях в деятельности завода и знания о цифровых технологиях, внедренных в транспортную продукцию, произведенную заводом. Было бы желательно по этому поводу разработать и издать нормативный приказ по министерству «*О совершенствованию знаний, умений и навыков работников сферы производства беспилотного электромобилестроения и эксплуатации произведенной продукции с применением цифровых технологий в республике*».

Нам бы хотелось сделать краткий обзор зарубежного законодательства о беспилотных электромобилях (автомобилях) с тем, чтобы на законодательном опыте иностранных государств предпринять попытку разработать казахстанское законодательство на тему о беспилотниках[511].

Акты (законы), которые определяли порядок тестирования беспилотных транспортных средств на дорогах штата Калифорнии (США), были приняты в 2012 году. Билль Сената Калифорнии за номером 1298 разрешил передвижение беспилотного транспортного средства на дорогах общего пользования, и эта норма была внесена в текст Автотранспортного кодекса штата (Vehicle Code Division). В 2015 году губернатором Аризоны (США) был подписан нормативный приказ о возможности регистрации беспилотных авто в штате на тех же условиях, что и в отношении традиционных машин. В 2016 году губернатором штата Мичиган были подписаны акты (законы), которые легализовали частное и коммерческое использование беспилотных автомобилей. Нормативный акт 2018 года в виде распоряжения губернатора той же Аризоны за номером 2018-04 отменил требование об обязательном нахождении водителя за рулем проверяемого беспилотника, если им получено разрешение от Аризонского отдела общественной безопасности.

Законодательство, позволяющее тестировать автономные транспортные средства и эксплуатировать их, было принято штатами США: Невадой, Флоридой, Алабамой, Арканзасом, Колорадо, Коннектикутом, Джорджией, Иллинойсом, Индианой, Луизианой, Мичиганом, Нью-Йорк, Северной Каролиной, Северной Дакотой, Пенсильванией, Южной Каролиной, Теннесси, Техасом, Юта, Вирджинией, Вермонтом, Вашингтоном, федеральным округом Колумбия. Великобритания в свод правил дорожного движения – Дорожный кодекс – внесла изменения с учетом возможной эксплуатации автономных транспортных средств.

---

[511] Taeihagh A., Lim H. S. M. Governing Autonomous Vehicles: Emerging Responses for Safety, Liability, Privacy, Cybersecurity, and Industry Risks // Transport Reviews. 2019. Vol. 39. Iss. 1. P. 103-128. - https://doi.org/10.1080/01441647.2018.1494640.

Мы полагаем, что и в Казахстане будут прописаны беспилотные автомобили (электромобили). К 2030 году общество созреет к восприятию беспилотников, но министерство индустрии и инфраструктурного развития Республики Казахстан могло бы уже сегодня создавать предпосылки к этому. Одним из таких предпосылок стала бы разработка текста закона республики, регламентирующего статус, производство, эксплуатацию, утилизацию беспилотников, нормы об ответственности примерно под таким названием, как: «*О легализации беспилотных транспортных средств, о разрешении их эксплуатации на дорогах общего пользования и обеспечении их безопасного движения посредством мгновенного дублирования друг друга цифровыми технологиями и технологиями искусственного интеллекта*».

В ряде стран, в частности, в США действуют законы об ответственности за безопасность транспортных средств. Это побуждает автопроизводителей всех видов транспортных средств, в том числе электромобилей и беспилотных автомобилей (электромобилей), относиться к обеспечению безопасности к производимым ими автомашин со всей серьезностью и ответственностью[512]. Именно поэтому было бы целесообразно принять примерно такой же закон в казахстанском правовом поле под названием «О привлечении к ответственности виновных лиц за необеспечение безопасности произведенных, отремонтированных и эксплуатируемых транспортных средств как источников повышенной опасности».

§ 7. Вопросы истории совершенствования правового статуса российской прокуратуры

Неоспорим тезис, что ветви государственной власти, механизм государства, должны эффективнее исполнять и претворять в жизнь нормы Конституции России[513]. Однако, при этом некоторые авторы указывают, что «действующая Конституция России считается в науке одной из самых неудачных за всю российскую конституционную историю не только по своим юридическим параметрам, но и по всей конструкции в целом. Она состоит из двух практически несовместимых частей, которые блокируют ее реализацию именно в силу своей несовместимости. Речь идет о европейско-либеральных современных 1 и 2 и архаично-авторитарных 3-8-й главах»[514].

---

[512] Бегишев И. Р. Высокоавтоматизированные транспортные средства: криминальные риски и правовые последствия // Информационное общество. Цифровые технологии: выгоды и риски. – 2022. – № 4. – С. 45-54.

[513] Власенко Н.А. Модернизация Конституции России (К итогам обсуждения в связи с 25-летием) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. 163–183

[514] Лукьянова Е.А. Конституционные риски. М. 2015. С. 28.

Считая, что потенциал Конституции Российской Федерации 1993 г. еще не исчерпанным, 15 января 2020 г. Президент России Владимир Путин обратился с Посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, в котором раскрыл основные проблемы применения Конституции Российской Федерации и пути их решения.

При этом приходится признать, что одним из основных недостатков проблем применения Конституции Российской Федерации до недавнего времени являлись вопросы правового регулирования организации и деятельности прокуратуры. При этом одной из проблем являлось отсутствие упоминания в Конституции о ее предназначении (функции). Прокуратура осталась «единственной вертикальной структурой, функции которой в Конституции (ст. 129) были никак не обозначены (это явно нарушало однородность конституционных положений) и это могло варьироваться текущим законодательством, т.е. прокуратура как публичная структура стала недостаточно стабильной»[515].

В редакции Конституции (Основного закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 9 декабря 1992 г. указывалось, что «надзор за точным и единообразным исполнением действующих на территории РСФСР законов осуществляется Генеральным прокурором РСФСР и подчиненными ему прокурорами».

В период подготовки Конституции Российской Федерации были подготовлены десятки ее проектов, так или иначе касающихся прокуратуры. При этом прослеживались противоположные тенденции в подходе к месту прокуратуры в государственном механизме и ее предназначении. Так, в проекте Конституции, подготовленном Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации указывалось, что «Прокурор от имени государства предъявляет иски и поддерживает государственное обвинение в суде. Прокуратура осуществляет надзор за законностью расследования преступлений”[516].

В проекте Конституции, подготовленном рядом крупных российских ученых, указывалось, что «прокуратура осуществляет надзор за законностью при возбуждении и расследовании уголовных и административных дел, принимает меры к устранению любых нарушений независимости судов, к обеспечению выполнения судебных решений и приговоров, а также опротестовывает в суде федеральные законы и другие нормативные акты, противоречащие Конституции, и акты республик, губерний, автономных

[515] См.: Мельников Н.В. Прокурорская власть и личность. М., 2003. С. 198.
[516] Проект Конституции Российской Федерации. Подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов Российской Федерации: Документы и материалы. - М.: Республика, 1993.

национальных сообществ и муниципального самоуправления, противоречащие Конституции и федеральным законам»[517].

В ст. 117 «Прокуратура РФ» Проекта Конституции Российской Советской Федерации группы народных депутатов Российской Федерации указывалось, что «Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры от имени законодательных органов осуществляют высший надзор за точным и единообразным исполнением и применением законов РФ"[518].

Президент России весной 1993 г. в проекте Конституции предложил указать в ст. 126 следующие функции прокуратуры – надзор за законностью расследования дел о преступлениях, поддержание государственного обвинения в суде, предъявление в суд исков в защиту интересов государства, опротестование в суде незаконных актов государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц[519].

Проект Конституции Российской Федерации, одобренный Конституционным совещанием, указывал, что «Надзор за законностью расследования дел о преступлениях, поддержание государственного обвинения в суде, предъявление в суд исков в защиту интересов государства, прав и свобод граждан, опротестование в суде незаконных актов государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц осуществляет Прокуратура Российской Федерации, возглавляемая Генеральным прокурором Российской Федерации (Глава 7. Судебная власть Статья 129)[520].

Проект Конституции России С. С. Сулакшина и других говорил, что «Прокуратура осуществляет: а) надзор за исполнением законов исполнительными государственными органами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих юридических лиц, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов; б) надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина; в) уголовное преследование; г) участие в рассмотрении дел судами, опротестование противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов; д) координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»[521].

Проект Конституции Российской Федеративной Республики Саратовского юридического института им. Д. И. Курского указывал в статье 131,

---

[517] Проект Конституции подготовлен по решению Политсовета Российского Движения демократических реформ. Ответственный за подготовку - член Политсовета А. А. Собчак. Авторская разработка проекта – С. С. Алексеев и А. А. Собчак при участии Ю. Х. Калмыкова, С. А. Хохлова. М., 1992.

[518] Российская газета. 24 июня 1993 г.

[519] Московская правда. 5 мая 1993 г.

[520] Рабочая трибуна. 21 июля 1993 г.

[521] Конституция России (проект) / Под общ. ред. С.С. Сулакшина. — М.: Научный эксперт, 2016.

что «Высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными органами местного самоуправления, колхозами, политическими партиями, общественными и кооперативными организациями, судом, арбитражем, должностными лицами, а также гражданами на территории Российской Федеративной Республики осуществляется Прокурором Союза суверенных Республик, Генеральным прокурором Российской Федеративной Республики и нижестоящими прокурорами»[522].

Проект Конституции, подготовленный инициативной группой «Коммунисты России» в статье 155 указывал, что Прокурор РСФСР и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор за повсеместным, точным и единообразным исполнением и применением законов РСФСР и ратифицированных РСФСР международно-правовых актов всеми государственными органами, общественными объединениями, юридическими, должностными лицами и гражданами, кроме высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти РСФСР[523].

Проект Конституции РФ, подготовленный Российским Движением Демократических Реформ в марте 1992 г. счел необходимым указать, что при Верховном Суде Российской Федерации образуется Прокуратура, возглавляемая Прокурором Российской Федерации. Прокуратура осуществляет надзор за законностью при возбуждении и расследовании уголовных и административных дел, принимает меры к устранению любых нарушений независимости судов, к обеспечению выполнения судебных решений и приговоров, а также опротестовывает в суде федеральные законы и другие нормативные акты, противоречащие Конституции, и акты республик, губерний, автономных национальных сообществ и муниципального самоуправления, противоречащие Конституции и федеральным законам[524].

Проект Конституции, предложенный объединениями «грарный Союз», «Отчизна» и «Коммунисты России» указывал в статье 157 «Прокуратура РСФСР», «что Генеральный прокурор РСФСР и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор за точным и единообразным исполнением и применением законов РСФСР местными Советами народных депутатов, их исполнительными органами, министерствами и ведомствами, иным и органами государственного и хозяйственного управления и контроля,

---

[522] Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) в 6 т. (10 кн.); Т. 5 : Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. 2009. С. 351

[523] Из истории создания Конституции Российской Федерации. С. 433

[524] Из истории создания Конституции Российской Федерации. С. 639

предприятиями, учреждениями и организациями независимо от их подчиненности, органами военного управления, воинскими частями и учреждениями, политический партиями и движениями, общественными объединениями, должностными лицами государственных и общественных органов, гражданам»[525].

Статья 97 Проекта, подготовленного рабочей группой под руководством С. М. Шахрая 9 апреля 1992 г. предполагала, что «Надзор за соблюдением всеми государственными органами и должностными лицами Конституции, законов Российской Федерации, указов Президента Российской Федерации осуществляется Прокуратурой Российской Федерации»[526].

Статья 117 «Прокуратура РФ» Проекта, предложенного депутатской фракцией «Коммунисты России» указала, что Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры от имени законодательных органов осуществляют высший надзор за точным и единообразным исполнением и применением законов РФ краевыми, областными, городов федерального значения, автономной области, автономных округов, Советами народных депутатов, местными Советами народных депутатов, всеми исполнительными органами: правительствами, министерствами, ведомствами, иными органами государственного и хозяйственного управления и контроля, предприятиями, учреждениями и организациями независимо от их подчиненности; коммерческими производственными структурами, органами военного управления, воинскими частями и учреждениями, политическими партиями и движениями, общественными объединениями, должностными лицами и гражданами»[527].

Были и другие предложения. В период подготовки Конституции 1993 г. предпринимались попытки лишить прокурора права надзора и возложить на него только функции обвинения в суде и уголовного преследования[528]. Так, С. А. Пашин предлагал: 1) сохранить единственную функцию прокуратуры — уголовное преследование обвиняемых в суде; 2) передать общенадзорные полномочия «не скомпрометировавшему себя участием в репрессиях и беззаконии сравнительно новому институту уполномоченного по правам человека»; 3) осуществить частичную децентрализацию прокурорской системы, ввести выборность прокуроров населением; передать следственный аппарат прокуратуры в состав единого Следственного комитета[529]. В нескольких проектах Конституции РФ в обязанности прокуратуры

[525] Из истории создания Конституции Российской Федерации. С. 733
[526] Из истории создания Конституции Российской Федерации. С. 798
[527] Из истории создания Конституции Российской Федерации С. 962
[528] См.: Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. – 1993. – № 7. – С. 82
[529] Пашин С. Теоретические и практические основания реформы российской прокуратуры // Уголовное право. – 2001. – № 1. – С. 79–81

вменялось проведение только уголовного преследования лиц, совершивших преступления, и поддержание государственного обвинения в суде[530]. В одном из них указывалось: «Государственное обвинение от имени Российской Федерации в уголовном судопроизводстве поддерживает прокурор. Организация, полномочия и деятельность прокуратуры регулируются федеральными законами». В пояснительной записке к нему говорилось, что «прокуратура не будет и не должна будет ни вести следствие, ни надзирать за ним, ни заниматься общим надзором. Ее (прокуратуры) дело – только поддержание государственного обвинения в суде. Соединение всех этих функций в руках единой централизованной прокуратуры осуществлено в тридцатые годы с известной целью. Прокуратура, освобожденная от несвойственных в правовом государстве функций, станет главным образом органом обвинительной власти[531]. Подобные предложения в виде законопроектов вносились и в последующем[532].

Статья 5.7.14. Проекта Рабочей группы и группы экспертов Конституционной комиссии РСФСР, представленного для пленарного заседания КК РСФСР 12 октября 1990 г. указывала только на то, что «Государственное обвинение в уголовном судопроизводстве осуществляет прокурор»[533].

В. М. Савицкий вспоминал, что летом 1993 г. после долгих обсуждений проекта Конституции ее основная функция была определена как борьба с преступностью и иными правонарушениями (надзор за расследованием преступлений, поддержание обвинения в суде и т.д.). Однако 6 ноября 1993 г. (за два дня до вынесения проекта Конституции на всенародное обсуждение) бывший в то время Генеральным прокурором А. Казанник в газете «Известия» выступил против этой нормы проекта. Аппаратным путем, без обсуждения на Конституционном совещании, ст. 129 проекта изменили так, как настаивал Генпрокурор, и в таком виде она вошла в Конституцию, одобренную референдумом[534]. В проекте Конституции, представленном на референдум, часть 1 Статьи 129 Главы 7 Конституции РФ «Судебная власть» сформулирована так – «Прокуратура Российской Федерации составляет единую централизованную систему с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации».

Многообразие точек зрения о месте прокуратуры в системе ветвей государственной власти, ее предназначении и функциях обусловили необ-

---

[530] Проект Конституции Российской Федерации: документы и материалы. М., 1993. – С. 95.

[531] Российская газета. 1991. 11 окт.;

[532] Демократический выбор. 2001. – № 5 (237)

[533] Из истории создания Конституции Российской Федерации. С.201

[534] Савицкий В. М. Организация судебной власти в Российской Федерации: учеб. курс. М., 1996. – С. 46.

ходимость научно выработанной Концепции развития прокуратуры. К сожалению, Концепция развития Прокуратуры Российской Федерации (на переходный период) 1994 г. и не обсуждавшаяся Концепция развития прокуратуры Российской Федерации 1998 г. не дали четкого ответа на многие вопросы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации. И это привело к тому, что после 1995 г. в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» более 50 раз вносились изменения и дополнения, в том числе обусловленные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». В частности, название Главы 7 Конституции получила название «Судебная власть. Прокуратура», что позволяет сказать, что прокуратура не является частью судебной власти, а фактически представляет собой отдельную ветвь власти.

Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» раскрыл предназначение Прокуратуры Российской Федерации, указав, она единая федеральная централизованная система органов, осуществляющая надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование, а также выполняющая иные функции.

Это позволяет говорить о существовании пока не оформленной ветви власти – прокурорской власти.

§ 8. Уголовное право и криминология: вопросы разграничения и взаимодействия

Криминология выделилась из уголовного права и более не является его частью, обладая собственным предметом, основные элементы которого не входят в предмет комплексного изучения других наук, и оригинальными методами исследования, во многом позаимствованными из таких наук, как социология, психология и статистика, но наполненными совершенно другим содержанием.

В отечественной криминологии фактически общепризнано, что уголовное право определяет рамки предмета криминологии, поскольку последняя изучает преступность, состоящую из деяний, признанных действующим законодательством преступлениями.

При том что криминология и уголовное право фактически отдельны друг от друга, между ними отсутствует взаимодействие, уголовное право сильно догматизировано, криминологические рекомендации не востребо-

ваны со стороны правоприменительной практики, налицо оторванность уголовно-правовых норм от реалий общественного развития в современной России[535].

Следует признать, что в настоящее время имеется ряд проблем, которые требуют приложения совместных усилий представителей наук уголовного права и криминологии.

Первая проблема – это проблема криминализации и декриминализации деяний и обоснованности таковых. Она имеет большое практическое значение и имеет отношение к законотворческой практике. Её считают «пограничной» проблемой уголовного права и криминологии, обоснованно полагая, что в её решении должны принимать участие представители обеих наук.

По мнению Я. Гилинского, преступность – это «продукт» социального конструирования[536]. Эта позиция является дискуссионной. Однако очевидно, что некоторые деяния людей причиняют реально серьезный вред другим людям, обществу и государству, следовательно, они являются общественно опасными и заслуживают «чести» быть названными преступлениями. Но существуют деяния, которые не причиняют такого вреда, следовательно, они криминализируются без достаточных оснований.

Криминализация деяний является прерогативой законодательной власти, это не вызывает сомнения. Соответственно, уголовная политика и криминализация как ее часть являются лакмусовой бумажкой существующего политического строя. Однако если криминализация проводится рационально и обосновано, то волю политического субъекта предопределяет множество других факторов социальной действительности.

В последнее время учеными в нашей стране признана проблема излишней криминализации и её хаотичность.

Так, И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев справедливо указывают, что желание быстро решить проблему законодательным путем легко может превратить деятельность по криминализации в профанацию. Многие и не задумываются об основаниях появления того или иного деяния в уголовном законе, должно ли оно там быть и что побудило законодателя его криминализировать[537].

А. В. Наумовым было отмечено, что одной из ошибок, встречающихся в практической деятельности применительно к делам о предпринима-

---

[535] Лопатина Т. М. Преодоление противоречий криминологической теории и норм уголовного права на примере компьютерных преступлений // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 57.

[536] Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 194.

[537] Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Криминализация: баланс политического и социального? // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 28.

тельской деятельности, выступает её излишняя криминализация и противоречие гражданскому праву в случае признания совершения субъектом преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ[538].

З. И. Хисамова справедливо отмечала, что в стремлении пресечь новые виды хищений с использованием IT-технологий отечественный законодатель пошел по пути не очень продуманных и бессистемных изменений уголовного закона. Это привело к тому, что изменения в уголовный закон, еще не начав действовать, уже нуждаются в корректировке[539].

Результатом подобной деятельности является отсутствие системности уголовно-правовых норм и трудности в их использовании в правоприменительной практике. Согласимся с тем, что в сфере криминализации, «как в хирургии – самые лучшие операции это те, которые не были проведены»[540].

Вторая проблема, тесно связанная с первой, это понимание общественной опасности деяния как таковой.

Казалось бы, криминологию это проблема не интересует, ведь криминология изучает прежде всего преступность, а как существенный и неотъемлемый признак этого явления большинство отечественных ученых называет её социальный и негативный характер.

Тогда общественной опасностью деяния должны «заниматься» представители уголовно-правовой науки, а криминологи «обязаны» безоговорочно «принимать» общественную опасность деяний, закрепленных в уголовном законе. Однако своеобразное «пересечение» социальности и негативности преступности и общественной опасности преступления очевидно. Просто в одном случае мы говорим о единичном деянии, в другом случае речь идет о явлении существующим в обществе.

Согласимся также с тем, что «общественная опасность деяния есть категория не правовая, а социологическая»[541]. Таким образом, это категория по своему содержанию значительно ближе к криминологии. Именно криминолог способен эту общественную опасность обосновать и аргументировать. Соответственно, специалисты этого профиля в обязательном порядке должны привлекаться к экспертизе всех законопроектов уголовно-правового характера.

---

[538] Наумов А. В. Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 10.

[539] Хисамова З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 47.

[540] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.11. Право. – 2016. – № 4. – С. 45.

[541] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.11. Право. – 2016. – № 4. – С. 40.

Третья проблема – личность преступника. Термины «личность преступника», «личность лица, совершившего преступление» использует криминология. Тем не менее в ч.3 ст.60 УК РФ указывается, что при назначении наказания учитывается ряд обстоятельств, в том числе личность виновного. Общепризнано, что нельзя назначить реально эффективное наказание, «не узнав» преступника, не исследовав его личность. При этом часто отмечается формализм этого знания, поскольку ни у следователей, ни у судей зачастую не хватает времени для детального исследования личности.

Согласимся с тем, что было бы неплохо разработать своеобразную схему (модель) сбора сведений о личности обвиняемого (в дальнейшем подсудимого), которая должна стать документом, обязательным для исполнения[542]. Результаты, полученные в ходе сбора информации о личности, можно было бы включать в своеобразную карту, содержащую сведения о личности обвиняемого (подсудимого, осужденного). Эту карту можно было бы передавать органам, исполняющим наказание.

Кроме того, это позволило бы сделать более полной имеющуюся статистическую информацию о личности преступника, не ограничиваясь социально-демографическими и отдельными уголовно-правовыми показателями, полностью игнорирую нравственно-психологическую и социально-ролевую характеристики личности преступника.

Четвертая проблема – наказуемость деяния в контексте возможности исправления преступника.

Это может касаться возможности достижения целей наказания. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ среди этих целей предусмотрены исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Очевидно, что в реальной действительности эти цели воспринимаются в большей степени как цели-декларации, достижение которых вызывает большие сомнения. Об этом свидетельствует высокий уровень рецидива среди лиц, которые уже привлекались к уголовной ответственности. Так, в 2021 году было выявлено 493 813 лиц, ранее совершавших преступления, их удельный вес в общем числе выявленных лиц составил 58,2 %. Темп прироста в 2021 г. по отношению к 2020 г. был небольшим – 0,3 %, однако тенденция к росту была сохранена[543]. Лицами, ранее совершавшими преступления, в 2021 году было совершено 618 158 преступлений. Темп прироста этих преступлений в 2021 году составил 0,2 % по отношению к 2020 го-

[542] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.11. Право. – 2016. – № 4. – С. 52.
[543] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. Москва: МВД РФ: ФКУ «Главный информационный-аналитический центр», 2022. С. 54.

ду, а их удельный вес от общего числа расследованных преступлений в 2021 году составил 60,0 %[544].

При этом речь идет о рецидиве, который стал известен правоохранительным органам, с учетом латентности этот показатель выглядит еще более неблагоприятным. Общеизвестно, что рецидив преступлений является серьезной криминогенной детерминантой, которая осложняет деятельность правоохранительных органов. Безнаказанность – одна из «главных» причин рецидивной преступности. Чем больше преступлений остается безнаказанным, тем больше преступников испытывает уверенность в том, что можно, совершив преступление, избежать уголовной ответственности. У подобных преступников формируются устойчивые криминогенные установки и правовой нигилизм, неверие в возможности правоохранительных органов по их изобличению и задержанию, напротив, формируется вера в свои «сверхспобности».

Следовательно, одного уголовно-правового регулирования недостаточно, возможности криминологии должны помочь реальному достижению целей наказания и функционированию института наказания в целом. По сути уголовное наказание взаимодействует как с личностью преступника, так и с социальными проблемами, детерминирующими преступность, а это криминологическая проблема. Сложно представить, что институт наказания может быть эффективным в отрыве от криминологических знаний в сфере профилактики преступности и индивидуального преступного поведения.

Взаимодействие наук может происходить и при конструировании санкций уголовного закона. Связь размера и суровости санкции нормы рассматриваемого закона с общественной опасностью деяния очевидна, в оценке общественной опасности в наибольшей степени могут помочь криминологи, а избрание справедливой санкции будет способствовать достижению целей наказания.

Кроме того, речь может идти о дифференциации уголовных наказаний, смягчении наказаний и карательной практики. В научной литературе было справедливо отмечено, что, стремясь к гуманизации законодательства, законодатель в качестве альтернативы наказанию дополняет УК РФ мерами, призванными стать альтернативой лишению свободы. Это таит в себе опасность размывания «концентрата кары» в мерах уголовно-правового воздействия[545]. В качестве примера приведем введение судебного штрафа, назначаемого судом при освобождении от уголовной ответственности в качестве иной меры уголовно-правового характера. Возникает вопрос –

[544] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 г. Москва: МВД РФ: ФКУ «Главный информационный-аналитический центр», 2022. С. 56.

[545] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестн. Моск. Ун-та. Сер.11. Право. – 2016. – № 4. – С. 40.

насколько было необходимо введение подобной альтернативы при наличии уголовного наказания в виде штрафа? Не подвергает ли это сомнению правовую природу штрафа? Кроме того, данный институт многими учеными критикуется в связи с тем, что он характеризуется карательной сущностью, разрушая основы уголовного права и «дестабилизируя» законодательство, будучи уголовной репрессией, которая стала возможной вне рамок уголовной ответственности. Более того, по утверждению Л. В. Головко, судебный штраф следует считать «наказанием вне приговора», что, как справедливо отмечает Л. М. Володина, необъяснимо ни с точки зрения теории права, ни с точки зрения осуществления правосудия[546].

Важным может стать исследование вопроса о том, насколько состояние преступности как криминологически значимый показатель влияет на систему уголовных наказаний. Взаимосвязь здесь очевидна. Считаем, что последняя, по сути, определяет эффективность уголовно-правовой политики государства и призвана оказывать содействие деятельности правоохранительных органов.

В вышеуказанных случаях речь должна идти об интеграции наук, о взаимодействии их представителей с определением своеобразных зон ответственности.

В качестве первого шага в этом направлении М. М. Бабаевым и Ю. Е. Пудовочкиным было предложено разработать некую дорожную карту интеграции рассматриваемых наук, установить точки их соприкосновения[547]. Представляется, что в общем виде эти точки соприкосновения довольно хорошо просматриваются, мы предприняли попытку эту обосновать.

Основная точка соприкосновения – проблема криминализации/декриминализации деяний. Налицо «дефицит» криминологического участия в законотворческой деятельности.

Принятие и функционирование уголовного закона, отражающего общественные реалии и содержащего действительно общественно опасные деяния, невозможно без участия криминологов. При этом вопрос заключается не только в «количественном показателе» – участии криминологов, но и в «качественном показателе» – к участию в процессе криминализации/декриминализации деяний должны привлекаться криминологи, обладающие высокой квалификацией и опытом работы.

Соответственно, имеется настоятельная необходимость в учреждении обязательной криминологической экспертизы.

---

[546] Мишин В. В. Дискуссионные вопросы применения судебного штрафа // Российский судья. – 2021. – № 7. – С. 56.

[547] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания //Вестн. Моск. Ун-та. Сер.11. Право. – 2016. – № 4. – С. 41.

В. Н. Кудрявцев и В. Е. Эминов справедливо предлагали создание постоянно действующего независимого экспертного совета по криминологической экспертизе. В рамках этого органа было бы целесообразно образовать специальную группу по постоянному мониторингу уголовного законодательства, эффективности применения тех или иных норм действующего уголовного законодательства[548].

Следует признать, что без участия специалистов-криминологов проблемы криминологической обоснованности уголовного закона просто не могут быть сформулированы и решены.

Кроме того, существуют и другие точки соприкосновения, что мы попытались продемонстрировать.

Было бы ошибкой недооценивать роль криминологических знаний для современного уголовного права. Чем дальше уголовное право и криминология «уходили» друг от друга в разные стороны, тем менее обоснованным с научной точки зрения становился Уголовный кодекс РФ.

В науке высказывалось даже мнение о необходимости создания криминологии уголовного закона[549]. Однако, на наш взгляд, это не является первоочередной задачей, существующих наук вполне достаточно, необходима интеграция двух наук, переведение накопленных теоретических знаний в эмпирическую плоскость.

§ 9. Правовые основы оказания помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания и осуществления контроля за ними

Освобождение от отбывания наказания - важный этап в механизме отправления правосудия, указывающий о степени достижения целей, и наказания, и его исполнения. Исправление – как цель назначения и исполнения наказания предполагает, что, отбыв назначенное судом наказание, осужденный возвращается в общество, где ему предстоит дальше жить и трудиться. Многие осужденные, особенно те, кто в период отбывания наказания поддерживали социально-полезные связи с родными и близкими, самостоятельно решают вопросы трудового и бытового устройства. Но среди освобождаемых из мест лишения свободы лиц есть и те, которые неоднократно судимы, отбывали длительные сроки лишения свободы, утратили контакты с родными и близкими, имеют различные заболевания, в том чис-

[548] Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина и др.; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. 280 с.

[549] Лопатина Т. М. Преодоление противоречий криминологической теории и норм уголовного права на примере компьютерных преступлений // Российский следователь. 2018. № 9. С. 58.

ле и опасные для окружающих. Соответственно такие лица нуждаются не только в помощи со стороны государства в решении вопросов трудового и бытового устройства, восстановления документов, оказании медицинской помощи и др., но и осуществлении контроля над ними после освобождения. Уголовно-исполнительный кодекс содержит нормы, регламентирующие порядок оказания освобождаемым от наказания лицам помощи и осуществления контроля над ними (Глава 22).

Обязанность оказать содействие в решении вопросов трудового и бытового устройства освобождаемых лиц и применении к ним мер медицинского характера возложена на администрацию учреждений, исполняющих наказания. По большому счету администрация учреждений ведет работу по подготовке осужденного к освобождению в течение всего периода отбывания им наказания. Однако непосредственно и целенаправленно эта работа проводится с лицами, отбывшими наказание в виде ареста, принудительных работ или лишение свободы в последние месяцы перед освобождением.

Так, ст.180 УИК РФ определяет, сроки начала такой работы: для лиц, отбывающих наказание в виде ареста – за два месяца до истечения срока, принудительных работ или лишения свободы – за шесть месяцев до истечения срока, а в отношении осужденных к лишению свободы на срок до шести месяцев – после вступления приговора в законную силу. От осужденного заблаговременно должно быть получено письменное заявление о выбранном им месте для проживания после освобождения, желания трудоустроиться и наличии жилья. С осужденным проводится целенаправленная воспитательная работа по подготовке его к освобождению, в ходе которой ему разъясняются его права и обязанности, выясняются возможные осложнения в социальной адаптации после освобождения. По просьбе осужденного может быть оказано содействие в восстановлении отношений с семьей, другими родственниками.

В указанные выше сроки администрация учреждения направляет в органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях. В случае освобождения от отбывания наказания несовершеннолетнего осужденного соответствующее уведомление направляется еще и в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту его жительства. Результаты запросов о трудовом и бытовом устройстве доводятся до освобождаемого лица. В случае достижения предварительной договоренности о трудоустройстве, то при освобождении выдается письмо на имя руководителя организации или предприятия. А в случае получения отрицательного ответа на запрос о трудовом и бытовом устройстве, то с согласия

осужденного запросы направляются в другие организации по выбранному месту жительства или же в организации, расположенные в других местностях. В последнем случае осужденный может написать новое заявление об избрании другого места для жительства после освобождения.

В виду исключительной важности решения вопроса трудового и бытового устройства после освобождения для профилактики рецидива, закон допускает возможность краткосрочного выезда осужденного, (до семи суток, не считая времени, необходимого для проезда туда и обратно), за пределы исправительного учреждения (п. «а» ч.1 ст.97 УИК РФ).

По просьбе осужденных, являющихся инвалидами первой или второй группы, а также достигших возраста дающего право на назначение страховой пенсии по старости, администрации учреждения, исполняющего наказание, направляют представления в уполномоченный орган субъекта России о признании их нуждающимися в социальном обслуживании и представлении социальных услуг.

Лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы, являются объектами профилактики со стороны территориальных органов. Поэтому, об освобождении осужденного из мест лишения свободы не позднее чем за 5 календарных дней до дня освобождения, в территориальные органы внутренних дел по выбранному для проживания месту жительства направляются письма-сообщения. В случаях досрочного освобождения (условно-досрочно, в связи с болезнью, по амнистии или в связи с помилованием), то такие письма направляются не позднее дня, следующего после дня освобождения осужденного. Это позволяет оперативно взять под контроль лиц, страдающих заболеванием, представляющим опасность для окружающих. Постановлением Правительства РФ от 01.12.2004 N 715 (ред. от 31.01.2020) утвержден перечень социально значимых заболеваний и перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих (туберкулез, гепатит «В», «С», туберкулез, коронавирусная инфекция (2019-nCoV) и др.). Информацию об освобождении таких лиц администрация исправительного учреждения направляет органу исполнительной власти субъекта России в сфере охраны здоровья по избранному им месту жительства, которые обязаны решить вопрос об организации оказания ему медицинской помощи. Перечень передаваемой информации содержится в Постановлении Правительства РФ от 26.11.2020 N 1934 «Об организации информационного взаимодействия администрации учреждения, исполняющего наказание, с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья в отношении освобождаемого от отбывания наказания осужденного, страдающего заболеванием, представляющим опасность для окружающих». А орган исполнительной власти субъекта России в сфере охраны здо-

ровья направляет эту информацию в медицинскую организацию по избранному месту жительства осужденного для решения вопроса об организации оказания ему медицинской помощи. Таким образом, органы власти владеют всей полнотой информации о лицах, страдающих опасными для окружающих заболеваниями, и обеспечивают требуемые меры безопасности.

Указание в заявлении об избранном месте жительства после освобождения не гарантирует, что освободившееся лицо последует в указанное в заявление место. Нередко, такие лица по различным причинам (чаще все в поисках заработка), уезжают в другие регионы, тем самым выпадая из поля зрения контролирующих органов и ставя под угрозу здоровье населения. Правила обмена информацией в случае неприбытия освобождаемого от отбывания наказания осужденного, страдающего заболеванием, представляющим опасность для окружающих, к избранному месту жительства, обязывают медицинскую организацию на следующий день после истечения 30 дней со дня получения соответствующей информации уведомить орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья по избранному гражданином месту жительства об отсутствии обращения гражданина для решения вопроса об организации оказания ему медицинской помощи. А орган исполнительной власти субъекта России после получения информации от медицинской организации осуществляет посредством использования единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения проверку данных об обращении гражданина в иные медицинские организации субъекта Российской Федерации. При обнаружении информации об обращении гражданина в иную медицинскую организацию субъекта России орган исполнительной власти направляет информацию о болезни гражданина в указанную медицинскую организацию.

В 2012 году в России принят комплекс мер по защите населения от лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилия). Меры безопасности распространяются не только в отношении осужденных за педофилию, но и в отношении всех лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Всем осужденным за половые преступления не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока отбывания ими наказания администрация учреждения обязана разъяснить им право на освидетельствование комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера, направленных на улучшение его психического состояния, предупреждение совершения им новых преступлений и проведение соответствующего лечения. Осужденные за педофилию могут и по своей инициативе пройти такое освидетельствование, но администрация

учреждения обязана предложить пройти освидетельствование комиссией врачей-психиатров не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока отбывания наказания, либо при получении ходатайства об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Само освидетельствование носит добровольный характер, однако отказ от освидетельствования может учитываться при принятии решения об удовлетворении ходатайства об изменении наказания (ч. 4.1 ст.79, ч.4 ст.80 УК РФ).

Вместе с тем УК РФ предусматривает и возможность принудительного назначения в отношении лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), судебно-психиатрической экспертизы по решению суда, принятого на основании ходатайства администрации учреждения, внесенного не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока исполнения наказания. Цель такой экспертизы - решение вопроса о необходимости применения к таким лицам принудительных мер медицинского характера в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания (ч.2.1 ст.102 УК РФ). Результаты освидетельствования и лечения лица, страдающего педофилией, с его согласия администрация учреждения передает территориальным органам исполнительной власти в сфере здравоохранения по избранному им месту жительства освобождаемого, для принятия решения о лечении или направлении в стационарную организацию социального обслуживания лиц, страдающих психическими расстройствами. Кроме того, заключение судебно-психиатрической экспертизы и другие материалы, на основании которых лицо при осуждении было признано страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, при его освобождении или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания передаются в уголовно-исполнительную инспекцию по избранному им месту жительства.

Особо уязвимая группа лиц, освобождаемых от наказания, - инвалиды и лица пожилого возраста. Осужденные, являющиеся инвалидами первой либо второй группы либо достигшие возраста 60 (для мужчин) и 55 (для женщин) лет, по их просьбе и по представлению администрации исправительного учреждения могут быть направлены в подведомственные органам социальной защиты учреждения, предназначенные для постоянного пребывания инвалидов и престарелых. В период отбывания наказания данными категориями осужденных проводится определенная социальная работа (дни пожилых людей, дни инвалидов и др.), с приглашение представителей местных органов социального обеспечения и социальной защиты, родственников осужденных, средства массовой информации.

Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» содержит положения, направленные на упорядочение деятельности по социальной защите осужденных и оказание им социальной помощи, а также на содействие в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобождаемым из мест лишения свободы. Для решения этой задачи в учреждениях исполнения наказания создаются группы социальной защиты осужденных, по оказанию им социальной помощи и поддержки, которая призвана создать предпосылки для исправления осужденных в период отбывания ими наказания и ресоциализации после освобождения, оказанию содействия в трудовом и бытовом устройстве лицам, освобождаемым из мест лишения свободы. Оговорено, что социальная помощь оказывается всем осужденным, в первую очередь инвалидам, престарелым, пенсионерам, лицам, переведенным из воспитательных колоний, беременным женщинам, женщинам, имеющим при себе детей, несовершеннолетним, лицам, больным неизлечимыми или трудноизлечимыми болезнями, не имеющим определенного места жительства, утратившим родственные связи, страдающим алкогольной или наркотической зависимостью.

Основными задачами группы являются: выявление и решение социальных проблем осужденных, оказание им дифференцированной социальной помощи, координирование деятельности других служб исправительного учреждения в решении данных вопросов; подготовка осужденных к освобождению, организация занятий в «Школе подготовки осужденных к освобождению», привлечение к их проведению заинтересованных служб учреждения, муниципальных социальных служб; содействие в восстановлении и укреплении социально полезных связей осужденных, их трудовом и бытовом устройстве после освобождения, решение вопросов, связанных с пенсионным обеспечением осужденных; оказание консультативной помощи осужденным в подготовке необходимых документов для получения паспорта, а также принятие мер по получению документов, подтверждающих их право на социальное обеспечение; привлечение специалистов различных служб социальной защиты населения к оказанию помощи осужденным, в том числе консультативной; привлечение общественности к решению социальных проблем осужденных, в том числе в трудовом и бытовом устройстве после освобождения из исправительного учреждения.

В своей деятельности Группа осуществляет социальную диагностику осужденных, выявляет лиц, нуждающихся в приоритетной социальной помощи, разрабатывают индивидуальные программы по работе с ними. Проводит комплексное изучение личности осужденных, нуждающихся в социаль-

ной помощи, совместно с сотрудниками психологической и других служб исправительного учреждения. Оказывает содействие укреплению положительных социальных связей осужденных с внешней социальной средой (с семьей, родственниками, трудовыми коллективами и учебными заведениями, общественными и религиозными организациями (объединениями)), предпринимает меры по стимулированию осужденных на самостоятельное решение своих социальных проблем. Группа обязана обеспечивать социальное сопровождение осужденных на всех этапах отбывания наказания, организовывать непрерывную работу по подготовке осужденных к освобождению, оказывать содействие в вопросах трудового и бытового устройства, в том числе инвалидов, освобождающихся из исправительного учреждения.

В воспитательных колониях работники Группы взаимодействуют с представителями попечительского совета при воспитательной колонии и родительского комитета колонии с целью оказания помощи осужденным в решении вопросов социальной защиты, трудового и бытового устройства. В случаях предоставления несовершеннолетним осужденным права выезда за пределы воспитательной колонии, а также освобождающимся лицам, которым на момент освобождения не исполнилось 16 лет, сотрудники Группы обязаны обеспечить им сопровождение. В необходимых случаях в установленном порядке готовят документы для направления освобождаемого осужденного в учреждение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, специальное (коррекционное) учреждение для несовершеннолетних с отклонениями в развитии.

Специалисты группы по социальной работе обязаны вести учет пенсионеров и лиц, имеющих право на получение пенсий и социальных пособий. С момента наступления у осужденного права на получение пенсии должны быть оформлены и направлены в пенсионный фонд необходимые документы. Кроме того, они обязаны информировать Пенсионный фонд об изменении состава пенсионеров в исправительном учреждении, а также осуществлять контроль за своевременным перечислением пенсий и социальных пособий органами социальной защиты населения и принимать необходимые меры по устранению недостатков, принимать меры по получению документов, подтверждающих право осужденных на социальное обеспечение.

Важное значение имеет и то, что группе социальной поддержки вменено в обязанность оказывать содействие осужденным в восстановлении социальных связей с родственниками, трудовыми коллективами и учебными заведениями, общественными и религиозными организациями, а также своевременно информировать руководство исправительного учреждения о проблемах в сфере социального обеспечения осужденных.

Уголовно-исполнительное законодательство содержит положения, предусматривающие материально-финансовую помощь лицам, освобождаемым от отбывания наказания в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы на определенный срок. Постановление Правительства РФ от 24.10.1997 N 1358 «О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобождаемых от отбывания наказания» указывает и на лиц, освобождаемых от ограничения свободы. Освобождаемые от наказания лица обеспечиваются администрацией учреждения, исполняющего наказание, бесплатным проездом к месту жительства, одеждой по сезону и продуктами питания по норме сухого пайка, или деньгами на время проезда.

Лицам, освобождаемым из мест лишения свободы, может быть выдано (при отсутствии личных средств на счете), единовременное денежное пособие в размере 850 рублей[550].

Освобождаемым женщинам с детьми выдается дополнительно для детей на время, необходимое для проезда к месту жительства, сухой паек в виде набора продуктов по назначению врача - педиатра дома ребенка учреждения, исполняющего наказания, или деньги в сумме, исчисляемой от средней стоимости продуктов, входящих в норму питания детей, сложившейся в месяце, предшествующем освобождению от наказания. Указанные затраты осуществляются за счет и в пределах средств, выделяемых на финансирование уголовно - исполнительной системы.

Лица, отбывшие наказание в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы, нуждающихся по состоянию здоровья в постороннем уходе, осужденных беременных женщин и осужденных женщин, имеющих малолетних детей, а также несовершеннолетних осужденных администрация учреждения, исполняющего наказание, заблаговременно ставит в известность об их освобождении родственников либо иных лиц. Как правило, такие лица направляются к месту жительства в сопровождении родственников или иных лиц либо работника исправительного учреждения. Отбывшие наказание несовершеннолетние лица, лишенные родительского попечения, могут быть направлены в школу-интернат, другое учебно-воспитательное учреждение на государственное попечение либо переданы органам опеки и попечительства. Попечительские советы воспитательных колоний могут быть привлечены к решению вопросов трудового и бытового устройства освобождающихся несовершеннолетних осужденных.

---

[550] Постановление Правительства РФ от 25.12.2006 № 800 (ред. от 03.11.2011) «О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы» //Российская газета. 2006. 31 декабря.

Для лиц, освобождаемых от принудительных работ, предусмотрен особый порядок обеспечения бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда[551].

Оплата проезда осужденных к месту жительства осуществляется администрацией исправительного центра путем приобретения проездных документов. В случае невозможности приобретения проездных документов заранее осужденному под роспись выдаются наличные денежные средства, необходимые для приобретения проездных документов, исходя из маршрута следования к месту жительства. При этом, оплата проезда осужденных производится, исходя из прямого беспересадочного сообщения, а при отсутствии беспересадочного сообщения - исходя из маршрута, предусматривающего наименьшее количество пересадок. В оплату проезда осужденных включаются комиссионный сбор за предварительное оформление билетов, расходы на пользование постельными принадлежностями, иные установленные на транспорте обязательные платежи и сборы.

При освобождении осужденного - иностранного гражданина и лица без гражданства, постоянно проживавшего за пределами территории Российской Федерации, для него приобретаются билеты до железнодорожной станции на территории Российской Федерации, ближайшей к государственной границе Российской Федерации с государством, гражданином которого он является (в котором постоянно проживал), либо, по его желанию - до железнодорожной станции, ближайшей к аэропорту, имеющему прямое воздушное сообщение с государством его гражданства или постоянного проживания.

За осужденными, освобождаемыми от ареста или лишения свободы, сохраняется право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами.

Самым «рецидивоопасным» периодом после освобождения от наказания считается первый год, когда освобожденным приходится решать множество задач по социальной адаптации и социальной реабилитации. Поэтому за ними устанавливается контроль для обеспечения их адаптации к условиям жизни на свободе и предотвращения рецидива. Статья 183 УИК РФ отсылает к Федеральному закону от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из

[551] Приказ Минюста России от 22.06.2017 № 111 «Об утверждении Порядка обеспечения осужденных, освобождаемых от принудительных работ, бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2017 № 47300) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения 06.07.2021).

мест лишения свободы»", Федеральному закону от 24.06.1999 N 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года предусматривает создание и развитие систем сбора и обработки данных и принятие решений на основе результатов применения искусственного интеллекта в части расположения учреждений уголовно-исполнительной системы, обеспечения безопасности (в том числе с использованием видеоаналитики и прогнозирования поведения осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы), контроля за лицами, в отношении которых применены меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, и контроля за поведением освобожденных[552].

Указом Президента РФ от 02.03.2021 № 119[553] задачи ФСИН РФ по контролю за лицами, освобожденными от наказания, были расширены путем включения к числу подконтрольных лиц наравне условно осужденными и лиц, условно-досрочно освобожденными от наказания.

Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 осуществление контроля и проведение профилактической работы в отношении освобожденных от наказания лиц возлагает участкового уполномоченного полиции. Основанием для проведения индивидуальной профилактической работы является информация об освобождении лица из мест лишения свободы. Участковый уполномоченный полиции посещает лиц, освобожденных из мест лишения свободы, по месту их жительства или пребывания не реже одного раза в месяц. Индивидуальная профилактическая работа с такими лицами проводится до погашения (снятия) судимости либо установления административного надзора.

Совместный Приказ Минюста России № 190, МВД России № 912 от 04.10.2012 (ред. от 20.01.2017)[554] возлагает на Уголовно-исполнительные инспекции (далее - УИИ) во взаимодействии с органами внутренних дел (ОВД), организацию мероприятий по контролю за исполнением осужден-

---

[552] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru (Дата обращения 05.08.2021).

[553] Указ Президента РФ от 02.03.2021 N 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, (Дата обращения 15.08.2021).

[554] Приказ Минюста России N 190, МВД России № 912 от 04.10.2012 (ред. от 20.01.2017) «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений».

ными установленных судом обязанностей и ограничений. Для этого они составляют и направляют в ОВД списки осужденных не реже одного раза в квартал; направляют запросы и требования в соответствующие подразделения территориальных органов МВД России на районном уровне для проверки по автоматизированным учетам ИЦ территориальных органов МВД России на региональном уровне наличия сведений о привлечении осужденных к административной или уголовной ответственности, а в отношении осужденных к обязательным работам - не реже одного раза в течение срока наказания; направляют руководителю ОВД информацию о постановке осужденного на учет, в которой содержатся сведения о возложенных на него обязанностях и (или) установленных судом ограничениях, а в отношении несовершеннолетнего осужденного - информацию о постановке его на учет с копией приговора (определения, постановления) суда.

В целях обеспечения исполнения приговора суда в отношении осужденного к наказанию в виде лишения права управления транспортными средствами на определенный срок в день постановки на учет направляют копию приговора суда или выписку из него и извещение в подразделение Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России. В день поступления копии постановления (определения) суда о замене осужденному неотбытого наказания другим видом наказания, продлении испытательного срока, возложении дополнительных обязанностей и ограничений на осужденных либо об отказе суда в удовлетворении представления УИИ о замене наказания информируют соответствующие подразделения ОВД. С целью обеспечения участия в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних УИИ ежемесячно направляют в ОВД списки несовершеннолетних осужденных;

В случае прибытия для постановки на учет осужденного, проживающего на обслуживаемой территории без регистрации по месту жительства или по месту пребывания (без постановки на учет по месту пребывания), немедленно информируют ОВД для принятия мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

При уклонении осужденного от контроля УИИ и принятии решения о проведении первоначальных мероприятий по установлению его места нахождения, получении информации о готовящихся, совершаемых либо совершенных преступлениях, а также об осужденных, скрывающихся от следствия, дознания и суда, немедленно направляют информацию в ОВД.

В свою очередь, ОВД рассматривают поступившую из УИИ информацию об осужденных; обеспечивают направление в УИИ информации о возбуждении органами предварительного следствия и дознания ОВД уго-

ловных дел в отношении осужденных; принимают участие в осуществлении контроля за поведением осужденных.

При совершении осужденным административного правонарушения или преступления, а также при выявлении фактов неисполнения возложенных обязанностей и установленных ограничений в течение 3-х рабочих дней после рассмотрения дела об административном правонарушении, возбуждения уголовного дела и рассмотрения рапорта руководством ОВД либо получения информации из другого ОВД или иного правоохранительного органа о привлечении осужденного к административной ответственности, возбуждении в отношении него уголовного дела направляют в УИИ информацию о данных фактах.

Взаимодействие УИИ и подразделений по делам несовершеннолетних ОВД в решении вопроса контроля предполагает: участие в контроле за несовершеннолетними осужденными в общественных местах, по месту их жительства, учебы или работы, проведение с ними профилактической работы с целью предупреждения нарушений общественного порядка. Не реже одного раза в полугодие представляют в УИИ справку о проведенной индивидуально-профилактической работе в отношении каждого осужденного. При выявлении состоящих на учете в УИИ несовершеннолетних осужденных, нуждающихся в оказании социальной и психологической помощи, помощи в социальной адаптации, трудоустройстве, при выявленных случаях совершения ими правонарушений или антиобщественных действий, нарушения ими установленных судом запретов и (или) ограничений, уклонения несовершеннолетних осужденных, признанных больными наркоманией, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания, от прохождения курса лечения от наркомании, а также от медицинской реабилитации либо социальной реабилитации или уклонения несовершеннолетних осужденных от исполнения возложенных на них судом обязанностей в течение 3-х рабочих дней после рассмотрения дела об административном правонарушении, возбуждения уголовного дела и рассмотрения рапорта руководством ОВД информируют УИИ (с приложением копий объяснений несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей). Принимают участие в подготовке материалов, направляемых УИИ в суд для решения вопроса о замене наказания, отмене условного осуждения или отсрочки отбывания наказания; по запросу УИИ представляют сведения, характеризующие поведение несовершеннолетнего осужденного по месту жительства, учебы или работы и др.

§ 10. Исправление осужденных как юридическая категория и ее социально-общественные признаки

Одной из целей уголовного наказания, закреплённой в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, является цель исправления осуждённых.

Нормативное определение исправления осуждённых даётся в ч. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ). Закрепление исправления осуждённых в законе относит его к юридической категории, которая используется для правовой оценки поведения осуждённых в период отбытия наказания и применения к ним определённых льгот, норм поощрения или дисциплинарного воздействия, некоторых видов освобождения от уголовного наказания или изменения условий отбывания наказания.

В науке под юридической категорией понимается: «развитая форма абстрактного мышления человека, предельно отражающая и обобщающая существенные свойства и связи явлений и процессов объективно существующей государственно-правовой организации общества в виде содержательных образов, используемых юридической наукой в качестве своего метода»[555]; «юридические категории носят формальный характер, где для признания того или иного явления юридическим необходимо, чтобы оно было таковым не только по содержанию, но и по форме»[556]; «юридическая категория решает задачу построения понятийной системы общей теории государства и права»[557].

Исправление осуждённых в науке уголовно-исполнительного права трактуется с разных позиций. А. М. Яковлев рассматривает исправление как «результат комплексного всестороннего воздействия на личность»[558]. И. В. Шмаров исправление понимал «не только как цель, но и как процесс, а также результат применения наказания и исправительного воздействия на осуждённых»[559]. Исправление осуждённого как «результат определённого воздействия на лицо, совершившее преступление, и как специфический воспитательный процесс, протекающий в условиях исполнения наказания и применения мер исправительного трудового воздействия»[560], определял

---

[555] Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: монография. М.: Проспект, 2016. – С. 42.

[556] Насыров Р. В. Человек как самоценность: к вопросу о формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993 г.: курс лекций. М.: Юрлитинформ. 2011. – С. 135.

[557] Ныркова В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 2003. – С. 9

[558] Яковлев А. М. Об эффективности исполнения наказания // Советское государство и право. – 1964. – № 1. – С. 101.

[559] Уголовно-исполнительное право России. М.: ИНФРА, 1997. – С. 386.

[560] Стручков Н. А. Уголовная ответственность и её реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1997. – С. 64

Н. А. Стручков. Как видно, правовому закреплению понятия «исправление осуждённых» предшествовало его научное формирование, которое отражает не только взаимосвязь содержания и формы, а также процесс и результат.

Исправление осуждённых в УИК РФ определяется как процессуальная форма деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание, направленная на достижение полной или частичной совокупности результатов. Такими результатами являются: уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития. Уголовно-исполнительный закон использует содержательные образы, такие как «человек», «общество», «труд», «правила», «традиции», которые устанавливают правовую канву определённых результатов поведения осуждённых, а также взаимосвязанные с ними социальные характеристики.

Исправление осуждённых является составным компонентом общего понятия исправления личности, что подразумевает её улучшение, необходимость корректировки чего-либо, освобождения от недостатков и т. д. Исправление же осуждённых отражает не только определённую группу людей, на которую оно направлено и обладающую социально-нормативными признаками, но и конкретизирует то, над чем необходимо с ними работать. Использование социальных категорий в правовом определении наделяет исправление осуждённых социально-общественными признаками.

Формирование уважительного отношения к человеку как представителю социума, охватывает несколько подходов: 1) к человеку как абстрактному представителю общества; 2) к потерпевшему как конкретному лицу, кому был причинён вред преступлением; 3) к представителям администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, как субъектам уголовно-исполнительных правоотношений; 4) к другим осуждённым как представителям коллектива, в котором находится лицо, отбывающее наказание. Указанный процесс формируют как социальные, так и правовые факторы. К социальным факторам относятся: умение взаимодействовать в коллективе; нравственные, моральные, этические качества личности и процесс её воспитания от детства до зрелого возраста; культурный уровень и образование; субкультура криминальной среды и т. д. К юридическим факторам необходимо отнести закреплённые в УИК РФ обязанности осуждённых (ст. 11, ч. 1 ст. 26, ч. 3 ст. 31, ст. 37, ст. 40 и другие), права осуждённых (ст. 12, ст. 13, ст. 14, 15 и другие), льготы (п. «в» ст. 60.13, ст. 96, ст. 97, ч. 4 ст. 104 и другие) и иные положения, определяющие поведение осуждённого в период отбытия наказания, а также порядок и условия его исполнения.

Уважительное отношение к обществу формируется посредством правового воспитания осуждённых. Закон – правовой регулятор жизни общества, государства, личности. Его несоблюдение со стороны любого индиви-

да – это пренебрежение и противопоставление своего поведения тем нормам и правилам, которые установлены в обществе. Корректировка правосознания осуждённого направлена на законопослушное поведение в будущем. Вместе с тем результат такой работы зависит от индивидуальной особенности личности осуждённого: воспитания, образования, условий и причин, способствовавших совершению преступления, уровня криминальной заражённости личности, социального окружения и т. д. Следовательно, правовой критерий исправления осуждённого неразрывно связан с социальными категориями, которые формируют личность.

При оценке поведения осуждённых как в науке уголовного и уголовно-исполнительного права, так и в правоприменительной практике используются такие категории, как «исправляемость», «исправленность», «исправимость». Исправляемость осуждённого связывается с готовностью осуждённого к законопослушному образу жизни, выраженной в «устранении аморальных, гипертрофированных и собственно криминальных потребностей»[561]. Одновременно обращается внимание на необходимость «расширения и обогащения сферы потребностей за счёт привития личностных ценностей и интересов, которые имеют социально одобряемое содержание. К ним относятся ценности семейной жизни, воспитания детей, заботы о родителях, здорового образа жизни, общения и работы с законопослушными людьми, ценности трудовой деятельности, ведения домашнего хозяйства, культурного досуга, саморазвития, духовного совершенствования, творчества и другие»[562].

Личность осуждённого является центральным элементом, на который обращено исправительное воздействие. Через личность преломляются все социально-правовые процессы, которые впоследствии проявляются в поведении человека как внешней форме её выражения. Заслуживает внимание мнение Д. В. Агильдина, который считает, что «уважительное отношение к обществу – это такая форма реализации направленности осуждённого в жизни, когда во взаимоотношениях с окружающим его обществом он не противопоставляет себя ему, не антагонизирует с ним, а сосуществует с ним как с самоорганизованной системой поведения и взаимоотношений людей друг с другом»[563].

Труд в исправлении осуждённых представлен в виде правовой и социальной категории. Как правовая категория – это: 1) возложение обязанно-

---

[561] Культура наказания или социокультурные аспекты пенитенциарной практики / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. Г. Багреевой. М.: РИОР, 2014. – С. 167.
[562] Там же.
[563] Агильдин Д. В. Понятие и содержание процесса исправления осуждённых // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. – С. 13–15.

сти привлечения к труду как обязательному элементу таких видов наказания, как обязательные, исправительные, принудительные работы; 2) обязанности изменения или прекращения трудовой деятельности, связанной с запретом занимать определённую должность или заниматься определённой деятельностью; 3) привлечение осуждённых к труду в период отбытия наказания в виде лишения свободы.

Как социальная категория – это: 1) осуществление творческой или досуговой трудовой деятельности в соответствии с увлечениями, потребностями осуждённого (кружковая деятельность, научная, творческая и т. д.); 2) труд как показатель саморазвития осуждённого (повышение профессиональной квалификации и т. д.).

«Правила» и «традиции» как категории исправления осуждённых могут рассматриваться как составляющие элементы культуры. Культура является категорией философской, исторической, социальной, правовой и т. д. Здесь важно учитывать факторы, которые оказывали влияние на формирование личности осуждённого, его понимания добра и зла, традиций, правил и культуры местности, где он рос, воспитывался и жил, его религиозные убеждения и т. д. Без учёта этих факторов исправительный процесс в отношении осуждённых невозможен, поскольку он не будет отражать необходимые потребности личности и, следовательно, буду ошибочно сформированы критерии его исправляемости.

К сожалению, ст. 9 УИК РФ не устанавливает критериев оценки исправления осуждённых. В правоприменительной практике такими критериями выступают отсутствие нарушений режима отбывания наказания, наличие поощрений и отсутствие дисциплинарных взысканий, жалоб в правоохранительные органы на осуждённых, отбывающих наказания без изоляции от общества, а также административных взысканий.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ используются следующие критерии оценки исправления осуждённых: «достаточные основания», «отношение к труду или учёбе», «всесторонний учёт данных о его поведении за весь период отбывания наказания», «вёл себя отрицательно»[564].

Результаты опроса сотрудников уголовно-исполнительной системы, выявили следующие критерии, которые используются в практике для оценки поведения осуждённого как степень его исправления: отсутствие нару-

[564] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // Российская газета. № 75. 29.04.2009; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. – 2011. – № 29.

шений режима отбывания наказания – 87 %; отсутствие мер взыскания – 72 %; наличие поощрений – 69 %; соблюдение трудовой дисциплины – 53 %; участие в воспитательных мероприятиях – 62 %; выполнение возложенных обязанностей – 48 %; проявление инициативы со стороны осуждённых на получение образования и трудоустройство – 23 %; восстановление и поддержание семейных отношений – 12 %. Дополнительно сотрудники уголовно-исполнительных инспекций указали критерий отсутствия заявлений в полицию о нарушении правил проживания по месту жительства, привлечение к административной ответственности – 63,1 %, по месту учёбы – 53,9 %, отсутствие жалоб на поведение осуждённых со стороны членов семьи – 15,8 %[565].

Проведённый анализ понятия «исправление осуждённых», закреплённого в ст. 9 УИК РФ, показал, что исправление осуждённых выступает не только как правовая категория, но его содержание включает в себя целый комплекс социально-общественных признаков, которые связывают его реализацию с социальными потребностями и запросами общества на социальную адаптацию и ресоциализацию осуждённых в период отбытия наказания и после их освобождения.

§ 11. Преступления против человечности и серьезные нарушения прав человека: проблемы взаимодействия

Преступления против человечества существуют очень давно. Но только семьдесят лет назад был впервые сформулирован международно-правовой запрет[566] и начали проясняться точные контуры данного преступления. При этом в большинстве стран мира рассматриваемый состав преступления в национальном уголовном законодательстве до сих пор отсутствует. Это подтвердило исследование, проведенное Институтом международного права Вашингтонского университета. Было установлено, что из 83 стран 34 приняли национальный закон о преступлениях против человечности. Причем во многих странах, которые сообщили, что у них принят такой закон, на самом деле его нет (чаще всего они имели в виду военные преступления, а не преступления против человечности). Так, из проанализированных стран около 40 % фактически имеют закон о преступлениях против человечности. Даже выборка стран-участниц Римского

[565] Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осуждённых: теория, законодательство, практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 29.

[566] Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 763–770.

статута[567], а это 58 стран из 83, показала, что в 28 из них действует национальный закон о преступлениях против человечности[568]. Отсутствует данная норма и в УК РФ[569].

Как указано выше, понятие «преступления против человечности» имеет давнюю историческую и правовую традицию. Его содержание сформировалось в ходе длительного историко-правового процесса, в основе которого лежит понимание необходимости и важности установления ответственности за наиболее серьезные нарушения прав человека, проявляющиеся в виде преступлений против человечности, но до сих международное сообщество в силу разных, в основном политических причин, его не кодифицировало.

Комиссия международного права ООН (далее – КМП) на протяжении многих лет пытается сформулировать понятие «преступление против человечности» и разграничить его с серьезными нарушениями прав человека. Так, в комментарии проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1984 г. указывалось, что основное различие между ними состоит в том, что в первом случае нарушаются основные права человека, тогда как в последнем преступления касаются «всего человечества». Строго говоря, нет никакой разницы в природе этих понятий, разница только в степени. Как только нарушения прав человека превышают определенную степень серьезности, они становятся неотличимы от «преступлений против человечности»[570].

В 1991 г. КМП заменила название статьи на «Систематические или массовые нарушения прав человека» (ст. 21). Но в 1996 г., вернувшись к прежнему понятию, объясняя содержание ст. 21, указала на наличие двух

---

[567] Ст. 7 Римского статута определяет «преступления против человечности» как «действия, когда они совершаются как часть широкомасштабного или систематического нападения, направленного против гражданского населения, с осознанием нападения». Типы действий, которые квалифицируются, включают убийство, преследование и пытки. Нет требования связи с вооруженным конфликтом или конфликта между двумя государствами; действительно, такие преступления могут совершаться только в пределах одного государства. См.: Римский статут Международного уголовного суда (Принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда) // СПС «КонсультантПлюс».

[568] Murphy T. Toward a Convention on Crimes against Humanity? La Revue des droits de l'homme. No. 7. 2015. URL: http://journals.openedition.org/revdh/1185 (Дата обращения: 24.08.2022 г.). DOI: https://doi.org/10.4000/revdh.1185.

[569] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

[570] Second report on the draft code of offences against the peace and security of mankind, by Mr. Doudou Thiam, Special Rapporteur/ Extract from the Yearbook of the International Law Commission: 1984. Document: vol. II (1). P. 94 URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_377.pdf (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

обязательных условий, необходимых для квалификации преступления. Первое – деяние должно иметь систематический характер, совершаться в рамках заранее разработанного плана или политики, реализация которых может привести к многократному или постоянному совершению бесчеловечных действий. Второе – масштабность деяния. Исключается квалификация единичного даже серьезного нарушения как преступления. При этом круг деяний, относящихся к преступлениям против человечности, по сравнению с предыдущими проектами расширен[571].

В 2008 году по инициативе Института международного права Вашингтонского университета специалисты вновь вернулись к работе над проектом конвенции о преступлениях против человечности. В 2010 году опубликован очередной текст проекта Конвенции о предотвращении преступлений против человечности и наказании за них, после чего развернулась дискуссия о возможности принятия данного документа. Большинство участников дискуссии пришли к выводу, что хотя Статут МУС значительно продвинул нормативную работу по определению преступлений против человечности, но он так и не восполнил правовой пробел в отношении их предотвращения и наказания. На данный момент кодифицировано лишь ограниченное количество преступлений против человечности, такие как, например, геноцид, насильственное исчезновение и пытки, но большинство составов преступлений, которые входят в понятие преступлений против человечности – нет. К ним относятся массовые убийства, предпринятые без намерения геноцида, депортация или принудительное перемещение вне вооруженного конфликта и др. Кроме того, поскольку данные деяния могут совершаться в мирное время, положения Гаагских конвенций о законах и обычаях войны на них не распространяются[572]. Внимание к данной проблеме особенно возросло после того, как КМП включила в 2013 г. «преступления против человечности» в свою долгосрочную программу. Постепенно поддержка этой идеи среди государств, а также среди НПО выросла, КМП получила рекордное количество замечаний на отдельные проекты статей, представленные на обсуждение в 2017 году (примерно 750), в том числе от 39 государств. В результате в августе 2019 г. на семьдесят первой сессии был представлен окончательный текст проектов статей и комментарии к ним, которые содержат значительно больший круг

[571] Report of the International Law Commission on the work of its forty-eighth session, 6 May - 26 July 1996, Official Records of the General Assembly, Fifty-first session, Supplement No.10 / Extract from the Yearbook of the International Law Commission: 1996 Document: vol. II (2). P. 47–48 URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/reports/a_51_10.pdf (Дата обращения: 18.08.2022 г.).

[572] Скуратова А. Ю. К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. – 2015. – № 3. – С. 58–78.

преступлений по сравнению с деяниями, указанными в ст. 7 Римского Статута. При этом комментарии вновь акцентируют внимание на необходимости разграничения единичного акта нарушения прав человека и преступлений против человечности[573]. Но из-за ограничений, вызванных пандемией COVID-19, Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН (форум для обсуждения юридических вопросов) в 2020 г. принял текст Резолюции «Преступления против человечности»[574], который представляет собой в основном техническое обновление резолюции 2019 года[575], и работа над проектом продолжается.

Понятие «серьезные нарушения прав человека» широко распространено и в международных документах, и в научной литературе. При этом обычно имеются в виду посягательства на права человека, обладающие повышенной степенью общественной опасности. Но, несмотря на его частое использование в международных и региональных правовых документах и в различных правовых системах, до сих пор не сформулирован единый термин «серьезное нарушение прав человека», а также отсутствует нормативно определенное содержание данного понятия. Анализ источников показывает, что они непоследовательны и используют взаимозаменяемые термины, такие как «грубый», «серьезный», «вопиющий», «массовый», «систематический» и т. п. Например, в Резолюции 1235 (XLII) ЭКОСОС «уполномочивает Комиссию по правам человека и Подкомиссию по предупреждению дискриминации и защите меньшинств в соответствии с положениями пункта 1 резолюции 8 (XXIII) Комиссии изучить информацию относительно грубых нарушений прав человека и основных свобод»[576]. Ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания также говорит о «грубых, вопиющих и массовых» нарушениях прав человека[577]. Венская декларация и Программа дей-

---

[573] Гуласарян А. С. Обзор работы Комиссии международного права ООН (2019-2020 гг.) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12 (76). – С. 111-122

[574] Report of the International Law Commission seventy-first session (29 April – 7 June and 8 July – 9 August 2019). A/74/10. United Nations, New York, 2019. – P. 11–13.

[575] Press-Release Seventy-Fifth Session, 45th meeting (PM) GA/12303 15 December 2020. “Adopting 29 Legal Texts, General Assembly Reaffirms Sixth Committee’s Vital Role in Progressive Development of International Law.” URL: https://press-un-org.translate.goog/en/2020/ga12303.doc.htm?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op,sc (Дата обращения: 24.08.2022 г.).

[576] Резолюция 1235 (XLII) Экономического и социального совета от 6 июня 1967 г. «Вопрос о нарушении прав человека и основных свобод, включая политику расовой дискриминации и сегрегации и апартеида во всех странах, особенно в колониальных и других зависимых странах и территориях» // Док. ООН E /RES /1235 (XLII) от 6.06.1967.

[577] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984) (с изм. от 08.09.1992) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. – С. 115-125.

ствий 1993 г. обращают внимание на «грубые и систематические нарушения прав человека»[578]. Ссылки на понятие серьезного нарушения можно найти в Факультативном протоколе к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., ст. 8 которого предлагает инициировать конфиденциальное расследование одним или несколькими его членами, если Комитет получил достоверную информацию о серьезных или систематических нарушениях прав, изложенных в Конвенции[579]. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам уполномочен рассматривать случаи серьезных или систематических нарушений любых экономических, социальных и культурных прав, изложенных в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах[580].

Международные и региональные судебные органы, желая подчеркнуть тяжесть действий, являющихся предметом рассмотрения судов, во многих своих решениях ссылаются на «серьезное нарушение прав человека»[581].

«Серьезные нарушения» могут совпадать по характеру и степени общественной опасности с нарушениями, которые в соответствии с международным уголовным правом влекут индивидуальную уголовную ответственность. Это могут быть в т. ч. преступления против человечности, предусмотренные ст. 7 Римского Статута, а также обычным правом. На них не распространяется срок давности согласно Конвенции «О неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества»[582]. Но существование различных правовых режимов затрудняет определение того, какой именно срок давности применим в каждом кон-

---

[578] Венская декларация и программа действий (Принята в г. Вене 25.06.1993 на 2-ой Всемирной конференции по правам человека) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996. – С. 521–540.

[579] Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Принят в г. Нью-Йорке 06.10.1999 Резолюцией 54/4 на 28-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 4. – С. 3–8.

[580] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – 1994.

[581] См., например: Постановление ЕСПЧ от 12.10.2017 «Дело Бурмыч и другие (Burmych and Others) против Украины» (жалоба № 46852/13 и другие) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание «Развитие правовых систем. Специальный выпуск. 2018, март. № 3 (15).

[582] Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (Заключена в г. Нью-Йорке 26.11.1968) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVI. М., 1973. С. 118–121; Европейская конвенция о неприменимости срока давности к преступлениям против человечества и военным преступлениям (заключена в г. Страсбурге 25.01.1974) // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. – С. 74-77.

кретном случае. Правда, на данный момент существует общее согласие, что в случае, если нарушения прав человека бесспорно серьезные, то вступают в силу другие правовые нормы, т. е. применительно к преступлениям речь идет о международном и национальном уголовном праве.

Однако если мы говорим о квалификации серьезных нарушений прав человека как преступлений, использование единой терминологии приобретает особое значение и для международного, и для национального уголовного права, поскольку одним из существенных условий правильной квалификации преступлений является единство используемой терминологии.

Учитывая классификацию прав человека, серьезно могут быть нарушены гражданские и политические права; социальные, экономические и культурные, индивидуальные и коллективные. Для международного уголовного права при квалификации деяний определяющим факторами являются не только серьёзность нарушаемых прав, но их систематичность. Именно поэтому особое значение приобретает не только оценка характера нарушенного права, но и масштаб его нарушения, а также тип жертвы (оценка условий уязвимости) и, наконец, наступившие последствия. Ориентиром оценки наиболее тяжких или серьезных нарушений являются Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.[583], Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания[584], Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений[585] и др.

Таким образом, основными критериями оценки тяжести «серьезного нарушения» прав человека являются: первый – характер нарушенного обязательства, которое вытекает из императивной нормы международного закона; второй – интенсивность или тяжесть нарушенного права. Иначе говоря, различия между «простыми» и «серьезными» нарушениями прав человека должны основываться как на характере, так и на масштабах нарушения, а само использование прилагательного «серьезный» уже указывает на очевидную тяжесть содеянного.

Наконец, говоря о систематических и серьезных нарушениях основных прав человека[586], следует иметь в виду, что они имеют статус норм jus

---

[583] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Заключена 21.12.1965) (с изм. от 15.01.1992) // Ведомости ВС СССР. 18 июня 1969 г. № 25. Ст. 219.

[584] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Заключена 10.12.1984) (с изм. от 08.09.1992) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. – С. 115-125.

[585] Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (Заключена в г. Нью-Йорке 20.12.2006) // СПС «КонсультантПлюс».

[586] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

cogens, являясь обязательными для государств, отдельных физических лиц и международных организаций, от них нельзя отступать ни при каких условиях и ни при каких обстоятельствах[587].

Уголовная ответственность за совершение отдельных деяний, входящих в понятие преступления против человечности, как указано выше, предусмотрена в уголовном законодательстве большинства стран. Например, в разделе XII УК РФ, хотя и отсутствует состав «Преступления против человечности», но в нем содержатся нормы с частичным описанием его объективной стороны (ч. 1 ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», ст. 357 «Геноцид»).

К уголовно-правовым последствиям совершения преступлений против человечности, а следовательно, серьезных нарушений прав человека, относятся также универсальная юрисдикция, неприменение сроков давности и амнистии, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены.

Исторически идея об универсальной юрисдикции восходит к трудам Г. Гроция[588], но после второй мировой войны она приобрела особое значение в связи с учреждением Международных военных трибуналов[589], принятием конвенций, а также норм общего права, которые содержат явные или подразумеваемые положения об универсальной юрисдикции[590], а также признанием общего принципа, согласно которому при определенных обстоятельствах, в том числе установлении фактов серьезных нарушений прав человека и преступлений против человечности, суверенитет государства может быть ограничен. Исследовательская группа международного права Вашингтонского университета попыталась выяснить, сколько стран признают универсальную юрисдикцию. В результате было установлено, что из 83 стран только 21 допускает универсальную юрисдикцию. Даже государ-

---

[587] Карташкин В. А., Пожидаева М. В. Пакты о правах человека и реформирование правозащитного механизма ООН // Юрист-международник. 2006. – № 3. – С. 2–19.

[588] Гроций Г. О праве войны и мира. Книга вторая. – Электронная библиотека «Гражданское общество России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn2.pdf (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

[589] Соглашение между Правительствами СССР, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Заключено в г. Лондоне 08.08.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. – С. 163–165.

[590] Женевские конвенции и протоколы к ним. URL: https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

ства-участники Римского статута в основном сосредоточены на преступлениях, совершенных в пределах их государств или их собственными гражданами, хотя с середины XX-го столетия международным сообществом накоплен значительный опыт ее применения.

В этой связи можно вспомнить наиболее известные дела, в частности дело А. Эйхмана, оберштурмбаннфюрера СС, одного из главных авторов и исполнителей нацистского плана «Окончательное решение еврейского вопроса», который был вывезен из Аргентины и осужден в Израиле (первом государстве, которое, не участвуя во второй мировой войне, применило универсальную юрисдикцию), а также Демьянюка, Пиночета и др.

В 2021 году возбуждено в рамках универсальной юрисдикции 125 международных уголовных дел, в том числе 34 обвинения в военных преступлениях, 66 – в преступлениях против человечности, 25 – в геноциде. По мнению Джулии Солдан, руководителя программы международных расследований и судебных разбирательств в TRIAL International, «универсальная юрисдикция продолжает набирать силу. 17 обвиняемых в настоящее время находятся под судом и 15 человек осуждены. Это делает возможным вклад многих государств в борьбу с безнаказанностью за международные преступления, и это становится еще более важным путем включения этих дел в список UJAR (Ежегодный обзор универсальной юрисдикции – пер. автора) 2022 г.»[591].

Следственный комитет РФ с 2014 года по настоящее время в связи с событиями в Донбассе и на Украине возбудил более 500 уголовных дел, их фигурантами являются 180 лиц, граждан Украины[592], обвиняемых в том числе в совершении деяний, которые подпадают под признаки преступлений против человечности.

Вторым не менее важным уголовно-правовым последствием является неприменение сроков давности к анализируемой группе преступлений. Следует отметить, что Российская Федерация, будучи участником большинства международных конвенций, устанавливающих ответственность за отдельные виды преступлений против человечности, вышеназванных конвенций, а также правопреемником конвенций, принятых СССР[593], поддер-

[591] Universal Jurisdiction Annual Review 2022: Universal jurisdiction, an overlooked tool to fight conflict-related sexual violence. URL: https://reliefweb.int/report/world/universal-jurisdiction-annual-review-2022-universal-jurisdiction-overlooked-tool-fight (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

[592] Интервью Председателя СК России информационному агентству «ТАСС». URL: https://spb.sledcom.ru/news/item/1667464/ (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

[593] СССР был одним из инициаторов принятия Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. См. об этом: Нюрнбергский процесс и современность. М.: Изд-во Института государства и права АН СССР, 1986. – С. 96.

живает отсутствие сроков давности применительно к этим преступлениям. Но в силу того, что в УК РФ отсутствует состав преступления «Преступления против человечности», это проводит к тому, что «в правоприменительной практике может возникнуть ситуация, когда лицо, совершая бесчеловечные деяния, составляющие преступления против человечности (которые в политическом плане признаются Российской Федерацией в качестве международного преступления), может быть освобождено от уголовной ответственности или от наказания, поскольку эти деяния будут квалифицироваться по нормам об общеуголовных преступлениях, в отношении которых сроки давности истекли»[594]. Таким образом, пока признать данную проблему в полной мере решенной нельзя.

Не менее важным, хотя и спорным, правовым последствием совершения преступлений против человечности является исключение их из сферы действия законов об амнистии. Известно, что многие государства согласно ст. 6 (5) Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 года «по прекращении военных действий … стремятся предоставить как можно более широкую амнистию лицам, участвовавшим в вооруженном конфликте, и лицам, лишенным свободы по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, независимо от того, были ли они интернированы или задержаны»[595]. В результате каждая страна, равно как и международные трибуналы, решают данный вопрос самостоятельно. В этой связи представляет интерес заявление, которое в 1999 году сделал представитель Генерального секретаря ООН в связи с подписанием Ломейского соглашения (мирное соглашение между сторонами в вооруженном конфликте в Сьерра-Леоне): «…для Организации Объединённых Наций амнистия не может служить прикрытием для международных преступлений геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и других серьезных нарушений гуманитарного права»[596].

Действительно, международные трибуналы, также как суды по правам человека в своих решениях неоднократно признавали, что неприменимость амнистий к преступлениям против человечности является либо нор-

---

[594] Лобач Д. В. К вопросу о перспективе криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 121.

[595] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) (Подписан в г. Женеве 08.06.1977) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. М., 1993. – С. 182–191.

[596] Седьмой доклад Генерального секретаря о миссии наблюдателей Организации объединенных Наций в Сьерра-Леоне 30 июля 1999 г. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/221/30/IMG/N9922130.pdf?OpenElement (Дата обращения: 22.08.2022 г.).

мой обычного международного права, либо правовым последствием, вытекающим из характера jus cogens запрета на преступления против человечности[597].

Таким образом, во-первых, чтобы серьезные нарушения прав человека квалифицировать как преступление против человечности, они должны быть «частью единой системы или серии систематических или повторяющихся деяний. Преступления против человечности можно распознать по характеру деяний, о которых идет речь, по масштабу их последствий, по тому, что было известно виновному (виновным) и по обстоятельствам их совершения»[598].

Во-вторых, не каждое серьезное нарушение прав человека, которые в определенных случаях представляют собой нормы jus cogens, автоматически становится международным преступлением, и тем более преступлением против человечности.

В-третьих, преступления против человечности не столько связаны с гуманитарным правом, сколько с правом прав человека. В наибольшей степени это отражает судебная практика МТБЮ, которая в обосновании предъявленных обвинений в совершении преступлений против человечности ссылалась на нарушения ст. 6 и 7 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 2 и 3 Европейской конвенции по правам человека[599].

Завершая, необходимо обратить внимание на то, что эффективное предотвращение преступлений против человечности может быть обеспечено только за счет выявления и быстрого реагирования на ситуации, связанные с риском нарушений основных прав человека, что в свою очередь необходимо для установления причин и движущих сил совершения преступлений против человечности. Конвенция о преступлениях против человечности должна стать шагом вперед на пути кодификации преступлений против человечности, имплементации их в национальное уголовное право, их предотвращения и наказания за них.

---

[597] Report of the International Law Commission seventy-first session (29 April – 7 June and 8 July – 9 August 2019). A/74/10. United Nations, New York, 2019. – P. 11–13.

[598] Справочная записка о применении положений об исключении: пункт F статьи 1 Конвенции о статусе беженцев. УВКБ ООН. URL: https://www.unhcr.org/ru/wp-content/uploads/sites_.pdf (Дата обращения: 19.08.2022 г.).

[599] Prosecutor v. Tihomir Blaskic (Appeal Judgement), IT-95-14-A, International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY), 29 July 2004. URL: https://www.refworld.org/cases,ICTY,4146f0eb4.html (Дата обращения: 19.08.2022 г.).

§ 12. Феномен допинга в спорте в контексте становления современной теории криминальной рискологии

Постановка проблемы. Впервые термин «допинг» в отношении спортсмена был применен на Международном конгрессе по спортивной медицине (Страсбург, 1965 г.). Под допингом понималось введение в организм человека любым путем вещества, чуждого этому организму, какой-либо физиологической субстанции в ненормальном количестве или какого-либо вещества неестественным путем для того, чтобы искусственно и нечестно повысить результат спортсмена во время выступления на соревнованиях[600].

На протяжении десятилетий предпринимаемые усилия в основном направлены на совершенствование организационных основ и правовых рамок в рассматриваемой сфере[601]. Первый список запрещенных веществ был составлен Международным олимпийским комитетом (далее – МОК) в 1967 г. с обязательным тестированием спортсменов на Олимпийских играх в 1968 г.

К концу 1990-х гг. стало ясно, что необходим более согласованный подход к борьбе с допингом. В 1999 г. по инициативе МОК проведена Первая Всемирная конференция по допингу и было учреждено Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА), основополагающей целью которого объявлена координационная деятельность по противодействию и борьбе с применением допинга в спорте[602].

В XXI столетии оформились правовые рамки борьбы с допингом с принятием в 2003 г. Всемирного антидопингового кодекса[603] и в 2005 г. – Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте[604]. В частности, в ст. 1 Кодекса ВАДА допинг определяется как совершение одного или нескольких нарушений антидопинговых правил, приводимых в ст. ст. 2.1 – 2.11 Кодекса ВАДА.

На национальном уровне функционирует Российское Антидопинговое Агентство «РУСАДА», руководствующееся в своей повседневной дея-

---

[600] Бражин Ю. Ю. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту допинга в России // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2018. – № 16 (16). – С. 62-63.

[601] Краснова К. А. Правовое регулирование антидопингового обеспечения спортивной подготовки в России // Задачи и перспективы развития физической культуры и спорта в современных условиях. Материалы IXX Всероссийской научно-практической конференции. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. – С. 258-261.

[602] Алексеев С.В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта. – М., 2012. – С. 503.

[603] Пересмотренный в пятый раз Всемирный антидопинговый кодекс вступил в силу с 1 января 2021 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.wada-ama.org/sites/default/files/resources/files/2021_vsemirnyy_antidopingovyy_kodeks.pdf (Дата обращения: 10.10.2022 г.). Далее – Кодекс ВАДА.

[604] Международная конвенция о борьбе с допингом в спорте. Принята в г. Париже 19.10.2005 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 24. Ст. 2835.

тельности нормами федеральных законов «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте»[605] и «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[606], а также подзаконными нормативными правовыми актами, среди которых выделим: Общероссийские антидопинговые правила[607], приказы Минспорта России от 15.11.2021 № 893[608] и 15.12.2021 № 977[609], приказ Минспорттуризма РФ от 13.05.2009 № 293[610].

В настоящее время проблема употребления допинга обостряется ситуацией трансформации системы спортивных соревнований, расширением спортивного календаря, популяризацией спорта, в том числе спорта высших достижений[611]. Как следствие, спортивная деятельность осуществляется в условиях повышенной физической и психической напряженности и высокой степени затрат ресурсов спортсмена[612].

Обзор литературы. Говоря о допинге как о глобальной социальной проблеме, следует подчеркнуть комплексный характер проблемных вопросов, поднимаемых специалистами, учеными и исследователями в разнообразных отраслях научного знания как в России, так и за рубежом. В частности, в научной литературе отмечается необходимость изучения феномена допинга в более широких аспектах – философском, культурном, политическом.

---

[605] Федеральный закон от 27.12.2006 № 240-ФЗ «О ратификации Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1. Ст. 3.

[606] Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (Дата обращения: 10.10.2022 г.).

[607] Общероссийские антидопинговые правила. Утв. Приказом Минспорта России от 24.06.2021 № 464 // СПС «КонсультантПлюс». ttp://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389373/ (Дата обращения: 10.10.2022 г.).

[608] Приказ Минспорта России от 15.11.2021 № 893 «Об утверждении перечней субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403753/ (Дата обращения: 10.10.2022 г.).

[609] Приказ Минспорта России от 15.12.2021 № 977 «Об утверждении методических рекомендаций по порядку информирования субъектов физической культуры и спорта о реализуемой антидопинговой политике, в том числе о последствиях нарушения антидопинговых правил» // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_404448/ (Дата обращения: 10.10.2022 г.).

[610] Приказ Минспорттуризма РФ от 13.05.2009 № 293 (ред. от 14.06.2011) «Об утверждении Порядка проведения допинг-контроля» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17.09.2009 № 14790) // СПС «КонсультантПлюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91798/ (Дата обращения: 10.10.2022 г.).

[611]Савченко Д. В., Фомин А. А. Психологические факторы употребления запрещенных продуктов и препаратов спортсменами разных видов спорта// Ученые записки. – 2017. – Т. 16. – № 6 (145). – С. 80.

[612] Там же.

В самом общем виде допинг рассматривается как недостаток, с которым следует бороться. Ключевой вопрос, который возникает в связи с этим, – как определить антропологическую норму в спортивной деятельности. С одной стороны, спортсмены, не использующие возможности для повышения резервов своего физического и психического потенциала, могут подвергаться дискриминации, стигматизации[613]. С другой стороны, выбирая установку на «чистый спорт», спортсмены лишаются гарантий «равенства» психофизиологических возможностей участников спортивных соревнований. Так, развитие современных биотехнологий, расширяющих границы человеческих способностей, можно представить как дихотомию: воздействие на организм человека с целью терапевтического характера vs появление и развитие новых форм допинга[614].

В результате неизбежно возникает справедливый вопрос о соотношении содержательного равенства спортсменов («равенства в должном»)[615] и пределов уголовной репрессии за использование запрещенных субстанций и (или методов)[616].

По мнению И. М. Клейменова, профессиональные спортсмены представляют собой «отдельную социальную страту с характеристиками, которые при определенных условиях обладают высоким криминогенным потенциалом»[617].

В свою очередь В. Е. Купченко относит употребление запрещенных препаратов в спорте к специфическому виду девиантного поведения[618].

Большинство исследователей отмечают преобладающую у спортсменов установку на достижение высших результатов и острую конкурентную борь-

---

[613] Белялетдинов Р. Р., Попова О. В. Биотехнологии, тело и спорт: где границы свободы? // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 4. – С. 56.

[614] Допинг как феномен искаженной самодетерминации молодых спортсменов: системный анализ, пути профилактики: монография. Под ред. О. В. Кариной, Н. Е. Шустовой, М. А. Киселевой, Г. Н. Малюченко, А. В. Тимушкина. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 148 с.; Михайлова И. В. Допинг и читинг в шахматном спорте // Теория и практика физической культуры. – 2017. – № 4. – С. 94-95.

[615] Луковская Д. И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 484-498.

[616] Жестеров П. В. Уголовная репрессия: критический анализ в условиях современности // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. Коллективная монография. Верховный Суд Российской Федерации; Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал. – СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. – С. 284-289.

[617] Клейменов И. М. Профессиональный спорт и криминологические риски // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 84.

[618] Купченко В. Е. Самоконтроль и девиантное поведение спортсменов // Сопровождение личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, в истории и современности. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Иркутского педагогического института. – Иркутск: Изд-во «Иркут», 2019. – С. 344.

бу. В частности, М.С. Ткачева утверждает, что спортивно-соревновательная деятельность отличается повышенной степенью рискогенности по сравнению с большинством других видов деятельности[619].

Рассматривая своеобразие спорта по сравнению с другими сферами человеческой деятельности, А. А. Воронин отмечает инверсию логики рискованного поведения, обусловленную тем, что риски в спорте появляются на начальном этапе деятельности по безопасному выявлению предельных возможностей человеческого организма, тем самым создавая потенциальный риск – ситуацию для употребления спортсменами запрещенных препаратов и методов[620].

В современных публикациях особое внимание акцентируется на противодействии применению допинга и поиске путей «уменьшения рисков допинговых скандалов, которые вредят не только самим спортсменам, принимающим вещества, но и федерациям, спонсорам, организаторам соревнований, а главное, болельщикам»[621].

Несмотря на то, что многие авторы отмечают рискогенность спортивно-соревновательной деятельности, полагаем, что в современной литературе уделено недостаточно пристальное внимание изучению допинга в спорте через призму теории криминальной рискологии, и настоящая публикация призвана восполнить данный пробел[622].

Психологические особенности рисков в спортивной деятельности. В наши дни происходит поиск современным социумом и его отдельными индивидами собственной идентичности и эффективности социальной организации[623]. Состояние человека в современном обществе – «обществе риска»[624] – можно охарактеризовать как состояние экзистенционального поиска пути подлинного бытия и дезориентированного в отношении своего пути[625].

---

[619] Ткачева М. С. Психологические особенности рисков в спортивной деятельности // Ученые записки. Сер. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 4. – № 2 (14). – С. 55.

[620] Воронин А. А. Спорт и риск // Риски биотехнологического улучшения человека: нейротехнологии и этика: сб. статей / под ред. Р. Р. Белялетдинова. – М.: Московский гуманитарный университет, 2019. – С. 125.

[621] Леонтьев Е. Д. Пути уменьшения рисков допинговых скандалов в России // От научных идей к стратегии бизнес-развития. сборник статей-презентаций научно-исследовательских работ студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых – участников Международной Межвузовской Студенческой конференции. – М., 2018. – С. 322-330.

[622] См., например: Савичев А. А. Допинговая преступность в фокусе спортивной виктимологии // Виктимология. – 2019. – № 4 (22). – С. 48-55; Савичев А. А. Криминологический анализ противодействия допинговой преступности // Виктимология. – 2020. – № 1 (23). – С. 47-57.

[623] Мулляр Л. А. Социально-философские смыслы образа-концепта «успех»: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Пятигорск, 2012. – С. 3.

[624] Термин по: Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: Sage, 1992. – P. 97-106.

[625] Цветухина Е. А. Феномен амбивалентности в бытии человека: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Омск, 2014. – С. 3.

Риск представляет собой универсальную научную категорию социально-значимого поведения человека и обозначает способ деятельности человека. В современном обществе в ситуации неопределенности, специфических формах поведения и мышления, глобальных проблем и необходимости поиска новых способов их разрешения, риск рассматривается как способ измерения и расчета действий, основанных на ожиданиях, доверии, страхах, мнениях и т.п.[626].

В широком смысле риск понимается как *рискованное поведение***,** осуществляемое в условиях выбора субъектом определенного варианта преобразующего действительность поступка, способного повлечь негативные последствия [627].

В зависимости от формы снятия напряженности и степени вынужденности В. В. Бабурин выделяет риск в форме эксперимента и экстремального экспромта. В первом варианте решение принимается после предварительной подготовки, осуществляется постоянный контроль создания опасных условий («риск-контроль»). Во втором случае решение принимается субъектом без предварительной подготовки, непосредственно в момент осуществления какой-либо деятельности («риск-экспромт»)[628].

Данный режим неопределенности, выбора, сопряженного с риском, вполне может быть применим и к спортсменам на этапе становления типа модуса бытия в процессе преодоления переходного (лиминального) периода и выбора личностного конструкта поведения спортсмена:

– *рационального (конструктивного)*, исключающего употребление запрещенных в спорте субстанций и методов («чистый спорт»);

– *иррационального (деструктивного),* предполагающего использование допинга в различные периоды и на различных этапах спортивной подготовки[629].

Виды допинга в спорте. Как отмечается в специальной литературе, профессиональные спортсмены в настоящее время злоупотребляют новыми, более мощными и незаметными допинговыми методами и веществами, создаются сложные сети их распространения[630].

---

[626] Антонова Л. Н. Проблемное поле современной рискологии // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – № 1. – С. 84-88.

[627] Бабурин В. В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Омск, 2009. – С. 3, 13, 15.

[628] Бабурин В. В. Указ. соч. – С. 16.

[629] Сапогова Е.Е. Экзистенциальная психология взрослости. – М.: Смысл, 2013. – С. 100.

[630] Geldibaev M.Kh., Dikaev S.U., Krasnova K.A., Filatova N.Yu., Tsvetkov P.V. Defining corruption and fraud in professional sport // SHS Web Conf. – 2021. – № 108. – 02008. – С. 213-216. DOI: 10.1051/shsconf/202110802008.

Появлению новых видов допинга способствует и развитие новых видов спорта[631]. К примеру, в киберспорте используется электронный допинг (эдопинг), который позволяет достичь более высоких результатов соревнований путем внесения изменений в программное обеспечение, настройки клавиатуры и т.п.[632]

В более традиционных видах спорта также отмечается появление новых технологий (методов), направленных на повышение результативности соревновательной деятельности спортсменов. Так, в шахматном спорте отмечено появление так называемого «читинга», используемого в целях получения преимущества запрещенными методами в соревновательный и вне соревновательный периоды. Основой данного метода составляет подключение к шахматному программному обеспечению, гарантирующее успех в партии против соперника любого уровня подготовленности (технодопинг)[633].

Классификации запрещенных субстанций и (или) методов в спорте по различным основаниям можно представить следующим образом.

1. По составу (структуре):

– д*опинг-средства* (стимуляторы, наркотики (наркотические анальгетики), анаболические стероиды и другие гормональные анаболизирующие средства, бета-блокаторы, диуретики);

– *допинг-методы* (кровяной допинг, фармакологические, химические и механические манипуляции с биологическими жидкостями);

– *фармакологические средства ограниченного использования* (алкоголь, алкоголесодержащие препараты и напитки, местные анестетики, кортикостероиды);

– *модифицированный спортивный инвентарь* (дополнительные механические приспособления, усложненная конструкция и пр.*);*

– *нераспознаваемые биомедицинские технологии;*

– *бионические протезные устройства*.

2. По степени распространенности использования на практике:

– *«традиционные»* средства;

– «*нетипичные»* лекарственные формы и методы введения препаратов;

– *новейшие виды допинга* (эдопинг, читинг);

– «*маскирующие агенты*»;

---

631 Краснова К.А. Киберспорт и преступность // Научный портал МВД России. – 2021. – № 4 (56). – С. 30-33.

632 Рахманова Е.Н., Краснова К.А. Преступность в сфере киберспорта: уголовно-правовые аспекты // Российское правосудие. – 2021. – № 10. – С. 94.

633 Михайлова И.В. Допинг и читинг в шахматном спорте // Теория и практика физической культуры. – 2017. – № 4. – С. 94-95.

– *лекарственные препараты, разрешенные для терапевтического использования (ТИ*);

– *гендерный* допинг[634];

– *технологии невидимого конструирования тела человека*[635].

3. По характеру желаемого достигаемого эффекта и предпочитаемого периода воздействия:

– применяемые для *кратковременной стимуляции* работоспособности спортсмена в *соревновательный период;*

– применяемые для *долгосрочного воздействия* в *тренировочный период* в целях *адаптации спортсмена к повышенным физическим нагрузкам.*

4. По времени действия запрета на употребление (использование) препарата (субстанции):

– запрещенные в *соревновательный период*;

– запрещенные во *внесоревновательный период*;

– запрещенные как в *соревновательный период*, так и во *внесоревновательный период*.

5. По действию запрета на употребление (использование) препарата (субстанции) в зависимости от вида спорта:

– запрещенные в *конкретных видах спорта;*

– запрещенные во *всех видах спорта*.

6. По источнику попадания в организм спортсмена:

– используемые *спортсменом самостоятельно*;

– используемые в результате *преднамеренного воздействия третьих лиц* – физическое, психическое принуждение, обман, введение в заблуждение, суггестия (гипноз, НЛП) («риск-непредотвратимость»);

– используемые вследствие употребления *«загрязненного продукта»* (БАДы, спортивное питание) (потенциальный риск «риск-небрежность»).

7. По субъекту использования:

– *спортсмены*;

– *животные, участвующие в соревнованиях* (например, конный спорт).

8. В зависимости от формы снятия напряженности и степени вынужденности использования допинга:

---

[634]Подробно о проблеме участия в соревнованиях спортсменов с расстройством гендерной идентичности см.: Штуккерт А. Л. Отнесение гендера к одному из видов допинга // Итоговая научно-практическая конференция Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург, 19-28 февраля 2019). – СПб, 2019. – С. 142-144.

[635] Приводится по: Белялетдинов Р. Р., Попова О. В. Биотехнологии, тело и спорт: где границы свободы? // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 4. – С. 53.

– применяемые спортсменами обдуманно, *после предварительной подготовки*, при *постоянном контроле* за созданием опасных условий («риск-контроль»);

– применяемые спортсменами *без предварительной подготовки***,** *непосредственно в момент проведения спортивного соревнования* («риск-экспромт»);

– применяемые спортсменами как необходимые *технологические средства реабилитации, профилактики болезней и травматизма спортсменов,* в том числе для спортсменов с ограниченными возможностями здоровья, к примеру, *бионические* протезы («риск-необходимость».)

Исследовав все многообразие допинга и способов его использования спортсменами далее целесообразно соотнести виды риска, возникающие вследствие использования спортсменом допинга, и характер самоконтроля конкретного спортсмена при использовании допинга в спортивно-соревновательной деятельности (см. табл. 1)[636].

Таблица 1. Виды риска и характер самоконтроля спортсмена при использовании запрещенных субстанций и (или) методов в спорте

Виды риска/ вероятность факторов риска	**Способы выражения факторов риска**	**Самоконтроль спортсмена (да/нет)**
***«риск-контроль»*/ очень высокая**	систематическое употребление допинга на всех этапах спортивно-соревновательной деятельности	присутствует и, как правило, носит непрерывный, постоянный характер
***«риск-экспромт»*/ высокая**	единичное употребление допинга непосредственно в соревновательный период	присутствует и, как правило, носит эпизодический характер
***«риск-небрежность» (потенциальный риск)*/ средняя** («баланс вероятностей»)	употребление «загрязненного» продукта	отсутствует либо носит нерегулярный характер
***«риск-необходимость»*/ малая**	средства реабилитации и профилактики болезней и травматизма спортсменов, бионические, наличие разрешения на терапевтическое использование	Присутствует как правило, носит ситуационный характер
***«риск-непредотвратимость»*/ незначительная**	физическое, психическое принуждение, обман, введение в заблуждение, суггестия	отсутствует

[636] Таблица составлена авторами.

Как видно из таблицы, вероятность возникновения факторов риска варьируется от очень высокой до незначительной, и коррелирует с характером самоконтроля конкретного спортсмена, использующего допинг.

В этой связи возникает закономерный вопрос о справедливости привлечения к уголовной ответственности спортсмена за использование допинга, ведь как мы выяснили выше, весьма вероятны ситуации, когда использование запрещенных субстанций или методов происходит не по вине спортсмена. Тогда привлекать его к уголовной ответственности по ст. ст. 230^1 и 230^2 УК РФ не совсем справедливо по сравнению, к примеру, с водителями, которым за употребление алкогольных напитков, наркотических или психотропных веществ после ДТП, грозит лишь административная ответственность (ст. 12.27 КоАП РФ)[637].

Возможна и обратная ситуация, когда спортсмен самостоятельно использует запрещенные вещества со скрытым мотивом (например, для получения призовых). Так, американский велогонщик Лэнс Армстронг, завоевавший призовые места, заработал более $ 10 млн. Позднее выяснилось, что ради всех своих побед на Тур де Франс он использовал наркотики и методы, которые были запрещены в спорте. В результате гонщик был дисквалифицирован и обязан вернуть все награды и призовые[638].

Уголовная репрессия и допинг. Рассматривая использование допинга через призму уголовной репрессии, следует отметить, что в настоящее время вне поля правового регулирования остается множество вопросов, связанных с привлечением к уголовной ответственности за распространение запрещенных субстанций и методов[639], пределов криминализации употребления допинга спортсменами – участниками спортивных соревнований международного

---

[637] Об этом подробнее см.: Кобец П. Н., Краснова К. А. Компромисс в системе предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Сборник материалов Международной научно-практической видеоконференции. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2020. – С. 176-181; Кобец П. Н., Краснова К. А. Реакция государства на незаконный оборот наркотиков: уголовная репрессия и профилактика // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности. Сборник материалов круглого стола. Редакторы В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин. – Тольятти: Институт права Тольяттинского государственного университета, 2020. – С. 164-168.

[638] Берестовой А. Н., Цветков П. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 77.

[639] Цветков П. В., Гаврилова-Петрова Л. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности, предусмотренной статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, – № 4. – С. 302-311.

уровня[640], законодательной конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 230^1 и 230^2 УК РФ [641]. Так, в целях совершенствования норм уголовного законодательства К. И. Хиневич предлагает криминализировать умышленное употребление допинга спортсменом[642].

В свою очередь Е. Ю. Коваленко, Н. В. Тыдыкова считают целесообразным внести изменения в примечание к ст. 230^1 УК РФ в части, касающейся конкретизации понятия «субстанции и (или) методы, запрещенные для использования в спорте». По их мнению, целесообразно также предусмотреть в качестве специальных субъектов в квалифицированном составе преступления, предусмотренного ст. 230^3 УК РФ «иных лиц» (спортивный психолог, медицинский работник), путем внесения изменений в санкции ч. 3 ст. 230^1 и ч. 2 ст. 230^2 УК РФ , с отнесением указанных преступлением к категории тяжких[643].

В научной литературе встречаются предложения о криминализации потребления являющихся допингом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ спортсменами – участниками международных спортивных соревнований[644].

Противоположной точки зрения придерживаются И. А. Суслопаров, А. С. Кучева, рассматривающие склонение спортсмена к использованию допинга как форму психологического насилия, наделяя тем самым спортсмена статусом потерпевшего[645].

Введение в уголовный закон составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, повлекло за собой зарождение в отечественной литературе активной дискуссии относительно уголовно-правовой оценки действий субъектов указанных преступлений, характере совершаемых ими противоправных деяний, а также правовом статусе самого спортсмена, который может выступать и в качестве потерпевшего от преступления, и в качестве специального субъекта преступления.

---

[640] Цветков П. В. Преступления в сфере спорта: некоторые проблемы квалификации // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. 2019. – СПб: Астерион, 2019. – С. 292-297.

[641] Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. О понятии «допинг» и уголовной ответственности за его применение // Юрислингвистика. – 2022. – № 24. – С. 15-20. DOI: https://doi.org/10.14258/ leglin(2022)2403 .

[642] Хиневич К. И. Спортсмен – жертва или соучастник нарушения антидопингового законодательства? // Академическая мысль. – 2019. – № 4 (9). – С. 33.

[643] Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. Указ. соч. – С. 17-18.

[644] Федоров А. В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с допингом // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № – 3. – С. 41.

[645] Суслопаров И. А. Психологическое и физиологическое воздействие на спортсмена в рамках статей 230.1 и 230.2 УК РФ / И. А. Суслопаров, А. С. Кучева / Новый юридический вестник. – 2020. – № 5 (19). – С. 23.

Отсутствует в научной литературе и единая позиция относительно целесообразности привлечения самого спортсмена к административной ответственности за употребление запрещенных субстанций и методов.

Рискологический подход к допингу. В связи с этим употребление (использование) запрещенных в спорте субстанций и методов в данной работе мы попытаемся рассмотреть как виктимологические и криминологические риски в системе детерминант преступности в сфере спорта[646].

М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин подчеркивают необходимость рассмотрения совокупности криминогенных рисков как относительно самостоятельного объекта совокупного криминологического и рискологического воздействия[647].

Борьба с употреблением запрещенных в спорте субстанций и методов включает в себя комплекс тесно взаимосвязанных между собой аспектов противодействия: правовых, юридических, политических, социально-психологических и пр.

При этом специфика и вектор указанных аспектов постоянно видоизменяются в связи с появлением новых подходов в современной теории противодействия преступности в сфере спорта, связанной с использованием запрещенных субстанций и (или) методов.

Анализ национальных нормативных правовых актов, международных правовых актов, научных трудов отечественных и зарубежных авторов показал отсутствие единого подхода в определении понятия, видов допинга, основных мотивов его употребления; психологические особенности личности спортсменов, употребляющих допинг; широты потенциала негативного воздействия допинга на организм спортсмен и пр.

В процессе разработки авторской *атрибутивной модели формирования мотивации спортсмена* к применению (использованию) запрещенных в спорте субстанций и методов (допинг)[648] мы пришли к заключению, что отношение спортсменов к допингу тесно связаны с их личностными особенностями – типом локуса контроля, уровнем самооценки спортсмена, ведущих мотивов спортивной деятельности, принципом самодетерминации в совокупности с методами и средствами воздей-

---

[646] В настоящем исследовании в рамках преступности в сфере спорта анализируется преступность спортсменов, связанная с их непосредственной спортивной деятельностью, с целью добиться желаемого результата путем искусственного повышения собственных возможностей.

[647] Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // Вестник СПбГУ. – 2019. – Т.10, Вып. 1. – С. 138. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110.

[648]Подробнее см.: Смыслова В. Н., Краснова К. А. Запрещенные в спорте субстанции и методы: мотивы использования и виктимологические риски // Виктимология. – 2022. – Т.9, – № 3. – С. 307. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19306.

ствия тренера на личность спортсмена и направленности стратегии спортивной подготовки (см. табл. 2)[649].

Таблица 2. Взаимосвязь направленности стратегии спортивной подготовки и вида поведенческого конструкта спортсмена

Показатели	**Саморазвитие, совершенствование спортивного мастерства**	**Достижение наивысшего спортивного результата**
Установка	«Чистый спорт!»	«Победа любой ценой!»
Восприятие тренера спортсменом	«Учитель», «соратник», «наставник»	«Маг», «волшебник»
Ожидаемые результаты	Самосовершенствование, совершенствование спортивного мастерства	Материальные блага, признание, статус «героя»
«Цена» победы	«Честная победа»	«Легкая победа», «Чудо»
Тип локуса контроля[650]	Интернальный	Экстернальный
Уровень самооценки спортсмена	Адекватная	Заниженная/Завышенная
Ведущий мотив	«Достижение успеха»	«Избегание неудач»
Образ (концепт) «Я-спортсмен»	Находится в процессе построения (установка на самоактуализацию[651]	Недостаточно четко сформирован (установка «размыта» либо отсутствует)
Принцип самодетерминации[652] спортсмена	Контроль над своим поведением, выбор цели и способа ее достижения, осознанность принимаемых решений (гармоничная страсть к спорту)	Недостаточный контроль над своим поведением, выбора цели и способа ее достижения, осознанности принимаемых решений (обсессивная[653] страсть к спорту)

[649] Таблица составлена авторами.

[650]Локус контроля – склонность человека возлагать ответственность за собственную деятельность на внешние (экстернальный локус контроля) или внутренние (интернальный локус контроля) факторы.

[651]Самоактуализация – абсолютное раскрытие индивидом личностного потенциала, склонностей и задатков.

[652] Самодетерминация – умение личности определять собственный поведенческий паттерн (собственные цели, способы и пути их достижения).

[653] Обсессия («охватывание») – периодически возникающие навязчивые состояния, когда человеком овладевают идеи, мысли, представления, не дающие покоя. В спорте находит выражение через лояльное отношение к употреблению допинга.

Важным моментом здесь также выступает особенность взаимоотношений в системе взаимодействия «Тренер – Спортсмен», в зависимости от специфики которого формируется характер поведенческого конструкта спортсмена – конструктивный, либо деструктивный.

В данном аспекте важна роль (образ) тренера в процессе склонения спортсменов к употреблению допинга, которая выражается в образе-концепте «волшебный покровитель», «тренер-маг»[654], основной функцией которого является снабжение «волшебным средством» для получения «чудотворного результата»[655]. Во втором варианте тренер предстается как «учитель», «наставник», направляющий спортсмена на путь саморазвития и повышения спортивного мастерства[656] .

Среди основных мотивов употребления допинг-препаратов и применения запрещенных в спорте методов, в научной литературе указывают: *гедонистический мотив*, при котором употребляемые препараты выполняют функцию восстановления организма после физических и психических нагрузок; *мотив «новизны»*, при котором происходит получение новых ощущений от повышенных физических возможностей организма [657].

Канадские ученые пришли к интересным выводам о том, что наибольшую лояльность к допингу проявляют спортсмены с выраженными проявлениями обсессивной страсти к своему виду спорта, которая выступает значимым предиктором употребления допинга[658].

Данные выводы нашли подтверждение в исследовании Л. Е. Медведевой, А. И. Грушко, Н. В. Грушко о том, что развитый компонент вовлеченности у спортсменов может выступать важным фактором в формировании ориентации на легальные и естественные способы регуляции психических состояний, стимуляции организма[659].

---

[654] Шемет Ж. К., Мельник Е. В. Особенности взаимодействия спортивного психолога с тренером в процессе изучения его личности и деятельности // Спортивный психолог. – 2007. – № 5. – С. 53.

[655] Мулляр Л. А. Социально-философские смыслы образа-концепта «успех»: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Пятигорск, 2012. – С. 28.

[656] Рогалева Л. Н. Влияние спорта и установок тренера на личность юного спортсмена: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1999. – С. 77.

[657] Филимонова С. И., Смирнов В. М., Уварова Н. Н., Христенко Е. А., Пуховская М. Н. Психологические мотивы употребления допинга молодыми спортсменами // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 9. – С. 35.

[658]Психологи научились находить склонных к допингу спортсменов [Электронный ресурс]. URL: https://nplus1.ru/news/2016/02/05/dope-passion (Дата обращения: 10.10.2022 г.).

[659] Медведева Л. Е., Грушко А. И., Грушко Н. В. Психологические аспекты употребления допинга в спорте // Омский научный вестник. Серия: Психологические науки. – 2014. – № 4 (131). – С. 101-104.

Выводы. Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что риск представляет собой универсальную категорию социально-значимого поведения человека, является способом деятельности человека, что вполне применимо и к спортивной деятельности.

В современном мире спортивная деятельность предъявляет повышенные требования к психологическому состоянию спортсменов (уровень жизнестойкости, уровень субъективного контроля и пр.), умению управлять им на разных этапах спортивной подготовки, тем самым использовать свои физические показатели на максимальном уровне. Однако исключительно превосходные физические данные и интенсивная подготовка не всегда позволяют достичь высоких спортивных результатов, поэтому и возникает потребность в допинге.

Психологические аспекты употребления запрещенных субстанций и (или) методов в спорте с можно охарактеризовать как состояние неопределенности, выбора, сопряженного с риском.

Отношение спортсменов к допингу тесно связаны с их личностными особенностями - типом локуса контроля, уровнем самооценки спортсмена, ведущих мотивов спортивной деятельности, принципом самодетерминации в совокупности с методами и средствами воздействия тренера на личность спортсмена и направленности стратегии спортивной подготовки.

Употребление (использование) запрещенных в спорте субстанций и методов в данной работе были рассмотрены как виктимологические и криминологические риски в системе детерминант преступности в сфере спорта.

Установлено соответствие видов риска («риск-контроль», «риск-экспромт», «риск-небрежность», «риск-необходимость», «риск-непредотвратимость») характеру самоконтроля спортсмена при употреблении допинга.

Главным условием виктимизации спортсменов, в особенности начинающих, выступает особый характер их межличностной коммуникации с тренерами. Характерные черты, ей присущие, следует учитывать при разработке профилактических мер, в особенности, просветительских и воспитательных мероприятий.

В целом концептуальные основы профилактики незаконного использования допинга в сфере спорта, должны обязательно включать:

– проведение комплексных исследований, направленных на изучение социально-психологических, педагогических, криминологических и виктимологических аспектов употребления допинга;

– совершенствование уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за деяния, связанные с использованием допинга в спорте, в частности, разрешение вопросов о пределах уголовной репрессии и уголов-

но-правовом статусе спортсменов в контексте использования ими запрещенных в спорте субстанций и (или) методов.

Авторскую классификацию запрещенных субстанций и (или) методов в спортивно-соревновательной деятельности целесообразно учитывать для оценки рисков использования тех или иных видов допинга с учетом специфики отдельных видов спорта и психологических особенностей лиц, участвующих в спортивных соревнованиях.

Учет факторов риска, способствующих использованию спортсменами запрещенных в спорте субстанций и (или) методов, позволит таргетировать антидопинговую пропаганду, а также разработать комплекс эффективных мер, направленных на снижение использования спортсменами допинга.

§ 13. Проблемы конфликта интересов в правосудии

Современная общественно-политическая жизнь Казахстана обусловлена кардинальными изменениями в отечественной правовой жизни, которые являются конкретизацией серьезных социальных сдвигов в жизни страны. Эти сдвиги существенно влияют на правовую сферу социальной жизни, значимыми составляющими которой являются судебная власть и правосудие. Поэтому дальнейшее развитие государственности связано с вопросами эффективной судебной власти и справедливого правосудия.

Подтверждением актуальности темы исследования также является и то, что в государственно-правовой сфере РК сегодня имеют место серьезные реформы, в частности, ликвидация и создание новых правовых институтов, структурные трансформации, что вполне логично приводит к усилению социальной напряженности и возникновения конфликтных ситуаций и конфликтов в правовом пространстве. Исследование проблем конфликта интересов в правосудии является своевременным в силу избранного Казахстаном пути к развитию демократических основ общества, формирования полноценного гражданского общества и обеспечение верховенства права и надлежащего функционирования системы сдержек и противовесов, тесно коррелирующийся с правом на справедливый суд, а также преодоление негативных последствий конфликта интересов в правосудии.

Сложность, новизна и неоднозначность масштабных процессов, которые происходят сегодня в правовой сфере, требуют новых направлений в исследовании правовой реальности и правового пространства. Одним из таких направлений является исследование сути и закономерностей развития конфликтов в правовой сфере, разновидностью которых является конфликт интересов в правосудии. Сложность исследования конфликта интересов в правосудии обусловлена рядом факторов: во-первых, правосудие в совре-

менных реалиях является сугубо светской сферой деятельности, что делает ее антропологически детерминированной; во-вторых, в системе современных политико-правовых координат отечественного правового пространства правосудие тесно связано с судейской деятельностью; в-третьих, судейская деятельность законодательно определена как вид публичной службы.

Чтобы раскрыть суть влияния конфликта интересов на изучаемый круг отношений, следует обратиться к дефиниции категории правосудия и более подробно его рассмотреть. Для нашего исследования определение содержания правосудия имеет одно из приоритетных значений, так как без его понимания невозможно установить рамки не только предмета и объекта исследования, но определить праксеологические особенности конфликта интересов в исследуемой сфере. Развитие общества и прогрессивная смена его краеугольных камней в некоторой степени обусловили изменение подходов к осознанию сущности правосудия. В настоящее время невозможно обеспечить ожидаемый уровень нравственности в поведении как сторон, так и судей, а пробелы и противоречивость законодательства, в том числе по обеспечению гарантий независимости судей, указывают на обусловленный ряд ситуаций конфликта интересов. Поэтому артикулированная тема конфликта интересов в первую очередь требует понимания и определения границ правосудия, не только его идеального определения, но и сущего, то есть реального процесса морально-правового урегулирования отношений между сторонами, и такое знание должно быть вынесено на качественно новый уровень.

Обратимся к современным научным исследованиям ученых. Как отмечает Г. Власова, при определении правосудия следует обратить внимание, что это «обобщенный образ» любого рассмотрения дела органом судебной власти в пределах своей компетенции. Правосудие как юридическая категория включает систему политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий, реализуемых в процессуальных формах деятельности его субъектов по расследованию преступлений, решению конституционных, гражданских, административных и уголовных дел, 88 исполнение наказания в целях достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью, ее ограничения, нейтрализации[660]. Кожуганова Д. З. рассматривает правосудие через категорию справедливости. Автор отмечает, что понятие «справедливое судопроизводство» в современном понимании имеет два аспекта: материальная справедливость, заключающаяся в том, что каждое судебное решение должно быть справедливым по существу, и процедурная справедливость, предусматри-

[660] Власова Г. Б., Поликарпова Н. А. Понятие правосудия как философской и юридической категории. Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 897-900.

вающая рассмотрение дела в соответствии с определенными судебными процедурами. Автор делает вывод, что только благодаря правосудию как справедливому судопроизводству можно претворить в правовую реальность справедливость как идею права[661]. Схожих взглядов придерживается и П. Халлберг, утверждая, что правосудие неотъемлемо связано с утверждением права, призванное определить не просто деятельность суда, но и деятельность «правового суда», сочетая признаки, указывающие на необходимый уровень судебной деятельности: справедливость, эффективность, своевременность, доступность и другие черты, связываемые обществом с представлениями об идеальном суде[662].

Интересен подход С. Ф. Ударцева, который, освещая вопросы философии правосудия, приходит к выводу, что в научно-теоретическом плане философия правосудия должна состоять из двух частей, общей и особой. Если первая часть должна отвечать за понятие, объект, предмет, методы и другие вводные общеметодологические аспекты судебной деятельности, то особая – исследовать непосредственно правосудие в его динамическом измерении, то есть рассматривать судебный процесс как деятельность в движении[663].

Однако можно ли поставить знак равенства между категориями «судебный процесс» и «правосудие». Считается, что это неоправданное сужение сущности этой категории, поэтому возникает объективный вопрос относительно сопоставления категорий «правосудия» и «судопроизводство». Как отмечают ученые, кроме исключительности судебной власти в правосудии должна воплощаться и полнота судебной власти, то есть его неотъемлемое качество правосудие. Она проявляется в том, что в правовом государстве правосудие должно быть доступно, другими словами, все граждане должны иметь равные возможности использования судебной защиты своих прав и охраняемых законом интересов. Кроме того, полнота судебной власти предусматривает, что все граждане без исключения равны перед судом, и это не только теоретическое положение, это аксиома, подтвержденная социально-исторической практикой и закрепленная в международно-правовых документах по правам человека[664].

---

[661] Кожуганова Д. З. Сравнительно-правовой анализ судебной системы Республики Казахстан и США. Дисс. … доктора PhD. Алматы, 2010. – 156 с.

[662] Халлберг П. Административное правосудие как основа функционирования правового государства: [пер. с англ.]. Астана: Академпресс, 2013. – 114 с.

[663] Ударцев С. Ф. Некоторые проблемы совершенствования системы судебной защиты прав и свобод граждан: По материалам конференции // Правовая реформа в Казахстане. - 2012. - № 4(60). – С. 5-6.

[664] Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 600 с.

По мнению Г. А. Жилина, правосудие является аксиологическим понятием, ведь только деятельность суда по рассмотрению споров о праве может называться правосудием, когда она отвечает ценностно-нравственным характеристикам – требованиям справедливости, гуманизма, независимости, равенства и т.п. Деятельность суда по рассмотрению споров, хотя и отвечает формальным процессуально-правовым требованиям, но не отвечает ценностно-нравственным характеристикам, не является правосудием. Такая деятельность называется судопроизводством[665]. И судопроизводство, и правосудие есть определенный способ разрешения правового спора. Однако результат судопроизводства отвечает только формальным требованиям законодательства, а результат правосудия отвечает не только этим требованиям законодательства, но и основным ценностным основам любого развитого общества, которые воплощены в правовых принципах справедливости, равенства, свободы, гуманизма[666].

С философской точки зрения, правосудие является сферой духовной деятельности людей, формируется как внутреннее идеальное стремление к совершенствованию общественных отношений и в этом стремлении направлено идеалом, представлением о том, как может и должно быть. То есть, можно утверждать о существовании идеальной сущности правосудия. Правосудие – это не инструмент для реализации политической программы преобразования общества, а объективно сформированная социальная потребность обоснования права на суд, как на выполнение ритуала (акта, действа), направленного на вступление в законную силу применения права при разрешении любых споров с целью обеспечение справедливости[667].

На сегодняшний день установлено понимание правосудия как одного из видов государственной деятельности, призванной обеспечить справедливость относительно тех, чьи права и интересы оно затрагивает, базируется на правовых и моральных началах. Поэтому законность и нравственность в правосудии рассматриваются в неразрывном единстве. Правосудие, не связанное с законом, не отвечающим требованиям права, вообще немыслимо. Правосудие – суд по праву, по справедливости. К тому же, когда речь идет о справедливом судопроизводстве, речь может идти не только о «суде права», но и об «элементарной адекватности» в установлении обстоятельств дела (суда фактов) судами. Не случайно утверждается и в исторической перспективе, что уважение и доверие граждан к судам в большинстве своем

---

[665] Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010. -576 с.

[666] Общая социология: учеб. пособие для вузов. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 652 с.

[667] Власова Г. Б., Поликарпова Н. А. Понятие правосудия как философской и юридической категории. Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 897–900.

зависит от эффективности работы низших судов как основного звена в системе судоустройства, ведь от четкости их работы, объективности и справедливости решений и приговоров зависит состояние правосудия в целом.

Интересна позиция М. Фокиной, которая при исследовании цели доказывания приходит к выводу о единстве таких категорий, как «правосудие» и «справедливость», что справедливость и правосудие – слова-синонимы. Справедливость в области гражданского судопроизводства является составной частью социальной справедливости. Она является целью, принципом, движущей силой гражданско-процессуальной деятельности[668]. В противоположность этому С. Дегтярев отмечает, что «это утверждение не соответствует действительности, так как правосудие по нормам закона – это прежде всего деятельность, поэтому рассматривать саму деятельность как справедливость не вполне логично. Справедливость является оценочной категорией и в основном внеправовым термином. Кроме того, о достижении или недостижении справедливости (в любом ее виде) можно судить только по результатам рассмотрения и решения конкретного дела[669].

В научной литературе рассматривается несколько видов справедливости. Первый из них – распределительная справедливость руководствуется двумя принципами, сформулированными еще Аристотелем, – равенства людей и пропорциональности[670] и предполагает соразмерность в распределении ответственности, а также материальных и нематериальных благ в зависимости от наград конкретного лица перед обществом. Именно Аристотель первым дополнил определение справедливости принципом пропорциональности, поскольку формальное исполнение требования равенства не всегда соответствовало его пониманию этой категории. В этом отношении он отмечал: «Те, кто имеет значительное состояние, вносят большой вклад, а те, кто незначительны, – мал, тот, кто выполнил больше работы, получает больше, чем тот, кто выполнил меньше и т.д.»[671] В рамках распределительной справедливости начали выделять уравнительное (состояние максимального равенства прав и возможностей) и пропорциональное (в зависимости от заслуг конкретного лица). Но если исходить из того, что справедливость является целью правосудия, то судебное решение становится определенным символом осуществления или не осуществления правосу-

---

[668] Фокина М. А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе. Общие положения. Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 4. – С. 25-36.

[669] Дегтярев С. Л. Соотношение правовых категорий «правосудие» и «судопроизводство» в гражданском процессе. Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 8. – С. 43-59.

[670] Богомолов А. С. Античная философия. М.: Высшая. школа., 2006. – 390 с.

[671] Грицанов А. А. Никомахова этика. История философии: Энциклопедия. - Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.

дия в понимании справедливости. Существенно значение интерпретации справедливости как символа, метафоры. Так, признание лица виновным (преступником) может интерпретироваться стороной обвинения и потерпевшим, и, наконец, государством, как торжество справедливости. В то же время признание виновным лица невиновного понимается не просто как ошибка (случающаяся), но и как несправедливость. Соответственно, решение становится определенным символом права и производится отношением к нему как к праву, а также соответствующее понимание права. В сущности, определенное правопонимание истолковывается в процессе осуществления судопроизводства, правосудия. Правосудие как идея осуществления права, воплощенная в судебном решении, не должно вызывать сопротивления. Но, как отмечал П. Юркевич, «если нет свободной решимости подчиниться приговору судьи, тогда судья не может реализовать идею права. Недостаток свободной решимости уважать право после приговора судьи приводит к принуждению, источником которого служит власть. Итак, [три момента]: право, суд и власть вытекают друг из друга по принципу справедливости»[672]. В целях судопроизводства этот вид справедливости может по-разному толковаться через призму процессуального или материального права. Материальное право декларирует равенство всех, вне зависимости от признаков или принадлежности. Процессуальное право тоже гарантирует равенство сторон производства, одинаковую возможность использовать предусмотренные законом средства, однако справедливой это равенство делает основу пропорциональности (мы не можем говорить об абсолютном равенстве сторон в уголовном процессе, уместнее говорить об отсутствии преимуществ одной стороны над другой[673].

Выделяют также возмездную справедливость, непосредственно связанную со сферой наказаний за правонарушения (преступления) разного рода. Из письменных источников права прошлого тысячелетия она известна как закон талиона[674], а в библейских источниках сформулирована так: «глаз за око, зуб за зуб». На сегодняшний день концепция наказаний претерпела кардинальные изменения, однако основополагающая идея назначения наказания соразмерному совершенному преступлению и соответствующему лицу правонарушителя сохранила свою актуальность. Предполагая, что ре-

[672] Юркевич П. Д. История философии права. Философия права. Философский дневник: рукописное наследие. [2-е изд.]. Киев: Украинский Мир, 2000. – 756 с.
[673] Янюк Н. Понятие «конфликт интересов» в международно-правовых актах и административном законодательстве Украины. Вестник Львовского университета. Серия: Юридическая. – 2018. – Вып. 66. – С. 147-154.
[674] Ноздрачев А. Ф. Конфликт интересов: новое «универсальное» нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции. Административное право и процесс. – 2016. – № 6. – С. 26–38.

зультат осуществления правосудия всегда заканчивается достижением справедливости, мы фактически признаем, что конфликт интересов в такой деятельности не имеет значения. Тогда за рамками этого процесса остаются и любые интересы судьи, кроме достижения самой справедливости, что отрывает такую функцию судебной власти от реальности.

Особенно остро это проявляется при понимании участниками процесса наличия конфликтов интересов у судьи или самоосознании противоречий, влияющих на объективность рассмотрения дела по существу. Не случайно часто и сужающийся предмет практической судебной деятельности – от поиска справедливого судебного решения до обеспечения требований справедливости в судопроизводстве. В последнем случае речь идет об объективации справедливости в определенных принципах судопроизводства. Сложность, неспособность или ограниченность возможностей поиска судебной истины как в воспроизводстве фактов, так и надлежащем правоприменении заставляет суд снять с себя обязанность творить справедливость, например, в понимании «справедливого судебного решения». В то же время, суды готовы взять на себя обязанность. Справедливо отмечает В. Бигун, что категории правосудия и судопроизводство – это не тождественные понятия, поскольку они имеют разное содержательное наполнение. «Правосудие» – это «суд по праву», а судопроизводство – это «деятельность суда». Первое понятие «акцентирует на содержании (по праву), второе – на форме деятельности (суда) как специфическом смысле терминов»[675]. Если возникновение «проблемы авторитета» порождается потенциальным и мнимым конфликтом интересов, то говорить о наличии этой проблемы можно только при реальном конфликте интересов. Степени проявления этой проблемы могут быть разными, от возникновения незначительного дисбаланса в положении сторон процесса до отражения его в принятом решении. В последнем случае такая деятельность будет выглядеть внешне как правосудие, но только по форме. В то же время можно смоделировать ситуацию, когда судья проявляя необъективность и беспристрастность, нивелирует требования процессуальной справедливости (не обеспечивает равных прав сторонам производства, создает препятствия в использовании ими имеющихся правовых средств, к примеру, ходатайство одной стороны удовлетворяет, а ходатайство другой стороны из таких же оснований оставляет без удовлетворения, чем фактически предоставляет незаконные преимущества тому, на чьей стороне находятся его частные интересы), однако, являясь тесно связанным требованиями закона, все же принимает справедливое и законное решение. Фактически указанную ситуацию тоже можно отнести к пробле-

[675] Бигун В. С. Философия правосудия: идея и осуществление. Киев, 2011. – 303 с.

мам справедливости, потому что при таких обстоятельствах необъективность и предвзятость судьи вследствие наличия у него партикулярных интересов при разрешении спора лишает одну из сторон процессуального равенства. Когда речь идет об отсутствии справедливости в материальном понимании (принятие несправедливого решения по сути дела), мы вообще не можем говорить о триумфе правосудия. В научных исследованиях отечественных и зарубежных исследователей дефиницию правосудия раскрывают достаточно широко, относя не только реализуемое в определенной процессуальной форме судопроизводство, но и судоустройство. К тому же в судопроизводство как компонент правосудия вовлекаются также внесудебные и досудебные формы урегулирования споров, а в судебную систему все органы (другие структуры), созданные для защиты нарушенных прав и законных интересов. В этой связи, в научной литературе употребляют такие термины, как «экономическое правосудие», «восстановительное правосудие», «удостоверительное правосудие», «альтернативное правосудие», «общественное правосудие», «третейское правосудие», «превентивное правосудие»[676]. Против такой позиции выступает Н. Авдеенко, отмечая, что правосудием не могут считаться действия по подготовке дела к судебному разбирательству и действия, не приводящие к решению дела по существу, в том числе и вынесения решений о закрытии производства по делу[677]. Поэтому правосудием можно считать только деятельность суда первой инстанции и суда апелляционной инстанции.

В целом, научные позиции ученых по категории «правосудия» можно разделить на две группы[678]. Так, первая группа ученых достаточно широко истолковывает категорию «правосудия», относя к ней не только судебную деятельность, но и деятельность других юрисдикционных органов[679]. М. Клеандров делает вывод о том, что советский государственный арбитраж осуществлял правосудие, разрешая хозяйственные споры. По его мнению, наличие процессуальной основы деятельности соответствующих структур является достаточным основанием для признания экономического правосудия как осуществлявшимся вовсе не административным путем[680]. Другая группа ученых охватывает понятием правосудия только судебную деятельность. Так,

---

[676] Ильяков А. Д. Урегулирование конфликта интересов как основной способ предупреждения коррупции в системе государственного управления: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2015. –180 с.

[677] Авдеенко Н. И. Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданского процессуального права. Ленинград: Ленингр. ун-т, 1969. – 72 с.

[678] Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2001. – 265 с.

[679] Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2002. – 414 с.

[680] Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будуще. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 600 с.

К. Гусаров и Л. Воскобитова указывают, что правосудие является сущностью и содержанием судебно-властных отношений, включающих не только рассмотрение дела по существу, но и новые контрольные полномочия суда[681].

Поддерживая позицию исследователей, С. Загайнова разделяет функции судебной власти на внешние и внутренние, считая основной и единственной внешней функцией правосудия[682].

В связи с этим Г. Власова и М. Поликарпова отмечают, что правосудие как вид государственной деятельности призвано обеспечить справедливость в отношении тех, чьи права и интересы оно затрагивает, базируется в первую очередь на правовых и моральных началах. Законность и нравственность в правосудии, в деятельности правоохранительных органов находятся в неразрывном единстве. Правосудие, связанное законом, не отвечающим требованиям права, вообще немыслимо. Правосудие должно быть судом по праву, по справедливости. Но сам закон должен отвечать требованиям нравственности, а его применение судом не должно противоречить нравственным нормам. Формальное применение закона вопреки требованиям справедливости извращает саму идею правосудия[683]. Философская природа правосудия в истории развития научной мысли изменяется как под влиянием различных концепций права, так и осознания меры и сущности справедливости. Как отмечает Т. Коваленко, правосудие – это один из важнейших видов государственной деятельности, являющийся составной частью национальной безопасности каждого государства. Интересы безопасности должны быть подчинены нормам права, потому что нельзя действовать во имя безопасности, нарушая при этом закон. Неизменными остаются лишь основополагающие принципы, заложенные в его основу с давних времен, такие как справедливость, гуманизм, ответственность и т.д.[684]. Таким образом мы приходим к выводу, что правосудие следует рассматривать в тесной связи с категорией справедливости. Понятие «справедливое судопроизводство» является синонимом правосудия. Справедливость судопроизводства имеет два аспекта: материальная, заключающаяся в справедливости каждого судебного решения, и процедурная справедливость, предполагающая рассмотрение дела в соответствии с определенными су-

---

[681] Гусаров К. В. Пересмотр судебных решений в апелляционном и кассационном порядках: монография. Харьков: Право, 2010. – 352 с.

[682] Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.

[683] Власова Г. Б., Поликарпова Н. А. Понятие правосудия как философской и юридической категории. Молодой ученый. – 2015. – № 10 (90). – С. 897–900.

[684] Коваленко Т. С. Правосудие, его сущность и историческое становление сквозь призму философского познания. Весник Костромского государственного университета. – 2017. – № 1. – С. 255-258.

дебными процедурами. Фактически правосудие является аксиологическим понятием, поскольку может так называться, только когда соответствует ценностно-нравственным установкам общества: справедливости, гуманизма, независимости, равенства и т.д. какому индивиду. Правосудие не может рассматриваться как инструмент для политического преобразования общества, а является объективно сложившейся социальной потребностью определенной формы, призванной придавать законную силу актам применения права при разрешении каких-либо споров с целью обеспечения справедливости. Оно является обязательным элементом правового государства и должно быть доступно, чтобы все граждане имели равные возможности использовать судебную защиту своих прав и охраняемых законом интересов.

Таким образом, мы можем допустить существование правосудия и конфликта интересов в одной плоскости, однако влияние последнего на результат осуществления правосудия не может подвергнуть сомнению базовые ценности такой деятельности. Ввиду особенностей человеческого восприятия результатов правосудия, выражаемых в принятых решениях, следует учитывать присущую такому восприятию субъективность по справедливости, что делает правосудие относительным. Конфликт интересов проникает в правосудие вместе с человеком, осуществляющим эту функцию судебной власти. Независимо от исхода решения дела судьей, неурегулированные или не устраненные ситуации конфликта интересов приносят негативные последствия государственно-правовым институтам. Но с момента, когда противостояние между частными интересами судьи и публичным интересом достижения справедливости на основе права заканчивается не в пользу последнего, такая деятельность перестает считаться правосудием.

Выводы: Конфликт интересов в правосудии является сложной и многогранной проблемой, которая требует междисциплинарного подхода и использования достижений ряда общественных и гуманитарных наук – философии, философии права, теории права, отраслевых юридических наук, психологии, этики, культурологии, лингвистики и др., а также использование авторского методологического инструментария в рамках динамического правопонимания. Использование диалектического, синергетического, герменевтического, социокультурного, антропологического и системного методологических подходов обусловлено интегративностью и междисциплинарностью предмета исследования, а также необходимостью объяснения его сопоставления со смежными и однопорядковыми явлениями. Благодаря применению совокупности философских, общенаучных и специально юридических методов возможно выяснение основных концепций конфликта интересов в правосудии. Определены особенности и возможности применения методологических принципов объективности, всесторонности и полноты и правового полицентризма для исследования

конфликта интересов в правосудии, что подтвердило исключительную эвристическую их значимость, а также подтвердило связь между теоретическими и практическими аспектами исследуемой проблемы. Сегодня в философско-правовой и гуманитарной литературе нет четкого определения понятия «конфликт интересов в правосудии». Содержательное наполнение этого понятия в значительной степени зависит от его оснований, которые признаются основой. Наиболее приемлемым на сегодняшний день является вариант определения содержания этого понятия через содержание его понятий-составляющих – «интерес» и «правосудие». Под конфликтом интересов следует понимать наличие у лица частного интереса в сфере, в которой он выполняет свои служебные или представительские полномочия, что может повлиять или повлияло на объективность или беспристрастность принятия им решений или на совершение или не совершение действий при выполнении указанных полномочий. Выявление механизмов предотвращения конфликта интересов в правосудии является актуальным междисциплинарным вопросом, а конфликт интересов – одним из наиболее острые проблемы судебного управления, нерешенность которой дискредитирует правосудие как эффективное средство защиты прав, негативно влияет на эффективность и результативность деятельности судей, становится потенциальным источником коррупционных действий. Категории «конфликт интересов» присуща множественность сфер существования и многозначность понимания, которые проявляются и при ее исследовании в контексте правосудия или вообще в плоскости деятельности судебной власти. В процессе исследования конфликта интересов в правосудии используется подход к пониманию категории «конфликт» как способа завершения противостояния. При определении конфликта необходимо учитывать тот факт, что человек имеет сознание и волю, позволяющие совершать осознанные поступки, следовательно, при конфликте противоречия осознаны, но существуют и объективные условия, не зависящие от сознания участников конфликта, определяющие их интересы. Для отдельного человека, общественных или государственных институтов интерес как социально психологическая категория является осознанной причиной для любой деятельности. Значительная часть социально значимых интересов попадает в сферу правового регулирования, порождая новый вид – законные интересы. Социальная обусловленность интересов предполагает возможность их разделения на частные – интересы конкретного физического или юридического лица и публичные – общесоциальные интересы, отражающие в концентрированном виде весь спектр интересов в обществе. Государство должно быть выразителем публичных интересов, признавая их и обеспечивая правом. Категория «интерес» тесно переплетается с другой – «потребность». Потребности в сознании человека превращаются в интерес или мотив, побуждающий человека к определенному целевому действию. То есть потребности являются первона-

чалом, а интерес является ее предметным выражением. Возникновение конфликта интересов в правосудии очень часто связывается с этическими аспектами, когда стремление к удовлетворению собственных интересов и получению материальных благ выступает на первый план, вытесняя добросовестное исполнение обязанностей и подчинение интересам государства и общества.

§ 14. К вопросу о «восстановительном правосудии»

Институт «восстановительного правосудия» возник в последней трети XX века и развивается в настоящее время. Первоначально медиация нашла применение в гражданско-правовой сфере, но постепенно стала проникать и в официальные системы уголовной юстиции. Такой подход к реагированию на уголовные преступления начал складываться в разных странах мира примерно с 70-х гг. XX века. Разнообразные течения, концепции и практики, базирующиеся на идеях согласия и примирения, к началу 80-х годов были объединены термином restorative justice («восстановительное правосудие»[685]).[686] Немного позже это было воспринято и в России.

Важнейшим этапом нашей работы стало освоение концепции восстановительного правосудия, изложенной, прежде всего, в работах Ховарда Зера[687]. Основными для нас стали понятие «потребности жертв преступлений», оппозиционное уголовному правосудию и юридическому мышлению; понятие «ответственность правонарушителя»; цели программ восстановительного правосудия. Существенными элементами нашей практики являются идеи кризиса современного правосудия, изложенные в работах Ховарда Зера и Гарольда Бермана[688]. Глубокий криминологический анализ ситуации в современном уголовном правосудии и варианты выхода из него изложены также в работах Нильса Кристи[689], которые во многом определили направления наших размышлений и разработок»[690].

---

[685] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

[686] Карнозова Л. М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития (сборник материалов) / сост. А. Ю. Коновалов. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». – 2013. – С. 34-35.

[687] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. М.: Центр «Судебно-правовая реформа», 1998.

[688] Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, 1994.

[689] Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999.

[690] Максудов Р. Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. – С. 13.

Термин «восстановительное правосудие» достаточно часто употребляется в связи с вопросами воспитания несовершеннолетних, в тех случаях, когда они совершают правонарушения, в том числе преступления.

Имеет место его употребление и в нормативных документах[691].

По мнению А. А. Ширкина «… в настоящее время существует две концепции правосудия – карательная и восстановительная. Карательное правосудие представляет устоявшуюся модель, имеющую свои преимущества, от которых не следует отказываться. Оно ориентировано на защиту интересов государства, при этом зачастую незаслуженно игнорируя права граждан, пострадавших от реальных преступных посягательств.

Другая концепция – восстановительное правосудие, которое во главу угла ставит права и законные интересы пострадавшего, заставляет подсудимого (осужденного) брать на себя ответственность за содеянное и сознательно, добровольно, выбирать наиболее разумный вариант своего посткриминального поведения.

Вместе с тем всецело восстановительным правосудие быть не может. Смысл его реформирования в данном контексте заключается в поиске наиболее оптимальных, в том числе компромиссных, форм реализации для достижения целей (назначения) уголовного судопроизводства, установленных ст. 6 УПК РФ».[692]

Мы согласны с данным утверждением, но думаем более категорично. Термин «восстановительное правосудие» вызывает у юристов недоумение и отторжение, но они пока принимают его.

У не связанных с юстицией людей возникает приватное понимание «правосудия», а у ознакомившихся с концепцией «восстановительного правосудия» понимание «неправильности» официального правосудия как «карательного».

Для «испугавшихся патриотов» - поддержку, как противопоставление «карательному» не только правосудию, а как инструменту «карательного» государства.

Сразу оговоримся, что цели, задачи и возможности использования технологий восстановительной юстиции мы разделяем и приветствуем в той части, в которой они совпадают с нашими представлениями о них.

---

[691] См. например: Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 32. Ст. 455. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166695/;
http://government.ru/docs/14110/. (Дата обращения: 19.09.2022 г.).

[692] Ширкин А. А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации. Дисс. … канд. юрид.наук. Люберцы – 2015. – С.5.

Так, идеальной целью «восстановительного правосудия» является не наказание, в том числе, моральное, а восстановление нарушенных прав пострадавшего и, главное, осознание виновным своей вины за содеянное с последующим раскаянием (не обязательным заглаживанием вины). То есть, восстановление справедливости – это осознание виновным соразмерности, в данном случае, достаточного для перевоспитания, воздаяния за совершенное. Соразмерность, справедливость вознаграждения (освобождение от уголовной ответственности либо смягчения ответственности) и возмездия, кары за поступки (привлечение к уголовной ответственности). Моральной оценки виновным своего поведения и необходимость изменения мотивации поведения исходя из нравственных основ общественных отношений.

Рассмотрим непосредственно элементы термина «восстановительное правосудие».

Правосудие осуществляется в соответствии с законом и на основании закона уполномоченными на то государственными органами, обладающими властными полномочиями.

Результатом правосудия всегда является наказание: уголовное, административное, материальное, либо моральное – это публичное признание неправоты, противоправности либо преступности содеянного.

Поэтому употребление понятия «правосудие» искажает сущность содержания целей и задач, декларируемых авторами и приверженцами «восстановительного правосудия».

Кроме того, термин «justice» может быть переведён не только как «правосудие», но и «справедливость», и «юстиция»[693].

Все зависит от контекста, общего смысла, который позволяет уточнить значение входящих в него отдельных слов, предложений, исходя из заданного семантического поля понятий. Это же относится и к термину «restorative justice».

Исходя из контекста, целей под программами «восстановительного правосудия» следует понимать программы «восстановления справедливости», а под институтом «восстановительного правосудия» – «восстановительную юстицию», но никак не «правосудие» которое можно определить «как особый вид государственно-властной деятельности, осуществляемый в процессуальной форме, по рассмотрению гражданских, административных, уголовных, иных дел и разрешению их путем вынесения общеобязательных постановлений с целью защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина»[694].

---

[693]Англо-русский словарь Мюллера. URL: https://translate.academic.ru/justice/en/ru/ (Дата обращения: 19.09.2022 г.).

[694] Банников И. А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravosudiya-1 (Дата обращения: 19.09.2022 г.).

Термин «восстановительная юстиция» нашел свое место и в научных работах[695].

§ 15. Установление фактов, имеющих юридическое значение в гражданском и арбитражном судопроизводстве: взаимодействие норм материального и процессуального права

Одна из наиболее активно применяемых в судебной практике процедур современного гражданского и арбитражного судопроизводства при детальном исследовании показывает важные проявления влияния норм материального права. Соответственно, поиск оптимальных путей для развития этих механизмов судопроизводства определяется особенностями взаимодействия норм материального и процессуального права.

Так, В. В. Аргунов справедливо признает, что одной из характерных черт отечественного правового регулирования особого производства является «устойчивая связь с нормами материального права, применение которых опосредуется процессуальными нормами об особом производстве»[696]. Необходимо признать, что особенно ярко эта черта проявляется именно по делам об установлении конкретных фактов, имеющих юридическое значение.

Как известно, к условиям, необходимым для установления фактов, имеющих юридическое значение по нормам ГПК РФ[697], согласно положениям ст. 265 относятся: невозможность получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты; невозможность восстановления утраченных документов.

Еще одно условие раскрывают положения ст. 267 ГПК РФ, которые устанавливают содержание просительного документа (заявления) об установлении фактов, имеющих юридическое значение, и заостряют внимание на необходимости раскрытия цели установления факта. Соответственно заявитель при составлении заявления должен указать на все условия для того, чтобы было возможно реализовать обозначенную процедуру в рамках гражданского процесса.

---

[695] Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., – 2012. – С. 14; Арутюнян А. А. Концепция восстановительной юстиции и современные тенденции развития уголовного процесса // Адвокат. – 2011. – № 9. – С. 38-44; Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дис. д-ра юрид. наук. Оренбург. – 2011; Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Известия вузов. Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 171; Воскобитова Л. А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. – 2007. – № 1. – С. 8-11 и др.

[696] Аргунов В. В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве (на примере дел особого производства) // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 119-134.

[697] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 14.07.2022). // Российская газета. – № 220. – 20.11.2002.

Согласно ч. 1 ст. 219 АПК РФ[698] условиями обращения в арбитражный суд с заявлением об установлении фактов, имеющих юридическое значение, являются: отсутствие у заявителя возможности получить или восстановить надлежащие документы, удостоверяющие эти факты; федеральным законом или иным нормативным правовым актом не предусмотрен иной внесудебный порядок установления соответствующих фактов.

Соответственно, вышеизложенное показывает различный подход отечественного законодателя к правовому регулированию оснований для одинаковых процедур в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Такое основание, как наличие цели, для которой необходимо установить факт, имеющий юридическое значение закреплено только в ГПК РФ (ст. 267).

При этом, как известно, согласно абз. 3 ч. 1 ст. 220 АПК РФ в просительном документе, который поступает в арбитражный суд, заявитель должен указать информацию обосновывающую необходимость установления данного факта, имеющего юридическое значение.

В связи с чем, в научной литературе высказываются различные позиции. В частности, по мнению Н. А. Чудиновской, действующий АПК РФ «содержит более удачную формулировку, закрепляя, что в заявлении должно содержаться обоснование необходимости его установления». Она считает, что «не всегда установление того или иного юридического факта служит конкретной цели, то есть обуславливает возможность реализации субъективного материального права. Н. А. Чудиновская считает, что нередко мотивом обращения в суд за установлением юридического факта служит необходимость определения правового статуса лица (подобная ситуация типична для случаев установления факта родственных отношений, факта регистрации брака и др.)»[699]. В свое время на данное обстоятельство обращал внимание и П. Ф. Елисейкин[700].

При этом в АПК РФ указано на то, что именно федеральный закон или иной нормативный правовой акт может предусматривать иной порядок установления фактов, имеющих юридическое значение, что показывает невозможность обращения в суд с таким требованием. Такой четкой формулировки, действующий ГПК РФ, к сожалению, не содержит[701].

---

[698] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022). // Российская газета. – № 137. – 27.07.2002.

[699] Чудиновская Н. А. Установление юридических фактов в особом производстве гражданского и арбитражного процесса: общее и особенное (некоторые аспекты). // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 9. – С. 15-19.

[700] Елисейкин П. Ф. Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение. – М.: Юридическая литература, 1973. – С.14 и др. (128 с.).

[701] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 21.06.1985 № 9 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение». // Сборник постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским

Важно, также напомнить, что по требованию, которое может быть рассмотрено в порядке особого производства не допустимо наличие спора о праве. Соответственно, обозначенное обстоятельство можно рассматривать как дополнительное условие обращения в суд по рассматриваемым требованиям (ч. 3 ст. 263 ГПК РФ, ч. 3 ст. 217 АПК РФ).

В связи с чем интересными представляются высказанные в научных исследованиях позиции о возможностях освободить суды от выполнения непрофильной для них функции по разрешению бесспорных дел и передать последние в ведение других органов, в частности, нотариата[702].

Необходимо также отметить, что согласно п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»[703] соблюдение досудебного порядка урегулирования спора не требуется по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение в соответствии с абз. 4 ч. 5 ст. 4 АПК РФ. Для гражданского судопроизводства это правило отдельно не сформулировано не в законодательстве, и не в актах официального толкования.

Вышеизложенное в полной мере раскрывает общие правила обращения в суд с требованием для разрешения в порядке особого производства, и, в частности, безусловно распространяется и на порядок установления фактов, имеющих юридическое значение, что подтверждается и позициями, отраженными в отдельных актах Конституционного Суда РФ (абз. 2 п. 2.1)[704].

Перечень фактов, имеющих юридическое значение, по нормам ГПК РФ и АПК РФ является открытым. При этом признаками таких фактов выступают следующие – от их наличия «зависит возникновение, изменение,

---

делам. – М., Спарк, 1994. Не применяется на территории Российской Федерации в части разъяснения гражданского процессуального законодательства (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.01.2003 № 2). // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[702] Добровольная (бесспорная) юрисдикция в России и за рубежом (Восточная и Западная Европа, Латинская Америка, Китай) / У. Х. Ангрисано, А. В. Аргунов, В. В. Аргунов и др.; под ред. В. В. Аргунова. – М.: Статут, 2014. – 352 с.; Зазулина Л. Д. Передача дел об установлении факта признания отцовства в компетенцию нотариусов: возможная модель регулирования и ее преимущества // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 8. – С. 59 – 63.

[703] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства». // Российская газета. – № 144. – 02.07.2021.

[704] Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1618-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Колобанова Анатолия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 135 и статьей 265 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пунктом 2 статьи 74 Федерального закона «Об актах гражданского состояния». // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций» (ч. 1 ст. 264 ГПК РФ). В АПК РФ в ч. 1 ст. 218 установлено правило, согласно которому «арбитражный суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение для возникновения, изменения или прекращения прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

При этом перечень фактов, которые подлежат установлению обусловлен нормами материального права, предопределяющими осуществление судом бесспорной процедуры как в гражданском, так и арбитражном судопроизводстве.

Так, в гражданском судопроизводстве, согласно абз. 2 части 2 ст. 264 ГПК РФ, суд рассматривает дела об установлении фактов родственных отношений.

Иллюстрацией такого основания может служить дело, пересмотренное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. Из содержания судебного акта следует, что П.Н.Г. и П.П.Г. обратились в суд первой инстанции с заявлением об установлении факта родственных отношений между ними и П.Ф.М., умершей 21.02.2017 г. В обоснование заявления указали, что П.Ф.М. приходится им матерью, после ее смерти открылось наследство, однако, нотариус отказал в выдаче свидетельства о праве на наследство, поскольку представленные заявителями документы не позволили бесспорно установить факт родственных отношений с наследодателем. Решением Измайловского районного суда г. Москвы от 21.12.2017 г. заявление удовлетворено. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 10.07.2018 г. указанное решение суда отменено, заявление об установлении факта родственных отношений оставлено без рассмотрения. В кассационной жалобе заявители поставили вопрос об отмене вынесенного судебного постановления. Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2019 г. кассационная жалоба передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации. В результате апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 10.07.2018 г. было отменено, а решение Измайловского районного суда г. Москвы от 21.12.2017 г. было оставлено в силе[705].

Как следует из примера судебной практики установление факта родственных отношений необходимо заявителю для того, чтобы в последую-

[705] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2019 № 5-КГ19-8. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

щем получить свидетельство о праве на наследство. В этом случае обусловливающими являются нормы гражданского права о наследовании, в частности ст. ст. 1142 – 1145, 1147 ГК РФ[706]. С учетом этих норм определяются участники особого производства, доказательства по делу и др.

Если заявитель обратился в суд с требованием об установлении факта родственных отношений для того, чтобы в последующем была установлена и назначения пенсия, то необходимо руководствоваться нормами пенсионного законодательства о круге лиц, имеющих право на получение пенсии, о доказательствах по делу и т.п.[707].

Современные экономические реалии обусловили появление новых оснований для установления фактов, имеющих юридическое значение. Так, факт родственных отношений необходимо устанавливать для того, чтобы получить кредитные каникулы заемщикам ликвидируемых банков, мобилизованным на военную службу[708].

Судебная практика показывает, что заинтересованным лицам часто необходимо установить несколько фактов, среди которых важное значение имеет и факт родства.

Таким примером может быть следующее дело. *Б. обратился в суд с иском к Департаменту городского имущества г. Москвы, Министерству имущественных отношений Московской области об установлении даты рождения наследодателя А., установлении факта того, что Н. (мать наследодателя А.) является сестрой истца, а также о признании права собственности в порядке наследования по закону на имущество А. как племянника истца. В обоснование заявленных требований истец указал, что 13.04.2017 г. умерла его родная сестра Н., наследником которой являлся ее*

---

[706] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 01.07.2021). // Российская газета. – № 233. – 28.11.2001.

[707] Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О страховых пенсиях». // Российская газета. – № 296. – 31.12.2013; Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации». // Собрание законодательства РФ. – 17.12.2001. – № 51. – Ст. 4831; Закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1 (ред. от 16.02.2022, с изм. от 07.04.2022) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей». // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 04.03.1993. – № 9. – Ст. 328.

[708] ГК «Агентство по страхованию вкладов»; «Государственная корпорация «Агентство по страхованию вкладов» будет предоставлять мобилизованным гражданам беспроцентную отсрочку по кредитам в ликвидируемых банках». Справочная информация: «Правовой календарь на III квартал 2022 года». // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

сын А. (племянник истца), умерший 19.05.2018 г. Наследником умершего является истец, поскольку наследников первой и второй очереди не имеется. Однако истец не мог оформить свои наследственные права ввиду отсутствия документов, подтверждающих факт родственных отношений с Н. Также препятствовало оформлению им наследственных прав несоответствие даты рождения А. в его паспорте и свидетельстве о рождении[709].

Согласно абз. 3 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ суд рассматривает дела об установлении фактов нахождения на иждивении.

Так, в п. 9 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 за 2021 год отмечается, что в соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, повлекшее смерть кормильца и установленное в судебном порядке)[710].

Члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию (ч. 3 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях»). Частью 6 ст. 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» предусмотрено, что нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, для которых его помощь была постоянным и основным источником средств к существованию, но которые сами получали какую-либо пенсию, имеют право перейти на страховую пенсию по случаю потери кормильца.

По смыслу изложенных норм Федерального закона «О страховых пенсиях» понятие «иждивение» предполагает как полное содержание члена семьи умершим кормильцем, так и получение от него помощи, являющейся для этого лица постоянным и основным, но не единственным источником средств к существованию, то есть не исключает наличие у члена семьи умершего кормильца какого-либо собственного дохода (получение пенсии и других выплат). Факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от умершего кормильца членом его семьи может быть установлен в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой умершим кормильцем, и его собственными доходами, и такая помощь может быть признана постоянным

---

[709] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.09.2020 № 5-КГ20-81-К2. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 6.

[710] Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2021): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 4. – 2022 (начало); Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 5. – 2022 (окончание).

и основным источником средств к существованию нетрудоспособного члена семьи умершего кормильца.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в подп. «в» п. 31 постановления от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»[711], находившимся на иждивении наследодателя может быть признано лицо, получавшее от умершего в период не менее года до его смерти – вне зависимости от родственных отношений – полное содержание или такую систематическую помощь, которая была для него постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от получения им собственного заработка, пенсии, стипендии и других выплат. При оценке доказательств, представленных в подтверждение нахождения на иждивении, следует оценивать соотношение оказываемой наследодателем помощи и других доходов нетрудоспособного[712].

Проиллюстрировать проблемы реализации установления данного факта может Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.01.2022 г. № 18-КГ21-155-К4 из текста которого следует, что Т. Г. И. 20.12.2018 г. обратилась в суд с заявлением об установлении факта нахождения ее на иждивении мужа Т. А. А., умершего в 2017 г. В обоснование заявления Т. Г. И. ссылалась на то, что она с 26.07.1974 г. состояла в браке с Т. А. А., до момента смерти Т. А. А. супруги проживали совместно. С 28.09.2005 г. Т. Г. И. получала страховую пенсию по старости, размер которой составлял 9 515,04 руб. Т. А. А. с 11.05.1993 г. по 7.12.2017 г. являлся получателем пенсии за выслугу лет по линии Министерства внутренних дел Российской Федерации. Размер пенсии за выслугу лет, получаемой Т. А. А., на день его смерти составил 29 628,24 руб.

Т. Г. И. указывала, что до момента смерти мужа она находилась на его иждивении, поскольку получаемый Т. А. А. при жизни доход являлся для нее постоянным и основным источником средств к существованию, иного источника дохода у нее не имеется.

При обращении в Отдел пенсионного обслуживания Центра финансового обеспечения Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Краснодарскому краю за назначением пенсии по потере кормильца Т. Г. И. было разъяснено, что для назначения такой пенсии необходимо установить факт нахождения ее на иждивении супруга на день его смерти. Впоследствии Т. Г. И. неоднократно обращалась в органы

---

[711] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». // Российская газета. – № 127. – 06.06.2012.

[712] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 5. – 2021.

социального обеспечения Краснодарского края с просьбой предоставить ей документ, подтверждающий факт нахождения ее на иждивении супруга Т. А. А. На ее обращение администрацией Великовечненского сельского поселения Белореченского района Краснодарского края был дан ответ о необходимости установить факт нахождения на иждивении умершего супруга в судебном порядке. Соответственно она обратилась в суд. Дело прошло несколько инстанций и было решено в пользу заявительницы[713].

Следующим видом фактов, имеющим юридическое значение и подлежащим установлению в порядке особого производства в гражданском судопроизводстве, являются факты регистрации рождения, усыновления (удочерения), брака, расторжения брака, смерти (абз. 3 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ).

В частности, согласно абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», если лицу отказано в выдаче повторного свидетельства о рождении ребенка по причине отсутствия первичной или восстановленной записи акта о рождении (например, в связи с утратой архивного фонда органа записи актов гражданского состояния вследствие стихийного бедствия, пожара), оно не лишено возможности обратиться в суд с заявлением об установлении факта государственной регистрации рождения (п. 3 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ; п. 2 ст. 74 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об актах гражданского состояния».)[714].

В гражданском судопроизводстве согласно абз. 4 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ может быть установлен факт признания отцовства.

Происхождение ребенка – юридический факт, который может быть установлен после смерти отца ребенка, на иждивении которого находился ребенок и которое признавало себя его отцом[715]. Определяющими нормами материального права по таким категориям дел являются ст. 50 СК РФ[716], ст.ст. 48, 49, 54 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»[717] и п. 4 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ.

---

[713] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.01.2022 № 18-КГ21-155-К4. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[714] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об актах гражданского состояния». // Собрание законодательства РФ. – 24.11.1997. – № 47. – Ст. 5340.

[715] Шелютто М. Л. Вопросы, возникающие в судебной практике по делам о происхождении ребенка // Комментарий судебной практики / под ред. К. Б. Ярошенко. – М.: Юридическая литература, 2011. – Вып. 16. – С. 121 - 134.

[716] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022). // Российская газета. – № 17. – 27.01.1996.

[717] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об актах гражданского состояния». // Российская газета. – № 224. – 20.11.1997.

Проиллюстрировать данное основание можно следующим примером из судебной практики. Так. П. Е. В. обратилась в суд заявлением, в котором просит установить факт признания отцовства К. А. В. 06.10.1978 года, умершим 12.04.2020 года, в отношении детей: П. В. А. 23.01.2013 года рождения, уроженки г. Маганц Днепропетровской области, Украина; П. В. А. 13.09.2014 года рождения, уроженки г. Санкт-Петербург.

В обоснование заявленных требований заявитель указала, что в период с 2011 года по апрель 2020 года она и К. А. В. проживали совместно по адресу: Ленинградская область «..». Брак не регистрировали.

В период совместного проживания родились дети. Заявитель указала, что регистрацию брака и установление отцовства откладывали в связи с событиями в Украине, материальными затруднениями. Заявитель указала на то, что при жизни К. А. В. не сомневался в отцовстве, занимался воспитанием и содержанием детей. Установление факта признания отцовства необходимо для оформления пособия по потере кормильца[718].

Факт принадлежности правоустанавливающих документов (за исключением воинских документов, паспорта и выдаваемых органами записи актов гражданского состояния свидетельств) лицу, имя, отчество или фамилия которого, указанные в документе, не совпадают с именем, отчеством или фамилией этого лица, указанными в паспорте или свидетельстве о рождении, может быть установлен в гражданском судопроизводстве в силу прямого указания на это в абз. 5 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ.

Например, согласно положениям Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2006 года разъяснялось, что в случае, если от факта принадлежности лицу удостоверения к медали зависит возникновение, изменение, прекращение его личных или имущественных прав, а также при наличии других условий, определенных в ГПК РФ, необходимых для установления судом юридического факта, установление в судебном порядке факта принадлежности удостоверения к медали лицу, имя, отчество или фамилия которого, указанные в удостоверении, не совпадают с именем, отчеством или фамилией этого лица, указанными в паспорте, возможно[719].

В таком порядке может быть установлен факт принадлежности завещания. Так, нередко возникают ситуации, когда гражданин не может всту-

---

[718] Решение по Делу № № 2-8350/2020. // Архив Всеволожский городской суд Ленинградской области за 2020 г.

[719] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2006 года: утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.03.2007 (ред. от 04.07.2012). Извлечение. // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. № 6. 2007 (ч. II) (извлечение). // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

пить в права наследования по завещанию в связи с тем, что в завещании неверно указаны его фамилия, имя и (или) отчество, дата рождения и пр. Также могут быть установлены факт принадлежности трудовой книжки, пенсионной книжки, справки о работе, документы об образовании и др.

Таких примеров судебная практика знает много, в частности: *А. обратился во Всеволожский городской суд Ленинградской области с заявлением об установлении факта принадлежности документа указав, что в трудовой книжке его имя указано как «Адыль» вместо верного «Алиль», в связи с чем просил установить факт принадлежности данного документа заявителю, поскольку это необходимо для оформления пенсии по старости*[720].

При этом в научной литературе указывалось на то, что применительно к установлению таких фактов, как факт принадлежности правоустанавливающего документа, правильнее было бы говорить об установлении «доказательственного факта», то есть факта, имеющего не юридическое, а доказательственное значение, поскольку сам по себе факт принадлежности правоустанавливающего документа не влечет возникновение, изменение либо прекращение правоотношений, соответственно не является юридическим фактом в классическом понимании данного термина. Закон связывает наступление юридических последствий не с самим фактом принадлежности правоустанавливающего документа, а с теми обстоятельствами, которые в этом документе зафиксированы[721].

На основании абз. 6 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ в гражданском судопроизводстве может быть установлен факт владения и пользования недвижимым имуществом.

Согласно положениям Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2013 года «из смысла указанных норм в их взаимосвязи следует, что для установления судом факта владения и пользования недвижимым имуществом необходимо установить как факт владения и пользования недвижимым имуществом на указанном заявителем основании, так и то, что получить необходимые документы во внесудебном порядке невозможно, либо то, что у заявителя имелись необходимые документы о владении и пользовании недвижимым имуществом, но были утрачены и их восстановление невозможно» [722].

При этом в зависимости от конкретного требования необходимо обращать внимание на наличие спора о праве по таким категориям дел. Так,

---

[720] Решение по Делу № 2-8075/2020. // Архив Всеволожский городской суд Ленинградской области за 2020 г.

[721] Елисейкин П. Ф. Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение. – М.: Юридическая литература, 1973. – С. 16.

[722] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 5.

«отказ в предоставлении земельного участка на праве собственности свидетельствует о наличии спора о праве на недвижимое имущество и не может быть преодолен посредством установления факта владения и пользования этим имуществом в порядке особого производства»[723].

Из смысла указанных норм в их взаимосвязи следует, что для установления судом факта владения и пользования недвижимым имуществом необходимо установить как факт владения и пользования недвижимым имуществом на указанном заявителем основании, так и то, что получить необходимые документы во внесудебном порядке невозможно, либо то, что у заявителя имелись необходимые документы о владении и пользовании недвижимым имуществом, но были утрачены и их восстановление невозможно.

Необходимо отличать требование о признании права собственности, которое рассматривается судом в порядке искового производства от требования об установлении факта, имеющего юридическое значение. Так, в п. 19. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010[724] указано, что давностный владелец вправе обратиться в суд с заявлением об установлении факта добросовестного, открытого и непрерывного владения имуществом как своим собственным в течение срока приобретательной давности, когда давностному владельцу не был и не должен был быть известен прежний собственник недвижимого имущества. Такое заявление может именоваться, например, заявлением об установлении факта (юридического факта) владения недвижимым имуществом в течение срока приобретательной давности или заявлением об установлении факта добросовестного владения недвижимым имуществом в течение срока приобретательной давности. Указанное заявление суд рассматривает в порядке особого производства.

В соответствии с абз. 7 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ в гражданском судопроизводстве может быть установлен факт несчастного случая.

Если у заявителя исключена возможность установления факта несчастного случая на производстве во внесудебном порядке либо акт о несчастном случае на производстве утрачен и его невозможно восстановить, а также отсутствует спор о праве (например, о праве на получение заявителем страховых выплат), ему необходимо обращаться в суд в порядке особого производства.

Например, О. О. В. 12.09.2017 г. обратился в суд с иском к ООО Строительная компания «Мегаполис», ООО «Ника-Петротек», Государ-

---

[723] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 5.

[724] Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». // Российская газета. – № 109. – 21.05.2010.

ственному учреждению – Липецкому региональному отделению Фонда социального страхования РФ об установлении факта трудовых отношений, признании факта несчастного случая связанным с производством, возложении обязанности составить акт по форме Н-1 по факту несчастного случая на производстве, выплате пособия по временной нетрудоспособности, компенсации морального вреда[725].

Определяющими нормами материального права по такому делу будут ст.ст. 15,16, 19.1, ст. 56 ТК РФ[726].

Процедура особого производства в гражданском процессе предоставляет возможность установить факт смерти в определенное время и при определенных обстоятельствах в случае отказа органов записи актов гражданского состояния в регистрации смерти, на основании абз. 8 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ.

Требование об установлении такого факта необходимо отличать от требования об объявлении гражданина умершим (гл. 30 ГПК РФ). Отличие состоит в том, что в последнем случае имеются доказательства смерти лица в определенное время и при определенных обстоятельствах (например, свидетельские показания), однако, в связи с отсутствием тела невозможно получить медицинское заключение о смерти, которое является основанием для регистрации смерти.

Порядок регистрации смерти в органах загса регулируется Федеральным законом от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»[727]. В соответствии со ст. 64 которого основанием для такой регистрации является: документ о смерти, выданный медицинской организацией, индивидуальным предпринимателем, осуществляющим медицинскую деятельность, или в случае, предусмотренном Федеральным законом от 5.06.2012 года № 50-ФЗ «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике»[728], другим уполномоченным лицом; решение суда об установлении факта смерти или об объявлении лица умершим, вступившее в законную силу; документ, выданный компетентными органами, о факте смерти лица, необоснованно репресси-

---

[725] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2019 № 77-КГ19-4. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[726] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.10.2022). // Российская газета. – № 256. – 31.12.2001.

[727] Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об актах гражданского состояния». // Российская газета. – № 224. – 20.11.1997.

[728] Федеральный закон от 05.06.2012 № 50-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике». // Российская газета. – № 130. – 08.06.2012.

рованного и впоследствии реабилитированного на основании закона[729] о реабилитации жертв политических репрессий.

На основании абз. 9 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ в особом производстве гражданского судопроизводства подлежит установлению факт принятия наследства и места открытия наследства.

По общему правилу место открытия наследства определяется нотариусом по последнему месту жительства наследодателя (ч. 1 ст. 1115 ГК РФ; п. 2.1 Методических рекомендаций). В бесспорном порядке в качестве последнего места жительства наследодателя нотариус определяет, в частности, жилой дом, квартиру, комнату, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в котором гражданин был зарегистрирован по месту жительства (п. 2.1 Методических рекомендаций).

Согласно действующему законодательству принять наследство можно в течение шести месяцев со дня его открытия. Для этого нужно (ст. 1153, п. 1 ст. 1154 ГК РФ); п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9[730]; п. 52 Регламента, утв. Приказом Минюста России от 30.08.2017 № 156[731]):

– или подать нотариусу соответствующее заявление (о принятии наследства либо о выдаче свидетельства о праве на него);

– или совершить действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, в частности, действия по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом, поддержанию его в надлежащем состоянии.

Если в указанный шестимесячный срок с заявлением к нотариусу заинтересованные лица не обращались и отсутствуют документы, подтверждающие фактическое принятие наследства, или их недостаточно для выдачи нотариусом свидетельства о праве на наследство, то для установления факта принятия наследства необходимо обратиться в суд.

В соответствии с абз. 3 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»[732]

---

[729] Закон РФ от 18.10.1991 № 1761-1 (ред. от 06.12.2021) «О реабилитации жертв политических репрессий». // Ведомостях СНД и ВС РСФСР. – 31.10.1991. – № 44. – Ст. 1428.

[730] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». // Российская газета. – № 127. – 06.06.2012.

[731] Приказ Минюста России от 30.08.2017 № 156 (ред. от 24.11.2021) «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования». // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[732] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании». // Российская газета. – № 127. – 06.06.2012.

в исключительных случаях факт места открытия наследства может быть установлен судом. При рассмотрении такого заявления суд учитывает длительность проживания наследодателя в конкретном месте на момент открытия наследства, нахождение в этом месте наследственного имущества и другие обстоятельства, свидетельствующие о преимущественном проживании наследодателя в этом месте.

Наследственные права на имущество граждан, умерших, начиная с 01.01.2015, оформляются любым нотариусом на территории нотариального округа субъекта РФ по месту открытия наследства (п. 1 ст. 1153, п. 1 ст. 1162 ГК РФ; п. п. 1.3, 1.4 Методических рекомендаций, утв. Решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19[733]).

В связи с чем можно привести следующий пример: К. О. С. обратилась во Всеволожский городской суд Ленинградской области с заявлением об установлении факта принятия наследства указав, что 16.09.2019 умерла Ш. Л. Ф., приходящаяся заявителю бабушкой, заявитель в установленный срок с заявлением о принятии наследства к нотариусу не обратилась, однако совершил действия, направленные на фактическое принятие наследства: заменен замок на входной двери в квартиру, 08.10.2019 внесены денежные средства в счет оплаты коммунальных услуг за квартиру, в связи с чем просила установить данный факт[734].

Как установлено в абз. 10 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ в рамках процедуры особого производства могут быть установлены и не поименованные факты, имеющие юридическое значение.

При этом указание на те факты, которые могут быть установлены может содержаться в различных актах. Так, согласно абз. 8 п. 2 Письма Минобрнауки России от 02.09.2016 № 07-3765 «О применении норм по выявлению и учету детей, оставшихся без попечения родителей»[735], если в несудебном порядке получить документальное подтверждение факта отсутствия родительского попечения над ребенком не представляется возможным, то на основании подп. 10 п. 2 ст. 264 ГПК РФ факт отсутствия родительского попечения над ребенком устанавливается судом[736].

---

[733] Методические рекомендации по оформлению наследственных прав: утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[734] Решение по Делу № 2-7799/2020. // Архив Всеволожский городской суд Ленинградской области за 2020 г.

[735] Письмо Минобрнауки России от 02.09.2016 № 07-3765 «О применении норм по выявлению и учету детей, оставшихся без попечения родителей». // Вестник образования России. – № 22. – 2016.

[736] Семейное право: Учебник / Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников, Л. Ю. Михеева и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 318 с. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

В научной литературе называют и другие факты, имеющие юридическое значение, которые могут быть установлены судом в особом производстве на основании подп. 10 п. 2 ст. 264 ГПК РФ: факт проживания гражданина на территории Российской Федерации; факт участия гражданина в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС; факт применения политических репрессий и факт конфискации имущества в связи с применением политических репрессий; факт нахождения на спецпоселении; факт участия в боевых действиях и др.[737].

К фактам, непосредственно не названным в ст. 264 ГПК РФ, однако, необходимым для оформления наследственных прав, относят: установление факта состояния в фактических брачных отношениях (при условии, что они возникли до 8 июля 1944 г.); установление факта отцовства; установление факта приобретения имущества в период брака на средства только одного из супругов и т.п[738].

Также в научной литературе обращают внимание на возможность установления факта призыва на военную службу и прохождения военной службы в порядке особого производства в соответствии с подп. 10 п. 2 ст. 264 ГПК РФ[739].

В арбитражном судопроизводстве, как закреплено в абз. 1 ч. 2 ст. 218 АПК РФ, в порядке особого производства может быть установлен факт владения и пользования юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем недвижимым имуществом как своим собственным.

Определяющими по таким категориям дел являются нормы гражданского законодательства. Как известно, право собственности на недвижимое имущество возникает и на вновь создаваемое, и на приобретенное по договору – с момента государственной регистрации (ст.ст. 219 и 223 ГК РФ[740]).

В соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости»[741] для государственной регистрации необходим

---

[737] Ласкина Н .В., Никулинская Н. Ф., Рогалева М. А., Яковенко Е. В. Комментарий к подразделу IV «Особое производство» раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[738] Зайцева Т. И. Настольная книга нотариуса: в 4 т. / под ред. И.Г. Медведева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2015. Т. 3: Семейное и наследственное право в нотариальной практике. – 717 с. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[739] Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / А. В. Аргунов, В. В. Аргунов, А. В. Демкина и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2012. – 636 с. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[740] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). // Российская газета. – № 238-239. – 08.12.1994.

[741] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственной регистрации недвижимости». // Российская газета. – № 156. – 17.07.2015.

определенный пакет документов, подтверждающих приобретение или создание объекта, а для недвижимости, приобретенной по сделке, и однозначное подтверждение воли другой стороны по сделке на отчуждение этого имущества. В силу разных причин пакет необходимых документов для такой регистрации может отсутствовать.

В частности, такими ситуациями называют[742] возведение самовольной постройки, при утрате документов или «исчезновении» отчуждателя по договору, в силу приобретательной давности. В первом случае закон презюмирует наличие спора о праве с собственником земельного участка, на котором возведена самовольная постройка, поэтому возможность доказывания своего права определяется юридической конструкцией предъявления иска о признании права собственности на такую постройку (ст. 222 ГК РФ).

Соответственно, при отсутствии потенциального «претендента» на приобретение права собственности на недвижимое имущество процессуальное законодательство позволяет установить данный юридический факт в особом производстве по нормам АПК РФ.

В абз. 2 ч. 2 ст. 218 АПК РФ указано, что в особом производстве арбитражного процесса может быть установлен факт государственной регистрации юридического лица или индивидуального предпринимателя в определенное время и в определенном месте.

В абз. 2 ч. 2 ст. 218 АПК РФ закреплена возможность установления факта принадлежности правоустанавливающего документа, действующего в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, если наименование юридического лица, имя, отчество или фамилия индивидуального предпринимателя, указанные в документе, не совпадают с наименованием юридического лица по его учредительному документу, именем, отчеством или фамилией индивидуального предпринимателя по его паспорту или свидетельству о рождении. При этом перечень таких фактов является открытым (абз. 4 ч. 2 ст. 218 АПК РФ). Главным признаком всех фактов, подлежащих установлению в порядке арбитражного судопроизводства, является порождение юридических последствий в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

К непоименованным в АПК РФ фактам, имеющим юридическое значение относят, в частности: факт владения имуществом на праве хозяй-

[742] Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О. В. Абознова, Н. Г. Беляева, Т. Л. Вербенко и др.; под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2022. 480 с. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

ственного ведения[743], о признании сведений не соответствующими действительности[744], факт совершения крупной сделки[745], факт нарушения условий соглашения о конфиденциальности в отношении документации с коммерческой тайной[746] и другие.

В современном административном судопроизводстве особое производство как отдельное законодателем не обособлено. Вместе с тем определенные требования могут быть отнесены к делам неискового (особого) производства. Так, в настоящее время иски о признании запрещенной к распространению информации, причиняющей вред здоровью и/или развитию детей, размещенной в сети Интернет, рассматриваются по общим правилам административного искового производства по КАС РФ[747] (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 за 2018 год[748].

Вышеизложенное показывает, что виды фактов, имеющие юридическое значение и подлежащие установлению в процедуре особого производства по нормам ГПК РФ и АПК РФ обусловлены предопределяющими нормами материального права.

§ 16. Судебно-экспертное сопровождение расследования экологических преступлений

Конституция Российской Федерации[749], принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, закрепляет в статье 42, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

---

[743] Гришина Я. Разрешить по-особому. // ЭЖ-Юрист. 2005. № 15. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[744] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.08.2022 № 09АП-45721/2022 по делу № А40-22657/2022. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[745] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2022 № 09АП-41387/2022 по делу № А40-30731/2022. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[746] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.06.2022 № 09АП-36387/2022 по делу № А40-321/2022. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

[747] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022). // Собрание законодательства РФ. – 09.03.2015. – № 10. – Ст. 1391.

[748] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 1. – 2019.

[749] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 04.07.2020. № 144.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 года № 1662-р[750], в качестве основных приоритетов социальной и экономической политики нашего государства в сфере экологической безопасности выделяла улучшение состояния окружающей среды, повышение экологических стандартов, повышение обеспеченности населения качественной питьевой водой, создание эффективной системы утилизации отходов производства и потребления. К сожалению, уже сейчас можно констатировать, что бóльшую часть из этих положений реализовать не удалось. Напротив, отмечается, что экономический подъем при нарастании современного уровня негативного воздействия на окружающую среду может привести к дальнейшему обострению экологических проблем[751].

Согласно Экологической доктрине Российской Федерации, обеспечение экологической безопасности, сохранение и поддержание целостности природных систем, обеспечивающих устойчивое развитие общества, повышение качества жизни и улучшение здоровья населения, разработка эффективных методов сохранения биологического разнообразия и развитие сети особо охраняемых природных территорий являются задачами государственной политики в области экологии[752]. При этом стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года (далее – Стратегия)[753] признает наличие теневого рынка и существенную криминализацию сферы природопользования одним из внутренних вызовов экологической безопасности.

Свой вклад в обеспечение реализации Стратегии вносят различные правоохранительные органы страны. При этом органы внутренних дел и Следственный комитет Российской Федерации (далее – СК РФ) играют особую роль, в связи с тем, что они обязаны своевременно и эффективно

---

[750] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»)» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Дата обращения: 12.08.2022).

[751] Францифоров Ю. В. Экологические преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 17-26.

[752] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-31082002-n-1225-r/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[753] Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/71330e43fc48d840d45e7c44eb8e184f03207692/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

реагировать на самые крайние формы проявления антисоциального поведения людей, в том числе подвергающие угрозам общественную безопасность и общественный порядок, например, такие как подготовка или совершение экологических преступлений[754].

Таким образом, развитие института судебно-экологической экспертизы, как основного инструмента установления объективной истины в случаях экологических правонарушений, имеет сегодня особую актуальность, как в гражданском, так и в уголовном и административном процессах.

Правовые основы производства судебно-экологических экспертиз в Российской Федерации

Судебно-экологическая экспертиза (далее – СЭЭ) – это практическая деятельность, состоящая в исследовании антропогенного воздействия на конкретные (локальные) объекты окружающей среды и осуществляемая в процессе уголовного, гражданского и административного судопроизводства[755,756].

СЭЭ является одним из важнейших направлений экологии, носит научный характер, так как в большинстве случаев проводится экологами совместно с биологами, химиками, гидрологами и другими специалистами узкого профиля.

Целью судебно-экологической экспертизы является выявление механизма, источника, характеристики и масштабов негативного антропогенного воздействия на окружающую среду.

Предметом судебно-экологической экспертизы является расследование фактических обстоятельств, которые свидетельствуют о негативном антропогенном воздействии на окружающую природную среду[757].

В соответствии со статьей 3 Федерального закона Российской Федерации от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ «О ГСЭД в РФ»)[758] правовую основу государственной судебно-экспертной деятельно-

---

[754] Васильева М. А. Некоторые аспекты деятельности Следственного комитета Российской Федерации по обеспечению реализации стратегии экологической безопасности России // Материалы Международной научно-практической конференции: «Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству». М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – С. 92-95.

[755] Майорова Е. И., Омельянюк Г. Г. Судебная экспертиза (экспертное заключение): экспертные ошибки при производстве судебно-экологической экспертизы URL: http://arbir.ru/articles/a_5095.htm (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[756] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: «Проспект», 2012.

[757] Аминев Ф. Г., Аминов Д. Р. Актуальные проблемы назначения и проведения судебно-экологических экспертиз // Инновационное развитие. – 2018. – № 5(22). – С. 13-14.

[758] Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 05.06.2001. № 106.

сти составляют Конституция Российской Федерации[759], Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации[760], Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации[761], Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации[762], Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)[763], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях[764], Налоговый кодекс Российской Федерации[765], законодательство Российской Федерации о таможенном деле, законодательство в сфере охраны здоровья, настоящий федеральный закон, другие законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, на которые возложены функции по организации и/или производству экспертизы в целях осуществления судопроизводства в Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального государственного органа, осуществляющего в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

Что касается судебно-экологических экспертиз, то в качестве дополнительной правовой основы можно указать Градостроительный кодекс Российской Федерации[766], Водный кодекс Российской Федерации[767], Лесной кодекс Российской Федерации[768], Земельный кодекс Российской Федерации[769] и др. Так, например, статья 69 последнего регулирует вопросы организации и по-

---

[759] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 04.07.2020. № 144.

[760] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета от 20.11.2002. № 220.

[761] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета от 11.03.2015. № 49.

[762] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета от 27.07.2002. № 137.

[763] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета от 22.12.2001. № 249.

[764] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета от 31.12.2001. № 256.

[765] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ и часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ) URL: https://base.garant.ru/10900200/ (Дата обращения: 12.08.2022).

[766] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Российская газета от 30.12.2004. № 290.

[767] Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Российская газета от 08.06.2006. № 121.

[768] Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Российская газета от 08.12.2006. № 277.

[769] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета от 30.10.2001. № 211-212.

рядка проведения землеустройства, что при определенных условиях может стать предметом судебной землеустроительной экспертизы.

СЭЭ является сравнительно новым направлением экспертных исследований, хотя и до ее выделения в самостоятельный род судебных экспертиз следствие и суд часто интересовали вопросы о фактах конкретного вреда, нанесенного объектам окружающей среды.

Исторически СЭЭ определена самостоятельным родом судебных экспертиз приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 12 сентября 2005 года № 169, который разделял данный род экспертиз на следующие виды:

– «Исследование экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения»;

– «Исследование экологического состояния естественных и искусственных биоценозов»;

– «Исследование радиационной обстановки»[770].

– Далее приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 12 марта 2007 года № 48 перечень судебно-экологических экспертиз был расширен двумя новыми видами:

– «Исследование экологического состояния объектов городской среды»;

– «Исследование экологического состояния водных объектов»[771].

Каждый из пяти указанных видов предусматривал создание соответствующей экспертной специальности (соответственно №№ 24.1 – 24.5 Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России – Приложение № 2 к ныне используемому приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 237[772]).

До 2005 года исследования, связанные с негативным антропогенным воздействием на объекты растительного и животного происхождения, про-

---

[770] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.09.2005 № 169 «О внесении дополнений в Приказ Минюста России от 14.05.2003 № 114» (утратил силу) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55644/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[771] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.03.2007 № 48 «О внесении изменений в приказ Минюста России от 14.05.2003 № 114» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12052584/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[772] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70209342/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

водились в рамках судебно-биологической экспертизы (далее – СБЭ). Последняя, как и СЭЭ, базируется на данных, получаемых в результате применения наук естественного цикла: физики, химии, биологии (физиологии, морфологии, анатомии и систематики), экологии. Собственно экология тесно связана с почвоведением, геологией, гидрологией, метеорологией, климатологией и многими другими. Все они составляют часть научного базиса обоих рассматриваемых классов экспертиз, правовая ориентация которых обусловливает тенденцию трансформации и интеграции различных, часто далеких друг от друга областей знаний в целях установления закономерностей существования, изменения и преобразования организмов и экологических систем, выступающих в качестве объектов исследования по уголовным, административным и гражданским делам.

Судебно-экологические исследования служат средством установления доказательственных фактов как результата решения специфических задач, поставленных перед экспертами – экологами.

Задачи СЭЭ в общем виде – это установление:

– источника (способа, причины) негативного антропогенного воздействия;

– масштаба, обратимости (необратимости) и иных последствий негативного антропогенного воздействия;

– соответствий (несоответствий) требованиям экологического законодательства при эксплуатации потенциально опасного объекта или при осуществлении производственно-хозяйственной деятельности;

– состояния объекта до наступления негативного антропогенного воздействия и причинно-следственной связи между его изменением и происшедшим в ходе рассматриваемого события негативным антропогенным воздействием.

СЭЭ относится к разряду новых, формирующихся родов судебных экспертиз. Методическое обеспечение СЭЭ находится пока в стадии разработки. Немногочисленны и кадры государственных судебных экспертов-экологов.

Поскольку судебные экспертизы производятся экспертами соответствующих экспертных учреждений либо иными специалистами, назначенными судом, то действующее законодательство предусматривает производство судебной экспертизы как государственными, так и негосударственными судебно-экспертными учреждениями (в том числе научно-педагогическими коллективами вузов и частнопрактикующими экспертами). В настоящее время основная доля экспертиз, связанных с необходимостью установления фактических обстоятельств негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, выполняется негосударственными судебными экспертами.

Часто для производства данных экспертиз привлекаются сотрудники специально уполномоченных органов в области природопользования и охраны окружающей среды. Следует подчеркнуть, что природоохранные и санитарно-эпидемиологические органы не являются субъектами судебно-экспертной деятельности. Тем не менее, в соответствии с процессуальным законодательством и ФЗ «О ГСЭД в РФ»[773] сотрудники указанных структур могут привлекаться в качестве негосударственных судебных экспертов.

Правовой основой назначения СЭЭ в негосударственное судебно-экспертное учреждении Российской Федерации или научно-педагогическим коллективам вузов является статья 41 ФЗ «О ГСЭД в РФ». Так согласно части первой данной статьи, судебная экспертиза может производиться вне государственных судебно-экспертных учреждений лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами. В соответствии с частью второй рассматриваемой нормы на судебно-экспертную деятельность лиц, указанных в части первой настоящей статьи, распространяется действие ст. 2 («Задача государственной судебно-экспертной деятельности»), ст. 3 («Правовая основа государственной судебно-экспертной деятельности»), ст. 4 («Принципы государственной судебно-экспертной деятельности»), ст. 6 («Соблюдение прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица при осуществлении государственной судебно-экспертной деятельности»), ст. 7 («Независимость эксперта»), ст. 8 («Объективность, всесторонность и полнота исследований»), ст. 16 («Обязанности эксперта») и ст. 17 («Права эксперта»), части второй статьи 18 («Ограничения при организации и производстве судебной экспертизы»), ст. 24 («Присутствие участников процесса при производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении») и ст. 25 («Заключение эксперта или комиссии экспертов и его содержание») комментируемого федерального закона. Тем самым соблюдаются все основополагающие положения, обеспечивающие объективность результатов экспертной работы.

Статью 3 во взаимосвязи со статьей 41 ФЗ «О ГСЭД в РФ» необходимо понимать так, что на негосударственного эксперта не распространяются требования нормативных актов органов исполнительной власти, регулирующих производство экспертизы, то есть ведомственных инструкций. Не распространяются на негосударственных экспертов и положения статей 9 – 13 указанного Федерального закона, из чего, по мнению И.Н. Токарева

[773] Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 05.06.2001. № 106.

(2006) следует, что такому эксперту не требуется высшее профессиональное образование, а также аттестация и переаттестация каждые пять лет[774].

Кроме этого, некоторые особенности практики производства судебных экспертиз в негосударственных судебно-экспертных учреждениях дополнительно разъяснены в Постановлении Пленума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2014 года № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»[775].

В частности, в соответствии с п. 1 экспертиза может проводиться как в государственном судебно-экспертном учреждении, так и в негосударственной экспертной организации, либо к экспертизе могут привлекаться лица, обладающие специальными знаниями, но не являющиеся работниками экспертного учреждения (организации). Суд не может отказать в проведении экспертизы в негосударственной экспертной организации, а равно лицом, обладающим специальными знаниями, но не являющимся работником экспертного учреждения (организации), только в силу того, что проведение соответствующей экспертизы может быть поручено государственному судебно-экспертному учреждению.

При этом в соответствии с абз. 3 п. 2 при поручении проведения экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, суд выясняет также сведения о его образовании, специальности, стаже работы, занимаемой должности и указывает их в определении о назначении экспертизы.

Однако, как отмечают Е.И. Майорова и Г.Г. Омельянюк Г.Г. (2012) в своей главе «Экспертные ошибки при производстве судебно-экологической экспертизы» наличие высшего профессионального образования по соответствующей специальности недостаточно, так как при производстве судебных экспертиз, как правило, эксперту необходимо использовать знания в области СЭЭ, а также основ материального и процессуального права[776].

Таким образом, по мнению последних авторов, специфика преимущественного назначения и производства судебно-экологических исследований негосударственными судебными экспертами обусловливает появление ряда экспертных ошибок.

---

[774] Токарев И. Н. Особенности судебно-бухгалтерской экспертизы в уголовном процессе // Финансовые и бухгалтерские консультации URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=78882#06869732591448743 (Дата обращения: 01.04.2022 г.).

[775] Постановление Пленума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155/ (Дата обращения: 12.08.2022).

[776] Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: «Проспект», 2012.

Пошел уже десятый год как на рассмотрении находится законопроект Российской Федерации от 29 июня 2013 года № 306504-6 «О внесении проекта федерального закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"», призванный обеспечить единые правовые основания государственной и негосударственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации[777]. Скорейшее принятие подобного нормативно-правового акта, по нашему мнению, способствовало бы разрешению спорных вопросов современного правового регулирования производства судебных экспертиз.

Организация государственной судебно-экологической экспертизы в Российской Федерации

Государственная судебно-экспертная деятельность – это регламентированная законом (главным образом ФЗ «О ГСЭД в РФ», в котором изложены специальные нормы) деятельность, заключающаяся в оказании в различных процессуальных формах содействия судьям, следователям, лицам, производящим дознание, в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством использования специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле.

Долгое время экспертные исследования в России выполнялись в криминалистических лабораториях юридических вузов, затем были образованы Центральная криминалистическая лаборатория Всесоюзного института юридических наук Минюста СССР и Московская научно-исследовательская лаборатория судебной экспертизы Минюста РСФСР. Последняя явилась базой для создания Центрального научно-исследовательского института судебных экспертиз (далее – ЦНИИСЭ). На ЦНИИСЭ наряду с производством особо сложных и повторных экспертиз была возложена задача по научно-методическому руководству всеми экспертными лабораториями СССР и разработке единых принципов и научных методов судебных экспертиз. Институты судебных экспертиз были созданы в столицах союзных республик и крупных региональных центрах.

В 1970 году ЦНИИСЭ был переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт судебных экспертиз (далее – ВНИИСЭ). Здесь, наряду с традиционными видами криминалистических исследований, стали проводиться экспертизы, связанные с исследованием объектов растительного, животного и почвенного происхождения, и была образована лаборатория судебно-почвоведческих и биологических экспертиз.

ВНИИСЭ не был пионером в области исследования биологических объектов. Секции, выполнявшие судебно-медицинские исследования, в со-

[777] Законопроект Российской Федерации от 29.06.2013 № 306504-6 «О внесении проекта федерального закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6/ (Дата обращения: 01.04.2022 г.).

ответствии с Положением о судоустройстве 1925 года, были организованы в нескольких лабораториях судебной экспертизы. В Харьковском институте в составе этой секции выделилось ботаническое отделение. Частая встречаемость ботанических объектов позволила заведующей секцией биологических исследований К. Е. Завадинской в 1938 году опубликовать статью «О судебном исследовании ботанических объектов», адресованную следователям и судьям.

В довоенный период экспертным исследованием ботанических объектов занимались С. Д. Каплан, Н. Г. Бокариус-Иваницкая, Н. А. Валяшко, В. А. Развадовский, однако, основным направлением тех лет оставалась судебная медицина. Тем не менее, в 1949 году в числе экспертных функций институтов судебных экспертиз уже были ботанические исследования.

В 1950-е годы, когда система судебно-экспертных учреждений развивалась наиболее энергично, а ее деятельность была, главным образом, направлена на обслуживание судов и органов прокуратуры, были созданы несколько новых лабораторий судебных экспертиз, и произошло окончательное разделение судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ) и СБЭ. Все, что связано с биологией человека, полностью перешло в сферу профессиональных интересов судебных медиков. В наше время даже ведомственная принадлежность СМЭ и СБЭ различна: первая относится к компетенции Минздрава России, вторая – Минюста России.

В 1990-х годах на базе Ташкентского НИИСЭ (М.Н. Косяковская) и ВНИИСЭ (Е.И. Майорова) был сформирован авторский коллектив по разработке частных методик и некоторых общих вопросов СЭЭ. Разными учеными СЭЭ рассматривалась как подрод или вид в системе судебно-ботанической или судебно-зоологической экспертизы (О.В. Жгенти, 1982), как отдельный род СБЭ (Э.П. Козинер, 1987) и как самостоятельный класс экспертиз (А. Р. Шляхов, 1980). Все приведенные точки зрения имеют логическое и теоретическое обоснование. Возникновение СЭЭ как нового раздела судебных исследований, интегрирующего экономический, технологический, социальный, биологический, медицинский, административный и хозяйственный аспекты с включением правовых норм, регулирующих указанные области отношений, явилось научно и практически обоснованным процессом.

Новый этап становления СЭЭ начался в первом десятилетии XXI века, когда ВНИИСЭ был преобразован в Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте России (далее – РФЦСЭ при Минюсте России).

Таким образом, сегодня в Минюсте России судебно-экспертным учреждением, проводящим СЭЭ, является РФЦСЭ при Минюсте России, где СЭЭ

признана самостоятельным направлением судебно-экспертной деятельности, которая проводится в лаборатории судебно-экологической экспертизы.

Декларируется, что главной целью данного экспертного подразделения является установление фактических обстоятельств экологических правонарушений в целях отправления правосудия, что осуществляется согласно следующим направлениям:

– исследование экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения;

– исследование экологического состояния естественных и искусственных биоценозов;

– исследование экологического состояния объектов окружающей среды в целях определения стоимости восстановления;

– исследование экологического состояния объектов городской среды;

– исследование экологического состояния водных объектов.

Назначение и производство СЭЭ в Минюсте России регламентируется (помимо ФЗ «О ГСЭД в РФ») приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 декабря 2002 года № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации»[778].

С учетом того, что РФЦСЭ при Минюсте России является ведущим государственным экспертным учреждением по производству СЭЭ, в нем выполняются наиболее сложные и/или повторные судебные экспертизы. Практически в каждом крупном городе имеются региональные центры или лаборатории судебных экспертиз. В ряде областных городов, где нет лабораторий, организованы отделения судебных экспертиз или экспертные группы. Чем малочисленнее экспертное учреждение, тем меньше родов и видов судебных экспертиз оно выполняет. СБЭ проводится далеко не в каждом экспертном учреждении, СЭЭ – только в Москве и Нижнем Новгороде. В судебно-экспертных учреждениях Минюста России в отдельных случаях подобные исследования могут осуществляться также в Красноярской, Тамбовской, Томской лабораториях судебных экспертиз, в Воронежском региональном центре судебных экспертиз Минюста России[779].

Ежегодно в Российской Федерации регистрируется более 23 тыс. экологических преступлений. Большинство уголовных дел данной категории статьей 151 УПК РФ отнесено к подследственности следователей СК РФ.

---

[778] Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.12.2002 № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета от 25.01.2003. – № 14.

[779] Майорова Е. И. Судебно-экологическая экспертиза: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2020.

Статистика экологических преступлений отражает незначительную часть фактически совершаемых уголовно наказуемых посягательств на общественные отношения, связанные с охраной окружающей природной среды. Реальный дисбаланс ситуации в экологической сфере и состояния борьбы с экологической преступностью ежегодно возрастает, что является следствием высокой степени латентности данных преступлений, слабого государственного экологического контроля и охраны природных ресурсов, а также наличия пробелов в экологическом законодательстве[780].

Следователями СК РФ производится расследование десяти составов экологических преступлений из восемнадцати, включенных в главу 26 «Экологические преступления» Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (далее – УК РФ)[781]. К их подследственности, в соответствии со ст. 151 УПК РФ, не отнесены преступления – ежегодные «лидеры» по количеству регистраций, доля которых в структуре экологических преступлений превышает 90% – это деяния, предусмотренные ст. 256 «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»; ст. 258 «Незаконная охота»; ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений». Из зарегистрированных в 2018 году 23,9 тыс. экологических преступлений предварительно были расследованы следователями СК РФ 459 преступлений, а следователями органов внутренних дел – 11162[782].

Вопросам экологических преступлений уделил особое внимание Председатель СК РФ в своем вступительном слове в рамках пленарного заседания Международной научно-практической конференции: «Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству» (Москва, 7 февраля 2019 года). О важности данного вопроса в повседневной работе следственных органов свидетельствует и создание в СК РФ специализированных судебно-экспертных подразделений.

Имеются также сведения о внесении изменений в ФЗ «О ГСЭД в РФ», согласно которым СЭЭ включена в перечень экспертиз, официально разрешенных к проведению экспертами СК РФ[783].

---

[780] Францифоров Ю. В. Экологические преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 17-26.

[781] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

[782] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года: Сборник Главного информационно-аналитического центра МВД России. – М.: ГИАЦ МВД России, 2019.

[783] Законопроект Российской Федерации от 11.03.2019 № 663034-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" и Федеральный закон "О Следственном комитете Российской Федерации" (в части совершенствования правового регулирования организации и производства судебной экспертизы Следственным комитетом Российской Федерации)» URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/663034-7 (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

В соответствии с информационным письмом СК РФ от 16 мая 2018 года № Исоп-246/2-21022-18/ «О практике назначения судебных экологических экспертиз и исследований экспертам Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации» с 2017 года в Главном управлении криминалистики СК РФ организовано производство СЭЭ и исследований по фактам загрязнения водных объектов, почвы (земли), воздушной среды (атмосферного воздуха), уничтожения (порчи) почвы, незаконной добычи полезных ископаемых, несанкционированного размещения отходов производства и потребления, уничтожения или деградации объектов окружающей среды[784].

Значительную роль для правильного (полного и грамотного) проведения необходимых первоначальных следственных действий, помощи в подборе профильных специалистов для участия в следственных действиях, выборе экспертной организации для проведения необходимых исследований по уголовным делам и материалам проверок экологической направленности, а также по вопросам назначения экологических экспертиз (согласования формулировок вопросов эксперту, установления полноты, достаточности материалов и сведений, необходимых для проведения экспертного исследования) играет предварительная консультационная работа, осуществляемая экспертами СК РФ.

Назначение и производство СЭЭ в экспертных подразделениях СК РФ регламентируется (помимо ФЗ «О ГСЭД в РФ») приказом СК РФ от 2 июля 2020 года № 68 «Об утверждении Положения о судебно-экспертном управлении Следственного комитета Российской Федерации и внесении изменений в Положение о Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, утвержденного приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 08.06.2016 № 47»[785].

Основная масса СЭЭ назначается следователями СК РФ по фактам нарушений правил охраны окружающей среды при производстве работ (например, незаконные разработки карьеров при добыче полезных ископаемых), а также в результате нарушений правил обращения экологически

---

[784] Информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации от 16.05.2018 № Исоп-246/2-21022-18/ СК РФ «О практике назначения судебных экологических экспертиз и исследований экспертам Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации». М., 2018.

[785] Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 02.07.2020 № 68 «Об утверждении Положения о судебно-экспертном управлении Следственного комитета Российской Федерации и внесении изменений в Положение о Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, утвержденного приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 08.06.2016 № 47». М., 2020.

опасных веществ и отходов, связанных с несанкционированным размещением отходов производства и потребления, сбросами или выбросами экологически опасных химических веществ в окружающую среду, повлекшими ее загрязнение.

При производстве СЭЭ эксперт СК РФ решает следующие задачи: устанавливает источники, характеристики и механизмы антропогенного воздействия на окружающую среду, определяет масштабы негативного воздействия и размеры вреда, выявляет условия, способствующие его усилению. Заключение экологической экспертизы позволяет выявить нарушение экологических норм, оценить влияние негативных воздействий на экологическую обстановку.

Виды и способы негативного воздействия на окружающую среду могут быть следующими:

– выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух;

– сбросы в водные объекты и на поверхность земли неочищенных сточных вод, содержащих опасные химические вещества;

– размещение на поверхности почв опасных для окружающей среды химических веществ и отходов, в том числе радиоактивных;

– загрязнение, отравление или уничтожение объектов окружающей среды в результате осуществления хозяйственной деятельности человека;

– несанкционированная добыча полезных ископаемых;

– уничтожение объектов окружающей среды (экологических систем, природных ландшафтов и составляющих их элементов).

– На разрешение эксперта чаще всего ставятся следующие основные вопросы:

– оказано ли негативное воздействие на компоненты окружающей среды (почва, вода, воздух)?;

– каков характер выявленного негативного антропогенного воздействия?;

– каков источник оказанного негативного воздействия?;

– каков масштаб негативного воздействия на компоненты окружающей среды?;

– имеются ли в представленных пробах почв, воды, воздуха загрязняющие вещества?;

– какой класс опасности для окружающей среды имеет загрязняющее вещество?;

– каково влияние обнаруженных загрязняющих веществ на экологическое состояние компонентов окружающей среды?;

– является ли загрязняющее вещество экологически опасным отходом?;

– превышает ли содержание опасных (загрязняющих) веществ в воде, воздухе, почве предельно допустимые концентрации?;

– создало ли негативное воздействие реальную угрозу причинения существенного вреда окружающей среде? Если да, то в чем она выражалась?;

– является ли оказанное негативное воздействие существенным и/или повлекшим тяжкие последствия?;

– каков размер ущерба окружающей среде в денежном выражении?

СЭЭ, проводимые экспертами СК РФ, играют ключевую роль в установлении обстоятельств совершения экологических преступлений, расследуемых в соответствии с подследственностью СК РФ.

Таким образом, основным проблемным вопросом, ограничивающим эффективность и достаточность законодательных мер регулирования и организации практической судебно-экологической экспертной деятельности, является явная недостаточность специализированных государственных судебно-экспертных подразделений, способных удовлетворить современные потребности в производстве судебно-экологических экспертных исследований по фактам загрязнения водных объектов, почвы (земли), воздушной среды (атмосферного воздуха), уничтожения (порчи) почвы, незаконной добычи полезных ископаемых, несанкционированного размещения отходов производства и потребления, уничтожения или деградации объектов окружающей среды.

Методическое обеспечение проведения судебно-экологических экспертиз

Экспертно-экологическое исследование можно определить, как целенаправленное познание, проводить которое значит изучать, познавать, выявлять закономерности, систематизируя факты. Экспертному исследованию свойственно:

– наличие четко сформулированной цели;

– стремление к установлению искомого;

– систематичность процесса и результатов;

– обоснование и верификация полученных выводов и обобщений.

Базой для развития экспертных методик является всеобщий диалектический метод, который включает в себя такие широко используемые в экспертной практике операции познания, как анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция и дедукция.

Экспертный метод разрабатывается в рамках той области научного знания, которая является базовой для производства экспертизы одного или нескольких видов, но при этом он создается для собственных научно-практических исследований в этой науке. К таковым, например, относятся большинство физических, химических и биологических методов исследования, применяемых в соответствующих науках, которые после адаптации стали экспертными методами.

Наблюдение, измерение, описание, эксперимент и моделирование являются общенаучными, универсальными методами, которые применяются на основных стадиях экспертного исследования в экспертизах всех родов.

Методы исследования в теории судебной экспертизы принято разделять на общеэкспертные и частноэкспертные. Согласно классической системе, предложенной А. И. Винбергом и А. Р. Шляховым (1977)[786] первые применяются при производстве многих родов и видов экспертиз, вторые – только в экспертизах определенного рода или вида.

Частноэкспертные методы судебной экспертизы используются для изучения морфологических и субстанциональных свойств объектов исследования. Они систематизируются в соответствии с их общим научно-техническим назначением и получаемыми результатами на двенадцать классов: измерительные; микроскопические; фотографические; физико-технические; спектральные; рентгенографические; хроматографические; электрохимические (физико-химические); аналитико-химические; радиационные; математические и электронно-вычислительные. Все перечисленные классы методов характеризуются своими принципами и набором технических средств, многие из них применяются в СЭЭ как в комплексе, так и по отдельности.

Экспертной методикой принято считать систему научнообоснованных методов, приемов и технических средств, применяемых в логической последовательности при изучении объектов судебной экспертизы для установления фактов, относящихся к предмету определенного рода, вида и подвида судебных экспертиз.

По мнению Е. И. Майоровой (2020) задача экспертной методики – служить непосредственно целям отдельного рода экспертизы, способствовать установлению фактических данных, имеющих значение для расследования и рассмотрения дела. В соответствии с задачами СЭЭ методики принято подразделять на родовые (используемые при производстве экспертиз данного рода) и видовые (применяемые для исследования более узкого круга объектов). Многообразие биологических объектов и экспертных ситуаций вызывает необходимость разработки методики конкретного исследования, так называемой частной методики. Она, как правило, представляет собой программу исследования для конкретной ситуации и может быть дополнена отдельными элементами, актуальными для рассматриваемого случая[787].

---

[786] Винберг А. И., Шляхов А. Р. Общая характеристика методов экспертного исследования // Общее учение о методах судебной экспертизы: сборник научных трудов. М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1977. – Вып. 28. – С. 54-93.

[787] Майорова Е. И. Судебно-экологическая экспертиза: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2020.

В планах Технического комитета по стандартизации 134 «Судебная экспертиза», образованного приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 13 мая 2015 года № 561 «О создании технического комитета по стандартизации "Судебная экспертиза"»[788], разработка проекта национального стандарта по СЭЭ. Согласно национальным стандартам в работе лабораторий (в том числе судебно-экспертных) должны использоваться документированные процедуры. Хотя определений этого термина в стандартах не содержится, из текста понятно, что это порядок действий, которые, например, осуществляет эксперт в ходе производства судебной экспертизы, причем этот порядок должен быть оформлен определенным документом. На территории Российской Федерации должны учитываться требования ГОСТ Р 52960-2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025»[789] и ГОСТ ISO/IEC 17025-2019 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий»[790]. В европейских странах и США используется международный стандарт ISO/IEC 17025:2017 «General requirements for the competence of testing and calibration laboratories»[791], которому идентичен упомянутый выше ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Указанный порядок именуется стандартной операционной процедурой[792].

Воздействие тех или иных негативных факторов окружающей среды может играть ведущую роль в развитии большого спектра болезней человека и приводить как к ущербу для здоровья отдельного индивидуума, так и к массовым заболеваниям населения. Зачастую исходы указанных неблагоприятных последствий формируются не сразу, в том числе после длительного лечебно-диагностического процесса, на этапах которого могут допускаться те или иные нарушения. При этом лица, совершившие экологические преступления, могут предпринимать попытки переложить ответственность

---

[788] Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 13.05.2015 № 561 «О создании технического комитета по стандартизации "Судебная экспертиза"» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70919978/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[789] Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 24.09.2008 № 212-ст «Об утверждении национального стандарта» URL: https://base.garant.ru/6393900/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[790] Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 15.07.2019 № 385-ст «О введении в действие межгосударственного стандарта» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309256/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[791] General requirements for the competence of testing and calibration laboratories ISO/IEC 17025:2017.URL: https://www.iso.org/standard/66912.html (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[792] Михалева Н.В. Теоретические и методические аспекты судебной экспертизы объектов окружающей среды в целях определения размера ущерба от экологического правонарушения // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 2(42). – С. 75-79.

за причиненный вред, например, на медицинских работников, допустивших недостатки медицинской помощи (услуг).

Изложенные аспекты предопределяют необходимость комплексной оценки вреда жизни и/или здоровью в случаях расследования экологических преступлений.

Глава 26 УК РФ «Экологические преступления» включает 18 статей. При этом 7 статей в качестве обязательного условия наступления уголовной ответственности предусматривают наступление вреда здоровью человека различной степени тяжести или его смерти, которые по данному признаку можно разделить на две группы:

1. Составы преступлений, предусмотренные статьями главы 26 УК РФ, содержащие в качестве обязательного признака объективной стороны преступления наступление вреда здоровью человека различной степени тяжести:

– ст. 246 – Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ,

– ч. 2 ст. 247 – Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов,

– ч. 1 ст. 248 – Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами,

– ч. 2 ст. 250 – Загрязнение вод,

– ч. 2 ст. 251 – Загрязнение атмосферы,

– ч. 2 ст. 252 – Загрязнение морской среды,

– ч. 1 и ч. 2 ст. 254 – Порча земли;

2. Составы преступлений, предусмотренные статьями главы 26 УК РФ, содержащие в качестве обязательного признака объективной стороны преступления наступление смерти человека:

– ч. 3 ст. 247 – Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов,

– ч. 2 ст. 248 – Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами,

– ч. 3 ст. 250 – Загрязнение вод,

– ч. 3 ст. 251 – Загрязнение атмосферы,

– ч. 3 ст. 252 – Загрязнение морской среды,

– ч. 3 ст. 254 – Порча земли.

Кроме этого, ч. 1 ст. 247 УК РФ (Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов) в качестве общественно опасного последствия предусмотрено создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека (без необходимости доказывания фактического наличия данного вреда и установления причинно-следственной связи его возникновения в результате негативного антропогенного воздействия).

Согласно абз. 2 п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 года № 21 «О применения судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»[793] применительно к ч. 1 ст. 247 УК РФ существенный вред здоровью человека выражается в тяжком или средней тяжести вреде здоровью хотя бы одного лица, а существенный вред окружающей среде – в ее загрязнении, отравлении или заражении, изменении радиоактивного фона до величин, представляющих опасность для здоровья или жизни человека, и т.п.

В установлении обстоятельств совершения названных правонарушений ключевую роль играют СЭЭ и СМЭ.

При производстве СЭЭ в рамках расследования большинства составов экологических преступлений эксперт-эколог решает две основные задачи:

– определяет масштабы негативного воздействия и размеры вреда для окружающей среды;

– устанавливает источники, способствующие условия и механизмы антропогенного и техногенного воздействия на окружающую среду.

Заключение СЭЭ позволяет выявить нарушение экологических норм, оценить влияние негативных воздействий на экологическую обстановку. К сожалению, этого недостаточно в случаях расследования составов экологических преступлений, в которых в качестве общественно опасных последствий законодатель предусмотрел возникновение массового заболевания, наступление смерти или вреда здоровью человека. В таких ситуациях камнем преткновения становится вопрос определения причинно-следственной связи между общественно опасными деяниями и вышеуказанными неблагоприятными последствиями для жизни и здоровья людей.

В целях исследования вопроса возможности комплексного судебно-экспертного сопровождения расследования экологических преступлений в следственные управления СК РФ по субъектам и приравненные к ним специализированные следственные управления и отделы, а также в военные следственные управления автором была инициирована подготовка и рассылка информационного письма[794] с запросом о предоставлении копий следующих материалов уголовных дел и доследственных проверок за последние 5 лет, в рамках которых назначались СЭЭ:

– копии постановлений о возбуждении уголовного дела или копии постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела;

---

[793] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применения судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70146708/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[794] Информационное письмо Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации от 04.02.2021 № 03.10-21/190. СПб, 2021.

– копии постановлений о назначении судебно-экологических экспертных исследований;

– копии заключений проведенных СЭЭ (заключений специалиста);

– копии постановлений о прекращении уголовного дела или копии обвинительных заключений с решениями прокуроров по уголовному делу, а также копии приговоров (постановлений, решений) судов.

Отдельно было обращено внимание на ситуации, в которых общественно опасными последствиями являлись неблагоприятные для жизни и/или здоровья человека исходы (вред здоровью, массовые заболевания, смерть и др.). В указанных случаях дополнительно запрашивались копии постановлений о назначении судебно-медицинских экспертных исследований и копии заключений СМЭ (заключений специалиста).

Целью анализа полученного массива материалов по расследованию экологических преступлений видится разработка экспертной методики, согласно которой общественно опасные деяния, причиняющие вред окружающей среде, могли бы расцениваться как варианты причин, которые определяют неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде массового заболевания, смерти или вреда здоровью человека, а также угрозы их возникновения.

В качестве примера можно привести случай нарушения экологического законодательства, расследуемый Северо-Западным следственным управлением на транспорте СК РФ, в рамках которого автором настоящей главы было дано объяснение в качестве специалиста, обладающего компетенциями, как в судебной медицине, так и в судебной экологии.

Согласно протоколу объяснения от 26 мая 2021 года специалисту Кузнецову С.В. для ознакомления предоставлены материалы доследственной проверки № 96 пр-21. С представленными материалами специалист ознакомился путем личного прочтения. После ознакомления с материалами доследственной проверки следователем заданы следующие вопросы.

Вопрос следователя №1: Произошло ли негативное антропогенное воздействие на окружающую среду в результате обнаруженного загрязнения нефтепродуктами участка местности около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово»? Если такое негативное воздействие имело место, то повлекло ли оно загрязнение окружающей среды?

Ответ специалиста: Согласно представленным материалам на участке местности около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово» произошло негативное антропогенное воздействие на окружающую среду в виде разлива нефтепродуктов:

В пробе рег. №2.21.36 (слой почвы 0-5 см) зафиксировано более 50000 мг/кг нефтепродуктов (при пробе из фоновой точки 45 мг/кг);

В пробе рег. №2.21.37 (слой почвы 5-20 см) зафиксировано более 50000 мг/кг нефтепродуктов (при пробе из фоновой точки менее 20 мг/кг).

Полученные данные свидетельствуют, что содержание нефтепродуктов в загрязненных почвах как в слое почвы 0-5 см, так и в слое 5-20 см – более 50000 мг/кг почвы, что обеспечивает очень высокий уровень загрязнения почвы согласно письму Минприроды России от 27.12.1993 № 04-25/61-5678 «О порядке определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами»[795]*:*

1000-2000 мг/кг низкий уровень загрязнения;

2000-3000 мг/кг средний уровень загрязнения;

3000-5000 мг/кг высокий уровень загрязнения;

более 5000 мг/кг очень высокий уровень загрязнения.

Обнаруженное количество нефтепродуктов на загрязненном участке в слое почвы 0-5 см более чем в 1110 раз превышает фоновый показатель. С учетом того, что ПДК для нефтепродуктов в почве не нормируется, вместо него используется поправочный коэффициент, равный 0,1 к фоновому показателю. Таким образом, данные анализов пробы рег. №2.21.36 от 14.05.2021 г., проведенных «ЦЛАТИ по Северо-Западному ФО», свидетельствуют о превышении допустимой концентрации содержания нефтепродуктов в почвах на месте предполагаемого загрязнения в 111 раз, что указывает не только на очень высокий уровень загрязнения почвогрунтов, но и на многократное превышение этого уровня.

Обнаруженное количество нефтепродуктов на загрязненном участке в слое почвы 5-20 см более чем в 2500 раз превышает фоновый показатель. С учетом того, что ПДК для нефтепродуктов в почве не нормируется вместо него используется поправочный коэффициент равный 0,1 к фоновому показателю. Таким образом, данные анализов пробы рег. №2.21.37 от 14.05.2021 г., проведенных «ЦЛАТИ по Северо-Западному ФО», свидетельствуют о превышении допустимой концентрации содержания нефтепродуктов в почвах на месте предполагаемого загрязнения в 250 раз, что указывает не только на очень высокий уровень загрязнения почвогрунтов, но и на многократное превышение этого уровня.

Наличие в почве нефтепродуктов несет сильную антропогенную нагрузку и оказывает негативное влияние на жизнедеятельность растений. Влияние загрязнения нефтепродуктами на физико-химические свойства почвы связано, главным образом, с обволакиванием нефтепродуктами почвенных частиц. В связи с этим происходит сильное увеличение

[795] Письмо Минприроды России от 27.12.1993 № 04-25/61-5678 «О порядке определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5189/ (Дата обращения 11.08.2022 г.).

гидрофобности почвы, она утрачивает способность впитывать и удерживать воду, происходит вытеснение воздуха из почвенных пор, и в конечном итоге, нарушается водный и воздушный режимы почвы. Кроме того, в почве, загрязненной нефтепродуктами, уменьшается доступность для растений элементов минерального питания: азота, фосфора, калия, из-за обволакивания нефтепродуктами почвенных частиц, которое препятствует миграции подвижных форм элементов минерального питания, а также вследствие отрицательного влияния нефтепродуктов на бактерии, участвующие в круговороте азота в почве. Изменение физических и химических свойств почвы приводит к вытеснению воздуха нефтепродуктами, нарушению поступления воды, питательных веществ, что является основной причиной торможения развития, роста растений и их гибели[796,797].

Таким образом, вследствие разлива нефтепродуктов на участке местности около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово» произошло негативное антропогенное воздействие на почвенный покров, что выразилось в загрязнении и повреждении исходного почвенного покрова нефтепродуктами, до уровней, способных вызвать стрессовые явления в биоценозе, вплоть до полного его уничтожения, а также создало угрозу дальнейшего распространения загрязнения почв, грунтовых вод в результате распространения по естественному уклону рельефа.

С учетом вышеизложенных результатов проб рассматриваемое негативное антропогенное воздействие повлекло существенное загрязнение компонента окружающей среды нефтепродуктами, а именно почв земельного участка около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово», а также возможное загрязнение нефтепродуктами грунтовых вод, что указывает на необходимость проведения работ по ликвидации разлива нефти и нефтесодержащих продуктов, рекультивационных и иных восстановительных работ.

Эколого-экономический ущерб, причиненный почвам земельного участка около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово», может быть рассчитан в денежном выражении в рамках отдельно назначенной судебно-экологической экспертизы в случае наличия всех необходимых данных.

Вопрос следователя №2: Возникла ли угроза причинения существенного вреда здоровью человека в результате загрязнения нефтепродуктами

---

[796] Московец А. В. Использование трудноутилизируемых отходов нефтехимической промышленности в производстве экологически безопасных строительных материалов. Автореф. дис. … канд. техн. наук. Уфа, 2016.

[797] Писарчук А. Д. Эколого-микробиологические аспекты биоремедиации нефтезагрязненных экосистем и угольных карьеров. Автореф. дис. … канд. биол. наук. Томск, 2014.

участка местности около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово»? Если такая угроза возникла, то в чем она выражается?

Ответ специалиста: В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применения судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»[798] *создание угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде означает возникновение такой ситуации, которая повлекла бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы они не были предотвращены вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли лица, нарушившего правила обращения с экологически опасными веществами и отходами. Такая угроза предполагает наличие конкретной опасности реального причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. При этом применительно к ч. 1 ст. 247 УК РФ существенный вред здоровью человека выражается в тяжком или средней тяжести вреде здоровью хотя бы одного лица, а существенный вред окружающей среде – в ее загрязнении, отравлении или заражении, изменении радиоактивного фона до величин, представляющих опасность для здоровья или жизни человека, и т.п.*

Исходя из изложенного угрозой причинения существенного вреда здоровью человека в результате загрязнения нефтепродуктами участка местности около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово» можно рассматривать возможные варианты возникновения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью хотя бы одного лица от острого или хронического отравления нефтепродуктами.

Что касается токсичности, то пары нефтепродуктов высокотоксичны, они оказывают отравляющее действие на организм человека, особенно ядовиты пары сернистых, а также этилированных бензинов[799,800]*.*

Пары нефтепродуктов часто попадают в организм человека через органы дыхания, через кожу, иногда с водой, пищей и всасываются в кровь. Нефтепродукты оказывают раздражающее действие на слизистые оболочки и глаза. Их токсичность зависит от фракционного и химического состава[801,802]*.*

---

[798] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применения судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70146708/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[799] Давыдова С. Л., Тагасов В. И. Нефть и нефтепродукты в окружающей среде: учебное пособие. М.: Изд-во РУДН, 2004.

[800] Севастьянов М. И. Ремонт и эксплуатация технологических трубопроводов в химической, нефтяной и газовой промышленности. М.: Изд-во «Химия», 1966.

[801] Спиркин В. Г. Химмотология топлив: учебное пособие / под ред. И.Г. Фукса. М.: ГУП Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2002.

Нефть и большинство продуктов ее переработки (бензин, керосин, предельные и непредельные углеводородные газы, ароматические продукты) являются нервными ядами, обладающими наркотическим действием и поражающими главным образом центральную нервную систему. Они повышают возбудимость человека, вызывают головокружение, сердцебиение, общую слабость организма, нередко заканчивающуюся потерей сознания. Нефть и жидкие нефтепродукты, попадая на кожу, обезжиривают и сушат ее, вызывают различные кожные заболевания (экземы, дерматиты). К нервным ядам относятся также применяемые в нефтеперерабатывающей промышленности тетраэтилсвинец, метанол и другие вещества[803].

Углеводородные газы и пары нефтепродуктов при высокой концентрации действуют на организм наркотически, парализуют центральную нервную систему, раздражают слизистые оболочки; они растворяются в крови и с нею проникают в спинной и головной мозг[804].

В тяжелых случаях острого отравления нефтепродуктами возможны галлюцинации, судороги, нарушение сознания до полной его потери, кома, остановка дыхания и даже летальный исход. Согласно п. 1.1.6. Правил по охране труда при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов ПОТ РО 112-002-98[805] *при концентрации паров бензина в воздухе свыше 2,2% (30 г/куб. м) после 10 – 12 вдохов человек отравляется, теряет сознание, свыше 3% (40 г/куб. м) происходит молниеносное отравление (2 – 3 вдоха) – быстрая потеря сознания и смерть.*

Согласно п. 6.2.2. Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека[806] *кома II – III степени различной этиологии (в том числе в результате отравления) квалифицируется как вред здоровью, опасный для жизни человека, вызвавший расстройство жизненно важных функций организма человека, которое не может быть компенсировано организмом самостоятельно и обычно заканчивается*

---

[802] Севастьянов М. И. Ремонт и эксплуатация технологических трубопроводов в химической, нефтяной и газовой промышленности. М.: Изд-во «Химия», 1966.

[803] Полозков В. Т., Гончарюк В. А., Егоров В. Н. и др. Охрана труда на нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводах. М.: Изд-во «Химия», 1973.

[804] Глазов Г. И., Сидорин В. П. Каталитический риформинг и экстракция ароматических углеводородов. (Библиотека молодого рабочего). М.: Изд-во «Химия», 1981.

[805] Приказ Министерства топлива и энергетики Российской Федерации от 16.06.1998 № 208 «О введении в действие Правил по охране труда при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов (ПОТ РО 112-002-98)» (документ отменен) URL: https://base.garant.ru/179554/ (Дата обращения 16.09.2022 г.).

[806] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета от 05.09.2008. № 188.

смертью (угрожающее жизни состояние), что является одним из медицинских критериев тяжкого вреда здоровью человека.

Кроме этого частым осложнением острых и хронических отравлений нефтепродуктами являются различные поражения желудочно-кишечного тракта[807]*.*

С учетом того, что при выраженных формах интоксикации, несмотря на прекращение контакта с продуктами нефти и лечение, полного восстановления здоровья может не наступить, возможны случаи стойкой утраты трудоспособности. При этом в соответствии с п. 51а Таблицы процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин (Приложение к приказу Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека») нарушение функции органов пищеварения в результате травмы, острого отравления в виде холецистита, дуоденита, гастрита, панкреатита, энтерита, колита, проктита, парапроктита влечет 15% стойкой утраты общей трудоспособности, что согласно п. 7.2. Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека[808]*, квалифицируется как значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть и по этому признаку является одним из медицинских критериев вреда здоровью человека средней степени тяжести.*

Таким образом, можно заключить, что в результате загрязнения нефтепродуктами участка местности около 17 километра 4 пикета ж/д станции «Парголово» возникла угроза причинения существенного вреда здоровью человека, выразившаяся в реальной возможности возникновения тяжкого вреда здоровью человека и вреда здоровью человека средней степени тяжести.

Полученные от специалиста обоснованные суждения позволили в качестве одного из вариантов квалификации рассматривать совершенные деяния по ч. 1 ст. 247УК РФ[809]*.*

---

[807] Мельникова И. П. Оказание первой помощи при химических отравлениях: методические рекомендации (для практических занятий). Владивосток: Изд-во ИПК МГУ им. адм. Г. И. Невельского, 2009.

[808] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета от 05.09.2008. № 188.

[809] Кузнецов С. В., Молин Ю. А., Мелихов С. Ю. Судебно-медицинское определение вреда, причинённого здоровью человека в случаях экологических преступлений // Судебная медицина. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 186-192.

Как для любой формирующейся отрасли знаний, несмотря на наличие классических научных и экспертных методик, начальная стадия развития СЭЭ характеризуется поисками индивидуальных путей оптимального решения поставленных перед нею задач.

С учетом того, что при расследовании экологических преступлений в качестве значимой признается только прямая причинно-следственная связь, представляется, что ранее разработанные подходы[810] (основанные на концепции определения антропогенного причинного фактора в генезе того или иного неблагоприятного исхода для жизни и/или здоровья) могут найти продолжение в качестве методологической базы проведения комплексных судебно-медицинских судебно-экологических экспертиз.

***

Сохранение нарастающего уровня негативного воздействия на окружающую среду неизбежно приведет к дальнейшему обострению экологических проблем. При этом СЭЭ играют ключевую роль в установлении обстоятельств совершения экологических правонарушений, так как доказывание последних в современной системе права невозможно без судебно-экологического экспертного содействия, в рамках которого решается три основные задачи:

– устанавливаются источники, способствующие условия и механизмы антропогенного воздействия на окружающую среду и здоровье людей;

– определяются масштабы негативного воздействия и размеры вреда для окружающей среды и человека;

– выявляется причинно-следственная связь между экологическими правонарушениями и наступившими неблагоприятными последствиями.

Вместе с тем производство СЭЭ на регулярной основе организовано сегодня только в двух государственных ведомствах: в Минюсте России и, с недавнего времени, в экспертных подразделениях СК РФ.

Одновременно с этим ФЗ «О ГСЭД в РФ»[811], а также отраслевое процессуальное законодательство (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации[812], Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации[813], Кодекс административного судопроизводства Российской

---

[810] Кузнецов С. В. Методология экспертного сопровождения расследования преступлений по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи: монография. 2-е изд., изм. и доп. М.: РУСАЙНС, 2021.

[811] Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 05.06.2001. № 106.

[812] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета от 22.12.2001. № 249.

[813] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета от 20.11.2002. № 220.

Федерации[814], Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации[815]) позволяют проводить судебно-экспертные исследования как государственным, так и негосударственным судебно-экспертным учреждениям (включая научно-педагогические коллективы вузов и частнопрактикующих экспертов), которые обладают необходимыми интеллектуальными и материально-техническим ресурсами.

Практика расследования экологических и сопряженных с ними преступлений свидетельствует о том, что, несмотря на негласный приоритет системы государственной судебной экспертизы перед негосударственной, СЭЭ назначаются следственными органами в основном негосударственным экспертам (лицам, обладающим специальными знаниями в области экологии), что обусловлено малым количеством государственных экспертов-экологов.

В связи с изложенным, перспектива развития судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в целом видится в решении следующих основных проблемных вопросов:

– развитие института реальной независимой судебной экспертизы;

– дальнейшее введение в процессуальное законодательство норм, расширяющих возможности специалиста. Например, с 28 апреля 2017 года действуют дополнения к ст. 159 УПК РФ «Обязательность рассмотрения ходатайства», в соответствии с ч. 2.2 которой «Лицам, указанным в части второй настоящей статьи (подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям), не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами»;

– допуск негосударственных экспертов, обладающих необходимыми специальными знаниями, к участию в тех судебных экспертизах (в том числе комиссионных), в которых действуют неестественные монополии государственных судебно-экспертных организаций;

– обновление материально-технической базы новейшим оборудованием для производства высокотехнологичных и инновационных экспертиз;

– демонополизация государственных судебно-экспертных учреждений в научном совершенствовании судебно-экспертной деятельности;

---

[814] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета от 11.03.2015. № 49.

[815] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета от 27.07.2002. № 137.

– разработка новых методик судебно-экспертного исследования с реальной возможностью их апробации и внедрения в практику;

– создание кадрового резерва квалифицированных специалистов и вспомогательного экспертного персонала, способных работать в формате комплексного осмысления различных специальных областей знаний.

При этом перспективным направлением развития СЭЭ представляется разработка новых экспертных методик производства комплексных судебно-медицинских судебно-экологических экспертиз, охватывающих всю сферу медико-биологическую научных знаний. Это обусловлено тем, что полноценно выявить нарушение правовых норм и установить влияние негативных воздействий на экологическую обстановку и здоровье человека возможно только в рамках комплексного судебно-экспертного содействия, использующего комбинации нескольких направлений экспертной работы, благодаря чему может быть осуществлена должная юридическая оценка совершенного противоправного деяния.

Решение указанных вопросов возможно только при паритетном и полном законодательном урегулировании всех аспектов судебно-экспертной деятельности, как государственных, так и негосударственных судебно-экспертных учреждений.

В дополнение к письму Санкт-Петербургской академии СК РФ от 04 февраля 2021 года № 03.10-21/190 о предоставлении копий материалов уголовных дел и доследственных проверок, в рамках которых назначались судебно-экологические экспертизы[816], следственные подразделения СК РФ были проинформированы о том, что автором настоящей главы пройдена профессиональная переподготовка по специальности «Судебная экологическая экспертиза». Данные о дипломе и сертификатах соответствия занесены в федеральные реестры, получено право на самостоятельное производство судебно-экологических экспертиз, в связи с чем, в настоящий момент на регулярной основе осуществляется судебно-экспертное содействие в расследовании экологический преступлений[817]. Учитывая потребность в актуальных практических материалах и возможность со своей стороны предоставления следователям компетентного научно-консультационного содействия организовано взаимное сотрудничество. В рамках последнего в настоящее время выполнено 5 комиссионных судебно-экологических экспертиз по резонансным уголовным делам для следственных управлений СК РФ по Челябинской области (заключение от

[816] Информационное письмо Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации от 04.02.2021 № 03.10-21/190. СПб. – 2021.

[817] Информационное письмо Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации от 17.05.2021 № 03.10-21/1048. СПб. – 2021.

12.07.2021)[818], по Чувашской Республике (заключение от 30.07.2021)[819], по Архангельской области и Ненецкому автономному округу (заключение от 02.08.2021)[820], по Тверской области (заключение от 17.08.2021)[821], по Приморскому краю (заключение от 20.09.2021)[822].

[818] ЕАН. Интерактивные новости. Следственный комитет расследует наличие ртути в воде южноуральской деревни. URL: https://eanews.ru/news/sledstvennyy-komitet-rassleduyet-nalichiye-rtuti-v-vode-yuzhnouralskoy-derevni_09-06-2021 (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[819] Версия. Общество. В Чувашии следователи отрабатывают несколько версий об источниках выброса хлора в Новочебоксарске. URL: https://ch.versia.ru/sledovateli-otrabatyvayut-neskolko-versij-ob-istochnikax-vybrosa-xlora-v-novocheboksarske (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[820] Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округ. Новости. В Ненецком автономном округе возбуждено уголовное дело по факту разлива нефтепродуктов. URL: https://arh.sledcom.ru/news/item/1508806/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[821] Тверь 24. Главная. АПК. В свиноводческом комплексе ООО «Коралл» в Бежецком районе зарегистрирована африканская чума свиней. URL: https://tver24.com/2020/11/v-svinovodcheskom-komplekse-ooo-korall-v-bezhetskom-rajone-zaregistrirovana-afrikanskaya-chuma-svinej/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

[822] Вести Приморье. В Приморье предприниматель незаконно выращивал гребешок на территории морского заповедника. URL: https://vestiprim.ru/news/ptrnews/59626-v-primore-predprinimatel-nezakonno-vyraschival-grebeshok-na-territorii-morskogo-zapovednika.html (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

ГЛАВА III
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ

§ 1. Междисциплинарный подход в теории права

Любая социогуманитарная наука как системная совокупность знаний о человеке, обществе и государстве на определенном этапе своего развития достигает глубокого уровня исследованности и проработанности обширного круга узких, порой исключительно догматических проблем[823], когда перед наукой в лице ее представителей встает вопрос об оценке состояния разработанных знаний с позиций кризисности – осознания недостаточной осведомленности и убежденности в свойствах и качестве исследуемой материи. Действительно ли наступает пора так называемого кризиса науки, когда перед учеными предстают подобного рода вопросы или, скорее, наоборот – этот факт свидетельствует об обратном эффекте и является антиподом – историческим моментом, представляющим собой пик (вершину) развития науки? Ответ на поставленный вопрос далеко не однозначен. Приведённые рассуждения целиком относятся и к юриспруденции. Как оценивать её современное состояние – вопрос дискуссионный. Однако от перестановки слагаемых сумма не меняется[824]: и в этом случае от названия состояния суть проблемы не изменится, не отпадет и необходимость в постановке такого вопроса, который бы требовал целостного осмысления накопленного опыта. Так или иначе, речь идёт об особом состоянии науки, когда утрачивается понимание объекта, его значения и ценности, а также концептуальной цели его исследования.

Наиболее весомой частью общеюридического кризиса является теоретико-правовой кризис, что следует из природы теории права как общей (всеобщей) фундаментальной юридической науки[825]. Он представляет собой состояние так называемого «перелома», когда в результате рефлексии (са-

---

[823] Возможно, такие проблемы имеют немалое значение для детализации отраслевого и институционального яруса научной дисциплины, но они представляются мельчайшей степени значимости для совершенствования науки как таковой. Может случиться, что они, даже напротив, приведут к разрушительным последствиям, проявляющимся в вырождающемся упадке науки, когда начинает теряться понимание существа исследуемого явления, поскольку, говоря словами В. С. Нерсесянца, «расширение» и без того «узких мест» сути дела не меняет.

[824] Данный тезис относится только к исследуемому вопросу. Думаю, что в остальных подобных перестановках кроется скрытый смысл, как, например, в определении названия науки общетеоретического правоведения – теория права и государства или теория государства и права.

[825] Меликовский А. А. Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 9. – С. 7–10.

морефлекции) наука (в лице ученых-правоведов) выходит в отправную точку своих мыслей, не находя должных доводов в пользу ее обоснования и получая, по существу, с одной стороны, «герменевтический круг» (Г. Гадемер), с другой стороны, своего рода «замкнутый метафизический круг»[826].

В этом смысле невозможно не согласиться с позицией А. Н. Савенкова, который утверждает, что «мы живем в удивительное время – на наших глазах цивилизация погружается в активный поиск новых путей развития, что является следствием кризиса мирового порядка в целом; девальвации институтов государства и права; разрушения традиционных национальных и международно-правовых отношений; подмены правовых ценностей в общественном сознании». Кризис, по его мнению, охватывает не только нормативную, но и социокультурную сторону права, «что делает его преодоление особенно трудной задачей»[827]. Можно полагать, что социогуманитарный кризис последних десятилетий в нашей стране в некоторой степени обусловлен нашим историческим прошлым. И это действительно так, если учитывать, что в последнее время активно набирают обороты (не только в теоретической литературе, но и на практике) идеи, которые были актуальны в прошлом столетии, но в современности не просто подразумевающие веру в светлое общинное будущее, но именно в детскую (наивную) бессознательную веру в светлость этатистского будущего в ключе развития нашего смутного прошлого. Рассуждения с этих позиций порождают угрозы, главная из которых – угроза тотального идеологического диктата. Видимо, уроки истории, преподнесенные нам событиями XX века, не были в достаточной степени усвоены. Ведь «идеология ошибочности и тупиковости российской истории XX века», которая «будучи по сути своей антиисторичной, – по форме резко, но по сути, как точно утверждал академик В. С. Нерсесянц, – навязывает России и её народу стойкий комплекс исторической неполноценности и отбрасывает страну на периферию социально-исторического развития»[828].

---

[826] Ср. с позицией, высказанной выдающимся русским правоведом, впервые применившим феноменологический подход к праву, Н. Н. Алексеевым, который считал, что научное познание нужно вести «снизу», от правовой реальности (то есть правовых фактов). Выступая критиком современного ему рационализма как метода познания, ученый утверждал, что его применение в рамках классических типов правопонимания сводится только к формированию понятия: «Нельзя с уверенностью сказать, – рассуждает мыслитель, – что в современном рационализме, как это было у Гегеля, вся сумма нашего познания представляет собою как бы замкнутый круг… Двигаясь по окружности в любом направлении, проходя последовательно её точки, неизбежно приходишь к исходной точке». См.: Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб, 1998. – С. 53.

[827] Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект, 2020. – С. 6.

[828] Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2018. – С. 810.

Между тем общеправовая теория всеми возможными рычагами пытается вывести юриспруденцию из этого кризиса, но сталкивается с множеством преград, уже укоренившихся в профессиональном юридическом сознании. Для наглядности стоит привести пример. В последнее время в законодательной практике можно (было) наблюдать тенденции на введение в позитивное право ряда оценочных категорий относительно так называемого «рамочного» регулирования, что позволяет (позволило бы) отходить от тотального нормативизма. Но как нелицеприятно этот курс был воспринят рядом представителей отраслевой юриспруденции. Например, некоторые представители гражданского права, исследуя принцип добросовестности, одно из древнейших начал юриспруденции, утверждают, что такого рода оценочные категории приводят к размышлениям о нравственности, от чего страдает «основанный на определённости правовых предписаний метод гражданско-правового регулирования», а «субъективные гражданские права оказываются необоснованно подвергнуты воздействию всеобщего каучукового нравственного ограничителя»[829]. Такое понимание права (во всех смыслах этого понятия) откровенно обезображивает его природу. По мысли автора, все, что не содержит чётких предписаний инструктивного характера, – каучуковая материя, которая вызывает дополнительную (а именно интеллектуальную, а не техническую, когда требуется терпение лишь найти норму или сложившуюся практику) нагрузку. Ведь проще все прописать и погрузиться в «грех всеобщего нормативизма», чем законодательно определить общие рамки, оставив место для своеобразного «творческого подхода» в распределении человеческой (гражданской) свободы. Справедливо об этом пишет В. В. Сорокин: «деградировать всегда проще, чем совершенствоваться»[830].

Такого рода примеров неприятия отраслевой юриспруденцией предложений теории права можно привести бесчисленное множество. Это фундаментальная проблема, несомненно порождающая кризис во всей юриспруденции, в особенности – в теории права, умозрительные разработки которой напрочь отрицаются юридической практикой, ороговевший прагматизм которой беспределен. Совершенно точно об этом пишет А. Н. Савенков,

---

[829] Микрюков В. А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 17-24. Вместе с тем хочется обратить внимание и на некорректную формулировку самого названия статьи: принцип добросовестности далеко не «новый ограничитель», а если не самый древний, то один из самых древнейших. Конечно, сильно огорчает, что небезызвестные представители юридической науки и ведущих российских юридических школ современности позволяют себе такие нелепости, поскольку их труды пользуются большой актуальностью в современной отраслевой юриспруденции.

[830] Сорокин В. В. Общее учение о духе права: монография. М.: Проспект, 2021. С. 78.

утверждая, что в современных условиях «утрачены представления о смысле и идее права, которые заменены на правовую казуистику, по своей сути далекую от подлинных критериев научности знания»[831]. Как утверждает Е. В. Тимошина, «приоритет "эффективности", "практической полезности", "успешности" в качестве понятных критериев научного знания провоцирует дискредитацию теоретического правоведения как не удовлетворяющего нуждам "практики" и тем самым избыточной науки»[832].

Таким образом, попытки, которые предлагает осуществить теоретическое правоведение для ухода от прежнего этатистского опыта, в большинстве своем оканчиваются неудачами, возникают проблемы с искоренением из сознания «практиков» идеи тотальной урегулированности общественной жизни, с их переходом от механицизма к условному креативизму, что в конечном итоге приводит к дискредитации теоретико-правовой науки со стороны практической юриспруденции.

Несмотря на это, практическая юриспруденция выдвигает к теоретической «требование дисциплинарной "чистоты"», которая может быть достигнута лишь «принудительным разрывом "порочащих" ее связи с другими социально-гуманитарными науками и философией», – продолжает Е. В. Тимошина. По ее мнению, это «создает для теории права опасности самоизоляции и тем самым консервации, несовместимой с основной интенцией науки на рост нового знания, обеспечиваемый в том числе междисциплинарными практиками»[833].

Нельзя сказать, что в прошлом междисциплинарные практики не применялись. Их сфера применения была ограничена, особенно в нашей стране в постреволюционные времена XX века. Современный научный кризис и обусловлен во многом ограниченностью сферы применения междисциплинарного подхода, который является одним из основных и эффективных инструментов преодоления кризисного состояния.

Междисциплинарность в научной литературе определяется как процесс интеграции научных знаний, принадлежащих преимущественно различным отраслям, который сопровождается диффузией (то есть перетека-

---

[831] См.: Савенков А. Н. Указ. соч. С. 9. Ученый также рассуждает и о задачах, которые должны ставиться исследователями. С его точки зрения, при проведении научных исследований «важно не просто воспроизведение прежнего опыта, а надлежащая проблемно-критическая реконструкция основных вех истории философии права и ключевых моментов осмысления и анализа фундаментальных проблем государства и права, а также уточнение и прояснение мало изученных с правовой точки зрения и недостаточно освещаемых в традиционных юридических источниках тем и проблем». См.: Там же. С. 10.

[832] Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дисс. … д-ра. юрид. наук. М., 2013. – С. 1.

[833] Там же.

нием) и объединением различных (существующих в каждой из них) подходов, теорий, методов анализа и результатом которого выступает появление новой, концептуально оформленной области знания[834].

Очевидно, что междисциплинарность представляет собой некую парадигму, в первую очередь нацеленную на взаимоинтеграцию и взаимообогащение различных отраслей знания. В связи с этим возникает вопрос – а можно ли предать научный статус метода такому феномену, как междисциплинарность? Ответы на этот вопрос также далеко не однозначны. Естественно, все зависит от того, что понимать под методом.

Например, известный русский мыслитель Н. К. Михайловский под методом понимал «совокупность приемов, с помощью которых находится истина или, что то же самое, удовлетворяется познавательная потребность человека»[835]. Эта позиция «удовлетворения познавательной потребности человека» лучше всего демонстрирует ценность комплексного изучения объекта познания и непосредственно отсылает к идее междисциплинарных исследований.

Более приземленно рассматривает понятие метода В. С. Нерсесянц, для которого метод вообще – это «путь познания»[836], а юридический метод – «это путь, ведущий от объекта к предмету, от первичных (чувственных, эмпирических) знаний о праве и государстве к теоретическому, научно-юридическому (понятийно-правовому) знанию»[837]. Здесь очевиден прагматический настрой ученого: юристы редко взывают к категории истины, поскольку даже в философии права, по словам В. Н. Жукова, «истина – вещь принципиально релятивная»[838]. А в условиях постмодернизма истина – «вещь, безусловно, релятивная» она теряет свое существование, поскольку стирается грань между истиной и ложью (Ж. Бодрийяр). Однако её релятивная природа (как и природа справедливости, равенства и многих других категорий), делающая ее недостижимой объективно, не умаляет её наличия – к ней субъективно, но необходимо стремиться, несмотря ни на какие природные ограничения человеческого разума[839].

Раскрывая свое видение юридического метода как пути познания, В. С. Нерсесянц уточняет, что это «бесконечный путь углубления и разви-

---

[834] Нехамкин В. А. Междисциплинарность в современном гуманитарном познании: тенденции, итоги и перспективы развития // Социум и власть. – 2019. – № 2. – С. 97.

[835] Михайловский Н. К. // Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 4. Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в. / Ред. коллегия: В. В. Богатов, Ш. Ф. Мамедов (ред.-составитель второго тома и автор вступит. статьи) и др. М.: Мысль, 1972. – С. 388.

[836] Проблемы общей теории права и государства. С. 10.

[837] Там же.

[838] Жуков В. Н. Философия права: Учебник для вузов. М.: Мир философии, 2019. С. 33.

[839] Меликовский А. А. Справедливость в идеальном и реальном измерениях // VOX JURIS. Глас Права. Выпуск 1. – 2021. – С. 301–304.

тия знания о праве и государстве, непрекращающееся движение от уже накопленного знания об этих объектах к его обогащению и развитию, от эмпирического уровня знаний к теоретическому уровню, от достигнутого уровня теории к более высокому уровню, от уже сложившегося понятия права к новому, теоретически более содержательному и богатому понятию»[840]. «Юридический метод, – пишет академик, – как и всякий метод, только потому является путём познания, что он есть юридическое знание (юридическая теория) в движении, в формировании, изменении, углублении и развитии»[841].

Взаимное обогащение предметов различных наук позволяет (может позволить) науке превратиться из системы знаний в систему методов (в широком смысле) познания, описания и прогнозирования мировых политико-правовых явлений как в общем, так и в частности, применительно к отдельным сферам правовой регуляции. Таким образом, наука в узком смысле этого слова превращается в методологию в широком смысле, в систему функциональных связей, алгоритмов и парадигм проведения различных когнитивных практик. Современное теоретическое правоведение должно стремиться именно к такому пониманию теории.

Еще на рубеже XIX–XX столетий Г. Еллинек писал, что уже устаревшие, «ненадёжные методы, или точнее – прежнее отсутствие методов, не совместимы более с требованиями современной научной мысли. Новые же методы ещё только нарождаются»[842]. Эта оценка актуальна и в настоящее время. От методологии зависит конструирование предмета науки. А пока «новые методы только зарождаются», наука будет все больше и глубже погружаться в кризис.

О печальном состоянии современной юридической методологии написано немало. В большинстве своем методологические проблемы – и есть источник теоретико-правового кризиса. По мнению В. Н. Синюкова, «причины кризиса кроются в отсутствии новых методологических концепций, адекватных вызовам времени»[843]. Он утверждает, что «"старые" теории не в силах предложить адекватные меры разрешения противоречий современного государства и права, кроме традиционного усиления (ослабления) вмешательства государства, коллективизма (индивидуализма) как методологии правового статуса личности»[844]. Более категорично высказывается

[840] Проблемы общей теории права и государства. С. 11.
[841] Там же.
[842] Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд. СПб.: Н. К. Мартынов, 1908. – С. 20.
[843] Синюков В. Н. Теория правопознания в России: проблемы обновления // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / Отв. ред. А. В. Корнев. М., 2017. – С. 33.
[844] Там же.

В. В. Сорокин: «Мы не можем признать, – пишет ученый, – что положение в правовой методологии благополучно, пока в ней преобладают формалистические методы», они приводят к тому, что «наше право все более вырождается в наукообразное законодательство – замкнутое и непонятное обществу»[845]. По нему, методы представляют собой «ключи научного познания, при помощи которых открываются новые знания»[846].

Другими словами, если под методом понимать инструмент, предназначенный для расширения знания, а также способы постижения, главным образом, реальности, то было бы вполне рационально говорить о междисциплинарности как методологическом подходе, в частности, поскольку здесь очевидно прослеживается неплохой потенциал сочетания всего существующего в целях постижения нового и неизведанного.

Междисциплинарность – это методологический ориентир, способ выведения нового знания, исходя из применения, на первый взгляд, чуждых для науки, в рамках которой проводится исследование, знаний и методов их получения. Ее главная особенность заключается в том, что применение междисциплинарности подразумевает диалогическое (полилогическое) взаимодействие предметов различных отраслей знания. Конечно, можно не считать междисциплинарность, собственно, методом познания, что тоже допустимо, а считать ее целым комплексом методов, применяя которые происходит не только расширение предмета отдельно взятой науки, но и синтез двух и более наук, или относиться к ней как к методологической предпосылке, по аналогии с тем, как, например, О. Хёффе рассматривает плюрализм. Вместе с этим можно говорить о междисциплинарности как о методологическом принципе (как, например, понимал его Д. А. Магеровский), но ни в коем случае не относиться к ней как к принципу научного исследования, как к общему началу для всех научных изысканий, чтобы междисциплинарность не стала несправедливым критерием научности выработанного знания. Узкие догматические вопросы тоже неизбежно подлежат проработке, а они не всегда нуждаются в междисциплинарных практиках. Считать такие исследования ненаучными нет никакого основания, а междисциплинарность возвести в принцип научности – значит исключить собственное методологическое разнообразие теоретического правоведения (как, например, предлагает Р. Познер), допустить логическую и методологическую ошибку, которая снова непременно приведет к скорому кризису.

Таким образом, для возрождения понимания значения, ценности, цели исследования объекта, как и самого объекта, необходим поиск этого по-

---

[845] Современные методы исследования в правоведении: монография / Под ред. Н. И. Мазутова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 425 // Цит. по: Сорокин В. В. Указ. соч. – С. 78.
[846] Сорокин В. В. Указ. соч. С. 77.

нимания, безусловно, в непосредственном объекте – в самом праве, но средства и способы этого поиска нужно искать не только в нем, но в том числе и за его переделами[847].

Данная позиция носит «мягкий» характер, поскольку не исключает собственное методологическое разнообразие теоретического правоведения. В науке высказывались и более категорические позиции, когда теория права (legal theory) как дисциплина исключительно прикладного назначения с выведением из ее содержания философии права и доктринального анализа (правового обоснования, legal reasoning) занимается (должна заниматься) только «практическими юридическими проблемами, но подходит [(должна подходить). – А.М.] к ним извне, используя инструментарий других дисциплин», поскольку «подлинно научную концепцию права могут дать только подходы, позаимствованные из других дисциплин… говоря о "теории права" в целом, следует ограничивать этот термин теориями, пришедшими не из правоведения»[848]. Такая интерпретация теоретического правоведения безосновательно лишает (не просто ограничивает!) юриспруденцию ее собственного методологического инструментария – догматического и сравнительно-правового методов. Чтобы этого не допустить, необходим методологический плюрализм с ограничением всеобщего господства применения того или иного метода как единственно верного пути научного познания.

Однако здесь было бы некорректно не заметить некоторые угрозы, в частности, чтобы научные исследования не носили крайне поверхностный характер, были «обо всем», но по существу – «ни о чем». В обеспечении «безопасности науки» (а также учебной дисциплины) от этой угрозы и есть предназначение плюрализма. Прав был О. Э. Лейст, говоря о том, что «плюрализм … необходим и хорош в обществе, но не в учебнике, если перечисляют различные точки зрения, не обосновывая ни одной»[849].

Повсеместному распространению междисциплинарного подхода в научных исследованиях нужно быть признательными постклассической (а точнее – постнеклассической) науке, эпохе постмодернизма. Невозможно не согласиться с профессором Л. А. Микешиной, которая пишет, что с приходом постмодернизма изменяется (или же должна изменяться) суть когнитивных практик, что признается (должна признаваться) «дополнительность, гармонизация, одновременность вместо оппозиции или наряду с ней», «правомерность не одной, но нескольких парадигм (мультипарадигмаль-

[847] Меликовский А. А. Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности. С. 9.
[848] Познер Р. А. Рубежи теории права / Пер. с англ. И. В. Кушнаревой; под ред. М. И. Одинцовой. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2020. – С. 7–8.
[849] Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. – С. 247.

ность); другие приемы, требующие аналитической работы, не сводящейся к выявлению противоположностей»[850]. На мой взгляд – даже не столько «не сводящейся к выявлению противоположностей», сколько не сводящейся к необоснованному зацикливанию на выявленных малозначительных противоположностях. «Вместе с тем, – продолжает философ, – один из ведущих принципов постмодернизма, выдвинутый ещё Фейерабендом, – Anything goes! (Все пойдет!) – экстремален и не может быть принят в столь категоричной форме»[851]. По ее мнению, «стремление к диалогу, вслушивание в многоголосие различных подходов к проблеме с целью преодоления ограниченности одной "руководящей" доктрины, не столько критический анализ, сколько необходимый синтез или дополнительность когнитивных практик, принципиальное признание»[852] есть воплощение методологической продуктивности.

В литературе можно найти совершенно разные названия междисциплинарности, среди которых: трансдисциплинарность, мультидисциплинарность, межотраслевой научный подход, межпредметность, метадисциплинарность, метапредметность и так далее. Представляется, что в данном случае от наименования суть подхода, цель не меняется: она как состояла в расширении знания во взаимосвязях с иными науками, так и состоит в нем, независимо от терминологии, которой придерживается тот или иной автор. Например, В. В. Сорокин пишет о многофакторном подходе, который должен быть основан «на учете и анализе всего комплекса факторов, оказывающих влияние на правовую сферу»[853].

Однако здесь необходимо оговорить маленькую, но значительную деталь. Речь идёт о том, что категория междисциплинарности позволяет раскрыть предметную сферу исследований даже в том случае, когда имеются в качестве объекта исследования результаты другого исследования – в этом смысле междисциплинарность проявляется в первую очередь в лице социологического метода анализа вторичных данных, частично известного в социологии права в контексте метода анализа правовых материалов[854], тем самым уже известные знания об объекте позволяют установить более обширные системные связи внутри самого объекта и в его взаимодействии с другими объектами. В этом смысле нужно констатировать глобальный (глобализирующий) характер междисциплинарности, который во

[850] Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Флинта, 2005. – С. 23.
[851] Там же.
[852] Там же.
[853] Сорокин В. В. Указ. соч. С. 96.
[854] Подгурецкий А. Очерк социологии права. М.: Прогресс, 1974. – С. 161–181.

многом обусловлен взаимосвязями всех существующих в природе объектов и происходящих в обществе событий, которые в единстве их системных связей образуют сеть исторического и современного общенаучного знания и дискурса.

Таким образом, так или иначе речь идет о рассмотрении целого комплекса проблем, факторов, средств и т. д., которые не всегда лежат в плоскости права, а если и лежат в ней, то могут быть разбросаны по разным ее частям и областям. Это позволяет, с одной стороны, раскрыть междисциплинарность как особого рода комплексный и системный метод[855], а с другой стороны, относиться к ней как к феномену, сочетающему в себе все иные методы, преимущественно не применяемые, в нашем случае в юридических науках, и выступающему «методом всех методов», имея в виду ее множественный методологический инструментарий[856].

Следующий важный аспект постановки проблемы междисциплинарного подхода в современной теории права заключается в выведении видов междисциплинарности. Представляется, что междисциплинарность применительно к юриспруденции можно дифференцировать на внутреннюю и внешнюю.

Во внутренней речь идёт о междисциплинарных связях всех юридических наук. Никто не станет отрицать связь, например, гражданского права и уголовного права или же уголовного права и уголовно-процессуального права: их междисциплинарные связи – неотъемлемая часть каждодневной работы юристов, в ней наблюдается взаимное дополнение одних юридических наук и отраслей другими в целях обеспечения эффективного функционирования права. Речь идет о межотраслевой (от слова «отрасль», имею в виду отрасль права, которая выступает квинтэссенцией выделения отраслевых юридических наук) внутриправовой междисциплинарности.

Однако, помимо межотраслевой внутриправовой междисциплинарности, целесообразно выделить общетеоретическую междисциплинарность. Как уже отмечалось, междисциплинарность – это категория, непосредственно взаимодействующая и формирующая предметную сторону объекта познания. Следовательно, нужно выделить такого рода междисциплинар-

---

[855] Надо сказать, что эти понятия близки, но не тождественны. Системность предполагает упорядоченность взаимосвязанных (взаимодействующих) элементов, а комплексность – их часть, некую группу элементов. Междисциплинарность в свою очередь предполагает исследование не всегда с упорядоченными элементами, взаимосвязь которых возможна только опосредованно, но всегда с группами элементов, принадлежащих различным сферам науки и жизни, из-за чего они порой бывают не просто во взаимно непригодных, но даже и взаимоисключающих отношениях.

[856] Здесь представляется главным избежать понимания этой категории слишком широко, не свести ее к чрезвычайной крайности – эпистемологическому анархизму (в духе П. Фейерабенда).

ную категорию, которая целостно отвечала бы на вызовы современности и составила единый идейно-политический механизм, выступила бы фундаментом юридической науки, универсальным научным мерилом, независящим от идеологического диктата (не идеологии как таковой!). Такая междисциплинарность прослеживается в общей теории права и государства как суммы трех направлений: философии, догмы и социологии права. Хотя этот вопрос и остается дискуссионным в юридической литературе, так или иначе невозможно отрицать взаимосвязь этих направлений. Представляется, что необходимо признать правоту профессора О. В. Мартышина, который утверждал, что «следовало бы признать органическое единство общетеоретических юридических дисциплин, невозможность установления непроницаемых границ между ними»[857], что «условности подвижности этих границ объясняются не недоработкой, а органической связью трёх направлений»[858].

Даже тот факт, что в теоретико-правовом дискурсе поднимаются вопросы взаимосвязи права и государства, связанности государства правом или правовой характеристики государства (взгляд на государство через право), а также «государственническая», то есть этатистиская, характеристика права (взгляд на право через государство) – это уже показатель междисциплинарных зачатков в научных исследованиях политико-правового профиля.

В этом свете право (в особенности нынче, в эпоху доминанты нормативизма, когда право для большинства авторов немыслимо без государства) само по себе междисциплинарно, поскольку оно распространяется на всю сферу человеческой жизнедеятельности. «Игнорирование других областей знания в правовых исследованиях, – пишет А. Девлин, – породит непоследовательность, низкую осведомленность и в конечном счете оскуднение права… Только понимание контекста, в котором действуют правовые правила и стандарты, может позволить определить оптимальное устройство права… Таким образом, – заключает юрист, – понимание права на академическом уровне и применение его на практике требует гораздо большего, чем простое владение юридической доктриной»[859].

Это наводит на мысль, что, помимо внутриправовой междисциплинарности, существует и внешняя междисциплинарность. Здесь междисциплинарность понимается как связь между юриспруденцией (в лице ее наук) и иными отраслями знаний. Сложно представить себе регулирование

---

[857] Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. – С. 16.
[858] Там же. С. 15.
[859] Девлин А. Основные принципы права и экономики / Перевод с английского М. Маркова; под научной редакцией Д. Раскова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – С. 4-5.

информационных отношений, цифровых прав, да и в целом реализацию тенденций цифровизации, обеспечение информационной безопасности и так далее в отрыве от чисто технических, кибернетических, так называемых информационно-телекоммуникационных, IT (information technology) знаний. Для должного регулирования необходимо понимание того, как передается информация (здесь необходимы не только технические, но и философские, общесоциальные знания, коммуникативистика и другие отрасли человеческого знания), что представляет собой информация, криптография и т. д. Или, скажем, когда речь идет о регулировании вопросов жизни и смерти в рамках охраны жизни и здоровья граждан: как без обращения к медицине и биологии определить момент начала жизни (один из дискуссионных вопросов в правоведении) и момент ее окончания? Как регулировать вопросы применения репродуктивных технологий без обращения к другим наукам? И так далее. Примеров подобного рода вопросов, в которых явствует неизбежность применения и инстинктивная применимость междисциплинарного подхода, можно привести бесчисленное множество. Во всех случаях ответ один – необходимо обращаться к иным отраслям знания. Но обращаться можно и нужно не столько для того, чтобы урегулировать какую-то иную сферу человеческой свободы, а, в частности, сколько для получения новых методов исследования, для поиска ответов на запросы права в естественных и иных социально-гуманитарных науках и для применения методики de similibus ad similia («от подобного к подобному», речь идет об аналогических рассуждениях) в научных исследованиях. Применение междисциплинарного подхода даже в теории права позволяет применять частнонаучные методы других (причем не столько неюридических, сколько в целом негуманитарных) наук. Так, например, В. С. Нерсесян в монографии «Современное право: теория и методология»[860] активно применяет математические методы для выявления и анализа проблем, связанных с количественным измерением формальной свободы, исследованием негативного, правонарушающего действия эмпирических формально-неравных отношений в праве, формальной математики правового закона и так далее.

Вместе с тем внешняя юридическая междисциплинарность прослеживается и на общетеоретическом уровне. В таком случае нужно исходить из того, что теоретическое правоведение – своего рода представитель всей юриспруденции в научном дискурсе с иными науками. Неслучайно академик В.С. Нерсесянц отождествлял предмет общей теории права и государства с предметом всей юриспруденции. Примером такой связи может слу-

[860] Нерсесян В. С. Современное право: теория и методология: монография / Под ред. В. В. Лапаевой. М.: Норма, 2019. – 304 с.

жить разработка концептуальных основ новых отраслей права, когда юриспруденция лицом к лицу сталкивается с иными отраслями знания.

Тем самым нужно учесть, что «китайской стены» между внутренней правовой междисциплинарностью и внешней нет и быть не может: наука – гармонична, взаимодействие в одной сфере порождает взаимодействие в другой, открытия в одной науке (в ее части) требуют пересмотра накопленных знаний в другой науке (или ее части).

В этом смысле связи юриспруденции с иными отраслями человеческого знания (а равно и внутриюридические связи тоже) очевидны. Красиво пишут о таких связях всех наук С. П. Капица, С. П. Курдюмов и Г. Г. Малинецкий: «В конце нашего века, – провозглашают ученые в конце прошлого столетия, – междисциплинарный синтез стал не игрой ума, а насущной необходимостью. К сожалению, “физики” и “лирики” по отдельности не выдержали экзамена в XX веке. В следующем веке его придется сдавать вместе»[861]. Уже наступил этот «следующий век». Но насколько скоро состоится такой «экзамен»? Скорее всего, еще придется подождать. Хотя ряд авторов и считают, что «сегодня междисциплинарность применительно к социально-гуманитарным наукам оказывается нормой жизни, а знание в рамках дисциплины – аномалией»[862], юриспруденция, особенно фундаментальное правоведение, на словах все еще с аномальной страстью держится всепоглощающего догматического подхода, а на деле всего лишь воспроизводит марксистко-ленинскую теорию государства и права без соответствующих ссылок на Маркса, Энгельса, Ленина как на «основоположников научной теории о государстве и праве»[863].

Кроме того, тесная междисциплинарная связь прослеживается во взаимодействии теории права с иными науками в рамках отдельных типов правопонимания – одной из принципиальных проблем, во-первых, которая выступает первым среди равных факторов, обусловливающих предмет теоретического правоведения, во-вторых, на базе которой строится конкретная правовая теория. В дальнейшем же работа с политико-правовыми доктринами уже приводит к постановке проблемы плюрализма в структуре предмета теоретического правоведения. И тут уже «мудрость состоит не в поисках всеобъемлющего определения, – писал профессор О. В. Мартышин, – и не в абсолютизации какой-то одной теории, а в диалектическом сочетании испытанных временем классических типов понимания права, позволяющих

---

[861] Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. – С. 11–12.

[862] Касавин И. Т. Интеграционность и междисциплинарность в социогуманитарном пространстве // Труд и социальные отношения. 2008. № 5. – С. 20.

[863] См., например, Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1987. – С. 12-18.

дать разностороннюю характеристику сферы права или правовой реальности»[864], которая в свою очередь, по словам О. Э. Лейста, «сама может стать предпосылкой и причиной различных идейно-политических доктрин»[865].

Однако во всеобщем плюрализме тоже наблюдаются угрозы, не только в ключе рассуждений П. Фейерабенда, по которому плюрализм соединяется с несоизмеримостью теорий и порождает своеобразный научный анархизм, но и в плане их развития – речь идет об угрозе их самостоятельного и независимого существования, поскольку нет уверенности в том, что «разностороннее представление»[866] об объекте науки, пишет В. В. Лапаева со ссылкой на О. В. Мартышина, «будет у нас именно о праве, а не о чем-то ином (может быть, прямо ему противоположном)»[867].

Однако опасность впадать в крайности возможна при любом раскладе событий. Даже самая безобидная идея в ее извращенно-радикальной форме может стать губительным оружием в руках человека. Это не означает, что поиск путей выведения и получения новых знаний, а равно и сами знания, должны находиться в состоянии консервации, что любые идеи, нацеленные на совершенствование науки и преодоление многовековых препятствий (в том числе антиномичных) внутренне гармонического бытия науки, должны безосновательно отвергаться. Теоретическому правоведению, как и всей юриспруденции, необходим поиск путей единства в многообразии, который не должен проходить под «модными» лозунгами, связывающими, как пишет Е. А. Фролова, «имя автора с экстравагантными терминами и неординарными конструкциями», без всякой надобности умножающими «уже известные сущности»[868].

Применение междисциплинарного подхода в науке приводит к тому, что образуются новые, концептуально оформленные знания «на стыке различных наук», что ведет их к получению научного статуса. С одной стороны, в таком случае наблюдаются тенденции дробления наук, а с другой – их взаимопроникновение. Юриспруденция в этом смысле тоже не стоит в сто-

---

[864] Мартышин О. В. Указ. соч. С. 265.

[865] Лейст О. Э. Указ. соч. С. 13.

[866] В первой редакции текста, который О. В. Мартышин опубликовал в статье «Совместимы ли основные типы понимания права?» (Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21), он пишет, что нужно не «искать универсальное определение права, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно [добавим, что еще и в ряде случаев крайне противоположно и несовместимо – А. М.], и лишь их совокупность дает разностороннее представление о праве» (Там же. С. 14).

[867] Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. – С. 19.

[868] Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария: монография / Под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2020. – С. 5.

роне. «Вновь появляющееся межотраслевое знание, – констатирует профессор В. Н. Жуков, комментируя общую тенденцию дифференциации и интеграции юридического научного знания, – оказывается той соединительной тканью, благодаря которой картина мира возвращает себе былое единство», поскольку «политико-правовое бытие … едино, хотя и отличается крайней сложностью, антиномичностью, противоречивостью»[869].

Как писал известный отечественный правовед Н. М. Коркунов, «человеческое знание – это книга с разрозненными страницами. Здесь, на одной странице мы прочли все, на ней написанное, знаем все до последней буквы, но рядом с ней нет ни предшествующей, ни следующей за ней страницы, и прочитанное нами, оставаясь без начала и конца, только дразнит нас, как неразрешимая загадка»[870]. По существу, он поставил проблему понимания знания, а для этого (для постижения смысла знания) необходимо видеть системные и междисциплинарные связи между его различными фрагментами, разбросанными по разным наукам или их частям, чувствовать взаимную обусловленность одних знаний другими, применять их непосредственно в жизни. В этом смысле междисциплинарный подход для теории права, особенно в XXI веке, выполняет (может и должен выполнять) исторически значимую роль, он предоставляет ей возможность[871], возможность развиваться, самосовершенствоваться, вырабатывать новые знания, а любая возможность – это и есть необходимое условие для развития науки.

§ 2. Использование общенаучного метода конкретизации в юридических исследованиях и правовом регулировании

Прежде чем рассматривать использование конкретизации в юридических исследованиях и правовом регулировании, представляется необходимым еще раз обратиться к общенаучному (междисциплинарному) пониманию понятия и сущности метода конкретизации.

Такие парные методы научного познания, как абстрагирование и конкретизация, находят широкое применение в теоретических исследованиях. С одной стороны, данные средства познания находятся в тесной связи с другими «инструментами» – анализом и синтезом. С другой, выполняют свою, самостоятельную роль.

Как и конкретизация, абстрагирование является общенаучным методом научного познания. Абстрагирование есть мысленное отвлечение, рас-

[869] Жуков В. Н. Указ. соч. С. 124.
[870] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2019. –С. 9.
[871] «Возможность – это объективная тенденция возникновения и развития предмета», – писал известный российский теоретик права Н. И. Матузов. См.: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. С. 14.

смотрение некоего признака или свойства предмета в отрыве от него самого. Сущность абстрагирования проявляется в исследовании отдельных элементов конкретного объекта «отвлеченно» от иных его свойств, признаков и протекающих процессов, которые являются несущественными или же второстепенными по отношению к исследуемому элементу. При абстрагировании они игнорируются, а основной акцент исследования делается уже на других – существенных в данном случае – характеристиках. Иными словами, подобный процесс научного познания позволяет выявить отдельные, более глубокие свойства самого предмета через изучение отстоящих от него свойств и признаков[872].

Значимость метода абстрагирования зависит от сферы исследований, и в тех областях науки, где возможность подтвердить что-либо экспериментально – эмпирически – ниже, либо является необоснованно сложной и энергоемкой или же просто отсутствует – абстрагирование, как метод научного познания, является едва ли не важнейшим из средств исследования.

Выделение путем абстрагирования ряда элементов, составляющих одно явление или объект, зачастую требует рассмотрения его в таких же, не вполне реальных условиях. За счет такого метода научного познания, как абстрагирование появляется возможность углубленно обратить свое внимание на существенные именно в настоящее время и именно для данного исследования обстоятельства. Использование метода абстрагирования позволяет выявить общие или родственные признаки у формально определенного множества предметов, либо напротив, обнаружить частные признаки, которые присущи лишь этому предмету, и заняться углубленным их изучением. При проведении исследований в области гуманитарных наук иногда требуется рассмотреть конкретное свойство объекта изучения или некий процесс в отрыве от непосредственного объекта изучения как такового. В подобных случаях одно явление намеренно отделяется от другого и исследуется без учета его воздействия несмотря на то, что указанные явления совместно рассматриваются как элементы того или иного единого процесса или объекта.

Результаты научного исследования, которые зачастую представляют собой комплекс теоретических знаний (в данном случае – абстракций) должны быть введены в систему существующих и многократно рассмотренных научных знаний, с тем чтобы в одном случае внести в них необходимые уточнения, развить известные факты в других направления, либо напротив доказать их некорректность и несостоятельность. Как раз для вве-

[872] См. подробнее: Пономарев А. Б. Методология научных исследований: учеб. Пособие. Пермь: Изд–во Перм. нац. исслед. политех. ун-та, 2014.

дения этого информационного комплекса в систему научных знаний необходимо применение метода конкретизации[873].

Конкретизация является общенаучным теоретическим методом исследования, который имеет в своей основе процесс разделения общих теоретических знаний и научных представлений об объекте на однородные группы проблем, либо отдельные проблемы, которые в дальнейшем подлежат практическому изучению. При применении конкретизации как метода научного познания происходит мысленное соединение выделенных при абстрагировании и изученных средств, свойств и признаков объекта в единый информационный комплекс, имеющий в основе сделанные ранее «абстракции». При слиянии уже имеющихся и полученных в ходе научного исследования данных выдвигаются гипотезы, через решение которых возможно получение новых данных об исследуемом объекте или же уточнение, корректировка, либо исключение уже имеющихся – полностью или в части[874].

Исходя из последовательности этапов проведения научного исследования, место конкретизации в системе общенаучной методологии можно определить как приведение полученных теоретических знаний к практическому применению через конкретизацию существенных условий решения каждой гипотезы в отдельности и итоговой предпосылки для формулировки выводов относительно объекта исследования, имеющих прямое практическое значение. Конкретизация позволяет синтезировать полученные в ходе научного исследования новеллы в гипотезы и знания, которые не только обладают научной новизной, но и готовы к апробации их в реальных («конкретизированных») условиях.

Сам по себе процесс научного теоретического познания, направленный от абстрактного к конкретному, имеет своей целью качественный переход от «менее содержательного к более содержательному» знанию. Исследователь в результате проведенных изысканий получает целостную картину изучаемого объекта или явления, расширяя и дополняя его содержание. Таким образом, конкретизация – это особый метод диалектического познания, в основе которого лежит восхождение от абстракции к конкретике, имеющее своей целью развитие и уточнение научных знаний, корректировку источников, изучение особенностей внутренних факторов и свойств, а также исследование возможных противоречий, выявленных в ходе исследования. Данная методика получения научных знаний необходима для понимания сложных природных и социальных процессов и, вместе с тем, поз-

[873] См., например: Некрасова Н. А. Методология научного познания: учебное пособие. М.: РУТ (МИИТ), 2017.
[874] См.: Гринько Е. П. Методика и техника научного исследования: учебно-методическое пособие. Брест: БрГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 75.

воляет рационально и полно излагать новые, полученные в ходе научного исследования, данные. Ведь исключительно при принятии во внимание целостной картины, складывающейся из различных научно доказанных и обоснованных факторов, возможно наиболее адекватно воспринимать и понимать протекание тех или иных процессов, сущность и природу функционирования различных объектов[875].

Несмотря на довольно пристальное внимание в правовых исследованиях к теме использования метода конкретизации в механизме правового регулирования, однозначного, формального определения термина «конкретизация» применительно к юридической деятельности так и не появилось, что порождает споры и дискуссии среди ученых, в которых нередко присутствуют достаточно рознящиеся, а порой и взаимоисключающие точки зрения, и не снимает с повестки дня дальнейшее обращение к методологическим и технико-юридическим основам исследования конкретизации в праве[876]. «Конкретизация» есть закономерное развитие содержания правовых норм, которое следует из самой логики формирования законодательной регламентации и определенности предмета правового регулирования[877]. Процесс правового регулирования в целях максимального его сближения с правоприменительной практикой нуждается в уточнении, детализации фактических и юридических обстоятельств.

Конкретизация не является индивидуальным свойством исключительно правотворческой деятельности, а выступает элементом всех этапов правового регулирования: и правотворчества, и правоприменения, и толкования норм права[878]. Однако значение общенаучного теоретического метода конкретизации в правотворчестве представляется наибольшим по той причине, что процесс формирования юридического базиса правового регулирования, процедура разработки законов и других нормативных правовых актов создают основу функционирования правоотношений в обществе.

Правотворческий процесс заметно усложняется: формируются новые формы общественных отношений, которые требуют скорейшей и аккуратной юридической регламентации, складываются новые правовые институ-

---

[875] См. подробнее: Бернацкий Г. Г. Введение в методологию юридической науки: учебное пособие. СПб.: Изд–во СПбГЭУ, 2016.

[876] См.: Залоило М. В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. – 2010. – № 5. – С. 105–112.

[877] См.: Власенко Н. А. Методологические основы исследования конкретизации в праве // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП, 2015. – С. 70-88.

[878] См. подробнее: Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007г.) / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008.

ты, образуются ситуации, предпосылок для регулирования которых ранее вообще не существовало, усиливается влияние глобализационных факторов на национальное законодательство. Все эти процессы требуют от правотворчества согласованности, преодоления излишней системной разбалансированности и дефектности законодательства[879]. Обеспечение устойчивого, однозначно определенного и стабильного правового регулирования находится в прямой зависимости от использования эффективных методов при осуществлении правотворчества и, в частности, конкретизации.

Методология в юридической науке – сложное образование из различных методов, приемов и средств познания правовой действительности. Задействование метода конкретизации в правотворчестве позволяет учесть при создании нормативных правовых актов все те абстракции, гипотезы и теории, о которых говорилось выше при характеристике понятия и сущности конкретизации как общенаучного метода познания. В юридической науке под комплексом таких абстракций, гипотез и теорий подразумеваются теоретические, доктринальные положения и практические моменты правоприменения, нововведения юридической техники и результаты компаративистских исследований, методики унификации и гармонизации права. С.Н. Болдырев отмечает, что «конкретизация – прием юридической техники, процесс определения сочетания и соединения приемов и методов познания, методологический способ и связанное с внешними условиями свойство правового регулирования, представляющее собой координирование конкретного с абстрактным и перевод от неопределенности содержания юридического документирования к его определенности …, выделение из общего каких-то единичных сторон и детальное их рассмотрение для изучения правового явления, которое совершается на основе особенностей предмета научно-теоретического исследования»[880]. Залогом успешного правотворчества является дополнение научных изысканий новыми методиками и средствами при сохранении старых приемов апробации.

В то же время «ученые-юристы, предлагая свои варианты совершенствования действующего законодательства, – по меткому выражению В.М. Сырых, – выступают в роли социальных инженеров и конструкторов»[881]. Конкретизация как эффективный метод правотворчества призвана однозначно определить юридические термины, исключив разночтения и мани-

[879] См.: Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика). Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015. – С. 12.

[880] Болдырев С. Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: дис. … докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. – С. 17.

[881] Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник по программам магистерской ступени образования. М.: ИНФРА–М, 2012. – С. 263.

пуляции, сформировать унифицированные юридические конструкции, сделав их инструментом реального правоприменения, а также устранить дефекты правотворчества и свести к минимуму правовое дублирование норм. Иными словами, правотворческая деятельность имеет в себе как один из элементов нормативную конкретизацию, деятельность по интерпретации и реконструкции действующего законодательства[882].

Отдельного рассмотрения требует вопрос о соотношении конкретизации и толкования в праве. В юридической литературе по этому поводу можно условно выделить несколько обобщенных позиций, а именно:

– отождествление понятий;

– поглощение конкретизации понятием «толкование»;

– рассмотрение конкретизации как более широкого понятия, а толкования в качестве его составного элемента;

– установление взаимосвязи между конкретизацией и толкованием как «цель» и «средство»;

– разграничение понятий в качестве самостоятельных. Как справедливо обосновывает В.В. Ершов, понятие «толкование» ограничено только разъяснением в формате правоприменения с целью реализации индивидуального подхода при наличии определенных условий общественных отношений. Конкретизация же права – иной процесс, подразумевающий выработку в процессе правотворчества более детальных, уточняющих норм права[883]. Основной задачей конкретизации является достижение максимально возможной правовой определенности. Конкретизация предполагает переработку содержания нормы в отличие от официального толкования права.

Параллельно с обогащением нормативно-правового акта позитивными, социально ценными свойствами, конкретизация правовых норм обладает и возможностью гипотетически порождать определенные негативные проявления, являющиеся закономерными следствиями явных противоречий между стабильностью и динамизмом, формализмом и вариативностью, определенностью и абстрактностью правовых норм. Между тем негативному аспекту конкретизации правотворческого процесса не уделяется должного внимания[884].

---

[882] См.: Поленина С. В. Конкретизация как метод законотворчества в Российской Федерации // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007г.) / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. – 2008. – С. 33-56.

[883] См.: Ершов В. В. Конкретизация Конституции России: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2013. – № 12 (92). – С. 5-22.

[884] См.: Желдыбина Т. А. Методологические основы конкретизации законотворчества // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4. – № 2 (14) – С. 2-8.

По мнению В.М. Баранова, конкретизация правовой нормы нередко искажает саму суть правотворчества и «регулятивный смысл акта нормосозидания как его полноценного результата». Допущение обратного обесценивает не только процессы по конкретизации права, но и действующее законодательство. «Увлечение конкретизацией» и «неумеренная апологетика ее доктриной» ведет, на взгляд В.М. Баранова, к «снижению ответственности законодателя за качество каждой принимаемой правовой нормы», создавая стойкое ощущение законодателя, что ни одна «правотворческая ошибка из серии неопределенных юридических норм – не критична» и допустима, ведь может быть конкретизирована с течением времени[885].

Таким образом, практические недостатки конкретизации коррелируют, прежде всего, с доктринальной проблемой – отсутствием дефиниции конкретизации в юридических исследованиях и правовом регулировании. Конкретизация применительно к правотворческому процессу обладает чрезмерно широким или даже «недопустимо плюралистичным» характером. Общенаучный метод конкретизации в юридической науке наделяется и свойствами средства реализации правовой политики государства, и определением истинной цели правотворческой мысли, и методом (а иногда – основным принципом) юридической техники, и даже наделяется такими качествами, как «механизм обеспечения действия нормативных актов» и «фактор качества реализации права». Благодаря приписываемым этим «мнимым свойствам», конкретизация становится едва ли не «утопическим» решением любой правотворческой проблемы, на самом деле искажая и искусственно расширяя смысл нормативных предписаний. Как тут не вспомнить еще раз слова В. М. Баранова о попытке сделать правотворческие ошибки и дефекты чем-то вполне нормальными и допустимым, сняв с законодателя ответственность за качество правового регулирования. Зачастую конкретизация правовой нормы вообще не имеет рационального смысла, так как сформулированная общая норма, которая, по мнению одних, нуждается в конкретизации, с другой точки зрения, обладает своей особенной ценностью, а неопределенность в ней обладает положительным свойством, увеличивая потенциал ее правового регулирования.

§ 3. Юридический язык в условиях цифровизации права

Не затрагивая вопрос происхождения права, стоит отметить, что право, и язык – продукт человеческой деятельности, благодаря языку право об-

[885] См.: Баранов В.М. Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Очерки техники правотворчества. Избранные труды. – 2015. – № 9. – С. 580-608.

ретает символическую форму[886]. Как отмечает Н. В. Андрианов, и право, и язык характеризуются нормативностью, структурным и подсознательным характером воспроизводства, институциональной принудительностью и конвенциональностью[887].

«Понятие юридического языка в силу многогранности его составляющих (язык и право), разнонаправленности его восприятия (юристами и лингвистами), смешения понятий (юридический язык, язык права, правовой язык, язык юриспруденции, язык юристов) в настоящее время окончательно не сложилось»[888].

Цифровизация (она же – дигитализация или диджитализация) затронула различные сферы человеческого бытия и сознания, включая юридическую деятельность и правосознание, и, как следствие, юридический язык (далее – ЮЯ). В самом общем виде цифровизация охватывает многообразные формы внедрения и применения цифровых технологий (далее – ЦТ), соответственно, цифровизация права предполагает «построение обновленной правовой системы под влиянием технологического фактора, где право и технологии стремительно объединяются и сращиваются»[889].

ЦТ оказывают серьезное воздействие на сферу права, а соответственно, различным образом проявляются в сфере функционирования ЮЯ в целом и всех его уровней, В структуре ЮЯ выделяют язык нормативных правовых актов, язык правоприменительных актов, язык правореализационных актов (сделок), язык юридической науки, язык юридической практики, язык юридического образования и даже язык правовой журналистики[890].

Главное – это то, что ряд ЦТ выполняет *коммуникационную функцию* в обществе. Несомненно, ЮЯ выполняет эту и другие функции: он воздей-

---

[886] Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма. – 2010.– С. 5; Гончарова Н.С. Символизм в праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 1 (24). – С. 91.

[887] Андрианов Н. В. Право и язык: диалогическая сопряженность // Государство и право. – 2012. – № 11. – С. 16–18.

[888] Шепелёв А. Н. Характеристика юридического языка // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 1. – С. 218.

[889] Гвоздецкий Д. С., Залоило М. В. Цифровизация ведомственного нормотворчества как прорывное направление в государственном управлении // Право и государство: теория и практика. – 2019. – №10 (178). – С. 35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vedomstvennogo-normotvorchestva-kak-proryvnoe-napravlenie-v-gosudarstvennom-upravlenii (Дата обращения: 15.09.2022 г.).

[890] Обзор см.: Шепелёв А. Н. Указ. соч. С. 218–219; Ковкель Н. Ф. Основные элементы структуры правового языка // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 44-51. Иначе рассматривают структуру языка права М. В. Байтеева и М. Л. Давыдова: См.: Байтеева М. В. Язык и право. Монография. Казань: Изд- во «Отечество», 2013. – С. 50-70; Давыдова М. Л. Структура языка права: Филологические и юридические аспекты // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 40-47.

ствует, определяя и выражая волеизъявление, он позволяет обеспечивать доведение сведений о содержании правовой информации, выражает психологическое отношение говорящего и оформляет его мысли, маркирует носителей и т. д.[891] По мнению В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева, главной особенностью ЮЯ заключается в том, что для признания юридической обязательности правил поведения «достаточно самого факта наличия данного правила в конкретной правовой системе»[892]. Надо добавить, что это обеспечивается за счет использования официальной формы – источника права. Будучи инструментом правовой коммуникации, формой существования правоположений, ЮЯ характеризуется адекватностью, лапидарностью, детерминированностью, формальностью[893]. Именно функциональное сходство в контексте организации правового общения позволяет рассматривать взаимодействие ЮЯ и ЦТ.

Изменяется характер взаимодействия ЮЯ и так называемого языка ввода правовой информации в память технических устройств. Если сейчас юристы однозначно признают вспомогательное значение искусственного языка по отношению к естественному[894], каким является машинный, то с внедрением искусственного интеллекта вероятна обратная ситуация, когда, образно говоря, «хвост будет вилять собакой». ЦТ позволяют формализовать ЮЯ. «Плюсами» формализации ЮЯ применительно к законодательству А. А. Гайдамакин называет его гармонизацию, обеспечение семантической прозрачности для населения, управление юридическими знаниями, расширение прогностических возможностей теории права и повышение качества и эффективности законодательства[895]. Однако законами право не исчерпывается. Следует понимать, что ЮЯ – «живое» явление, способное к саморазвитию.

Развитие ЦТ приводит к интенсификации правового общения, ускорению темпов формирования юридических явлений, обусловленных вре-

---

[891] Хижняк С. П. Основы юридической лингвистики: учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. Права, 2011. – С. 21; Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // Legal Concept = Правовая парадигма, 2021. – Т. 20, № 1. – С. 63.

[892] Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Правила, юридический язык и речевые акты // Schole, СХОЛЭ. – 2014. – №2. – С. 302. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-yuridicheskiy-yazyk-i-rechevye-akty (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

[893] Подробнее см.: Хворостов А .Ю. Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 168-170. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-yazyk-i-yazyk-yurista-1 (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

[894] Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 13–14.

[895] Гайдамакин А. А. Семантические отношения как основа формального языка права // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 80. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-otnosheniya-kak-osnova-formalnogo-yazyka-prava (Дата обращения: 15.09.2022 г.).

менными параметрами (например, образование юридических обычаев и обыкновений). Изменяется само восприятие так называемых «временных» концептов: можно констатировать в ряде случаев переход от астрономического к так называемому машинному времени.

Несколько меньше затронуты цифровизацией понятия, обозначающие пространственные характеристики совершения юридических актов. Однако поскольку ЦТ зачастую имеют дело с искусственными акторами (далеко не всегда правосубъектными), то проблема территориальной связи, а, следовательно, осуществления территориальной государственной юрисдикции и контроля сохраняет свою актуальность. В то же время традиционные территориальные принципы осуществления юрисдикции малоэффективны, и государства идут на существенное расширение экстерриториальной юрисдикции. Например, в практике Верховного Суда Германии отрицание холокоста было признано совершенным на территории Германии в том случае, если пользователь Интернета прочитал статью об этом, опубликованную в Австралии. Такой подход объявляют необоснованным даже сами немецкие юристы[896].

Еще один момент, характеризующий правовую коммуникацию в цифровой среде, – это деперсонификация юридического общения. ЦТ позволяют обращаться к неопределенному кругу лиц, независимо от их местонахождения, коммуницировать анонимно и под вымышленными именами.

В основе функционирования ЦТ лежат программное обеспечение, машинные коды, технические устройства, стандартизация которых достигается проще, нежели сближение национальных правовых систем и даже гармонизация отдельно взятой правовой системы. Та часть ЮЯ, которая непосредственно связана с правоотношениями по поводу ЦТ, неизбежно будет приводиться к лексическому и семантическому единообразию, по крайней мере, в рамках одной системы права.

Далее. ЦТ активно включаются в *предмет-объектную сферу юридической деятельности* (правотворчества, правореализации, правоприменения и т.д.). ЦТ расширяют функциональную сферу одних юридических явлений, обогащают содержание других, формируют третьи. Таким образом, расширяется и терминологическое поле.

Также надо понимать, что происходит цифровая формализация юридических явлений, когда электронная форма либо дополняет традиционные

[896] Жалинский А. Э. Дубовик О. Л. Рецензия на книгу «Перемещение уголовной ответственности к наиболее ранним границам: сравнительно-правовой анализ на примере немецкого и венгерского уголовного права» (сост. Арнд Зинн, Вальтер Гропп, Ференц Наги) Оснабрюк: Университетское издательство. – 2011. // Право и политика. – 2012. – № 1. – С. 178.

(письменную, устную, конклюдентную), либо вводится в качестве единственно возможной. Цифровую форму обретает правовая информация, юридические факты, правовые отношения субъектов права и т. д.

Необходимо отметить и еще один момент, связанный со спецификой ЮЯ. ЮЯ имеет дело с так называемыми идеальными объектами, однако цифровизация приводит к усилению так называемой «фиктивности» правовых понятий, что подчёркивается, среди прочего, использованием специфического механизма терминообразования, когда конвенционные категории (устоявшиеся термины) снабжаются своего рода «цифровой привязкой» (электронный кошелёк, кибервалюта, «цифровая» личность, электронная сделка, смарт-контракт, электронные доказательства и т.д.). Здесь, надо признать, возникает угроза порождения так называемых «юридических химер» (по терминологии Е. Б. Хохлова)[897].

Другим следствием становится рост неологизмов за счет заимствований, главным образом, англоязычных, которые, в свою очередь, представляют собой транстерминологизацию технических терминов. При этом в русский ЮЯ они могут включаться и в виде своего рода «кальки» иностранных слов (Интернет, смарт-контракт и др.). ЮЯ, обслуживающий ЦТ, в меньшей степени обладает манипулятивным потенциалом, как это характерно, к примеру, для языка уголовного права[898].

Третье. Формируется так называемая *цифровая среда функционирования юридических явлений*, осуществления юридической деятельности.

Именно здесь следует вести речь о рисках и угрозах цифровизации. Индивид, общество и государство получили ещё одну «грань» безопасности – цифровую, которая активно переплетается с другими аспектами (криминологической, энергетической, экологической, информационной и др.) и ещё одну «зону» социальных, включая языковые, конфликтов. Рост числа правоотношений, связанных с ЦТ, увеличивает цифровые риски.

В то же время общество не однородно, и уровень готовности «осваивать» правовые модели отношений по поводу информационных и ЦТ и степень понимания используемого ЮЯ разнообразны. Проблема заключается не только в различном уровне правовой культуры. Можно предположить, что большинство «потребителей» новых ЦТ не соотносят их с правовыми

---

[897] Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема российской правовой науки // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 4-14; Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 4-22.

[898] Мартышко Н. Ю. О манипулятивном потенциале некоторых юридических терминов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции / Отв. ред. В. Ю. Меликян. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2011. – С. 111-119.

конструкциями, воплощенными в текстах нормативных правовых актов, если это не связано с защитой прав потребителей, охраной интеллектуальной собственности, сферой административной и уголовной ответственности.

Бурное развитие ЦТ приводит к колоссальному разрыву между общественными отношениями и позитивным правом, следовательно, снижается эффективность нормативных правовых актов, растёт правовой нигилизм. Это, в свою очередь, приведёт к тому, что ЮЯ, сформированный на основе нормативных правовых актов, регулирующих использование ЦТ, будет носить архаичный характер с точки зрения специалистов в сфере ЦТ. В качестве примера можно привести ст. 17 Закона Республики Хакасия «О нормативных правовых актах»[899], согласно которой внесение законопроекта сопровождается представлением соответствующей документации на бумажном и магнитном носителях. Однако вряд техническая обеспеченность законодательного органа Хакасии настолько отсталая, что его члены и сотрудники до сих пор работают с магнитными лентами, дискетами и т п.

Частично эту проблему может решить внедрение режима правового эксперимента. Однако действующий в настоящее время правовой эксперимент, направленный на внедрение искусственного интеллекта[900], имеет следствием «локализацию» ЮЯ, его обеспечивающего.

Совсем с другими проблемами сталкивается молодежь. Специалисты в сфере образования отмечают последствия внедрения ЦТ[901], которые применительно к рассматриваемой теме можно обозначить как снижение грамотности, падение темпов формирования юридической речи, тенденцию к конкретизации правового мышления.

Неизбежны правовые «пробелы», которые будут восполняться не только и не столько традиционными юридическими средствами (аналогия права, аналогия закона, расширительное толкование и т.п.), но и иными социальными нормами (особенно социально-техническими), а также локальными правовыми актами и средствами индивидуально-правовой регламентации. Благодаря электронной форме ЦТ позволяют участвовать в

---

[899] Закон Республики Хакасия от 11.03.2015 № 18-ЗРХ (ред. от 22.07.2022) «О нормативных правовых актах Республики Хакасия» (принят Верховным Советом Республики Хакасия 25.02.2015) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2023) // Вестник Хакасии. – 2015. – 11 марта. – № 16; 2022. – 22 июля. – № 56.

[900] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

[901] Осипов П. Н. «Вирусная» цифровизация и ее последствия // Профессиональное образование и рынок труда. – 2020. – № 2. – С. 76-77.

договорных инструментах несоизмеримо большому числу субъектов права. К примеру, сложно представить себе традиционный многосторонний договор простого товарищества с сотней участников. Аналогичным образом обстоят дела и со сферой действия локальных правовых актов, обеспечивающих функционирование, к примеру, информационных систем, платформ. Таким образом, наряду с существованием юридических говоров, обусловленных системой права[902], можно предположить формирование своего рода «цифровых диалектов» ЮЯ, характерных для отдельных информационных сообществ, члены которых приняли на себя обязательства по инструментам локального либо индивидуально-договорного правового регулирования.

ЦТ становятся инструментом юридической деятельности: блокчейн технологии внедряются в государственное и муниципальное управление, инструменты LegalTech – в сферу индивидуального регулирования и т. д.; системы электронного правосудия обеспечивают юрисдикционную правоприменительную деятельность, справочные правовые системы, являясь базами юридических данных, способствуют правовой систематизации, а также организации научной и образовательной деятельности в сфере юриспруденции. Внедрение искусственного интеллекта, его видов (нейросейти, обработка обыденной речи, добыча и обработка «больших данных») также повлияет на функционирование и развитие ЮЯ. Учёные-юристы утратили «монополию» осуществления экспертной юридической деятельности, искусственный интеллект в большей степени обеспечивает не только скорость, но и нейтральность экспертной обработки данных.

Использование ЦТ поможет нивелировать консерватизм ЮЯ и юридической речи, особенно в сфере юридического бизнеса. Активное внедрение маркетинговых ЦТ, «осваивание» социальных сетей, оказание электронных юридических услуг заставляют юристов «говорить» проще, доступнее. ЦТ позволяют организовывать широкое обсуждение проектов нормативных правовых актов, благодаря такой обратной связи из проектов могут быть исключены неясные с точки зрения обыденного восприятия юридические конструкции. Внедрение ЦТ, основанных на машинных алгоритмах, «заставит» избавляться от многозначных юридических терминов и сложных юридических суждений в юридических текстах.

Выразительность юридической речи в цифровой среде обеспечивается за счёт широкого внедрения манипулятивных техник особого рода (психовизуальных и т.д.) в дополнение к традиционным техникам юридической суггестии[903] и правовой графики[904]. Получают развитие такие направления

[902] Мельниченко Р. Г. Указ. соч. С. 65.

[903] Хижняк С. П. Основы юридической лингвистики: учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. Права, 2011. – С. 78 и далее.

деятельности как юридический дизайн, юридический копирайтинг. Благодаря ЦТ «ценность» воспринимаемой юридической информации, содержащейся на различных сетевых ресурсах, по меньшей мере, одинакова. Дублирование информации порой создаёт видимость её истинности, один и тот же текст, выполненный в различной технике, различными шрифтами, воспринимается по-разному.

ЦТ ставят под вопрос существования юридической профессии, а, следовательно, и носителей ЮЯ. Действительно, основная часть юридических проблем, с которыми сталкивается население, решаема путем внедрения ЦТ (автоматизированное составление юридических документов, включая договоры, обращения в органы власти, поиск правовых решений, онлайн-разрешение споров)[905].

Получается, что профессиональным юристам останется самая сложная часть дел, которые не подлежат алгоритмизации и математизации. Соответственно, их юридическая речь обретет практически элитарный характер.

Таким образом, цифровизация права влечёт как позитивные, так и негативные последствия для ЮЯ.

Текст подготовлен с использованием Справочной Правовой Системы «КонсультантПлюс».

§ 4. Между правом и политологией: к вопросу об изучении функционирования политических партий в Российской Федерации

Функционирование партийной системы в постсоветской России является объектом изучения не только политологов, но и юристов. Это обстоятельство связано со спецификой развития отечественного законодательства, регламентирующего функционирование политических партий. Касается это не только Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партий», но и нормативно-правовых актов, которые регулировали деятельность политических организаций в России до этого периода.

Укажем, что политические партии могут представлять собой значимых акторов в рамках политической системы. В первую очередь это относится, разумеется, к государствам с демократическим режимом. В таких реалиях именно партии осуществляют функции представительства интересов различных социальных групп. Основным назначением партии является завоевание власти, которое осуществляется через избирательные кампании, программу

[904] Власенко Н. А. Язык права: монография. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс», 1997. – С. 128-140.
[905] Лабашева Н. А., Трубчанинова И. И. Теоретико-методологические аспекты цифровизации юрлингвистики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 101.

партии. Это главное отличие политических партий от общественных организаций, так как общественные организации такой цели ставить не могут. Партия овладевает государственным механизмом, чтобы реализовывать свою программу. Государство – это лишь орудие или средство в руках политической партии, которое она использует для реализации своих задач. Таким образом, политическим партиям принадлежит одна из главных ролей.

Процесс формирования многопартийности в России прошел достаточно длительный этап развития. Многопартийная система в России начала складываться гораздо позже, чем во многих развитых странах Америки и Западной Европы. Весьма активно процесс формирования партий и различных политических объединений в России начался в конце 1980-х – начале 1990-х годов. В этот самый период в истории нашей страны начался первый этап формирования многопартийной системы.

Подчеркнём, что изначально в Российской Федерации действовал ещё советский закон «Об общественных объединениях», принятый ещё 9 октября 1990 года[906]. Политические партии не выделялись из общей массы организаций, относимых к НКО. Как и многие иные советские нормативно-правовые акты, этот закон продолжил действовать и после прекращения существования Советского Союза (напомним, что почти 2 года в стране действовала даже Конституция РСФСР 1978 года, пусть и с существенными изменениями![907]). Идеи о необходимости регулирования функционирования политических партий обсуждались в 1990-х годах, в том числе и законодателями[908], однако привели они лишь к принятию Федерального закона от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»[909]. Специального нормативно-правового акта о партиях принято так и не было.

В таких реалиях партии активно участвовали в политической жизни, по партийным спискам формировалась половина депутатского корпуса в Государственной Думе. Однако при этом же многие участники межпартийной борьбы не являлись партиями, даже исходя из своего наименования (например, в 1995 году за места в парламенте боролся «Блок работников жилищно-коммунального хозяйства», то есть что-то напоминающее при

---

[906] Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об общественных объединениях» // Правда. 1990. 16 окт. С. 3.

[907] Делова А. Д. Конституция РСФСР 1978 года: От развитого социализма к демократии // Права человека: История, теория, практика. Девятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. – С. 108; Пахомова Е. А. История формирования российского права в 1990-1991 годах // Казанская наука. – 2014. – № 12. – С. 31.

[908] Смирнов В. В. Концепции проектов федерального закона о политических партиях // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 101.

[909] Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (Дата обращения: 05.09.2022 г.).

первом рассмотрении скорее профсоюз!), а иные существовали лишь крайне ограниченное время – буквально перед выборами создавались и сразу после окончания выборов сходили с политической арены.

В целом признаем, что к концу 1990-х годов эффективная партийная система ещё не была сформирована. Это можно объяснить состоянием перехода российского общества на другой этап, связанный с коренным «переворотом» социальной структуры в стране, образа жизни людей и политической культуры населения. В таких условиях партии не могли сформировать социальную базу и разработать эффективную программу. В целом роль политических партий в функционировании политической системы была сравнительно невелика – куда как большую роль играли олигархические группы и т. п. По нашему мнению, этот тезис лучше всего проиллюстрировать на примере выборов регионального уровня, а также на материалах избраний главы областного центра – в рамках избирательных кампаний такого рода роль партий отнюдь не являлась решающей, причём касалось это большинства российских регионов.

К новому этапу становления многопартийной системы Россия перешла на рубеже веков[910]. Этот период характеризовался расширением, укрупнением партий, уже относительно чётко можно было определить электоральную базу и политическую программу наиболее значимых отечественных политических партий.

Принятие в 2001 году Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях» способствовало складыванию партийной системы и даже сделало её похожей внешне на партийные системы стран с развитыми демократическими традициями[911]. При этом было очевидно, что за счёт брендинга[912] и франчайзинга[913] было преодолено отставание в развитии российской партийной системы, однако идеологическая составляющая в деятельности партий, равно как и опора на гражданское общество, были для

---

[910] Шапошникова Е. А. Федеральный закон «О политических партиях» как нормативно-правовая основа отечественного партогенеза // Политика и общество. 2016. № 10 (142). С. 1350; Шашкова Я. Ю. Сетевые модели в российском партогенезе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. – Т. 8. – № 3. – С. 122.

[911] Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Правовое регулирование деятельности политических партий: Основные причины изменения в законодательстве // Проблемы модернизации современного российского государства. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Г.А. Иванцова. Уфа: БГУ, 2019. – С. 187.

[912] Федорченко Л. В. Теоретическое осмысление политической консьюмеризации // Обозреватель. – 2016. – № 12 (323). – С. 57.

[913] Афонин В. М. К вопросу о необходимости использования франчайзинга в современном российском партстроительстве // Евразийское Научное Объединение. 2017. – Т. 3. – № 11 (33). – С. 234; Калачёв А. П. К вопросу о проблеме партийного строительства в России // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. 2012. – С. 235.

отечественных партий не характерны. То есть, своего рода «искусственность» роста партий была очевидна, равно как и наличие прямой или косвенной государственной поддержки, этот самый рост обеспечивающей.

Нельзя обойти вниманием и такое обстоятельство, как сложности классификации российских партий. Путаница с делением на «правых» и «левых» была раньше притчей во языцах[914]. В XXI столетии ясности если и прибавилось, то лишь незначительно. Во многом партии в России всеохватны в том плане, как это понимал О. Киркхаймер. Можно ли их считать картельными? Вопрос небесспорный. Однако некоторые такого рода черты российским партиям присущи.

Наличествует и ещё один важный аспект: партии в России часто неотделимы от своего лидера. Это, конечно, упрощает задачи для политтехнологов, однако объективно содействует развитию в стране партий-клиентел. Про последние весьма неодобрительно писал ещё М. Дюверже: «скопление индивидов, связанных некоторой солидарностью с одной стороны, несколькими вожаками – с другой, на ум приходит толпа бунтовщиков, шумная компания детей на школьном дворе во время перемены, банда грабителей, предводительствуемая своим главарем... Одним словом, такое описание соответствует общностям малым и нестабильным, а если говорить о нашем предмете – то предысторическим партиям, которые были еще личными кланами, клиентелами, сплотившимися вокруг одного человека. Оно совершенно недостаточно для обозначения тех больших и долговременных объединений, какими являются современные партии»[915].

Важно также указать, что, пожалуй, самым значимым показателем, который менялся в тексте Федерального закона № 95-ФЗ «О политических партиях» и реально влиял на деятельность партий, было минимальное число членов[916]. Таковым являлись цифры сначала в 10 000 человек, затем в 50 000, потом в 40 000 и, наконец, в 500. Последнее число актуально и сегодня. Нам представляется, что именно означенный показатель не только определял численность партий в рамках политической системы, но и задавал возможности для их реального усиления или же ослабления.

При этом подчеркнём, что важно чётко понимать, когда в деле реформирования отечественного законодательства о политических партиях на

---

[914] Кагарлицкий Б. Левые в России: Надежды, неудачи, борьба // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 34; Работяжев Н. В. Между традицией и утопией: Левый консерватизм в России // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 118.

[915] Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2000. – С. 23–24.

[916] Дмитриев Ю. А., Миронов В. О. Правовое регулирование деятельности политических партий в России // Актуальные вопросы образования и науки. 2013. № 5-6 (39-40). – С. 38.

первый план выходят сугубо правовые аспекты, а когда – сугубо политические. Важно, что и те и другие объективно содействовали тому, чтобы в современных реалиях партии, обладая большим объёмом прав, так и не вошли в число наиболее значимых политических акторов в рамках российской политической системы.

§ 5. Значение междисциплинарного подхода при изучении концепта источника права (на примере использования исторической и психологической методологии русскими философами и теоретиками права начала XX века)

В настоящее время для изучения предмета практически любой социогуманитарной науки имеет большое значение применение как междисциплинарного, так и трансдисциплинарного подходов.

Как известно, одним из необходимых свойств любой науки, особенно её междисциплинарных разделов, является определённое единство терминологии (терминологическая определённость). Говоря о таком единстве, следует иметь в виду, что даже в рамках одной науки её представители, придерживающиеся разных направлений и подходов (школ), имеют не всегда совпадающие взгляды на определение содержания того или иного её термина.

Так, многозначной и методологически запутанной выступает проблема понимания содержания категории «источник права», по поводу которой уже более ста лет в отечественной юриспруденции ведутся споры[917].

Подобный «терминологический хаос» может возникать в случае взаимодействия представителей не только различных школ в рамках одной науки (теоретической и отраслевой юриспруденции), но представителей разных социогуманитарных наук по отношению к одной исследуемой проблематике.

Упомянутый «терминологический хаос» существенно затрудняет как принципиально однозначное понимание концепта «источник права», так и дальнейшее обсуждение этого концепта специалистами разных направлений научного знания. В то же время, как это ни парадоксально, «переплетение» разнокалиберной методологии социогуманитарных наук иногда предоставляет возможность под новыми углами зрения взглянуть на исследуемое явление и его компоненты.

По мнению психолога М. С. Гусельцевой, решение проблемы взаимодействия различных наук при рассмотрении практических вопросов в одной сфере можно найти в более широком переходе к трансдисциплинарности.

---

[917] См.: Спирин М. Ю. Основные подходы к пониманию источника права // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 7-13.

Как указывает Гусельцева, «речь идёт о возможности представить трансдисциплинарный подход на разных уровнях методологии науки – конкретно-научном и общенаучном. В этом смысле трансдисциплинарность понимается как стратегия анализа сложных и динамических феноменов, предполагающая сознательное, вариантное, ситуативно обусловленное использование методологических оптик различных дисциплин. Трансдисциплинарное состояние современной науки характеризуется тем, что каждая дисциплина рассматривается одновременно как суверенная и открытая система; в антиномиях традиции и инновации; изменения в ней совершаются посредством заимствования опыта смежных дисциплин при сохранении собственной научной идентичности»[918].

Стоит отметить, что трансдисциплинарность выступает в данном случае сильно модифицированной версией междисциплинарных научных исследований в соответствии с повышенным уровнем сложности современных проблем общественного развития, изучаемых социогуманитарными науками[919]. Руководствуясь позицией Т. М. Судаковой, можно сказать, что если междисциплинарный подход предполагает своеобразное «скрепление» разнокалиберных «деталей» как единого предмета научного поиска, то подход трансдисциплинарный настроен на глобальное внешнее «обволакивание» этих «деталей» на качественно более высоком уровне.

В этом смысле принципиальным является применение трансдисциплинарного подхода для достижения единства понимания специально-юридической терминологии средствами иных социогуманитарных наук, в том числе – психологии и социальной истории. Такое единство понимания может выражаться в системе единых (в т.ч. – нормативных) источников информации, созданных в процессе реализации трансдисциплинарного подхода для удобства единообразного применения права органами публичной власти и их должностными лицами при возникновении сомнений в содержании многозначных и имеющих межнаучный характер категорий и терминов юриспруденции, как в отдельных отраслях права, так и в общей теории права.

В этом контексте понимание значения и содержания концепта «источник права» для юридической науки является принципиально важным.

Стоит обратить внимание на определённое различие в рассмотрении содержания категории источника права теоретиками права, стоящими на позициях юридического позитивизма, как господствующего типа понима-

---

[918] Гусельцева М. С. Трансдисциплинарный подход в современной психологии // Вопросы психологии. – 2018. – № 5.

[919] См.: Судакова Т. М. Междисциплинарность криминологии в контексте методологической и структурной трансформации науки // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 153-154, 159.

ния права, а также историками права и видными представителями психологии права, которые, как правило, придерживаются иных подходов.

Данную проблематику можно рассмотреть на примере взглядов известных русских дореволюционных мыслителей рубежа XIX – XX веков: П. Г. Виноградова, Д. Д. Гримма и Л. И. Петражицкого.

В своей известной работе «Очерки по теории права» П. Г. Виноградов использовал термин «источник права» в достаточно схоластическом (догматическом) значении (по сути, как аналог формы права; автором употребляется в качестве синонима термин «формы правообразования»[920]). Анализируя концепт источника права, Виноградов писал: «обращаясь … к детальному исследованию юридических норм, мы, прежде всего, должны поставить вопрос, из каких источников они возникают»[921]. Важно «выяснить, каким путём вырабатываются юридические нормы и указывает ли этот процесс на тот или другой авторитет, как на источник, к которому восходят эти нормы»[922]. Учёный выделял четыре «авторитетных» (по терминологии автора) источника положительного права: «законодательство, обычай, судебные прецеденты и справедливость» (именно в данном порядке они исследуются автором на базе обширного материала английского права в главах V – VIII «Очерков по теории права»)[923].

Тем самым первоначально рассуждая об источниках права как об источниках его познания субъектами, чьё поведение подлежит регулированию юридическими нормами, закреплёнными в этих источниках (fontes cognoscendi), Виноградов постепенно приходит к мысли о том, что источники права определяют сам путь происхождения обязательных юридических норм (указывая на исток этой обязательности как на авторитет самого права как социального регулятора). Используя термин «формы правообразования», Виноградов подчёркивал, во-первых, объективный характер как появления, так и действия источников права и тех юридических норм, которые в них закреплены, а во-вторых, определял внешний, формальный характер данных оболочек существования и действия положительного права в каждом обществе, предоставляющий возможность их изучения и адекватного использования для регламентации социальных взаимодействий.

При этом будучи по своим убеждениям непозитивистом, П. Г. Виноградов обращал особое внимание на значение естественного права и категории «справедливость» в сфере реального действия права в обществе в целом и познания характера такого права.

---

[920] Виноградов П. Г. Очерки по теории права (Пг., 1915). – М.: ЛЕНАНД, 2015. – С. 75.
[921] Виноградов П. Г. Указ. соч. – С. 73.
[922] Там же. С. 73.
[923] Там же. С. 144.

В рамках рассуждений о пределах правоспособности лиц в работе «Лекции по догме римского права» Д. Д. Гримм определял особое значение объективного права (соотнося его с законом или обычаем)[924]. Также, указывая на «источники современного римского, или пандектного, права», учёный перечислял «Corpus iuris civilis, … каноническое право и … законодательство и обычное право»[925]. Под каноническим правом Гримм понимал «законодательство католической церкви за Средние века, вошедшее в состав т.н. Corpus iuris canonici clausum»[926].

Исходя из достаточно скупых ссылок на данные категории как источники положительного или объективно существующего права, можно сделать вывод о том, что Гримм воспринимал концепт источника права более в историческом и познавательном смысле, в то же время не отказывая ему в современном значении формы (или оболочки) права, которая содержит в себе конкретные юридические нормы и предоставляет возможность однозначной и адекватной ссылки на них в рамках реализации объективного права.

При этом нельзя не отметить тенденцию отождествления Д. Д. Гриммом этих форм права с их регулятивной сущностью, ту тенденцию, которая была ярко раскрыта в критических рассуждениях Л. И. Петражицкого об источниках права.

В своей центральной работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» Л. И. Петражицкий, по сути, призвал отказаться от существующего юридического догматизма в вопросе содержания концепта источника права (что мы видим в определённой степени как у Виноградова, так и у Гримма) и выделил порядка 15 т.н. «видов положительного права».

Для объективности анализа стоит в полном объёме привести его известную парадоксальную мысль: «попытки определения и вообще вся постановка и квалификация … учения об источниках права не выдерживают научной критики и даже представляют странное и ненормальное с элементарно логической точки зрения явление.

Если бы зоологи стали называть собак, кошек и т. д. «источниками животных» и спорить по этому поводу, что такое источники животных, в каком отношении они находятся к животным, представляют ли они формы создания животных или основания их существования, или признаки их животной природы и т.д., то это представляло бы явления мысли, совершенно

[924] См.: Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права (5-е изд., 1916). – М.: Изд-во «Зерцало», 2014. – С. 65.
[925] Гримм Д. Д. Указ. соч. – С. 53.
[926] Там же. С. 56.

однородные с теми, которые имеются … в области учения о так называемых источниках права.

Кошки, собаки и т.д. суть не источники животных, не формы создания животных и т.д., и вообще не нечто отличное от животных и только имеющее к ним какое-то таинственное, трудно поддающееся определению отношение, а просто – животные. Они сами именно и суть животные, виды и разновидности таковых. И точно так же так называемые «источники права» – обычное право, законное право и т.д. суть не что иное как само право, виды позитивного права, разновидности права, и странно их называть «источниками права», размышлять, в каком они отношении находятся к праву и т.д.

Сообразно с этим современное учение об «источниках права» следует переименовать в учение о позитивном праве и его видах и разновидностях»[927].

Как представляется, в данном случае Петражицкий несколько увлёкся вариантом доказательства *in contrarium* и использовал пример естественной науки для объяснения существа нематериальных объектов юриспруденции. Петражицкий был бы прав, если бы речь шла не о законах и договорах как внешних оболочках позитивного права, а об отдельно существующих внешне неоформленных обязательных нормах на уровне сознания каждого конкретного человека (императивно-атрибутивные эмоции, которые составляют содержание интуитивного права), что можно умозрительно представить, но что не существует в объективной форме.

В реальности же собаки и кошки существуют для нас только в том качестве, в котором мы с детства условились их так называть и так воспринимать. В случае же употребления иноязычных слов *Hunde*, *Katzen* или *dogs*, *cats* нам необходимо несколько перестроить своё сознание, чтобы через внешнюю форму понимания таких обозначений в немецком и английском языках всем известных собак и кошек вновь воспринимать их как животных в понятном качестве. Поэтому наименование собаки или кошки и сложившееся на его основе наше субъективное представление о том, что данный представитель животного мира и есть искомая собака или кошка являются необходимыми условиями для того, чтобы мы смогли сделать простой логический вывод об их животном состоянии.

Следовательно, противоречия в данном случае нет. Речь идёт о соотношении объективно существующих форм (оболочек) правовой регулятивной информации (концепт источника права) и проблемы субъективного осознания их обязательности в конкретных социальных отношениях (проблема юридической силы норм права, содержащихся в этих источниках).

---

[927] Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 2 (СПб., 1907). – М.: Юрайт, 2016. – С. 191.

Также стоит обратить внимание на выделенные Л. И. Петражицким основания источников права: «воззрению на право как на совокупность норм и на нормы как на веления, выражения воли … соответствует учение, по которому подлежащая воля может быть выражена или путём соответствующих слов … или воли законодательного органа общения, принимаемого за … общую волю, есть закон или законное право; или подлежащая воля может быть выражена косвенно, молчаливо, путём так называемых выразительных действий *(facta concludentia)*, т.е. путём такого общего поведения, из которого можно заключить о наличии соответствующей воли, и такое выражение общественной воли есть обычное право»[928].

Тем самым Петражицкий фактически обозначал общую волю как основание для появления как закона, так и правового обычая. По сути, такое обозначение подтверждает мысль о том, что в законах и правовых обычаях Петражицкий видел внешние оболочки (т.е. формы) действующего положительного права, самостоятельное значение которых определялось им в куда меньшей степени по сравнению со значением нормативных положений самого этого права. В свою очередь обязательность в реализации норм таким образом закреплённого положительного права ставилась в зависимость от права интуитивного, которое обладает (с точки зрения Петражицкого) гораздо большей свободой действия (и одновременно с этим – гораздо меньшими возможностями по закреплению в каких-либо устойчивых внешних формах).

Таким образом, применение отдельных элементов исторической и психологической методологии при исследовании концепта источника права (как и иных важных категорий юриспруденции) привносит элементы новизны и позволяет подойти к рассмотрению ряда новых аспектов традиционного для юридической науки концепта.

Завершить наши рассуждения стоит словами М. С. Гусельцевой: «принципиальная важность трансдисциплинарного подхода к изучению человека в транзитивном обществе фундирована тем, что такие черты современной исследовательской реальности, как сверхсложность, неопределённость, текучесть, разнообразие и т.п., побуждают к разработке более тонкого, подвижного и способного схватывать и интегрировать многомерность человеческого бытия методологического инструментария»[929].

Трудно с этим не согласиться, особенно в реалиях метамодернизма 20-х гг. XXI века, которые, очевидно, воздействуют на представителей юридической профессии, анализирующих традиционно спорную категорию источника права.

---

[928] Петражицкий Л. И. Указ. соч. – С. 200.

[929] Гусельцева М. С. Указ. соч.

§ 6. Междисциплинарный характер исследования вопроса защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны

В процессе исследования вопроса защиты населения, пострадавшего в годы Первой мировой войны, необходимо применять междисциплинарный подход. Междисциплинарность в юридической науке может выражаться в следующем:

1. Использование выводов, доктрин смежных наук в процессе исследования;

2. Использование методов научного познания смежных научных дисциплин (например, свойственных философии, истории, социологии, психологии);

2. Формирование специальных интегративных дисциплин, таких как, например, историко-правовые науки[930].

Вопрос защиты населения в годы Первой мировой войны рассматривается разными научными деятелями, юристами, историками, философами в соответствии с мировоззрением, которое было присуще тому или иному историческому периоду.

Весь научный материал, посвященный изучению вопроса защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны, условно можно разделить на историко-правовые (труды ученых советской эпохи (В. А. Рогова, В. В. Адамова, Е. З. Волкова, В. П. Островского), а также исследования современных российских правоведов (Н. В. Демидова, О. В. Ерохиной, А. С. Заботкина, И. А. Коновалова, Л. А. Лопатиной, Р. В. Нигматуллина, Д. А. Пашенцева, Е. Е. Петровой, Т. К. Примак, Н. Г. Семионкиной, О. Е. Финогентовой, Н. В. Шингаревой), российских и зарубежных историков (В. Н. Виноградова, К. Берндль, М. Хаттстен, О. С. Поршневой, П. Гатрелла, И. Б. Беловой, Н. Н. Баранова, В. Н. Земцова, А. А. Постниковой, Ю. М. Галкиной, А. И. Голотиной) и социологические исследования, а также труды юристов-международников (труды Ф. Ф. Мартенса, Л. А. Камаровского).

Для того чтобы досконально изучить причинно-следственные связи между существовавшими проблемами и законотворческой деятельностью времен Первой мировой войны, необходимо решить ряд задач:

1) проанализировать степень участия Российской империи в системе международно-правового регулирования в отношении определенных категорий населения накануне и в годы Первой мировой войны;

---

[930] Затонский В. А. Междисциплинарный подход – методологическая основа определения эффективности права и правоприменения // Государственно-правовые исследования. – 2020. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdistsiplinarnyy-podhod-metodologicheskaya-osnova-opredeleniya-effektivnosti-prava-i-pravoprimeneniya (Дата обращения: 15.10.2022 г.).

2) определить основные направления политики Российской империи, направленной на защиту пострадавшего от боевых действий населения;

3) сравнить существовавшую модель защиты населения в Российской империи с моделями других государств;

4) выявить перспективы использования опыта правовой защиты населения Российской империи в годы Первой мировой войны в современном правовом моделировании.

Таким образом, при изучении вопроса защиты населения, пострадавшего в годы Первой мировой войны, необходимо применить накопленные знания из разных смежных наук – истории, политологии, социологии и, порой, психологии.

Изучая какой-либо юридический вопрос в прошлом, мы непременно вынуждены обратиться к трудам ученых-историков. Анализируя направления государственной политики, исследователю не обойтись без выводов ученых-политологов.

В процессе исследования вопроса защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны, необходимо использовать широкий спектр методов научного познания. Среди таких методов, безусловно, преобладают юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. Тем не менее, огромное значение имеют и такие методы, как исторический, а также метод правового регулирования.

В современном мире научное сообщество также стремится к тому, чтобы создать модель работы того или иного закона для расчета возможных последствий и рисков перед принятием нормативно-правового акта. Этим вопросом занимаются исследователи в области права, математики и статистики, используя метод правового моделирования.

Метод правового моделирования активнее применяется с развитием вычислительного потенциала, усовершенствованием технических возможностей создания правовых моделей. Чаще всего метод правого моделирования можно встретить в вопросах противодействия преступности. Важную роль при этом играет наличие достаточно развитой системы уголовно-правовой статистики[931]. Нельзя не отметить также отрасль страхового права и права социального обеспечения, которое активно использует правовое моделирование для оценки рисков[932].

---

[931] Салыгин Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы / Сайт «Право. Журнал Высшей школы экономики». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-v-prave-problemy-i-perspektivy (Дата обращения: 14.10.2022 г.).

[932] Куран Т., Санстейн К. Р. Каскады доступности и регулирование рисков // Stanford Law Rev, – 1999. – С. 683–768.

В других отраслях права метод правового моделирования также набирает популярность. Так, в 2017 году по итогам эксперимента по прогнозу исхода дела о предоставлении убежища, основанному на ретроспективном анализе и факторизации обстоятельств ранее разрешенных дел, точность составила 80 %[933].

Таким образом, проявление междисциплинарного подхода в форме применения методов, не свойственных юридическим наукам, является ключом к всестороннему исследованию вопроса и максимально продуктивному использованию полученных знаний. Реализация полученных историко-правовых знаний через правовое моделирование помогает интегрировать выводы исследователей в современный законотворческий процесс.

Междисциплинарный характер исследования вопроса защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны, также проявляется в том, к какой интегративной дисциплине мы относим данное исследование. Изучение правовой реальности прошлого, анализ ее достижений и ошибок законодателя является предметом исследования историко-правовой науки.

Сама интеграционная дисциплина историко-правовой науки по своей сути является проявлением междисциплинарности, так как объединяет в себе две науки – историю и юриспруденцию.

Правовые реформы и изменения в законодательном процессе следует исследовать методом системного анализа, параллельно изучая исторические предпосылки, которые привели к изменению правовой реальности.

Следует отметить, что формирование и развитие социального законодательства зависит от ряда факторов: экономических, социальных и политических.

На примере Российской империи начала XX века можно увидеть существование исторических предпосылок формирования социального законодательства, которое в последствие развилось во время Первой мировой войны. Экономический аспект развития социального законодательства заключался в развитии капитализма. В то же время социальным аспектом был низкий жизненный уровень населения.

Таким образом, изучая вопрос защиты населения, необходимо обратить внимание как на исторические предпосылки возникновения необходимости регулирования данного вопроса, так и на экономические и социальные аспекты.

---

[933]Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор. // Труды Института системного программирования РАН. – 2020. – С. 147-170.

Следует также рассмотреть исторические аспекты, которые повлияли на формирование и развитие социального законодательства. Причины и предпосылки формирования социального законодательства в Российской империи появились еще с конца XVIII века, когда Французская революция разрушила привычный, устоявшийся для многих государств сословный строй и провозгласила всем известный лозунг «Свободы, Равенства, Братства», что в длительной перспективе повлекло за собой формирование идей равенства перед законом вне зависимости от происхождения и сословия[934]. Идеи Наполеона Бонапарта оставили глубокий след, который сделал невозможным возврат к прежнему дореволюционному правовому сознанию, а также состоянию государства и права, в том числе правоотношений между государством и населением.

Происходящие изменения в правовом сознании общества усложнялись набирающей обороты индустриализацией. Тенденции были общие для большинства государств. В свою очередь Российской империи длительное время удавалось сохранять социально-политическую стабильность из-за того, что она оставалась безучастной ко многим экономическим и политическим процессам, происходившим в Западной Европе в XIX веке.

Таким образом, междисциплинарный характер исследования вопроса защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны, проявляется в том, что данный вопрос относится к историко-правовому исследованию. В процессе исследования используются междисциплинарные методы научного познания (такие как правовое моделирование); используются научные выводы ученых различных дисциплин – юридических, исторических, а также работы политологов и даже психологов.

§ 7. Предвзятость алгоритмов ИИ в контексте прав человека

Термин «искусственный интеллект» (ИИ) – один из тех, что кажутся интуитивно понятными. Очевидно, что он описывает нечто созданное человеком, то есть искусственно, и при этом функционирующее как интеллект человека, в некоторой степени. Из двух этих признаков и складываются обычно определения, даваемые исследователями ИИ, хотя в деталях они могут различаться.

Если обратиться к мнению Нильса Нильсона, одного из основателей исследований ИИ, то искусственный интеллект – это антропогенный продукт, который обладает способностью проявлять интеллектуальное поведение, «машина, у которой есть возможность исполнять такие действия, для

[934] Берндль К., Хаттстен М., Небел А., Удельхофен Г. Мир накануне Первой мировой войны М.: Мир книги, 2008. – С. 6.

которых по общему правилу необходим интеллект человека»[935]. А, например, в Толковом словаре по искусственному интеллекту его определяют как «свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека»[936].

Сегодня технологии искусственного интеллекта используют в экономике, обеспечении национальной безопасности, здравоохранении, защите прав человека, уголовном правосудии, в работе транспортных систем, систем «умный город» и многих других областях.

Среди предназначений ИИ выделяют:

– классификацию данных (распознавание образов, например, определение жанра музыки или подбор медицинского диагноза);

– выявление аномалий (поиск вирусов или подозрительных финансовых транзакций в реальном времени);

– прогнозирование (статистические предсказания, автозаполнение, или, например, прогноз продолжительности жизни пациентов);

– оптимизацию (например, анализ сайта с выявлением его слабых мест и составлением рекомендаций по улучшению)[937].

Но основная причина, по которой индустрии, правительства и частные лица стремятся к внедрению технологий ИИ, – огромные экономические перспективы. Так, согласно исследованию, проведенному консалтинговой компанией PriceWaterhouseCoopers, было установлено, что «технологии искусственного интеллекта способны повысить мировой ВВП на 15,7 триллионов долларов, целых 14 %, к 2030 году»[938].

Уже накоплена масса примеров того, как ИИ влияет на мир и самым разным образом усиливает способности человека. Алгоритмы подарили человечеству надежду на эффективность, точность и беспристрастность при вынесении решений. Но, на самом деле, системы искусственного интеллекта поражены рядом недостатков, способных вызывать последствия разрушительного масштаба, в том числе этические и юридические.

Один из таких недостатков – предвзятость, которую ИИ словно унаследовал у своих создателей – людей, и теперь проявляет ее не в меньшей степени, но по иным причинам и иным образом, чем люди.

---

[935] Нильсон Н. Дж. Искусственный интеллект: методы поиска решения. М.: Мир, 1973. – С. 7.
[936] Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. – 256 с.
[937] Scharre P. Artificial Intelligence: The Consequences for Human Rights // Center for a New American Security. 2018. URL: https://www.cnas.org/publications/congressional-testimony/artificial-intelligence-the-consequences-for-human-rights (Дата обращения: 20.10.2022 г.).
[938] Sizing the Prize: What's the Real Value of AI for Your Business and How Can You Capitalise? // PriceWaterhouseCoopers. 2017. URL: https://www.brookings.edu/research/how-artificial-intelligence-is-transforming-the-world/ (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

Один из первых ярких примеров предвзятости алгоритмов был обнаружен в 70-80 годы в практике Медицинской школы больницы Святого Георгия в Великобритании. Для отбора абитуриентов использовалась компьютерная программа, которая имитировала выбор, сделанный в прошлом приемной комиссией, состоявшей из людей. При тестировании выбор программы на 90-95 % совпадал с выбором, который делали люди, поэтому было решено, что ее использование сократит затраты учреждения и сделает отбор более корректным. Но программа отказала десяткам кандидатов, потому что они имели не европейские фамилии. Хотя в резюме, которые получала программа, не указывалась раса, на основе старых данных она научилась выделять кандидатов с необычными именами или местами рождения и отказывать им в собеседовании. Фактически программа выявила предвзятость людей, отбиравших кандидатов ранее, и воспроизвела ее, приняв за правило, сделав очевидной. Комиссия Великобритании по расовому равенству признала медицинскую организацию виновной в дискриминации в 1988 году[939].

Чтобы понять, как машина приходит к дискриминационным решениям, хотя сама не имеет в этом никакой заинтересованности, ни личной воли, необходимо понимать, в самом приближенном смысле, устройство искусственного интеллекта. Любая система ИИ в упрощенном виде состоит из трех элементов. Первое: данные, которые получает система. Второе: способ обработки этих данных. Третье: результаты, которые выдает ИИ.

Дискриминационный элемент может возникнуть на любой из этих стадий, как случайно, так и умышленно. Так, при отборе данных для программы выборка может быть изначально некорректной. К примеру, в 2017 году исследователи Кейт Кроуфорд и Тревор Паглен в рамках проекта Excavating AI исследовали работу базы данных изображений ImageNet. Это обширная публичная база фотографий, которой пользуются при работе и создании многих систем ИИ. Чтобы система могла классифицировать изображения, их необходимо пометить. Выяснилось, что изначальные подписи к изображениям далеко не всегда нейтральны, а местами и откровенно дискриминационны. Например, мужчина в костюме дайвера может быть подписан «спортсмен, дайвер», но при этом под фото женщины в купальнике написано «бездельница, распущенная». И так далее. На основе этой базы разработчики программ обучают свои машины классифицировать объекты и людей. Но дискриминационная практика уже заложена в базу, и программа невольно обречена ее воспроизводить[940].

---

[939] Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 53. – С. 495.

[940] Crawford K., Paglen T. Excavating AI. The Politics of Images in Machine Learning Training Sets // The AI Now Institute, NYU. 2019. https://excavating.ai/ (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

Ошибки могут закладываться и в период эксплуатации. Например, в случае самообучающихся программ очень важно проверять и оценивать устойчивость систем, конфиденциальность данных, их актуальность. Скажем, некоторые старые базы данных со временем начинают отражать ценности, которые уже не актуальны. Наконец, полученные ИИ результаты можно исказить или ложно трактовать[941].

Предвзятость алгоритмов успела проявить себя не только в решениях, принимаемых в области здравоохранения, но и трудоустройства, финансов, уголовного права и многих других. Исследование, проведенное Гарвардской школой бизнеса, показало, например, что на платформе для поиска жилья Airbnb шансы гостей с явно афроамериканскими именами найти подходящее жилье были ниже, чем у гостей с «белыми» именами. И дело также было в алгоритме, который объединял арендаторов с арендодателями.[942] При этом, как нередко бывает с онлайн-платформами, компания требовала от пользователей, чтобы при регистрации они отказывались от права в будущем предъявлять иски к платформе, и таким образом ограничила возможность бороться с предвзятостью своего алгоритма[943].

Предвзятость была выявлена в 2018 году и в алгоритме, который использовался компанией Amazon для отбора сотрудников. Как и в британском случае 80-х годов, программа училась на старых резюме, которые кадровый отдел Amazon просмотрел за десяток лет. И хотя в резюме не указывался гендер кандидатов, ИИ научился вычислять его по косвенным признакам (например, по упоминанию женской школы или женского клуба) и снижать балл женщинам, невзирая на их профессиональные качества[944].

---

[941] Так, китайские исследователи использовали фотографии заключенных и несудимых людей, чтобы научить программу отличать преступников от невиновных. Программа действительно научилась с большой точностью отличать фотографии этих двух групп, и ученые пришли к выводу, что она выявляет некие невидимые невооруженному взгляду человека «преступные» черты лица. В реальности же программа научилась отличать улыбающиеся лица от печальных. Если бы открытие этих ученых получило признание в юридической среде, оно бы повлекло грубейшие нарушения прав человека. См. Xiaolin Wu, Xi Zhang. Automated Inference on Criminality using Face Images. 2016. URL: https://arxiv.org/pdf/1611.04135v1.pdf (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[942] Glusac E. As Airbnb Grows, So Do Claims of Discrimination // New York Times, June 21, 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/06/26/travel/airbnb-discrimination-lawsuit.html (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[943] Benner K. Airbnb Vows to Fight Racism, But Its Users Can't Sue to Prompt Fairness // New York Times, June 19, 2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/06/20/technology/airbnb-vows-to-fight-racism-but-its-users-cant-sue-to-prompt-fairness.html (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[944] Dastin J. Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // Reuters. October 11, 2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight-idUSKCN1MK08G (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

Существуют сферы, в которых воспроизведение или проявление необъективности в особенности недопустимо. К ним относится правосудие. В США, например, с 2016 года существует проект COMPAS – программное обеспечение для определения риска рецидива. Он уже используется в штатах Нью-Йорк, Висконсин, Калифорния и некоторых других. Эта программа оценивает около 100 факторов, чтобы сделать вывод, насколько вероятно, что подозреваемый исправится или снова совершит преступление. ИИ учитывает гендер, возраст, криминальное прошлое и тому подобные характеристики. Разумеется, ИИ ускоряет работу судьи, однако алгоритм не справится в случае аномалии – какого-либо нетипичного случая[945]. На работе COMPAS может сказаться и уже упоминавшаяся проблема входящих данных: если в базу приговоров, на которых тренировался алгоритм, исторически была заложена необъективность, машина невольно продолжит ее воспроизводить.

Как бы то ни было, в 2016 году Верховный суд штата Висконсин принял решение, согласно которому суды вправе принимать во внимание оценку рисков, сделанную COMPAS, но судьям необходимо отмечать ограничения данного инструмента[946]. Однако между экспертами до сих пор идет спор о приемлемости использования этой программы в обосновании решения о залоге или сроке наказания. В одном исследовании было показано, что COMPAS лучше оценивает риски, чем человек без юридического опыта или с небольшим юридическим опытом, но хуже, чем группа лиц с юридическим опытом, объединивших свои усилия[947].

Еще одна из серьезнейших проблем с использованием ИИ в уголовном правосудии связана с тем, что программы являются объектами интеллектуальной собственности, устройство алгоритма может быть защищено коммерческой тайной, то есть непрозрачно, и стороны процесса не могут его изучить, что нарушает их процессуальные права. Это уже привело по крайней мере к одному разбирательству в Верховном суде штата Висконсин[948].

Алгоритмы, в силу своей сложности, непрозрачности, не понятны пользователям, в том числе и судьям. Даже если в суд пригласить эксперта

---

[945] Would You Trust An Artificially-Intelligent Expert? // The National Law Review. October 25, 2017. URL: https://www.natlawreview.com/article/would-you-trust-artificially-intelligent-expert (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[946] Kirkpatrick K. It’s not the algorithm, it's the data // Communications of the ACM. 60 (2): 21–23. 2017. https://www.doi.org/10.1145/3022181.

[947] Yong E. A Popular Algorithm Is No Better at Predicting Crimes Than Random People // The Atlantic. Kanuary 17, 2018. URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/01/equivant-compas-algorithm/550646/ (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[948] См. дело Loomis v. Wisconsin // Independent News and Analysis on the U.S. Supreme Court. 2017. URL: https://www.scotusblog.com/case-files/cases/loomis-v-wisconsin/ (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

– разработчика программы – он не сможет объяснить, как именно машина приходит к решению. Недаром сам процесс обработки данных называют «черным ящиком». Вдобавок разработку алгоритмов заказывают частным компаниям, в итоге только их собственники – и то лишь до определенного предела – в курсе, как именно ИИ принимает решения. Стандартизация и контроль не успевают за этими технологиями[949]. При этом не только заказчик может не до конца понимать устройство программы, но и исполнитель не до конца понимает потребности и фундаментальные принципы отрасли, в которой она будет применяться, и принцип справедливости в том числе.

Разумеется, некоторые эксперты полагают, что программы ИИ, наоборот, способны сократить предвзятость в сфере правоприменения и привести к более справедливой системе вынесения приговоров. Так, по данным некоммерческой организации R Street Institute, некоторые эксперименты с ИИ показали, что он смог бы снизить уровень преступности на 24,8 % как минимум, не приводя к росту числа заключенных, либо сократить число заключенных на 42 % и больше, не приводя к росту преступности[950]. Критики этой идеи считают, что алгоритмы, по сути, превращаются в систему наказания граждан за преступления, которых они еще не совершали. Так, определение риска преступности с помощью ИИ в Чикаго привело к ряду широкомасштабных облав, которые, однако, не помогли снизить уровень преступности в городе[951].

Таки образом, в одной только сфере правосудия применение искусственного интеллекта угрожает следующим правам человека:

- свобода от дискриминации;
- право на жизнь, свободу, личную неприкосновенность;
- право на равенство всех перед законом и судом;
- свобода от произвольного ареста или содержания под стражей;
- право на справедливое судебное разбирательство;
- право на неприкосновенность частной жизни.

При корректном использовании систем ИИ возможно добиться снижения уровня преступности и сокращения наказаний для лиц «низкого риска». Однако при этом повышаются риски незаконного ареста лиц «высокого

[949] Tashea J. Courts Are Using AI to Sentence Criminals. That Must Stop Now // Wired. April 17, 2017. URL: https://www.wired.com/2017/04/courts-using-ai-sentence-criminals-must-stop-now/ (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[950] Watney C. It's Time for our Justice System to Embrace Artificial Intelligence // TechTank, Brookings Institution. July 20, 2017. URL: https://www.brookings.edu/blog/techtank/2017/07/20/its-time-for-our-justice-system-to-embrace-artificial-intelligence/ (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[951] Asher J., Arthur R. Inside the Algorithm That Tries to Predict Gun Violence in Chicago // The New York Times. June 13, 2017. https://www.nytimes.com/2017/06/13/upshot/what-an-algorithm-reveals-about-life-on-chicagos-high-risk-list.html (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

уровня риска». Возникает угроза нарушения процессуальных прав подозреваемых и обвиняемых из-за того, что программа является сложным, непрозрачным продуктом интеллектуальной собственности. К тому же все подобные программы основаны на сборе, хранении и анализе обширного объема личных данных, что вызывает также серьезные опасения за безопасное использование этих данных[952].

Наконец, системы ИИ ставят перед специалистами этический и философский вопрос – насколько вообще допустимы попытки заменить судью машиной, учитывая, что система правосудия была создана людьми для поддержания социального порядка. Предполагается, что пусть даже ИИ и мог бы сделать систему более эффективной, последнее слово в вынесении критических решений в личной и социальной жизни должен принимать человек, на которого возложена такая ответственность, а не безответная программа, созданная людьми, не обладающими квалификацией в сфере юриспруденции.

Если говорить о проблемах защиты прав человека не только в сфере правосудия, а в целом, то и здесь в использовании ИИ есть свои достоинства и недостатки. Например, организации, работающие в области прав человека, сосредотачивают огромный объем обращений, свидетельств и других данных, нуждающихся в обработке и классификации. Системы ИИ способны сокращать необходимое для обработки время, в частности, при анализе больших объемов видеоматериала. Например, такой видеоанализ применяется в Сирии, в попытке отобрать достоверные записи, которые можно использовать как доказательства военных преступлений[953].

С другой стороны, проблемы предвзятости и злоупотреблений технологиями ИИ настолько остры, что в 2021 году Верховный комиссар ООН по правам человека Мишель Бачелет призвала к мораторию на продажу и использование систем ИИ, которые приводят к нарушениям прав человека. Она рекомендовала государствам-участницам и бизнесу отказаться, хотя бы на время, от технологий слежки и анализа поведения людей. «Чем выше риск для прав человека, тем строже должны быть нормативные требования к использованию технологии искусственного интеллекта», – заявила глава Управления ООН по правам человека[954].

---

[952] Raso F., Hilligoss H., Krishnamurthy V. Artificial Intelligence and Human Rights: Opportunities & Risks // Berkman Klein Center Research Publication. September 25, 2018. No. 2018-6. URL: https://ssrn.com/abstract=3259344 (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[953] Machine Learning and Human Rights: How to Maximize the Impact and Minimize the Risk // New Tactics in Human Rights. 2018. URL: https://www.newtactics.org/conversation/machine-learning-and-human-rights-how-maximize-impact-and-minimize-risk (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[954] Мишель Бачелет призвала ввести мораторий на использование систем искусственного интеллекта // Новости ООН. 15 сентября 2021. URL: https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409912 (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

В октябре 2022 года Совет Европы начал обсуждение Европейской конвенции по искусственному интеллекту, правам человека, демократии и верховенству права (Convention on artificial intelligence, human rights, democracy and the rule of law). Одной из основных целей данного акта является защита персональных данных и права на неприкосновенность частной жизни. Также документ призван свести в единую стройную систему существующие на данный момент разрозненные европейские документы, касающиеся ИИ (преимущественно о защите данных).

Войцех Вевюровски, руководитель Европейской инспекции по защите данных, считает, что Конвенция должна полностью запретить такие способы использования ИИ, как социальный скоринг (оценка лица по его социальным характеристикам), биометрическая идентификация человека в общественных местах, классификация людей на основе биометрических данных (например, этничности).

Что касается допустимой работы ИИ, необходимо обеспечить ее прозрачность до такой степени, чтобы смысл алгоритма можно было ясно донести как контролирующим органам, так и частным лицам, а также необходимо регулярно проверять действующие системы на предмет возникновения рисков[955].

В Российской Федерации законодатель движется к внедрению этических принципов в области применения искусственного интеллекта со стороны подзаконных актов. Так в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года указано, что в целях поддержки данной стратегии «проводятся научные исследования, направленные на прогнозирование этических аспектов использования технологий искусственного интеллекта»[956]. В свою очередь в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. прямо указана такая цель, как формирование кодексов этических правил разработки, внедрения и применения технологий ИИ[957]. Проект такого кодекса, подготовленного с участием ве-

---

[955] AI Convention: stronger protection of fundamental rights is necessary // European Data Protection Supervisor. 14 October, 2022. URL: https://edps.europa.eu/press-publications/press-news/press-releases/2022/ai-convention-stronger-protection-fundamental-rights-necessary_en (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[956] Указ Президента РФ от 10 октября 2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184 (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

[957] Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681 (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

дущих технологических компаний России, был создан в 2021 году. П. 1.4 Этического кодекса гласит:

«*В целях обеспечения справедливости и недопущения дискриминации Акторы ИИ должны принимать меры для того, чтобы удостовериться, что применяемые ими алгоритмы и наборы данных, методы обработки используемых для машинного обучения данных, при помощи которых осуществляется группирование и/или классификация данных, касающихся отдельных лиц или групп лиц, не влекут их умышленную дискриминацию. Акторам рекомендуется создавать и применять методики и программные решения, выявляющие и препятствующие возникновению дискриминации по признакам расовой, национальной, половой принадлежности, политических взглядов, религиозных убеждений, возраста, социального и экономического статуса или сведений о частной жизни (при этом дискриминацией не может признаваться явно задекларированные Актором ИИ правила функционирования или применения СИИ для разных групп пользователей, сегментированных с учётом таких признаков)».*

По данным на октябрь 2022 года[958] к кодексу продолжают присоединяться новые подписанты среди российских компаний, но, когда будут предприняты шаги к более высокому уровню регулирования, пока не известно.

В сфере ИИ сталкиваются интересы множества лиц – разработчиков (бизнеса), государства, индивидуумов. Скажем, при создании беспилотного транспорта компаниям нужны точные картографические данные. Государство не заинтересовано в этом, так как от получения бизнесом лишней информации может пострадать национальная безопасность, частные лица также не хотят делиться личной информацией. С другой стороны, если транспортные системы не будут обладать такими данными, это может привести к авариям, нарушениям работы – что также не выгодно государству и человеку. А разработчики в свою очередь, опасаясь конкуренции, не заинтересованы делать доступными и понятными свои системы ИИ. Ситуация становится заметно сложнее при учете зарубежных и международных заинтересованных сторон.

Предвзятость алгоритмов – лишь один из многих вызовов, которые ставит перед законодателем и судом появление новых технологий. Этой предвзятости искусственный интеллект обязан своему творцу – человеку, умышленно или невольно закладывающему в программы дискриминационную составляющую. Но хотя проблема и стара, воздействовать на нее старыми юридическими решениями оказывается проблематично из-за сложности и непрозрачности процесса.

---

[958] См. сайт Альянса в сфере искусственного интеллекта. URL: https://a-ai.ru/ (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

Как на международном, региональном, так и на национальном уровне защита прав человека от нарушений, связанных с использованием ИИ, пока что не оформлена в виде цельной системы нормативно-правовых актов. Имеющиеся акты отличаются разным охватом, степенью защиты, относятся к различным ветвям права, затрагивают разные аспекты проблемы. Рано или поздно сама реальность – какая-либо крупная махинация, грубое нарушение прав человека или техногенная катастрофа – потребует от законодателя продумать и предусмотреть все необходимые средства контроля и ограничения использования ИИ. Вряд ли можно полагаться на своевременное принятие актов, позволяющих предотвратить будущие угрозы, которые влечет за собой скрытая предвзятость алгоритмов.

§ 8. Судебное администрирование как система междисциплинарных знаний

Цель настоящего исследования заключается в выявлении сущности судебного администрирования как новой системы специальных знаний комплексного характера, формирующейся в ходе реализации целей организационного обеспечения судебной деятельности. Применение структурно-функционального метода позволяет установить содержание судебного администрирования в условиях определяющего значения междисциплинарной составляющей.

В трудах отечественных авторов термин «судебное администрирование» начал находить своё применение в последнее десятилетие. Следует предположить, что и учебная дисциплина «Судебное администрирование» будет включена в академические учебные планы факультетов, на которых приобретают актуальные компетенции будущие специалисты юридического профиля. Востребованность развития знаний о судебном администрировании проецируется возрастающими запросами в судебном разрешении правовых конфликтов в российском обществе. По итогам 2020 года, несмотря на ограничения в связи с необходимостью соблюдения противоэпидемиологических мероприятий, судами России только по первой инстанции было рассмотрено больше 39 миллионов дел. Количество электронных запросов пользователей через систему ГАС «Правосудие» превысило 3,7 миллиардов[959].

Как правило, современные исследователи организации судебной деятельности применяют в своих заключениях термин «судебное администри-

[959] Доклад Председателя Верховного Суда РФ Вячеслава Михайловича Лебедева к совещанию судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ 9 февраля 2022 г. Официальный сайт Верховного суда РФ // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/files/30761/ (Дата обращения 20.08.2022 г.).

рование» как основной конструктив в тех случаях, когда анализируют судебную деятельность в том или ином аспекте или в их совокупности, позволяющей обеспечить осуществление правосудия. Некоторые теоретики к субъектам судебного администрирования относят исключительно администраторов судов – должностных лиц, входящих в особую группу федеральных государственных служащих, которые являются работниками системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[960]. Другие рассматривают содержание «судебного администрирования» широко, как основу современного управляемого социального процесса, позволяющего реализовать функцию судебной власти, заключающуюся в осуществлении правосудия. Например, З. Е. Громова в работе «Реализация административной ответственности в сфере судебного администрирования», анализируя финансово-хозяйственную деятельность судов, установила перечень субъектов, на которых возможно возложение административной ответственности[961]. Д. И. Штефан в труде «О судебном администрировании в Российской Федерации на примере зарубежного опыта» определил предпосылки выбора зарубежными странами оптимальных систем организации обеспечения судопроизводства, обосновав преимущества российского пути развития и перераспределения полномочий в администрировании с учётом позиции органов судейского сообщества[962]. Судебное администрирование рассматривается как основа для модернизации деятельности работников аппарата суда[963]. О. А. Капустин отметил разработку данного термина в зарубежной доктрине, в частности М. Симонисом, Н. Е. Деннисом, Н. О. Лавсоном, которые раскрывают содержание «судебное администрирования» как комплекс мер, правовых норм и юридических полномочий, основанных на конституционных принципах и определяющих организацию деятельности судов»[964]. Возможность осуществления администрирования в текущей деятельности Судебного департамента фиксируется

[960] Статьи 17–19 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» (ред. от 16.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

[961] Громова З. Е. Реализация административной ответственности в ходе судебного администрирования // Вестник КГУ. – 2018. – № 2. – С. 319–323.

[962] Штефан Д. И. О судебном администрировании в Российской Федерации на примере зарубежного опыта //Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 3 (136). – С. 127.

[963] Латышева Н. А. Судебное администрирование: опыт, проблемы, перспективы // Администратор суда. – 2009. – № 4. – С. 13–16; Приоритеты судебного администрирования в содержании судебной деятельности Беларуси и России / Категория законного интереса в отраслях публичного и частного права / Сборник научных статей. Витебск: Витеб. госуд. унив-т им. П. М. Машерова. – 2022. – С. 5-9.

[964] Капустин О. А. Организация судебной деятельности в современный период: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2022.

в его внутренних документах. К примеру, в заключительной части отчёта данного федерального государственного органа за 2021 год в качестве первой из перечня задач по техническому сопровождению автоматизированных систем на 2022 год указывается «организация администрирования автоматизированных систем судопроизводства»[965].

В законодательстве РФ о судебной деятельности термин «судебное администрирование» в настоящее время не применяется. Однако уникальность сложившейся ситуации заключается в распространении данного термина на практическую деятельность из объёма общефедерального подзаконного нормативного правового регулирования.

Фактически признание существования института судебного администрирования в РФ было закреплено путём принятия Федерального государственного образовательного стандарта по специальности 40.02.03 «Право и судебное администрирование»[966], который действует в России с 2014 года. Область профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу данного стандарта, – организационно-административная деятельность по созданию условий для осуществления правосудия в Российской Федерации, правовое, информационное, организационно-техническое обеспечение судебной деятельности. Наименование квалификации базовой и углублённой подготовки – специалист по судебному администрированию. Следует отметить, что в том же 2014 году был утверждён Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ)[967], который, кроме прочих задач, используется в решении задачи анализа и прогноза показателя занятости населения страны. К малой группе 242 в ОКЗ отнесены специалисты в области администрирования. Применительно к содержанию труда специалисты в области администрирования «применяют различные концепции и теории, связанные с повышением эффективности деятельности организаций и отдельных работников». Среди прочих возможных занятий специалистов данной груп-

---

[965] Отчёт об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 год, утверждён решением коллегии Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 23 марта 2022 г. № 3/1-ксд. С. 231 // Официальный сайт Судебного департамента. URL: http://www.cdep.ru/userimages/documents/Otchyot_2021.pdf (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

[966] Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 40.02.03 «Право и судебное администрирование», утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 мая 2014 г. (ред. от 13.07.2021). // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167765 (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

[967] Общероссийский классификатор занятий, принят и введён в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2014 г. № 2020-ст (ред. от 18.02.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

пы – «оценка структуры организаций и выявление направлений дальнейшего развития операционной деятельности организации в соответствии с её основными целями». Таким образом, администрирование, как организация труда, рассматривается в России не только как деятельность, имеющая исключительно исполнительскую, шаблонную, безынициативную направленность, но и как организацию трудовых операций, которые связаны с определяющими целевыми характеристиками – эффективностью, рациональной организацией, оптимизацией. В то же время процесс становления рассматриваемого термина, с присущей ему дискуссионностью, вполне очевиден.

С. А. Кузнецов считает, что «администрировать (от лат. administro — управляю, заведую) – значит управлять чем-либо бюрократически, формально»[968]. Ю. А. Зубарев, А. И. Шамардин рассматривают администрирование как «формальное управление посредством приказов»[969]. М. В. Бгашев в качестве «составной части управленческой деятельности, заключающейся в выработке корпоративной политики, координации финансов, производства…»[970]. Администрирование рассматривается Н. М. Гусевой в качестве «рутинных операций, в рамках которых отдельные действия специалистов доведены до автоматизма»[971]. В данном понимании ключевым является словосочетание «отдельные действия», так как наличие вариабельности, отклонений от стандартов являются нормальными условиями для организации управленческого процесса, что требует индивидуального учёта в построении задач администрирования. В целом в отечественной системе управления «администрирование» формируется как сложный организационно-методический комплекс отношений в организации, включающий в себя: распределение обязанностей в ходе исполнения функций и задач персоналом и их оптимизация; организация документирования и документооборота, распоряжение имеющимися производственными ресурсами, информационное обеспечение и контроль.

Судебное администрирование, проходя в современных условиях стадию своего формирования, имеет выраженную эссенциалистскую направленность, которая характеризуется разработкой уникальной упорядоченной системы знаний на основе проверки выдвигаемых гипотез. При этом объективность и рациональность нового знания направлена исключительно на

---

[968] Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002. – С. 14.

[969] Зубарев Ю. А., Шамардин А. И. Энциклопедический словарь терминов по маркетингу, менеджменту, экономике, предпринимательству. Т.1. Волгоград, 2012. – С. 10.

[970] Бгашев М. В. Управленческий словарь. Современная управленческая наука в понятиях и терминах. Саратов: Амирит, 2017. – С. 5.

[971] Гусева Н. М. Роль государственного администрирования в управлении обществом // Известия УрГЭУ. – 2011. – № 6 (38). – С. 113.

удовлетворение потребностей общества в новой модели судебной деятельности обеспечительного характера – доступной, удобной, понятной, в том числе для неограниченного круга пользователей информацией в сети Интернет.

Судебное администрирование возможно рассматривать как комплексную систему знаний, относящуюся к сфере судебной деятельности, в которой исследуется организационное обеспечение судопроизводства в ходе профессиональной деятельности государственных гражданских служащих Судебного департамента, органов исполнительной власти в субъектах РФ, обеспечивающих осуществляемую с использованием ресурсов цифровизации деятельность мировых судей и работников аппарата судов судебной системы РФ под руководством органов судейского сообщества, председателей судов. ***Объектом научного исследования для судебного администрирования*** являются отношения, формируемые в процессе управления обеспечением судопроизводства на основе применения базовых принципов государственного управления, а также развития и использования технологий искусственного интеллекта – принципов защиты прав и свобод человека, безопасности, прозрачности, технологического суверенитета[972]. ***Предметом судебного администрирования*** являются отдельные элементы, коррелирующие содержанию организационного обеспечения деятельности судов в их управленческом аспекте на основе применения информационных технологий. Наиболее объёмными по своему содержанию являются:

– организация финансирования судебной деятельности, в том числе в ходе деятельности финансово-экономических подразделений Судебного департамента и судов (разработка планов финансирования судов с учётом потребностей в различных субъектах РФ; финансовое сопровождение процесса подключения судебных участков мировых судей к инфраструктуре ГАС «Правосудие»[973] и т.д.);

– организация кадровой работы с судьями и кадровый менеджмент в системе государственной службы с учётом структуры судов и их компетенции (управление в сфере кадровой политики, организация процессов аттестации, присвоения квалификационных классов судьям, классных чинов работникам аппарата судов, системы Судебного департамента и т. д.);

---

[972] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ от 14 октября 2019 г. № 41. Ст. 5700.

[973] Приказ Министерства цифрового развития и массовых коммуникаций РФ от 5 февраля 2021 г. № 59 «Об утверждении Единых функционально-технических требований к организации подключения судебных участков мировых судей к телекоммуникационной инфраструктуре Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» / ИПС «Гарант» □ https://base.garant.ru/400370695/ (Дата обращения 20.08.2022 г.).

– планирование, распределение и контроль использования материально-технических ресурсов судов (например, составление планов закупок на основании норм положенности, организация проверок ремонта оборудования перед отопительным сезоном, определение графиков доставки расходных материалов на судебные участки мировых судей в субъектах РФ и т. п.);

– организация систем судебного документирования и документооборота при осуществлении конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (обеспечение хранения и использования документов в различных формах, управление документопотоками и организация обмена документированной и иной информацией в информационных системах судов, в том числе в условиях реализации задач суперсервиса «Правосудие онлайн», осуществление межведомственного документооборота, прогнозирование потребностей в передаче дел на постоянное хранение в госархивы и т. п.);

– организация ведения статистического наблюдения о деятельности судов, обеспечение сводки и группировки получаемых статистических данных согласно утверждённым формам статистических отчётов, составление алгоритмов для анализа и обобщения статистических показателей, обеспечение предоставления данных статистического учёта в уполномоченные органы, общегосударственные операционные информационные системы;

– организация открытого и доступного информационного обеспечения, в том числе при работе с официальными сайтами судов и управлений Судебного департамента, в деятельности пресс-служб судов.

В целях выявления характера междисциплинарных связей представляется важным определить группы знаний, влияющих на содержание судебного администрирования и его развитие. Учитывая специальный характер этой, формирующейся в настоящее время группы сведений, скреплённых общими познавательными целями и задачами, создающими уникальную агрегированную методологию, представляется целесообразным систематизировать взаимодействующие в судебном администрировании потоки знаний из области юридических и других наук, в том числе сферы управления, информатизации и теории коммуникации.

О влиянии на судебное администрирование иных юридических наук. Следует согласиться с В. В. Кожевниковым, который консолидировал представление об общей теории государства и права, имеющей методологический, а также руководящий и фундаментальный характер по отношению к отраслевым юридическим наукам[974]. Судебное администрирование

[974] Кожевников В. В. Общая теория государства и права: в защиту базовой, методологической юридической науки // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2018. – № 4 (57). – С. 72-79.

как новая система юридических знаний прикладного характера не является исключением. В то же время все судебное администрирование в качестве своего базового каркаса использует научные обобщения, сформированные в истории государства права. Наиболее востребованными в данном ключе являются знания о содержании актов, посредством которых устанавливались полномочия уполномоченных субъектов в рамках имеющейся юрисдикции, речь идет о Министерстве юстиции Российской империи, Наркомате юстиции РСФСР (СССР), Министерстве юстиции РСФСР (СССР), Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации, а также о содержании их правоустанавливающей деятельности по обеспечению судопроизводства. К примеру, историко-правовой фундамент для анализа развития системы материально-технического обеспечения имеет Инструкция министра юстиции от 22 мая 1909 года «О порядке применения Высочайше утверждённых 20 мая 1909 года правил о доставлении справок о судимости и статистических листков по делам уголовным и об издании Ведомости справок о судимости»[975]. В п. 9 данной Инструкции было закреплено, что заказ печати бланков справок о судимости и статистических листов об осуждённых и оправданных был возможен исключительно через Сенатскую типографию на основании требований, адресованных в ее контору. К данному требованию должны были прилагаться квитанции местных казначейств о внесении платы за «печатание бланков, с зачислением таковой в § 12 сметы специальных средств Министерства юстиции». Без представления указанной квитанции Сенатская типография была не вправе высылать бланк в суды, находящиеся в различных губерниях Российской империи. Таким образом, централизованный порядок обеспечения бланков для организации ведения статистики судимости являлся характерной особенностью системы дореволюционного обеспечения судопроизводства.

Отраслевые юридические науки также являются источниками для реализации задач судебного администрирования. Сплошной метод статистического наблюдения, реализуемого в ходе ведомственного статистического учёта путём заполнения учётно-статистических карточек по судебным делам и формирования статистических отчётов, установленных в Табеле форм отчётности[976], требует организации распределения обязанностей работни-

[975] Собрание узаконений Российской империи. 1909. № 1. Ст. 685.

[976] Табель форм статистической отчётности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости и форм статистической отчётности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов, мировых судей и судимости, утв. приказом Судебного департамента от 11 апреля 2017 г. № 65 (ред. от 15.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217817/ (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

ков аппарата судов в ходе занесения статистических показателей и контроля исполнения, своевременного создания, утверждения и организации отправки отчётов по назначению для консолидации в управления Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и Судебный департамент, а также организации хранения и использования статистических данных непосредственно в судах. При этом нормы всех отраслей права задействованы в организации учёта особенностей судопроизводства по отдельным сводным группам, подгруппам, а также по статьям отраслевых законов, являющихся основаниями для рассмотрения судебных дел по первой инстанции, а также в инстанционном обжаловании (опротестовании). Безусловно, судебное администрирование в наибольшей степени и непосредственно в ходе организации обеспечительной деятельности применяет процессуальные нормы права. Например, в ходе обеспечения уголовного судопроизводства, согласно требованиям Уголовного-процессуального кодекса от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ[977], работники аппарата судов отвечают за приглашение, назначение и замену защитника, оплату его труда (ст. 50), исполнение постановлений о вещественных доказательствах (ст. 80), составление протоколов судебных заседаний (ст. 80), обеспечение отдельных мер пресечения, например залога (ст. 106), и т. д.

Размышляя о влиянии на судебное администрирование прикладных юридических наук, целесообразно подходить к изучению данной системы знаний как к аккумулирующей в себе преподаваемые учебные дисциплины (соответственно направлению подготовки): судебное делопроизводство, судебную статистику (организацию службы судебной статистики), профессиональную этику, архивное дело (организацию работы архива суда), организационно-техническое обеспечение деятельности судей, обеспечение рассмотрения судьёй уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях и информационные системы судопроизводства. Данные учебные дисциплины, имеющие собственные, узкие по своим целям задачи исследования, связаны между собой общим объектом правоотношений – организацией судебной деятельности; они фактически входят в предмет судебного администрирования по его различным направлениям, который дополняет каждый из них управленческим, плановым, прогностическим началом. В этом и состоит назначение судебного администрирования, позволяющего объединить данные сферы прикладных юридических знаний под единым знаменателем эффективности и оптимальности организации обеспечения судопроизводства.

[977] Уголовно-процессуальный кодекс от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст.4921.

Значительный импульс развитию содержания инструментария судебного администрирования могут придать иные области знаний. Современные знания в сфере теории управления формируются в эпоху институциональных и технологических новаций. Значимым для формирования уникальной методологии судебного администрирования представляется ряд относительно новых сфер научного исследования, среди которых: управление организацией, методы принятия управленческих решений, управление процессами, информационный менеджмент и другие дисциплины. Междисциплинарный арсенал знаний судебному администрированию дает процессный менеджмент. Любые производственные процессы, как следует из данной системы знаний, обладают рядом признаков[978]. Согласно классической теории управления такие процессы должны обладать обязательными признаками. Применительно к организации судебного администрирования вполне возможно перечислить каждый из признаков теории процессного менеджмента, которые должны быть:

– непрерывными, последовательными и документально оформленными (то есть соответствовать требованиям инструкций, регламентов, порядков, с применением ресурсной составляющей ГАС «Правосудие»);

– нацеленными на создание результата (например, обеспечение составления протокола судебного заседания по гражданскому делу не позднее чем через три дня после окончания судебного заседания (ч. 3 ст. 230 Гражданского процессуального кодекса РФ[979]) и т. д.);

– контролируемы, то есть обеспечены точками, методами и средствами контроля (например, согласно пункту 10.3 Инструкции № 56[980] проверка наличия и состояния дел в архивах судов должна проводиться не реже одного раза в 5 лет, электронных дел – не реже одного раза в 3 года);

– рационально выстроены, чтобы исключить возвраты или лишние и неэффективные операции (к примеру, реализация данного процессного принципа в судебном делопроизводстве позволит отказаться от значительной части бумажного документооборота, сократить объёмы ведущихся в судах журналов и реестров за нецелесообразностью);

---

[978] Ефремов В. В., Самсонова М. В. Управление процессами: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2008. – С. 22.

[979] Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 17.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[980] Инструкция о порядке организации комплектования, хранения, учёта и использования документов (электронных документов) в архивах федеральных судов общей юрисдикции, утверждена приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 19 марта 2019 г. № 56 (ред. от 14.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323738/bc1b4d4a53c72eb2fbf74bbf40a7dcb4bb29cdc8/ (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

– снабжены каналами передачи информации (что в судебном администрировании обеспечивается посредством деятельности ФГБУ ИАЦ Судебного департамента[981] и его филиалов на основе выполнения технических заданий, утверждённых Судебным департаментом, в свою очередь контролируемым уполномоченным органом судейского сообщества – Советом судей Российской Федерации).

Данное, весьма сокращенное перечисление обобщённых направлений судебного администрирования невозможно реализовать без кадрового потенциала. Исходя из первостепенной важности качества ведения кадровой работы в судах, в качестве междисциплинарного института следует выделять кадровый менеджмент. Одной из задач, стоящей перед Судебным департаментом, является взаимодействие с Управлением Президента Российской Федерации по вопросам государственной службы и кадров, Министерством труда РФ по вопросам государственной службы и кадров, профессионального развития государственных гражданских служащих, а также применения кадровых технологий на государственной гражданской службе. Традиционным направлением в организации судебного администрирования, использующего закономерности, формируемые в кадровом менеджменте, является, к примеру, обеспечение порядка проведения конкурсов на замещение вакантных должностей на государственной гражданской службе.

Принципиально важное значение для формирования закономерностей в сфере судебного администрирования имеет дисциплина, именуемая в современных образовательных программах «Информационные технологии в деятельности юриста». Данная система знаний, в частности, формирует компетенции в сфере поиска, систематизации и обработки правовой информации, применения информационных технологий в различных видах юридической деятельности, в том числе и судебной. Также вышеупомянутая дисциплина дает представление об основах государственной политики в правовой сфере и типологии имеющихся информационных ресурсов. Такие основы являются надёжным базисом для изучения основ эксплуатации программно-технических средств ГАС «Правосудие», методики поддержки пользователей, хранения и автоматизированной обработки судебной информации, интеграции информационных ресурсов и данных судебной статистики. Особую актуальность в период продолжающейся в Российской Федерации цифровизации имеют знания об использовании и развитии ин-

[981] Прим.: ФГБУ ИАЦ Судебного департамента (Федеральное государственное бюджетное учреждение «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС "Правосудие"») действует на основании Устава, утверждённого приказом Судебного департамента от 12 июля 2018 г. № 113 (с изм. на 13.08.2021).

струментов единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей, а также обеспечения ускоряющегося взаимодействия ГАС «Правосудие» как мощного автоматизированного федерального ресурса с иными государственными и негосударственными информационными системами. Теоретические обобщения основываются на потребностях практики. Как указывалось в отчёте за 2021 год, Судебный департамент обеспечил возможность передачи из судов в подразделения Федеральной службы судебных приставов исполнительных документов в электронном виде, а также, в случае совершения данных операций в системе межведомственного электронного документооборота, постановлений, выносимых судебными приставами-исполнителями. В тот же период функции судебного администрирования были реализованы в ходе апробации операционных систем обмена информацией по регистрационному учёту граждан РФ по месту пребывания или по месту жительства с Главным управлением по вопросам миграции МВД России. Взаимодействие с Федеральной налоговой службой осуществлялось в рамках предоставления данных из ЕГРЮЛ и ЕГРИП, а с акционерным обществом «Почта России» – по вопросу использования ресурса «Электронные заказные письма»[982] и т. д. Дисциплина «Информационные технологии» позволяет использовать её закономерности, устанавливающие устойчивые связи между функциями государственных автоматизированных систем органов власти и потребностями в организации «личных кабинетов» граждан на соответствующих сайтах госорганов, и обеспечивать оперативное взаимодействие посредством интерактивных разделов «Обращения граждан в электронном виде». Междисциплинарные связи в сфере информационных технологий развиваются в условиях разработки государственных и международных стандартов в данной сфере, в том числе по направлениям охраны сведений персонального характера, хранящихся в электронных базах данных судов. Эти знания позволят претворить в жизнь идею судебной системы как единой технологической платформы[983].

Судебное администрирование может развиваться за счёт использования потенциала таких научных дисциплин, как лингвистика, инструментарий которой необходим для грамотной подготовки текстов документов, в том числе проектов локальных актов – приказов и распоряжений, а также группы дисциплин, изучаемых по направлению подготовки «Документоведение и архивоведение», – организация и технология документационного обеспечения управления, кадровое делопроизводство, архивоведение и архивное право, информационные технологии в документационном обеспече-

[982] Отчёт об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 год. С. 105.
[983] Капустин О. А. Указ. соч. С. 68.

нии управления, организационные основы стандартизации документационного обеспечения управления и ряд новейших дисциплин рассматриваемого направления подготовки, в том числе «Российские архивы в мировом информационном пространстве». В этой связи следует отметить важный вывод, сформулированный Л. Н. Вараламовой, – стандартизация управления документами рассматривается как универсальное средство развития нормативной базы любой сферы деятельности, включая в неё новейшие технологии и практики, регламентацию процессов и требований[984]. Современные стандарты, разрабатываемые при поддержке специалистов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), формируют тренды в организации электронного документирования и документооборота в судах.

Содержание судебное администрирования обогащается за счёт знаний в сфере теории коммуникации. Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы, одобренная Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 года, раскрыла задачи обеспечения открытости и доступности правосудия, а также доступа к информации о деятельности судов. Теория коммуникации, безусловно, как одна из молодых наук, относится к системе междисциплинарных знаний, использующая достижения философии, социологии, биологии и других наук. В организации массовых коммуникаций с широким кругом пользователей информации о судебной деятельности необходимо использовать наиболее эффективные инструменты. При этом в ходе организации процессов управления целесообразно использовать идеи специалистов, занимающихся данными вопросами. Например, один из актуальных выводов теории массовой коммуникации состоит в верификации следующей закономерности – в условиях информационного общества «коммуникации развиваются параллельно и вместе с процессами отчуждения и маргинализации личности»[985]. В этой связи обучение технологиям подачи корректной информации о судебной деятельности позволит преодолеть примитивность восприятия и правовой нигилизм среди членов социума. В этом также состоит одна из задач судебного администрирования.

Результаты и выводы. Понятие «судебное администрирование» не раскрыто в современном законодательстве о судебной деятельности, а его объём, так же, как и в общем администрировании, является предметом научных дискуссий в рамках исследований в сфере организационного обеспечения судопроизводства. В этой связи междисциплинарный подход поз-

[984] Варламова Л. Н. Стандартизация управления документами в России: роль ВНИИДАД // Вестник ВНИИДАД. 2018. – № 2. – С. 21-28.
[985] Кулькатова Г. Н. К вопросу о специфике массовой коммуникации как особой формы социального взаимодействия // Философия и общество. – 2013. – № 3. – С. 151-156.

воляет приблизиться к верному решению в определении роли и места судебного администрирования в современной системе знаний. Как показано в исследовании, судебное администрирование использует дисциплинарную онтологию и методы других дисциплин, что может характеризоваться как полидисциплинарные системные связи. По оценке И. Т. Касавина, в полидисциплинарных системах «сохраняется чёткость междисциплинарных границ, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, что является залогом успеха»[986]. Действительно, формирование новой системы знаний – судебного администрирования, объединяющего в себе и традиционные направления обеспечения судопроизводства, например «судебное делопроизводство», и новейшие сферы знаний, например «информационный менеджмент» или «общая теория социальной коммуникации», – происходит за счёт формирования методов управления применительно к правовому режиму организации обеспечения судопроизводства, регламентированному статьей 30 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[987].

Реализация междисциплинарной составляющей в судебном администрировании позволит решить многие проблемы, существующие в обеспечении судопроизводства, в том числе разработать инновационные подходы к организации управленческой деятельности должностных лиц системы Судебного департамента, аппарата суда на основе имеющихся технологических прорывов, достигнутых в других системах знаний. Становлению судебного администрирования как особого вида знаний может способствовать разработка научно обоснованных рекомендаций, которые должны содействовать укреплению законности при отправлении правосудия. Речь идёт о работе таких центров научной мысли, как Научно-консультативный Совет при Верховном Суде Российской Федерации и аналогичные совещательные органы в иных федеральных судах Российской Федерации, а также Научно-экспертный совет при Судебном департаменте. Накопление эмпирического опыта позволит сформировать научный потенциал судебного администрирования, посредством чего можно будет усовершенствовать практику.

---

[986] Междисциплинарность в науках и философии / Российская академия наук. Институт философии; отв. ред. И. Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2010. С. 22.

[987] Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

§ 9. Междисциплинарные подходы к изучению международного частного права

Международное частное права, предметом регулирования которого выступают отношения частного характера, осложненные иностранным элементом, в последнее время интенсивно развивается.

Международное частное право обладает методологическими особенностями и спецификой по сравнению с другими отраслями права и комплексными правовыми образованиями. Это связано с тем, что юридические конструкции, используемые в международном частном праве, являются сложными по составу, а понятия и методы значительно отличаются от тех, которые изучались студентами ранее в рамках других учебных дисциплин. Наибольшие трудности связаны с коллизионными вопросами и соответствующими им коллизионными методами решения[988].

Это объясняется следующими причинами. Для освоения международного частного права студенты уже должны обладать серьезными знаниями в различных областях. Наибольшее значение имеет то, как были освоены базовые понятия в рамках теории государства и права, предметов цивилистического цикла и, конечно, международного публичного права. При этом огромную роль играет уровень знаний, умений и навыков, полученных при изучении семейного права, трудового права и других правовых образований, относящихся к частноправовой сфере.

Требования такой комплексности знаний выступают на фоне неразрешенности целого пласта проблем. Многие теоретические и практические вопросы самого международного частного права до сих пор вызывают серьезные дискуссии у специалистов. В частности, нет единого мнения ни в российской, ни в зарубежной юриспруденции по вопросам о предмете и методах правового регулирования, системе источников, нормативном составе, юридической природе международного частного права.

Отношения частного характера с иностранным элементом, которые изначально регулировались на внутригосударственном уровне, с течением времени стали развиваться такими темпами, что возникновение международного частного права стало неизбежным. Как и для всех других правовых образований, необходимо было определить место международного частного права сначала в системе права, а затем в правовой системе. В этой связи необходимо было решить вопросы о соотношении международного публичного и международного частного права, а также международного част-

---

[988] Сазанкова О. В. Международное частное право: особенности методики преподавания // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2017. – № 1 (87). – С. 62–63.

ного права с отраслями внутригосударственного права, относящиеся к частноправовой сфере. Однако специфика отношений, регулируемых международным частным правом, способ их регулирования вызвали дискуссию, которая продолжается и в настоящее время.

Обобщение сформировавшихся в юриспруденции подходов к пониманию юридической природы международного частного права позволяет выделить четыре основные точки зрения.

Во-первых, существует «международно-правовая концепция», представители которой считают, что международное частное право включается в международное право. Среди сторонников данного подхода есть как советские, а позже российские юристы-международники (И. П. Блищенко, Л. Н. Галенская, В. Э. Грабарь, Ф. И. Кожевников, С. Б. Крылов, А. М. Ладыженский, С. А. Малинин, В. И. Менжинский), так и зарубежные (Х. Броше, Ф. Лоран, П. Манчини, К. Савиньи, П. Фиори).

Во-вторых, международное частное право может рассматриваться как часть гражданского права (М. М. Агарков, Б. Айзнер, М. И. Брагинский, И. А. Грингольц, А. Л. Маковский, О. Н. Садиков).

В-третьих, самую многочисленную группу составляют ученые-юристы, которые считают международное частное право самостоятельной отраслью национального права, подчеркивая при этом гражданскоправовой характер его норм (М. М. Богуславский, В. П. Звеков, С. Н. Лебедев, А. Б. Левитин, Л. А. Лунц, Г. К. Матвеев, Н. В. Орлова, И. С. Перетерский, А. А. Рубанов).

В-четвертых, в работах В. В. Гаврилова, Ю. М. Колосова, Б. Н. Кольцова, Б. Н. Кузнецова, А. Н. Макарова, Р. А. Мюллерсона, Г. И. Тункина отмечается, что международное частное право включает в себя как международно-правовые, так и нормы национального права, а поэтому может считаться полисистемным комплексом. В этом случае международное частное право представляется искусственным образованием, а поэтому не относится ни к международному, ни к национальному праву.

На данном примере видно, что отсутствие единого мнения по принципиальному вопросу о правовой природе международного частного права накладывает серьезный отпечаток на методику обучения. Преподаватель, с одной стороны, должен предложить студентам различные подходы, но, с другой стороны, сформировать заявленные в учебном плане компетенции, сохранив ощущение целостности и системности.

Этому способствует вынесение подобных вопросов на семинарские занятия, когда в рамках организованной дискуссии студенты могут подобрать аргументы к каждой из предложенных позиций, увидеть их плюсы и минусы и сформировать собственное мнение.

Существенную помощь в данных случаях может оказать знакомство студентов с классическими работами ведущих специалистов в области международного частного права. Учебная группа может быть разделена на части, представители которых заранее читают научное произведение и представляют его основные положения и аргументацию автора.

Традиционно сложилось, что изучение концептуальных идей о сущности международного частного права включается в одну из первых тем общей части курса международного частного права (разделы о правовой природе международного частного права и его месте в системе права[989], содержании отношений и природе норм международного частного права[990], месте международного частного права в правовой системе[991], соотношении международного частного права, внутригосударственного права и международного публичного права[992] и другие). Однако, на наш взгляд, преподавателю целесообразно вернуться к данным вопросам после полного осмысления студентами всех аспектов как общей, так и особенной части международного частного права, поскольку только тогда обучающиеся будут в состоянии осознанно подойти к этой проблеме и сформулировать собственную точку зрения. Целесообразность такой ретроспективы объясняется тем, что определение природы и характера международного частного права напрямую вытекает из анализа методов правового регулирования, источников, а также нормативного состава.

Сейчас общепринятым считается мнение о том, что международное частное право возникло именно как коллизионное право.

Однако общие тенденции развития правовых систем и особенности развития международного частного права способствовали тому, что на определенном этапе в его состав были включены материальноправовые нормы. Анализируя данный эволюционный процесс, Л. П. Ануфриева выделила основные его этапы. Сначала не признавалось включение в международное частное право унифицированных коллизионных норм. Затем подобный подход относился к материально-правовым нормам.

Только постепенно унифицированные международным договором материальноправовые нормы стали признаваться частью международного частного права[993].

---

[989] Алешина А. В., Косовская В. А. Международное частное право в схемах и таблицах. –М.: Эксмо, 2022. – 383 с.

[990] Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 704 с.

[991] Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – 688 с.

[992] Ерпылева Н. Ю. Международное частное право: учебник для вузов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 655 с.

[993] Ануфриева Л. П. Международное частное право: в 3 т. Т. 1. Общая часть: учебник. – М.: БЕК, 2000. – 288 с.

Для того чтобы студентам было легче осваивать столь трудный процесс развития международного частного права, на ряде юридических факультетов введен учебный курс «Соотношение международного и внутригосударственного права», в рамках которого не только рассматриваются классические подходы монистической и дуалистической теорий, но и основные этапы возникновения и развития коллизионных норм.

Включение в состав международного частного права коллизионных норм, содержащихся в международных и национальных источниках, а также материальных норм стало на современном этапе мнением большинства российских и зарубежных исследователей. Расхождения касаются того, что относить к материальным нормам. Если В. В. Гаврилов, Г. К. Дмитриева, Л. А. Лунц, Г. Ю. Федосеева подразумевают под данным термином только унифицированные материальные нормы, содержащиеся в международных договорах, то в работах М. М. Богуславского, И. В. Гетьман-Павловой, В. П. Звекова к ним относятся в том числе материальные нормы, специально предназначенные для регулирования отношений, осложненных иностранным элементом. Каждый из указанных подходов имеет свои недостатки.

Более аргументированным выглядит подход, согласно которому необходимо разделить материально-правовые нормы на виды: 1) унифицированные нормы международных договоров и специально предназначенные нормы для регулирования отношений, осложненных иностранным элементом, материальные нормы; 2) материальные нормы частноправовых отраслей национального законодательства в целом.

В частности, в работах С. Н. Лебедева высказывается мнение, что нормы национального права подлежат применению по вопросам, не урегулированным или не полностью урегулированным в международном договоре[994].

Отрицая включение материальных внутригосударственных норм в систему международного частного права, исследователи подчеркивают, что данные нормы не снимают коллизионной проблемы.

Определить свое отношение к такой позиции можно, если сначала выявить, для чего в принципе нужно решить коллизионную проблему, то есть правом какого государства будет регулироваться правоотношение. Преодоление коллизии как раз состоит в нахождении правопорядка, позволяющего выбрать материальные нормы, регулирующие вопрос по существу. Но преодоление коллизий нельзя рассматривать как конечную цель международного частного права, это только его особенность. Любая отрасль права направлена на регулирование определенной части обществен-

[994] Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. – М.: Статут, 2011. – С.18.

ных отношений и в конечном счете на их разрешение, а для этого необходимы материальные нормы выбранной правовой системы.

Выстраивается определенная логическая цепочка. Материально-правовой метод реализуется с помощью унифицированных материальных норм международных договоров. Использование материальных норм национального законодательства приводит к тому, что данный метод трансформируется в метод, свойственный конкретной частноправовой отрасли национального права.

Последний, в свою очередь, может быть применен только в совокупности с коллизионным, позволяющим выбрать соответствующий правопорядок.

Регулирование такого специфичного вида общественных отношений в подавляющем большинстве случаев требует выбора применимого права. Это происходит через использование специальных коллизионных норм, являющихся центральной частью нормативного состава международного частного права.

Коллизионная норма обладает всеми признаками правовой нормы, но ее отличает особое место в системе норм. Имея особое значение, она носит отсылочный характер, проявляющийся в том, что для урегулирования данного правоотношения лишь выбирается компетентный правопорядок, но отношения не регулируются по существу. В связи с тем, что, как правило, коллизионные нормы адресованы правоприменителю, а не самим участникам правоотношений, можно сделать вывод об их процессуальной природе. Логично предположить тогда, что если данную норму применяют суды, арбитраж, административные органы, нотариат, то и ее соблюдение или нарушение может быть только со стороны этих органов[995].

Большое теоретическое и практическое значение имеет вопрос о классификации коллизионных норм. Критерием деления могут выступать и источники закрепления коллизионных норм, и форма коллизионной привязки, и форма выражения воли законодателя. Возможны и другие варианты.

Адекватное отражение в нормативноправовых актах различных видов коллизионных норм позволяет наиболее полно реализовать права субъектов частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Использование метода правового моделирования может помочь в освоении студентами данной темы.

При изучении общей части международного частного права значительные трудности у студентов также вызывают вопросы, связанные с при-

[995] Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник. – М.: Эксмо, 2005. – С. 60.

менением коллизионных норм (проблемой квалификации, обратной отсылки и отсылки к праву третьей страны, постановки и решения побочного вопроса) и, как следствие, установлением содержания иностранного права.

Несмотря на то, что в судах и арбитражах количество гражданско-правовых споров с участием иностранного элемента неуклонно растет, практика свидетельствует о том, что правоприменители всячески стараются решить то или иное дело на основе права страны суда, не учитывая необходимость применения норм международных договоров и, в силу отсылки коллизионной нормы, иностранного права. Поэтому крайне важно в рамках практических занятий нарабатывать навыки по разрешению коллизионных вопросов, применению норм международных соглашений, а также иностранного права, тем самым формируя у будущих специалистов четкую установку относительно порядка разрешения такого рода споров.

При изучении многочисленных институтов особенной части международного частного права преподаватели могут использовать современные активные и интерактивные методы проведения занятий. Как отмечают И. С. Иванов и А. С. Кусков, активным методом проведения занятий следует признать совокупность таких педагогических приемов, которые способствуют наивысшей концентрации интеллектуальных и творческих способностей студентов, преобразованию мысли в действие, а действия — в опыт. В случае интерактивных методов ко всему сказанному выше добавляется обязательное условие активного участия студентов в процессе получения знаний при второстепенной роли преподавателя, лишь корректирующего их деятельность[996]. Такие формы и методы обучения позволяют повысить вовлеченность студентов в самостоятельную работу, организовать взаимообучение, провести выбор собственных темпов изучения темы, а также проводить мониторинги успеваемости. В качестве примера использования этих методов хотелось бы привести самостоятельную работу студентов по поиску, систематизации и анализу актуальной судебной практики по определенным правовым вопросам. Такого рода задания крайне полезны для обучающихся, ибо способствуют формированию у них необходимых компетенций в области правопонимания и правоприменения, а также приучают их всегда основывать разделяемые ими (или собственные) теоретические суждения в области права на объективных данных юридической практики.

Таким образом, в системе юридического образования международное частное право занимает особое место, так как в процессе его освоения

[996] Иванов И.С., Кусков А. С. Деловые игры как интерактивный метод проведения занятий в процессе подготовки бакалавров юриспруденции // Право и образование. – 2017. – № 10. – С. 81.

у студентов аккумулируются знания как по международному, так и внутригосударственному праву. Это требует постоянной отсылки к пройденным ранее предметам и позволяет, с одной стороны, актуализировать остаточные знания, а с другой — развивать их. Несмотря на прикладной характер международного частного права, его изучение возможно только при освоении фундаментальных основ юридической науки, которые закладываются, начиная с учебных дисциплин теоретико-правового и историкоправового циклов.

СПИСОКИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные источники и судебная практика

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 04.07.2020. № 144.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета от 27.07.2002. № 137.

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Российская газета от 30.10.2001. № 211-212.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета от 11.03.2015. № 49.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета от 31.12.2001. № 256.

6. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Российская газета от 08.12.2006. № 277.

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ и часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ) URL: https://base.garant.ru/10900200/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета от 22.12.2001. № 249.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Российская газета от 20.11.2002. № 220.

11. Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем., науч. ред. А.Л. Маковский. – М., 2004. – 816 с.

12. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Российская газета от 30.12.2004. № 290.

13. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Российская газета от 08.06.2006. № 121.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Российская газета от 05.06.2001. № 106.

15. Законопроект Российской Федерации от 29.06.2013 № 306504-6 «О внесении проекта федерального закона "О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации"» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6/ (Дата обращения: 01.04.2022 г.).

16. Указ Президента Российской Федерации от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/71330e43fc48d840d45e7c44eb8e184f03207692/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

17. Указ Президента РФ от 02.03.2021 N 119 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, (Дата обращения 15.08.2021 г.).

18. Постановление Правительства РФ от 25.12.2006 № 800 (ред. от 03.11.2011) «О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы» // Российская газета. 2006. 31 декабря.

19. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с "Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года")» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

20. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-31082002-n-1225-r/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

21. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru (Дата обращения 05.08.2021 г.).

22. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета от 05.09.2008. № 188.

23. Приказ Министерства топлива и энергетики Российской Федерации от 16.06.1998 № 208 «О введении в действие Правил по охране труда при эксплуатации магистральных нефтепродуктопроводов (ПОТ РО 112-002-98)» (документ отменен) URL: https://base.garant.ru/179554/ (Дата обращения 16.09.2022 г.).

24. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.03.2007 № 48 «О внесении изменений в приказ Минюста России от 14.05.2003 № 114» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12052584/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

25. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12.09.2005 № 169 «О внесении дополнений в Приказ Минюста России от 14.05.2003 № 114» (утратил силу) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55644/ (Дата обращения: 12.08.2022).

26. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.12.2002 № 347 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации» // Российская газета от 25.01.2003. № 14.

27. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70209342/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

28. Приказ Министерства юстиции N 190, МВД России № 912 от 04.10.2012 (ред. от 20.01.2017) «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений».

29. Приказ Министерства юстиции России от 22.06.2017 № 111 «Об утверждении Порядка обеспечения осужденных, освобождаемых от принудительных работ, бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2017 № 47300) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения 06.07.2021 г.).

30. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 02.07.2020 № 68 «Об утверждении Положения о судебно-экспертном управлении Следственного комитета Российской Федерации и внесении изменений в Положение о Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации, утвержденного приказом Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 08.06.2016 № 47». М. – 2020.

31. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 24.09.2008 № 212-ст «Об утверждении национального стандарта» URL: https://base.garant.ru/6393900/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

32. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 13.05.2015 № 561 «О создании технического

комитета по стандартизации "Судебная экспертиза"» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70919978/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

33. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 15.07.2019 № 385-ст «О введении в действие межгосударственного стандарта» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_309256/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

34. Информационное письмо Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации от 04.02.2021 № 03.10-21/190. СПб. – 2021.

35. Информационное письмо Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации от 17.05.2021 № 03.10-21/1048. СПб. – 2021.

36. Информационное письмо Следственного комитета Российской Федерации от 16.05.2018 № Исоп-246/2-21022-18/ СК РФ «О практике назначения судебных экологических экспертиз и исследований экспертам Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации». М. – 2018.

37. Письмо Минприроды России от 27.12.1993 № 04-25/61-5678 «О порядке определения размеров ущерба от загрязнения земель химическими веществами» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5189/ (Дата обращения 11.08.2022 г.).

38. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2012 № 21 «О применения судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70146708/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

39. Постановление Пленума Высшего арбитражного Суда Российской Федерации от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162155/ (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

Литература

40. Абрамова А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 46–55.

41. Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. – 256 с.

42. АВПРИ. Санкт-Петербургский Главный архив. Ф. 161. Оп. 179. Д. 30: «По отношению Главноуправляющего Собственной Е.И.В. Канцелярии Графа Блудова о сделании в Министерстве Иностранных дел справки, не найдутся ли в Архиве оного Указы, не бывшие ввиду II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии при издании как 1 так и 2 Полного Собрания Законов». Л. 12-13.

43. Агильдин Д. В. Понятие и содержание процесса исправления осуждённых // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – С. 13–15.

44. Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права. // Уголовное судопроизводство. – М.: Юрист. – 2006. – № 3. – С. 4-7.

45. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 6-40.

46. Алексеев С. В. Спортивное право России. Правовые основы физической культуры и спорта. – М., 2012. – 671 с.

47. Алексеев С. С. Право и правовая система. Известия высших учебных заведений // Правоведение. – 1980. - № 1. – С. 27-34.

48. Аминев Ф. Г., Аминов Д. Р. Актуальные проблемы назначения и проведения судебно-экологических экспертиз // Инновационное развитие. – 2018. – № 5(22). – С. 13-14.

49. Аналитический доклад Института демографии НИУ ВШЭ. Аборты в России. Распространенность, новейшие тенденции и проблемы статистического наблюдения // URL: https://iq.hse.ru/news/484659480.html?ysclid=l83hvv2vzv753218406 (Дата обращения 16.09.2022 г.)

50. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.

51. Андреевский И. Е. Полицейское право. В 2-х т. СПб., – 1876. – Т. 2.

52. Андрианов Н.В. Право и язык: диалогическая сопряженность // Государство и право. – 2012. – № 11. – С. 14-23.

53. Аникин Д.А. Мемориальные законы: от философских теорий к юридической практике // Мир человека: нормативное измерение - 4: Гуманитарное знание. Сборник трудов международной научной конференции. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2015. – С.163-168.

54. Антонова Л. Н. Проблемное поле современной рискологии // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – № 1. – С. 84-88.

55. Арбух Д. М., Абузарова Г. Р., Алексеева Г. С. Опиоидные анальгетики в терапии болевых синдромов (часть 1). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opioidnye_analgetiki_v_terapii_bolevyh_sindromov_chast_1 (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

56. Аргунов В. В. Взаимодействие общих и специальных норм и институтов в гражданском и арбитражном процессуальном праве (на примере дел особого производства) // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 119-134.

57. Арутюнян А. А. Концепция восстановительной юстиции и современные тенденции развития уголовного процесса // Адвокат. – 2011. – № 9. – С. 38-44.

58. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012.

59. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

60. Афонин В. М. К вопросу о необходимости использования франчайзинга в современном российском партстроительстве // Евразийское научное объединение. – 2017. – Т. 3. – № 11 (33). – С. 233–235.

61. Бабаев М. М. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. – 2016. – № 4. – С. 40–58.

62. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология) // Вестник СПбГУ. – 2019. – Т. 10, Вып. 1. – С. 138. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110.

63. Бабурин В. В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Омск, 2009. – 39 с.

64. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дисс. … док. филолог. наук. Воронеж. – 1997.

65. Байтеева М. В. Язык и право. Монография. Казань: Изд-во «Отечество», 2013. – 253 с.

66. Балакшин А. С. Культура и право // Научные проблемы водного транспорта. – 2014. – № 36. С. 142-146.

67. Балуев Д.Г. Понятие human security в современной политологии // Международные процессы. – 2003. – Т. 1. – № 1. – С. 95–105.

68. Банников И. А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-pravosudiya-1 (Дата обращения: 19.09.2022 г.).

69. Баньковская С. Воображаемые сообщества как социологический феномен // Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма // http://library.khpg.org/files/docs/1319798451.pdf (Дата обращения: 04.12.2022 г.).

70. Барабаш О. В., Мещерякова О. В. Коммуникативный аспект взаимодействия языка и права // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – Т. 64. № 10. – С. 4-8.

71. Баранов А. Н., Санников А. Л., Сизюхина Н. Н. Аборт: междисциплинарный взгляд // Экология человека. – 2006. – № 6. – С. 49–55.

72. Баранов В. М. Правотворческая конкретизация: негативный ракурс / В. М. Баранов // Очерки техники правотворчества. Избранные труды. – 2015. – № 9. – С. 580-608.

73. Баранова О. В. Система Факторов развития современного права: дисс. … канд. юрид. наук. М. – 2020.

74. Бараташвили Д. Т. Принципы официального юридического толкования: дисс. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.

75. Бахтеев Д. В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы: монография. М.: Проспект, 2021. 176 с.

76. Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалия // Государство и право. – 2001. – N 5. – С. 18.

77. Бгашев М. В. Управленческий словарь. Современная управленческая наука в понятиях и терминах. Саратов: Амирит, 2017. – 53 с.

78. Бегишев И. Р. Высокоавтоматизированные транспортные средства: криминальные риски и правовые последствия // Информационное общество. Цифровые технологии: выгоды и риски. – 2022. – № 4. – С. 45-54.

79. Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. – 2019. – № 4. – С. 610-625.

80. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) / Под. ред. И. Н. Сенякина. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2015.

81. Белялетдинов Р. Р., Попова О. В. Биотехнологии, тело и спорт: где границы свободы? // Горизонты гуманитарного знания. – 2019. – № 4. – С. 48-62.

82. Белянская О.В. Лингвистические противоречия в сфере законотворчества и правоприменения // Неофилология. – 2019. – Т. 5. –№ 20. – С. 476-482.

83. Бендевский Т. Международное частное право. Пер. с македонского. – М.: Статут, 2005. – 445 с.

84. Березина Е. А. Толкование договора как вид юридического толкования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2011.

85. Березовская Е. В. Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование: дисс. ...канд. юрид. наук. – Казань, 2005.

86. Берестовой А. Н., Цветков П. В. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 70-79.

87. Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ. – 1994. – 624 с.

88. Бернацкий Г. Г. Введение в методологию юридической науки: учебное пособие / Г. Г. Бернацкий. – СПб.: Изд–во СПбГЭУ. – 2016.

89. Блищенко И. П. Международное и внутригосударственное право. М., 1960. – 237 с.

90. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: РИПОЛ классик, 2018. – 285 с.

91. Болдырев С. Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: дис. … докт. юрид. наук. Ростов-на-Дону. – 2014.

92. Бондарев В.Г. Профессиональная подготовка специалистов для судебной системы: актуальные проблемы междисциплинарных исследований // Профессиональная подготовка специалистов для судебной системы в контексте междисциплинарных исследований. Сборник материалов Всероссийского круглого стола / Под общ. ред. В.Г. Бондарева, Е.П. Цыплаковой. СПб.: Астерион, 2023. С. 12-15.

93. Бочкарев С.В. Кризисы в праве как фактор юридической формы переживания истории: опыт Франции второй половины XIX века // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2021. – № 2. – С. 23-25.

94. Бочкарев С.В. Теория социальной травмы и современный конституционализм // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 2 (34). – С.8-14

95. Брагинский М. И. О природе международного частного права // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 24. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1982. – С. 146-160.

96. Бражин Ю. Ю. Актуальные вопросы противодействия незаконному обороту допинга в России // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2018. – № 16 (16). – С. 62-63.

97. Брун М. И. Международное частное право. Лекции М. И. Бруна, читанные в 1908-9 акад. году // Золотой фонд российской науки международного права. – М.: Международные отношения, – 2009. – С. 107-328.

98. Валлерстайн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований / Под ред. С.И. Григорьева (Россия). Ж. Коэнен-Хуттера (Швейцария). – 3-е изд., доп. и перераб. М.: РУСАКИ. – 1999.

99. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XX1 века / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос. – 2003.

100. Варламова Л. Н. Стандартизация управления документами в России: роль ВНИИДАД // Вестник ВНИИДАД. – 2018. – № 2. – С. 21–28.

101. Василевский Л. М. Аборт как социальное явление. Днепропетровск: Космос. 1927. – 162 с.

102. Васильева Е. Н. Единство задач правовой политики и искусства: теоретико-методологический дискурс // Образование и право. – 2021. – № 6. – С. 379-383.

103. Васильева М. А. Некоторые аспекты деятельности Следственного комитета Российской Федерации по обеспечению реализации стратегии экологической безопасности России // Материалы Международной научно-практической конференции: «Следственный комитет Российской Федерации: второе десятилетие на службе Отечеству». М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. – С. 92-95.

104. Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. – М.: Городец, 1997. – С. 9-10.

105. Васюк А.В. Юридическая герменевтика как научное направление правоведения. // Журнал «Территория новых возможностей». Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Право. – Владимир, 2010. – С. 82.

106. Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права: дисс… канд. юрид. наук. – Саратов, 2002.

107. Веденеев Ю. А. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. М.: Проспект, 2022.

108. Винберг А. И., Шляхов А. Р. Общая характеристика методов экспертного исследования // Общее учение о методах судебной экспертизы: сборник научных трудов. М.: Изд-во ВНИИСЭ. – 1977. – Вып. 28. – С. 54-93.

109. Виниченко Ю. В. Iura vicinitatis в римском частном праве // История государства и права. – 2012. – № 12. – С. 27-29.

110. Виниченко Ю. В. К вопросу о понятии соседского права // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 3. – С. 49-55.

111. Виноградов П. Г. Очерки по теории права (Пг., 1915). – М.: ЛЕНАНД, 2015.

112. Вишневский В. П. Право в изобразительном искусстве // Искусство и право: тенденции развития и формы интеграции / сост. Т.А. Кочемасова, Н.Н. Мухина. Ярославль: Филигрань. – 2015. – Вып. 1. – С. 122-129.

113. Власенко Н. А. Методологические основы исследования конкретизации в праве / Н.А. Власенко // Конкретизация права: теоретические и

практические проблемы: материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: РГУП. – 2015. – С. 70-88.

114. Власенко Н. А. Теория государства и права: учебное пособие для бакалавриата. М.: Норма: ИНФРА-М. – 2021.

115. Власенко Н. А. Язык права: монография. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, АО «Норма-плюс». – 1997.

116. Вольфсон С. Я. Семья и брак в их историческом развитии. М.: Соцэкгиз. 1937. – 244 с.

117. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. – М., 1976. – С. 118.

118. Воркачев С. Г. Studia selecta: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2015.

119. Воронин А. А. Спорт и риск // Риски биотехнологического улучшения человека: нейротехнологии и этика: сб. статей / под ред. Р.Р. Белялетдинова. – М.: Московский гуманитарный университет, 2019. – С. 125-134.

120. Воронин В. Н. Вопросы стратегического правового регулирования внедрения цифровых технологий на транспорте // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, – № 2. – С. 128-137. https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-128-137.

121. Воскобитова Л. А. Перспективы развития института примирения сторон в уголовном судопроизводстве России // Мировой судья. – 2007. – № 1. – С. 8-11.

122. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I [Текст]: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники / Н. А. Воскресенский; под ред. и с предисл. Б. И. Сыромятникова; Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва; Ленинград: изд. и 1-я типолит. Изд-ва Акад. наук СССР, 1945 (Л.). – 1 т.; 26 см. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях [Текст]. – 1945. – XLIV, 602 с., 4 л. факс.

123. Выгодский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика. – 1982.

124. Гааг Л. В. Толкование норм права и законность. // Вестник ТГУ. Право. – 2013. – № 3 (9). – С. 5-8.

125. Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.

126. Гаджиев Г. А. Е. В. Васьковский и современная цивилистическая методология. // Журнал российского права. – 2016. – С. 57-64.

127. Гаджиев Х. И. Толкование норм Конституции и закона Конституционными Судами: на примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации: дисс. ...д-ра юрид. наук. – М., 2001.

128. Гайдамакин А. А. Семантические отношения как основа формального языка права // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 80-85. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-otnosheniya-kak-osnova-formalnogo-yazyka-prava (Дата обращения: 15.09.2022 г.).

129. Галенская Л. Н. Правовое регулирование транснациональных отношений. СПб.: Изд-во СПбГУ. – 2022. – 316 с.

130. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 544 с.

131. Гвоздецкий Д. С., Залоило М.В. Цифровизация ведомственного нормотворчества как прорывное направление в государственном управлении // Право и государство: теория и практика. – 2019. – №10 (178). – С. 35–38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-vedomstvennogo-normotvorchestva-kak-proryvnoe-napravlenie-v-gosudarstvennom-upravlenii (Дата обращения: 15.09.2022 г.).

132. Гермашев А. Н. Юридическая герменевтика как теория о способах изложения воли в юридическом тексте и её толковании: автореф. … дис. канд. юрид. наук. М. – 2010.

133. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо. – 520 с.

134. Глазов Г. И., Сидорин В. П. Каталитический риформинг и экстракция ароматических углеводородов. (Библиотека молодого рабочего). М.: Изд-во «Химия», 1981. – 188 с.

135. Головина А. А. Право и «метаправо» как компоненты правовой системы // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник науч. трудов по итогам междунар. науч.-практ. конференции. Екатеринбург. – 2015. – № 2. – С. 14-16.

136. Голубов И. И., Денисенко М.В. Некоторые аспекты соотношения греха и преступления // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 4. – С. 143-151.

137. Гончарова Н. С. Символизм в праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – № 1 (24). – С. 91-97.

138. Грабарь В. Э. «Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917). М.: Изд-во АН СССР. – 1958. – 491 с.

139. Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 4-22.

140. Грибовский М. В. Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX в. // Вестник

Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1. – С. 76-80.

141. Грибовский М. В. Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 2. – С. 103-108.

142. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права (5-е изд., 1916). – М.: Изд-во «Зерцало», 2014. – 244 с.

143. Грин И. В. Аборт – преступление или операция? Докл., сделанный на XII Пироговском съезде. М.: тип. и цинк. т/д «Мысль», Н. П. Меснякин и К°, 1914. – 48 с.

144. Гринько Е. П. Методика и техника научного исследования: учебно-методическое пособие. Брест: БрГУ им. А.С. Пушкина, 2014. – 13 с.

145. Гроций Г. О праве войны и мира. Книга вторая. – Электронная библиотека «Гражданское общество России». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn2.pdf (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

146. Грязин И. Н. Текст права. – Таллин, 1983. – С. 54.

147. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М.: Норма. – 2010. – 160 с.

148. Гуласарян А. С. Обзор работы Комиссии международного права ООН (2019–2020 гг.) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12 (76). – С. 111–122.

149. Гуревич П. С. Проблема идентичности человека в философской антропологии // Вопросы социальной теории. – 2010. – Том. IV. – С. 77–78.

150. Гусева Н. М. Роль государственного администрирования в управлении обществом // Известия УрГЭУ. – 2011. – № 6 (38). – С. 112–116.

151. Гусейнов А. И. Соотношение права и культуры // Социология власти. – 2005. – № 6. – С. 142-148.

152. Гусельцева М. С. Трансдисциплинарный подход в современной психологии // Вопросы психологии. – 2018. – № 5.

153. Давыдова М. Л. Структура языка права: Филологические и юридические аспекты // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. С. 40–47.

154. Дадаева Т. М., Баранова В. В. Вспомогательные репродуктивные технологии в репродуктивном поведении городской молодежи (опыт пилотажного исследования) // Регионология. – 2019. – № 1 (106). – С. 138-155.

155. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 736 с.

156. Даниелян А. С. Правовые заимствования: понятие, признаки, предпосылки // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. – 2020. – № 1(11). – С. 31-38.

157. Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1]. / О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1913. 512 с.

158. Девлин А. Основные принципы права и экономики / Перевод с английского М. Маркова; под научной редакцией Д. Раскова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 720 с.

159. Делова А. Д. Конституция РСФСР 1978 года: От развитого социализма к демократии // Права человека: История, теория, практика. Девятая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. Юго-Западный государственный университет. Курск, 2020. – С. 106–110.

160. Денисов Б. П., Сакевич В. И. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши: Сборник статей / Под ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. – С. 186–208.

161. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. – 530 с.

162. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Изд-во второе, испр. / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Институт Гайдара, 2019. – 808 с.

163. Дмитриев Ю. А., Миронов В. О. Правовое регулирование деятельности политических партий в России // Актуальные вопросы образования и науки. – 2013. – № 5–6 (39–40). – С. 38.

164. Добровольная (бесспорная) юрисдикция в России и за рубежом (Восточная и Западная Европа, Латинская Америка, Китай) / У. Х. Ангрисано, А. В. Аргунов, В. В. Аргунов и др.; под ред. В.В. Аргунова. – М.: Статут, 2014. – 352 с.

165. Доманова С.А. Память и история в контексте философской антропологии // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – С. 66-70.

166. Допинг как феномен искаженной самодетерминации молодых спортсменов: системный анализ, пути профилактики: монография. Под ред. О. В. Кариной, Н. Е. Шустовой, М. А. Киселевой, Г. Н. Малюченко, А. В. Тимушкина. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 148 с.

167. Дорский А.Ю. Глорификация и чувство вины в государственных коммуникациях: интенции мемориального законодательства // Медиалинг-

вистика. Материалы IV международной научной конференции. – СПб.: Санкт-Петербургский государственыйй университет, 2020. – С. 68-71.

168. Дорский А.Ю., Черногор Н.Н. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 311-331.

169. Дудко А. А. Анализ эффективности применения рискориентированного подхода и антимонопольного комплаенса // Хроноэкономика. – 2020. – № 3 (24). – С. 104-109.

170. Дюверже М. Политические партии / Пер. с фр. М.: Академический проект, 2000. – 538 с.

171. Евграфова Т. – Н. О герменевтическом круге как методе научного познания в социально-гуманитарных науках. // Вестник Российского университета кооперации. 2014. – №1(15). – С. 64.

172. Евреинов В. А. Гражданское чинопроизводство в России. СПб.: Типография А.С. Суворина. – 1887. – 169 с.

173. Евсина О. В. Качество жизни в медицине – важный показатель состояния здоровья пациента (обзор литературы). URL: https: //cyberleninka.ru/article/n/kachestvo_zhizni_v_meditsine_vazhnyy_pokazatel_sostoyaniya_zdorovya_patsienta_obzor_literatury (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

174. Елисейкин П. Ф. Судебное установление фактов, имеющих юридическое значение. – М.: Юридическая литература, 1973. – 128 с.

175. Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд. СПб.: Н. К. Мартынов, 1908. – 626 с.

176. Ершов В. В. Конкретизация Конституции России: теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. – 2013. – № 12 (92). – С. 5-22.

177. Ефремов В. В., Самсонова М. В. Управление процессами: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2008. – 222 с.

178. Жалинский А. Э. Дубовик О. Л. Рецензия на книгу «Перемещение уголовной ответственности к наиболее ранним границам: сравнительно-правовой анализ на примере немецкого и венгерского уголовного права» (сост. Арнд Зинн, Вальтер Гропп, Ференц Наги) Оснабрюк: Университетское издательство. 2011 // Право и политика. – 2012. – № 1. – С. 176 – 179.

179. Желдыбина Т. А. Методологические основы конкретизации законотворчества // Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4. – № 2 (14) – С. 2–8.

180. Желонкина Е. А. Законотворческая техника в России XVII-XIX веков: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2012. – 38 с.

181. Жестеров П. В. Уголовная репрессия: критический анализ в условиях современности // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. Коллективная монография. Верховный Суд Российской Федерации; Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал. – СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. – С. 284-289.

182. Жигалова Г.Г., Рясов А.А. Использование специальных медицинских познаний в расследовании преступлений против жизни и здоровья человека // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5 (48). – С. 303-304.

183. Жуков В. Н. Философия права: Учебник для вузов. М.: Мир философии, 2019. – 559 с.

184. Журавлева Н.И. История как миф: конструирование культурной идентичности // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). –Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. – С. 76-81.

185. Зазулина Л. Д. Передача дел об установлении факта признания отцовства в компетенцию нотариусов: возможная модель регулирования и ее преимущества // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 8. – С. 59-63.

186. Зайцева Т. И. Настольная книга нотариуса: в 4 т. / под ред. И.Г. Медведева. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2015. Т. 3: Семейное и наследственное право в нотариальной практике. – 717 с. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

187. Залоило М. В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия // Журнал российского права. – 2010. – № 5. – С. 105-112.

188. Звеков В. П. Международное частное право. Курс лекций. М.: Норма, 1999. – 667 с.

189. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер с англ. / Под общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». – 2002. – 142 с.

190. Зипунникова Н. Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX в.: монография. Екатеринбург, – 2009. – 425 с.

191. Знаменский Д. Ю. Государство и гражданское общество в процессе формирования приоритетов государственной научно-технической политики // Социодинамика. – 2013. – № 10. – С. 1–17.

192. Зорькин В. Д. Россия без смертной казни. // Права человека. Практика Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 1. – С. 6.

193. Иванова Е.Н. Медиация как междисциплинарное сотрудничество // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 343-348.

194. Игнатьева М.В. Использование понятия социальной травмы в современной российской юриспруденции // Российское государствоведение. – 2018. – № 3. – С. 73-78

195. Игнатьева М.В. Нарушение социальных прав человека как социальная травма // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 4 (36). – С.28-33.

196. Ильин И. Национальная Россия: наши задачи / под ред. О.А. Платоновой. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – с. 224.

197. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 2011. – 464 с.

198. Исаев И. А. Проблема правового «заимствования»: Россия и Запад // История государства и права. – 2016. – № 11. – С. 3-7.

199. Исупова О. Г. Вспомогательные репродуктивные технологии: новые возможности // Демографическое обозрение. – 2017. – № 1. – С. 35-64.

200. Кагарлицкий Б. Левые в России: Надежды, неудачи, борьба // Свободная мысль. – 1994. – № 11. – С. 32–46.

201. Калачёв А. П. К вопросу о проблеме партийного строительства в России // Актуальные проблемы социальной коммуникации. Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции. 2012. – С. 235–236.

202. Калинина Е. Ю. Становление государственно-правовой системы средневековой Испании: цивилизационный подход. Дисс. … д.ю.н. Санкт-Петербург. – 2021.

203. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Наука, 1997. – 283 с.

204. Капустин О. А. Организация судебной деятельности в современный период: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2022.

205. Кареев Н. И. Философия, история и теория прогресса // Собр. соч. Т.1. История с философской точки зрения. СПб., 1912. – 233 с.

206. Карнозова Л. М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития (сборник материалов) / сост. А.Ю. Коновалов. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». – 2013. – С. 34-35.

207. Карташкин В. А., Пожидаева М. В. Пакты о правах человека и реформирование правозащитного механизма ООН // Юрист-международник. – 2006. – № 3. – С. 2–19.

208. Касавин И. Т. Интеграционность и междисциплинарность в социогуманитарном пространстве // Труд и социальные отношения. – 2008. – № 5. – С. 19–26.

209. Касториадис К. Воображаемое установление общества / Пер с фр. Г. Волковой, С. Офертаса. – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. – 480 с.

210. Касьянова А. А. Канада и «безопасность личности»: концепция и политика // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 8. – С. 36–53.

211. Кинев А. Ю. Антимонопольный комплаенс как обстоятельство, смягчающее административную ответственность // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 55-68.

212. Клейменов И. М. Профессиональный спорт и криминологические риски // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 17, – № 3. – С. 83-92.

213. Князева И. В., Дозмаров К. В. Антимонопольный комплаенс – профилактика рисков нарушения конкурентного законодательства // ЭКО. – 2020. – № 4. – С. 110-129.

214. Кобец П. Н., Краснова К. А. Компромисс в системе предупреждения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов. Сборник материалов Международной научно-практической видеоконференции. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 2020. – С. 176-181.

215. Кобец П. Н., Краснова К. А. Реакция государства на незаконный оборот наркотиков: уголовная репрессия и профилактика // Реакция государства на преступное поведение, уголовно-правовое воздействие и уголовная ответственность в системе мер обеспечения национальной безопасности. Сборник материалов круглого стола. Редакторы В. К. Дуюнов, Р. В. Закомолдин. – Тольятти: Институт права Тольяттинского государственного университета, 2020. – С. 164-168.

216. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н .В. О понятии «допинг» и уголовной ответственности за его применение // Юрислингвистика. – 2022. – № 24. – С. 15-20. – DOI: https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2403.

217. Ковкель Н. Ф. Основные элементы структуры правового языка // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 4. – С. 44-51.

218. Кодан С.В. Источниковедение в междисциплинарном пространстве историко-юридических наук // Правоприменение в публичном и частном праве. материалы Международной научной конференции. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2021. С. 374-379.

219. Кожевников В. В. Общая теория государства и права: в защиту базовой, методологической юридической науки // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2018. – № 4 (57). – С. 72–79.

220. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Криминализация: баланс политического и социального? // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 28–31.

221. Козырева П. М., Смирнов А. И. Безопасность личности и проблема противодействия преступности // ПОЛИС (Политические исследования). – 2012. – № 6. – С. 142–154.

222. Кондратьева А. Н. Соотношение понятий «Грех» и «Преступление» в средневековом каноническом праве западной Европы // Вестник Костромского государственного университета. – 2014. – № 20 (6). – С. 208-211.

223. Коновалов С. В., Соколова М. Г. Проблема смысла жизни и счастья человека // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2022. 2(81). С. 15-18. URL: https://7universum.com/ru/social/archive/item/13114 (Дата обращения: 03.10.2022 г.).

224. Конышев В. Н. Американский неореализм о проблеме суверенитета // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 68–88.

225. Конышев В. Н. Безопасность личности – новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – 40(277). – С. 43-56.

226. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: канун новых великих дебатов? // ПОЛИС (Политические исследования). – 2013. – № 2. – С. 66–78.

227. Копосов Н.Е. Мемориальный закон и историческая политика в современной России // Ab imperio. – 2010. – № 2. – С.249-275.

228. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: Юрайт, 2019. – 420 с.

229. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / А. В. Корнеева; отв. ред. А. И. Рарог. - 2-е изд. - Москва: Проспект, 2013. - 159 с.

230. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащённые системами искусственного интеллекта: проблемы право-

вого регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. – 2018. – № 3. – С. 117-132.

231. Королев С. В. Право земельных участков и соседское право Германии // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2011. – № 2. – С. 76-78.

232. Косаренко Н. К. Система искусственного интеллекта: понятие, теория, право и перспективы развития. М.: РУСАЙНС, 2022. – 174 с.

233. Коуз Р. Фирма, рынок и право. Пер. с англ. М., 2007. – С. 224.

234. Коэн Р., Михалка М. Безопасность на базе сотрудничества: новые перспективы международного порядка. URL: http://www.marshallcenter.org. (Дата обращения: 08.08.2020 г.).

235. Кравцов Н. А. Живопись и скульптура в политической жизни Древнего Рима // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2012. – № 4. – С. 24-26.

236. Красиков Д. В. Международное публичное и международное частное право: от взаимодействия к взаимопроникновению // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2019. – № 3. – С. 211-215.

237. Краснова К. А. Киберспорт и преступность // Научный портал МВД России. – 2021. – № 4 (56). – С. 30-33.

238. Краснова К. А. Правовое регулирование антидопингового обеспечения спортивной подготовки в России // Задачи и перспективы развития физической культуры и спорта в современных условиях. Материалы IXX Всероссийской научно-практической конференции. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. – С. 258-261.

239. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И. С. Власов, Н. А. Голованова, А. А. Гравина и др.; отв. ред. В. П. Кашепов. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 280 с.

240. Кристи Н. Конфликты как собственность // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». – 1999. – 19 с.

241. Кричевский Г. Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. – 1985. – №2. – С.141-153,

242. Крупеня Е. М. Правосознание в правовой реальности современного социума // Вестник академии права и управления. – 2016. – № 1. (42). – С. 70-77.

243. Крупеня Е. М. Статусное публичное право как комплексный институт в правовой системе: дисс. … док. юрид. наук. Курск. – 2019.

244. Крупеня Е. М. Теоретические аспекты реализации статусного публичного права // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 3 (22). – С. 59-63.

245. Крупеня Е. М. Толкование права, юридическая герменевтика в контексте субъектного подхода // Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. Сер. Толкование источников права. Санкт-Петербург, Издательство Алетейя. – 2017.

246. Крупская Н. К. Женщина равноправный гражданин СССР: сборник статей и речей. М.: Партиздат, 1937. – 69 с.

247. Крылов С. Б. Международное частное право. Л.: Прибой. – 1930. – 328 с.

248. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений - 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2004. - 304 с.

249. Кузнецов С. В. Методология экспертного сопровождения расследования преступлений по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи: монография. 2-е изд., изм. и доп. М.: РУСАЙНС. – 2021.

250. Кузнецов С. В., Молин Ю. А., Мелихов С. Ю. Судебно-медицинское определение вреда, причинённого здоровью человека в случаях экологических преступлений // Судебная медицина. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 186-192.

251. Кулаков В. И., Зак И. Р., Куликова Н. Н. Аборт и его осложнения. М.: Медицина, 1987. – 156 с.

252. Куликова О. В. Концептология в современных гуманитарных исследованиях: лингвистика и лингводидактика: Монография / О. В.Куликова, М. В.Романова, С. Л. Климинская, А. С. Ваничкина, А. В. Куковская; под общ. ред. О. В. Куликовой. М.: Прометей. – 2021.

253. Кулькатова Г. Н. К вопросу о специфике массовой коммуникации как особой формы социального взаимодействия // Философия и общество. – 2013. – № 3. – С. 151–156.

254. Культура наказания или социокультурные аспекты пенитенциарной практики / Под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. Г. Багреевой. М.: РИОР, 2014. – 224 с.

255. Купченко В. Е. Самоконтроль и девиантное поведение спортсменов // Сопровождение личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, в истории и современности. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Иркутского Педагогического института. – Иркутск, 2019. – С. 343-351.

256. Курзинска-Сингер Е. Гармонизация права как процесс правовых заимствований // Приватне право і підприємництво. – 2016. – Вип. 16. – С. 153-156.

257. Лабашева Н. А., Трубчанинова И. И. Теоретико-методологические аспекты цифровизации юрлингвистики // Гуманитарные, социально-

экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 99-102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-aspekty-tsifrovizatsii-yurlingvistiki (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

258. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: РАП, 2012. – 580 с.

259. Ласкина Н. В., Никулинская Н. Ф., Рогалева М. А., Яковенко Е. В. Комментарий к подразделу IV «Особое производство» раздела II Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

260. Лебедев С. Н. О природе международного частного права // Советский ежегодник международного права. - 1979. М.: Наука, 1980. – С. 61-80.

261. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М., 1974. – 264 с.

262. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало-М, 2002. – 288 с.

263. Леонтьев Е. Д. Пути уменьшения рисков допинговых скандалов в России // От научных идей к стратегии бизнес-развития. сборник статей-презентаций научно-исследовательских работ студентов, магистров, аспирантов, молодых ученых – участников Международной Межвузовской Студенческой конференции. – М., 2018. – С. 322-330.

264. Лисюткин А.Б. Эволюция юридической терминологии в условиях глобализации // Правовая культура. – 2011. – № 2. – С. 32-36.

265. Лихвойнен А. В., Комарова М.В., Розов А.А., Солодкова Е.В., Степанова А.А. Цифровые двойники как способ оптимизации производства электромобилей // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 7 (часть 2). – С. 184-191.

266. Личкус Л. Г. Выкидыш с судебно-медицинской точки зрения. Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов: (16–19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Под ред. проф. А. Редлиха. Вып. 1. СПб., 1912. – С. 17–52.

267. Лобач Д. В. К вопросу о перспективе криминализации бесчеловечных деяний, составляющих концепт «преступления против человечности», в российском уголовном законодательстве // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 3. – С. 115–124.

268. Ломакина И. Б. Метамодерн и антропология права как два ответа на вызовы постмодернизма // Криминалист. – №3 (32). – 2020. – С. 81–85.

269. Лопатина Т. М. Преодоление противоречий криминологической теории и норм уголовного права на примере компьютерных преступлений // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 57–60.

270. Лоренц Д. В. Наследственный договор: подход континентального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 105–129.

271. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. Москва: АСТ. – 2000.

272. Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. В 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 11-24.

273. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 200-202.

274. Лукашева Е. А. Право и культура // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 5 – С. 26-42.

275. Лукашук И. И. Толкование норм международного права. М., 2002. – С. 213.

276. Луковская Д. И. Правовая легитимность как диалог законодателя с его адресатами о праве и справедливости // Правоведение. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 484-498.

277. Лунц Л. А. Международное частное право. М.: Юридическая литература, 1970. – 357 с.

278. Майорова Е. И. Судебно-экологическая экспертиза: Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2020. – 197 с.

279. Майорова Е. И., Омельянюк Г. Г. Судебная экспертиза (экспертное заключение): экспертные ошибки при производстве судебно-экологической экспертизы URL: http://arbir.ru/articles/a_5095.htm (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

280. Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1924. – 146 с.

281. Макарычев А. С. Суверенитет, власть и политическая субъектность: две линии критической теории // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 22–52.

282. Макрона раскритиковали за заявления о заслугах маршала Петена // https://www.interfax.ru/world/636900 (Дата обращения: 04.12.2022 г.).

283. Максудов Р. Р. Программы восстановительного разрешения конфликтов и криминальных ситуаций: от уникальных эпизодов к заживлению социальной ткани. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа». – 2012. – 130 с.

284. Малахов В. П. Общая теория государства и права. К проблеме правопонимания: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2013. – 145 с.

285. Малахов В. П. Философия права и другие юридические дисциплины / Философия права в России: из опыта XX века. (коллективная монография). М.: Норма. – 2016.

286. Малкин О. Ю. Проблемы применения норм ГК РФ к соглашениям в семейно-правовой сфере / О. Ю. Малкин, Л. А. Смолина. В кн.: Правовое регулирование договорных отношений в России: проблемы и перспективы развития. Коллективная монография. Верховный Суд Российской Федерации; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – С. 209–217.

287. Малкин О. Ю. К вопросу о влиянии прекращения брачных отношений на наследование пережившим супругом / О. Ю. Малкин, Л. А. Смолина // Наследственное право. – 2022. – № 1. – С. 20–24.

288. Малышкин А. В. Изобразительное искусство и право: формы взаимодействия и интегрирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 4 (44). – С. 45-50.

289. Малюкова О.В., Демина Л.А., Семенов В.Е., Абрамова Н.А., Бучило Н.Ф., Гунибский М.Ш., Лихин А.Ф., Пржиленский В.И. Логика и право. М.: Проспект, 2018. 240 с.

290. Мамут Л. С. Полимодальность права // Труды Института государства и права Российской академии наук. – № 4/2013.

291. Маннс Г. Ю. Аборт как социальное явление и проблема его наказуемости. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1927. – 79 с.

292. Марковичева Е. В. Концептуальные основы ювенального уголовного судопроизводства: дис. д-ра юрид. наук. Оренбург. – 2011.

293. Мартышин О. В. Философия права: учебник для магистров. М.: Проспект, 2017. – 352 с.

294. Мартышко Н. Ю. О манипулятивном потенциале некоторых юридических терминов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы Международной научно-практической Интернет-конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Ростов н/Д: Ростиздат. – 2011. – С. 111-119.

295. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 512 с.

296. Матчанова З.Ш. Международно-правовой аспект преодоления социальных травм и потрясений в свете положений Всеобщей декларации прав человека 1948 г. // От-раслевое деление международного права: традиционные и новые подходы. Коллек-тивная монография / Под ред. А.А. Дорской, З.Ш. Матчановой. – СПб.: Астерион, 2018. – С. 311-314.

297. Матчанова З.Ш. Уголовно-правовая характеристика терроризма в контексте теории социальной травмы // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. –2018. – № 3 (31). – С. 56-63.

298. Махтюк С.О. Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 2 (123). – С. 114-124.

299. Медведев Ю. Л. Международное частное право и международное публичное право: соотношение и степень взаимодействия на современном этапе развития //Актуальные проблемы права: теория и практика. – 2014. – № 29. – С. 241-248.

300. Медведева А. Е., Грушко А. И., Грушко Н. В. Психологические аспекты употребления допинга в спорте // Омский научный вестник. – 2014. – № 4(131). – С. 101-104.

301. Междисциплинарность в науках и философии / Российская академия наук. Институт философии / Отв. ред. И. Т. Касавин. М.: ИФРАН, 2010. - 205 с.

302. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем // Игнатенко Г. В. Международное право и внутригосударственное право: проблемы сопряженности и взаимодействия: сб. научных публикаций за сорок лет (1972 – 2011 годы). М., 2019.

303. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации / Под ред. П. А. Цыганкова, Л. О. Терновой. – М.: Кнорус, 2019. – 341 с.

304. Меликовский А. А. Современный теоретико-правовой кризис и проблема междисциплинарности // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 9. – С. 7–10.

305. Меликовский А. А. Справедливость в идеальном и реальном измерениях // VOX JURIS. Глас Права. – Выпуск 1. 2021. – С. 301–304.

306. Мельникова И. П. Оказание первой помощи при химических отравлениях: методические рекомендации (для практических занятий). – Владивосток: Изд-во ИПК МГУ им. адм. Г.И. Невельского. – 2009.

307. Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 62-67.

308. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М.: Флинта, 2005. – 464 с.

309. Микрюков В. А. Принцип добросовестности – новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. – 2013. – № 6. – С. 17–24.

310. Мингазов Р. Ш. К вопросу о правовой природе толкования норм права: общетеоретический аспект // Государство и право: теория и практика: Материалы междунар. науч. конф. – Челябинск, 2011. – № 4. – С. 20-24.

311. Михайленок О. М. Политические аспекты информационной безопасности личности // Власть. – 2010. – № 12. – С. 64–70.

312. Михайлова И. В. Допинг и читинг в шахматном спорте // Теория и практика физической культуры. – 2017. – № 4. – С. 94-95.

313. Михайловский Н. К. // Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 4. Философская и социологическая мысль народов СССР XIX в. / Ред. коллегия: В. В. Богатов, Ш. Ф. Мамедов (ред.-составитель второго тома и автор вступит. статьи) и др. М.: Мысль, 1972. – С. 380–388.

314. Михалева Н. В. Теоретические и методические аспекты судебной экспертизы объектов окружающей среды в целях определения размера ущерба от экологического правонарушения // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 2(42). – С. 75-79.

315. Михеева Л. Ю. Развитие кодификации российского семейного права. В кн.: Кодификация российского частного права / Под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008. – 336 с.

316. Мишин В. В. Дискуссионные вопросы применения судебного штрафа // Российский судья. – 2021. – № 7. – С. 55–59.

317. Мнацаканова В. Г. Краткий обзор ключевых технологических инноваций автомобильной промышленности // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 345-362.

318. Молчанова А.С. О соотнесении понятий коллективная память и автобиографическая память // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. Материалы III международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. – С. 233-239.

319. Московец А. В. Использование трудноутилизируемых отходов нефтехимической промышленности в производстве экологически безопасных строительных материалов. Автореф. дис. … канд. техн. наук. – Уфа. – 2016.

320. Мулляр Л. А. Социально-философские смыслы образа-концепта «успех»: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Пятигорск, 2012. – 43 с.

321. Мюллерсон Р. А. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права // Советское государство и право. – 1982. – № 2. – С. 80-89.

322. Насонов Е Л. Нестероидные противовоспалительные препараты (Перспективы применения в медицине). – М: Ан-ко, 2000. – 143 с.

323. Насыров Р. В. Человек как самоценность: к вопросу о формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993 г.: курс лекций. – М.: Юрлитинформ. 2011. – 312 с.

324. Насырова Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Казань, 1988. – С. 144.

325. Наумов А. В. Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов //

Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 5–15.

326. Неволин К. А. Полное собрание сочинений К. А. Неволина: Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1857-1859. – 24. Энциклопедия законоведения: Вторая половина особенной части. – 1857. – X, [2], – 513 с.

327. Некрасов С.В. Толкование норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Системное решение проблем. – М., 2011. – С. 208.

328. Некрасова Н. А. Методология научного познания: учебное пособие. М.: РУТ (МИИТ). – 2017. – 44 с.

329. Нерсесян В. С. Современное право: теория и методология: монография / Под ред. В. В. Лапаевой. М.: Норма, 2019. – 304 с.

330. Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4-1 (62). – С. 43-53.

331. Никольский Д. П. О выдаче преступников по началам международного права. Санкт-Петербург, 1884. – 559 с.

332. Нильсон Н. Дж. Искусственный интеллект: методы поиска решения. М.: Мир, 1973. – 273 с.

333. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1996. Т. 2. – 829 с.

334. Нурберген А. Мыслить инновационно // Казахстанская правда. – 2022. – 27 июня. – С. 10

335. Ныркov В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов. 2003. – 33 с.

336. Нюрнбергский процесс и современность. М.: Изд-во Института государства и права АН СССР, 1986. – 174 с.

337. Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Правила, юридический язык и речевые акты // Schole, СХОЛЭ. – 2014. – №2. – С. 293-302. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-yuridicheskiy-yazyk-i-rechevye-akty (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

338. Ожегова Г. А. Роль толкования в применении норм административного права // Административное право и процесс. – 2014. – № 8. – С. 16-20.

339. Осипов П. Н. «Вирусная» цифровизация и ее последствия // Профессиональное образование и рынок труда. – 2020. – № 2. – С. 75-77.

340. Павленко Д. А. Исправление осуждённых: сущность и содержание // Борьба с преступностью: теория и практика. Тезисы докладов VIII Международной научно-практической конференции. Могилев, 2020. – С. 328–331.

341. Парадигмы юридической герменевтики: коллективная монография / под общей редакцией Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Сер. Толкование источников права. Санкт-Петербург: Издательство Алетейя. – 2007. – 491 с.

342. Пасько А. В. Цифровые аспекты развития современного мирового рынка автомобилей на примере электромобилей // E-Management. – 2019. – № 2 (2). – С. 16-22. – С. 18 https://doi.org/10.26425/2658-3445-2019-2-16-22.

343. Пахомова Е. А. История формирования российского права в 1990–1991 годах // Казанская наука. – 2014. – № 12. – С. 28–32.

344. Пахомова Е. А., Фоменков А. А. Правовое регулирование деятельности политических партий: Основные причины изменения в законодательстве // Проблемы модернизации современного российского государства. Сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Г.А. Иванцова. Уфа: БГУ, 2019. – С. 186–190.

345. Пермяков Ю. Е. Основания права. Самара: Изд-во «Универс-групп». – 2003. – 316 с.

346. Перов С. В., Панфилов М. А. Источники права и Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации. URL: https://saransk.ruc.su/upload/medialibrary/0bc/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2_%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B2-%D0%BD%D1%8C%D1%8E.pdf. (Дата обращения 11.10. 2022 г.).

347. Перфилова Т. Б. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов Императорских университетов: монография. Ярославль, – 2014.

348. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Ч. 2 (СПб., 1907). – М.: Юрайт, 2016.

349. Петрушев В. А. Проблемы толкования права в Российской Федерации. – М.: 2003. – с. 362.

350. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М., 1962. – С. 164.

351. Писарчук А. Д. Эколого-микробиологические аспекты биоремедиации нефтезагрязненных экосистем и угольных карьеров. Автореф. дис. … канд. биол. наук. Томск. – 2014.

352. Питерская А. Л. Официальное толкование норм Конституции Российской Федерации высшими судебными органами: дисс. ...канд. юрид. наук. – М., 2003.

353. Погодина Т. Г., Бородачева И. В. Необходимые инновации в сфере правового регулирования охраны здоровья граждан // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 551-554.

354. Погодина Т. Г., Бородачева И. В. Необходимые инновации в сфере правового регулирования охраны здоровья граждан // Юридическая техника. – 2021. – № 15. – С. 551-554.

355. Подгурецкий А. Очерк социологии права. М.: Прогресс, 1974. – 328 с.

356. Познер Р. А. Рубежи теории права / Пер. с англ. И. В. Кушнаревой; под ред. М. И. Одинцовой. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2020. – 480 с.

357. Покровская М.И. Вопрос расовой гигиены // Женский вестник. 1914. № 1. URL: https://a-z.ru/women/texts/stat2r.htm (Дата обращения 23.08.2022 г.)

358. Поленина С. В. Конкретизация как метод законотворчества в Российской Федерации // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27-28 сентября 2007г.) / под ред. В.М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России. – 2008. – С. 33-56.

359. Полозков В. Т., Гончарюк В. А., Егоров В. Н. и др. Охрана труда на нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводах. М.: Изд-во «Химия». – 1973.

360. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Учеб. для студентов ун-тов, обучающихся по направлению (специальности) «Юриспруденция». – СПб., 2004. – С. 863.

361. Пономарев А. Б. Методология научных исследований: учеб. Пособие. Пермь: Изд–во Перм. нац. исслед. политех. ун–та. – 2014.

362. Попов Е. А. Влияние постмодернизма на социоюридическую интерпретацию феномена современного гражданского общества // NB: Вопросы права и политики. 2013. – N 1. – С. 23.

363. Попов Е. А. Право и постмодернизм // Российское право: образование, практика, наука. – 2011. № 1(72). – С. 94-98.

364. Попова А. В. Историко-социологический анализ политики советского правительства по легализации искусственного прерывания беременности // Наследие. – 2020. – № 1 (16). –С. 151-161. DOI: https://doi.org/10.31119/hrtg.2020.1.10.

365. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осуждённых: теория, законодательство, практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 264 с.

366. Правовая форма и правовые средства в правовом регулировании / О. Н. Куликова, Ю. Б. Масягина. – Москва: Юрлитинформ, 2022 - (Теория и история государства и права.). Библиогр.: с. 166-172.

367. Правовое поведение: классические и современные модели: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М.: Саратовский источник. – 2022.

368. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2018. – 816 с.

369. Пугачева А. С., Андреева С. А. Безопасность личности как интегративная категория // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=14888 (Дата обращения: 04.04.2022 г.).

370. Работяжев Н. В. Между традицией и утопией: Левый консерватизм в России // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 4. – С. 114–130.

371. Рахманова Е. Н., Краснова К. А. Преступность в сфере киберспорта: уголовно-правовые аспекты // Российское правосудие. – 2021. – № 10. – С. 90-97.

372. Реброва И.В. Память о Второй мировой войне в современном обществе: индивидуальный дискурс в контексте властного, государственного // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2012. – № 19 (138). – С. 119-123.

373. Рияд Т. Ш. Соотношение международного и внутригосударственного (национального) права: теоретические аспекты: дис. … доктора юр. наук. М., 2003.

374. Рогалева Л. Н. Влияние спорта и установок тренера на личность юного спортсмена: дисс. ... канд. психол. наук. – М., 1999. – 145 с.

375. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. Т.1. СПб. – 1912.

376. Ромашов Р. А. Язык. Речь. Слово // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Витютнева. СПб.: Алетейя. – 2016. – С.55-60.

377. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза: типичные ошибки. М.: «Проспект». – 2012. – 301 с.

378. Рудаков А. А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: монография. М.: Проспект, 2016. – 232 с.

379. Русанова Н. Е. Вспомогательные репродуктивные технологии в России: история, проблемы, демографические перспективы // Журнал исследований социальной политики. – 2013. – № 1. – С. 69-86.

380. Савенков А. Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект, 2020. – 448 с.

381. Савичев А. А. Криминологический анализ противодействия допинговой преступности // Виктимология. –2020. – № 1 (23). – С. 47-57.

382. Савичев А.А. Допинговая преступность в фокусе спортивной виктимологии // Виктимология. – 2019. – № 4 (22). – С. 48-55.

383. Савченко Д. В., Фомин А. А. Психологические факторы употребления запрещенных продуктов и препаратов спортсменами разных видов спорта// Ученые записки. – 2017. – Т. 16, № 6 (145). – С. 79-86.

384. Сазанкова О. В. Международное частное право: особенности методики преподавания // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2017. № 1 (87). С. 62–66.

385. Самойлова В. В. Семейно-правовые аспекты реализации репродуктивных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий. - М.: МЭСИ, 2012. – 159 с.

386. Сапогова Е. Е. Экзистенциальная психология взрослости. – М.: Смысл, 2013. – 459 с.

387. Сварчевский К. Г. Категория интереса в институте соседских прав // Проблемы регулирования частноправовых отношений на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 апреля 2013 года / Составители: В. П. Очередько, К .Г. Сварчевский; Северо-Западный филиал ФГБОУВПО «Российской академии правосудия». – Санкт-Петербург: СПБ.: ОЦ «СоветникЪ», 2013. – С. 140-144. – EDN WDSBCN.

388. Севастьянов М. И. Ремонт и эксплуатация технологических трубопроводов в химической, нефтяной и газовой промышленности. М.: Изд-во «Химия». – 1966.

389. Сергунин А. А. Суверенитет: эволюция концепта // ПОЛИТЭКС. – 2010. – № 4. – С. 5–21.

390. Сесар К. Карательное отношение общества: реальность и миф // Известия вузов. Правоведение. – 1998. – № 4. – С. 162-171.

391. Сидоров А.В. Научный поиск в русле переживания истории: результаты обзора зарубежной научной литературы // Юбилейные даты в официальной политике памяти России: правовое измерение. Сборник научных статей. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 74-81.

392. Синюков В. Н. Теория правопознания в России: проблемы обновления // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / Отв. ред. А. В. Корнев. М., 2017. – С. 26–46.

393. Скоробогатов А. В. Правовые заимствования как ценностная основа развития законодательства // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения. Коллективная монография / под ред. И. Л. Честнова. – СПб.: Астерион, 2018. – С. 225-234.

394. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Правовая реальность в телеологическом контексте // Правовая культура. – 2022. – № 3(50). – С. 5-12.

395. Скрябин А. Л. Эффективность актов юридического толкования: дисс. ...канд. юрид. наук. – Ярославль, 2005.

396. Скуратова А. Ю. К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. – 2015. – № 3. – С. 58–78.

397. Славин А. В. Проблема возникновения нового знания. М., 1976. – 294 с.

398. Смирнов А. В. Взаимосвязь видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, их оснований, целей и способов правового толкования. // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3. – С. 13-20.

399. Смирнов В. В. Концепции проектов федерального закона о политических партиях // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 99–107.

400. Смыслова В. Н., Краснова К. А. Запрещенные в спорте субстанции и методы: мотивы использования и виктимологические риски // Виктимология. — 2022. — Т.9. № 3. — С. 302-313. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19306.

401. Снапковский В. Международные организации в системе международных отношений // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 3. // https://evolutio.info/ru/journal-menu/2000-3/2000-3-snapkovski (Дата обращения: 02.09.2022 г.).

402. Современный толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2002. – 959 с.

403. Соколова А.А. Эвристическая роль социологии права в исследовании правовых явлений // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 44-48.

404. Сокольчик В. Н. Медикализация общества: социальные риски. URL: https://bioethics.belmapo.by/article/the_medicalization_of_society_social_risks (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

405. Соловьев Э. Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 72–77.

406. Сорокин В. В. Общее учение о духе права: монография. М.: Проспект, 2021. – 512 с.

407. Сорокина Ю.В. О взаимодействии права и культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 4 (31). – С. 71-87.

408. Сорокун П. В. Герменевтический подход в правопонимании. // Эпоха науки. Социально-экономические и общественные науки 2017. – № 9. – С. 122.

409. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2018 года: Сборник Главного информационно-аналитического центра МВД России. М.: ГИАЦ МВД России. – 2019.

410. Соцуро Л. В. Неофициальное толкование норм российского права. – М., 1996. – С. 106.

411. Спирин М.Ю. Основные подходы к пониманию источника права // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 3.

412. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О. В. Абознова, Н. Г. Беляева, Т. Л. Вербенко и др.; под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2022. 480 с. // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 11.10.2022 г.).

413. Ставров О. Л Перспективы создания эффективного электромобиля. - М.: Наука, – 1984. – С. 4-5.

414. Степаненко Р.Ф. Этнометодологические практики в доктрине правовой политики: общетеоретические проблемы // Право и политика. 2016. № 2. С. 287-295.

415. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры. – 1997. – 824 с.

416. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: «Прогресс-Традиция», 2000. – 393 с.

417. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и её реализация в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1997. – 288 с.

418. Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа. – 2021.

419. Судакова Т. М. Междисциплинарность криминологии в контексте методологической и структурной трансформации науки // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16. – № 2.

420. Суслопаров И. А. Психологическое и физическое воздействие на спортсмена в рамках статей 230.1 и 230.2 УК РФ // Новый юридический вестник. –2020. – № 5 (19). – С. 20-23.

421. Талапина Э. В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 25–39.

422. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. – 281 с.

423. Ташбекова И. Ю. Проблемы пенсионного обеспечения в России во второй половине XIX – начале XX века // Известия Курского государственного технического университета. – 2010. – № 2(31). – С. 132-136.

424. Ташбекова И. Ю. Проблемы пенсионного обеспечения в России во второй половине XIX – начале XX века // Известия Курского государственного технического университета. – 2010. – № 2(31). – С. 132-136.

425. Темкина А. А. Медикализация репродукции и родов: борьба за контроль // Журнал исследований социальной политики. – 2014. – № 12(3). – С. 321.

426. Теория международных отношений / Под ред. П. А. Цыганкова. – М.: Юрайт, – 2019. – 316 с.

427. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: автореф. дисс. … д-ра. юрид. наук. М., 2013. – 44 с.

428. Тищенко Ю. Ю. К вопросу о формировании установки на исправление у осуждённых к лишению свободы // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 2-2. – С. 70–73.

429. Ткачева М. С. Психологические особенности рисков в спортивной деятельности // Ученые записки. Сер. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 4, – № 2 (14). – С. 55-60.

430. Токарев И. Н. Особенности судебно-бухгалтерской экспертизы в уголовном процессе // Финансовые и бухгалтерские консультации URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PBI&n=78882#06869732591448743 (Дата обращения: 01.04.2022 г.).

431. Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм: монография. СПб.: Алетейя. – 2022. – 464 с.

432. Тонков. Е.Н. Неидеальный судья Велес как основной герменевт правопорядка // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Витютнева. СПб.: Алетейя. – 2016. – 449 с.

433. Тункин Г. И. Основы современного международного права. М., 1956. – 48 с.

434. Тупикин Р.В. междисциплинарные связи теологии и юриспруденции: теория и практика // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2022. – № 3 (16). – С. 6-23.

435. Туранин В. Ю. Использование заимствованной терминологии в текстах современных российских законов: возможности и пределы // Современное право. – 2009. – № 4. – С. 14-17.

436. Уваров П.Б. Причинно-следственные связи в истории как проекция ситуативных переживаний новоевропейского человека: опыт теоретической препозиции // Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы 12 Международной научно-практической конференции. – Челябинск: Пирс, 2016. – С. 50-55.

437. Уйба В. В., Криворотов Д. В., Забелин М. В., Радилов А. С., Рембовский В. Р., Дулов С. А., Кузнецов В. А., Ерофеев Г. Г., Мартинович Н. Н., Соснов А. В. Антагонисты опиоидных рецепторов. От настоящего к будущему. Медицина экстремальных ситуаций. – 2018 – № 20(3). – С. 356-364.

438. Умярова Л. Н., Шевченко В. Д. Лингвокультурные особенности гимнов англоязычных и франкоязычных стран // Основы экономики, управления и права. – 2012. – №4.

439. Фатенков А.Н. Переживание прошлого в ситуации конца истории // Философия и культура. – 2014. – № 4 (76). – С. 535-545.

440. Федоров А. В. Уголовная ответственность за преступления, связанные с допингом // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 25-42.

441. Федоров В. П. К вопросу о лечении выкидыша. Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая-5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1] / О-во рус. врачей в память Н. И. Пирогова. СПб., 1913. – С. 93-96.

442. Федорченко Л. В. Теоретическое осмысление политической консьюмеризации // Обозреватель. – 2016. – № 12 (323). – С. 55–69.

443. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 360 с.

444. Филимонова С. И., Смирнов В. М., Уварова Н. Н., Христенко Е. А., Пуховская М. Н. Психологические мотивы употребления допинга молодыми спортсменами // Теория и практика физической культуры. – 2019. – № 9. – С. 35-37.

445. Филонова О. И. Развитие судопроизводства в период нэпа: историко-правовой опыт // Российское правосудие. – 2019. – № 6. – С. 57-64.

446. Фомин А. В., Губайдуллина Э. Х. Роль Постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2021. – Vol. 4-4 (55). – С. 185-188.

447. Францифоров А. Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты): автореферат дис. … канд. юрид. наук. Саратов. – 2009.

448. Францифоров Ю. В. Экологические преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 17-26.

449. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Acad, 1994. – 408 с.

450. Хабриева Т. Я. Доктринальное и компетентное толкование Конституции. // Правоведение. 1998. № 1. – С. 22-34.

451. Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – Вып. 53. – С. 488–515.

452. Хворостов А.Ю. Юридический язык и язык юриста // Юрислингвистика. – 2007. – №8. – С. 168-170. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-yazyk-i-yazyk-yurista-1 (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

453. Хисамова З. И. Об уголовной ответственности за хищения, совершенные с использованием IT-технологий: анализ изменений законодательства и правоприменительной практики // Российский следователь. – 2018. – № 9. – С. 43–47.

454. Хоршева Ю. О. Защита населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград,. – 2022.

455. Хоршева Ю. О. Механизм защиты населения Российской империи, пострадавшего в годы Первой мировой войны: оценка эффективности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 2(42). – С. 104-114.

456. Хоршева Ю. О. Правовой опыт защиты населения Российской империи в годы первой мировой войны // Образование и право. – 2021. – № 5. – С. 431-436.

457. Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема российской правовой науки // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 4-14.

458. Худайкулова А. В. «Безопасность личности»: концепция, политический дискурс и возможности практического применения. // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – (6(15)):175-180. URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-175-180 (Дата обращения: 08.08.2022 г.).

459. Цветков П. В. Преступления в сфере спорта: некоторые проблемы квалификации // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции. 2019. – СПб.: Астерион. – С. 292-297.

460. Цветков П. В., Гаврилова-Петрова Л. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности, предусмотренной статьями 230.1 и 230.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Сибирский антропологический журнал. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 302-311.

461. Цветухина Е. А. Феномен амбивалентности в бытии человека: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. – Омск, 2014. – 22 с.

462. Целищева З. А. Идея возмездия в средневековой культуре западной Европы // Материаловедение. Энергетика. – 2010. – № 2-2. – С 252-258.

463. Цыганков П. А. Теория человеческой безопасности: политические последствия и уроки для России // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 78–83.

464. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск, 1972. – С. 191.

465. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. М.: Норма: ИНФРА-М. – 2012. – 320 с.

466. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. – М., 2003. – С. 381.

467. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М., 1979. – С. 168.

468. Чернов А. П. Мысленный эксперимент. М., 1979. – 205 с.

469. Честнов И.Л. Культуральное правопонимание в постклассической юриспруденции // Право - явление цивилизации и культуры. – М.: Российский университет дружбы народов, 2019. – С. 33-38.

470. Честнов И. Л. Переосмысление предмета теории права с позиций постклассической эпистемологии // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений. Коллективная монография / под ред. А. А. Дорской. СПб: Астерион. – 2012.

471. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс». – 2012. – 650 с.

472. Чудиновская Н. А. Установление юридических фактов в особом производстве гражданского и арбитражного процесса: общее и особенное (некоторые аспекты). // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 9. – С. 15-19.

473. Чунихин П. Н. К статистике выкидышей и преждевременных родов среди народонаселения // Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург, 29 мая — 5 июня 1913 г.: [Протоколы заседаний. Доклады]. Вып. [1] / О-во рус. врачей в память Н.И. Пирогова. СПб., 1913. – С. 91–93.

474. Чуфарова Е. Н. Юридический язык в дихотомии «язык – речь» // Юридические исследования. – 2018. – № 2. – С. 1-7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskiy-yazyk-v-dihotomii-yazyk-rech (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

475. Шапиро С. Законность / пер. с англ. С. Коваль; под. науч. ред. А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара. – 2021. – 720 с.

476. Шапошникова Е. А. Федеральный закон «О политических партиях» как нормативно-правовая основа отечественного партогенеза // Политика и общество. – 2016. – № 10 (142). – С. 1349–1355.

477. Шарая О.В. Национально-культурная специфика немецкой флористической фразеологии: дисс. … канд. филолог. наук. М. – 2005.

478. Шашкова Я. Ю. Сетевые модели в российском партогенезе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2012. – Т. 8. – № 3. – С. 119–135.

479. Шелютто М. Л. Вопросы, возникающие в судебной практике по делам о происхождении ребенка // Комментарий судебной практики / под ред. К. Б. Ярошенко. – М.: Юридическая литература, 2011. – Вып. 16. – С. 121-134.

480. Шемет Ж. К., Мельник Е. В. Особенности взаимодействия спортивного психолога с тренером в процессе изучения его личности и деятельности // Спортивный психолог. – 2007. – № 5. – С. 52-56.

481. Шепелёв А. Н. Характеристика юридического языка // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 1. – С. 217-221. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-yuridicheskogo-yazyka (Дата обращения: 21.08.2022 г.).

482. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука. – 1991. – 121 с.

483. Ширкин А. А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации. Дисс. канд. юрид. наук. Люберцы. – 2015.

484. Шишонин А. Ю. Бесконтрольное употребление опиодных болеутоляющих препаратов в мире. URL: https://shishonin.ru/o_klinike/smi_o_nas/2021/rossiya_stoit_pered_novoj_rukotvornoj_epidemiej (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

485. Штефан Д. И. О судебном администрировании в Российской Федерации на примере зарубежного опыта // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 3 (136). – С. 127-136.

486. Штуккерт А. Л. Отнесение гендера к одному из видов допинга // Итоговая научно-практическая конференция Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург, 19-28 февраля 2019). – СПб, 2019. – С. 142-144.

487. Эбзеев Б. С. Толкование конституции конституционным судом Российской Федерации: Теоретические и практические проблемы. // Государство и право. 1998. № 5. – С. 5-12.

488. Юкина И. И. Дискуссия об абортах в Российской империи: частная жизнь и новая идентичность // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 2. – С. 243—262. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.11 (Дата обращения 16.09.2022 г.).

489. Юмашев Ю. М., Черниченко С. В., Смирных С. Е. Международное публичное право и международное частное право: взаимодействие и взаимное влияние. - М.: Юстицинформ, 2019. – С. 254.

490. Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария: монография / Под общ. ред. Е. А. Фроловой. М.: Проспект, 2020. – 584 с.

491. Юртаева Е. А. История законотворчества в России (XVIII – начало XX вв.): монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 728 с.

492. Якобсон В. Л. Современный выкидыш с общественной и медицинской точки зрения //Труды IV-го Съезда Общества российских акушеров и гинекологов: (16–19 дек. 1911 г. в С.-Петербурге) / Под ред. проф. А. Редлиха. Вып. 1. СПб., 1912. – С. 3 – 16.

493. Яковлев А. М. Об эффективности исполнения наказания // Советское государство и право. 1964. № 1. – С. 99–103.

494. Якушев А. Н., Климов А. Ю. Исследование развития законодательства в сфере присуждения ученых степеней в Российской империи // Право и образование. – 2006. – №2. – С. 208-217.

495. Amatucci C., Mollo G. Sustainable growth and the role of artificial intelligence in improving circular economy // Law & Digital Technologies. 2022. Volume 2. № 1. Pp. 7-15. DOI 10.18254/S278229070019620-8.

496. Axworthy L. An address on Human Security // Minister of Foreign Affairs, To the G-8 Foreign Ministers' Meeting, June 9, 1999.

497. Baldwin D. The Concept of Security, Review of International Studies. – 1997. – Vol. 23. № 1. – Pp. 3-26.

498. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: Sage, 1992. – P. 97-106.

499. Carvalho Ju. Law, language, and knowledge: Legal transplants from a cultural perspective // German Law Journal. – 2019. – Vol. 20. – No. 1. – P. 21-45.

500. Conrad P. The Shifting Engines of Medicalization. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/ 002214650504600102 (Дата обращения: 01.10.2022 г.).

501. Del Duca L. F., Levasseur A. A. Impact of Legal Culture and Legal Transplants on the Evolution of the U.S. Legal System // American Journal of Comparative Law. – 2010. – Vol. 58. – P. 1-29.

502. Extract from the Yearbook of the International Law Commission: 1984. Document: vol. II (1). P. 94. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_377.pdf (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

503. Galindo G. R. D. Legal Transplants between Time and Space // Duve T. (ed.) Entanglements in Legal History: Conceptual Approaches. – Frankfurt-am-Main: Max Planck Institute for European Legal History, 2014. – P. 129-148.

504. García-Serrano F. Reflexiones sobre la identidad: la invención medieval de España // Cuadernos Canela: Revista anual de Literatura, Pensamiento e Historia, Metodología de la Enseñanza del Español como Lengua Extranjera y

Lingüística de la Confederación Académica Nipona, Española y Latinoamericana. – 2011. – № 23. – С. 27-38.

505. Geldibaev M. Kh., Dikaev S. U., Krasnova K. A., Filatova N. Yu., Tsvetkov P. V. Defining corruption and fraud in professional sport // SHS Web Conf., 108 (2021) 02008. DOI: 10.1051/shsconf/202110802008.

506. General requirements for the competence of testing and calibration laboratories ISO/IEC 17025:2017 URL: https://www.iso.org/standard/66912.html (Дата обращения: 12.08.2022 г.).

507. Gombrich E. H. La imagen visual, su lugar en la comunicación // La imagen y el ojo: nuevos estudios. La imagen y el ojo. Madrid: Debate. – 2000. – P. 137-161.

508. Gómez Gómez A. Y lo cotidiano en la iconografía románica de la Ribera del Duero // Biblioteca: estudio e investigación. – 2008. – № 23. – P. 215-236.

509. Griffiths M., Roach S., Solomon S. Fifty Key Thinkers in International Relations. – London: Routledge, 2009. – 404 p.

510. Gutiérrez Baños F. Los marginados en la pintura española de estilo gótico lineal: un discurso iconográfico para la afirmación de valores establecidos // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. – Madrid: CSIC. – 2009. – P. 185-198.

511. Hinojosa y Naveras E. de. Poesia y derecho // Obras. T. III: Estudios de. Síntesis. Madrid: Instituto Nacional de Estudios Jurídicos. – 1974. – P. 435-455.

512. Kalantry S. Reverse Legal Transplants // Cornell Law School. Legal Studies Research Paper Series. – 2020. – No. 20-41. – P. 101-152.

513. Karski K. Osoba prawna prawa wewnetrznego jako podmiot prawa miedzynarodowego. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009.

514. Knutsen T. A History of International Relations Theory. - Manchester: Manchester University Press, 2016 – 532 p.

515. Kučera Z. Mezinárodni pravo soukromé. Brno: Doplnek, 1996. – S. 28-29.

516. Lacan J. R.S.I. Séminaire 1974-1975. – Paris: A.L.I., 2002. – 212 p.

517. Lahoz L. La imagen del marginado en el arte medieval // Clio & Crimen. – 2012. – № 9. – P. 37-84.

518. Lahoz L. Marginados y proscritos en la escultura gótica. Textos y contextos // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC. – 2008. – P. 213-244.

519. Larrañaga Zulueta M. (2012) Sermón, sociedad y sacralización del orden social: siglos XII-XIII // Mundos medievales: espacios, sociedades y poder. – 2012. – № 1. – P. 653-664.

520. Larrañaga Zulueta M. Imagen, palabra y poder (siglos XI-XIII). Oppidum: cuadernos de investigación. – 2007. – № 3. – P. 81-106.

521. Larrañaga Zulueta M. Orden e imágenes en la Edad Media // Eikón Imago. – 2015. – V.4. – № 2. – P. 311-382.

522. Larrañaga Zulueta M. Una función ¿marginal? de la imagen románica: la legitimación del poder feudal // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC. – 2008. – P. 157-166.

523. Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems / Edited by James N. Rosenau. - New York: The Free Press, 1969. – 352 p.

524. Lowe V. Corporations as International Actors and International Law Makers // Italian Yearbook of International Law. – 2004. – N 23. – P. 3-28.

525. Medina B. Márgenes y marginados en el arte medieval. Los pecadores como marginados: el caso de la Lujuria. Trabajo de Fin de Grado. Universidad de Valencia, 2016.

526. Miller J. M. A Typology of Legal Transplants: Using Sociology, Legal History and Argentine Examples to Explain the Transplant Process // The American Journal of Comparative Law. – 2003. – Vol. 51. – No. 4. – P. 839-885.

527. Mishina E. Soviet family law: women and child care (from 1917 to the 1940s) // Russian Law Journal. – 2017. – Vol. 5. – № 4. – P. 69-92.

528. Msrie Barthe et Bernadette Chovelon. La Marseillaise // Je vis en France. Presse universitaires de Grinoble. – 2016.

529. Muñoz Martínez A. B. Pobreza, enfermedad y exclusión en la iconografía bíblica románica // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC. – 2008. – P. 167-183.

530. Murphy T. Toward a Convention on Crimes against Humanity? La Revue des droits de l'homme. No. 7. 2015. Mis en ligne le 27 mai 2015, consulté le 22 août 2022. URL: http://journals.openedition.org/revdh/1185 (Дата обращения: 24.08.2022 г.). DOI: https://doi.org/10.4000/revdh.1185.

531. Nguyen L. Q. A., Pham H. N. Legal transplants through theoretical lens // Hội thảo khoa học quốc tế Luật học trước biến đổi của thời đại (International Conference Law in a Changing World). - Hanoi: Đại học Quốc gia Hà Nội, 2019. – T. 2. – P. 312-326.

532. North P., Fawcett J. J. Cheshire and North's Private International Law. Thirteenth edition. London, Edinburgh, Dublin: Butterworths, 1999. – 1435 p.

533. Pankevich N. Phenomena of Legal Transplants Related to the Social Model of the Post-Soviet Countries // Kurzynsky-Singer E. (Hrsg.) Transformation durch Rezeption: Möglichkeiten und Grenzen des Rechtstransfers am Beispiel der Zivilrechtsreformen im Kaukasus und in Zentralasien. - Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. – P. 39-64.

534. Raso F., Hilligoss H., Krishnamurthy V. Artificial Intelligence and Human Rights: Opportunities & Risks // Berkman Klein Center Research Publication. September 25, 2018. No. 2018-6. URL: https://ssrn.com/abstract=3259344 (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

535. Taeihagh A., Lim H. S. M. Governing Autonomous Vehicles: Emerging Responses for Safety, Liability, Privacy, Cybersecurity, and Industry Risks // Transport Reviews. 2019. Vol. 39. Iss. 1. P. 103-128. https://doi.org/10.1080/01441647.2018.1494640.

536. Tamanaha B. Z. Law as a Means to an End: Threat to the Rule of Law. – New York: Cambridge University Press, 2006. – xii, 255 p.

537. Teijeira Pablos, M.D. Vicio y ¿castigo? en las sillerías de coro una visión crítica del pecado en el tardogótico hispano // Clío & Crímen: Revista del Centro de Historia del Crimen de Durango. – 2010. – № 7. – P. 159-176.

538. The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations. – Oxford: Oxford University Press, 2017 – 610 p.

539. Traversa G, Bianchi C, Da Cas R et al. Cohort study of hepato-toxity associated with nimesulide and other non-steroidal anti-inflammatory drugs. BMJ 2003; 327: 18-22.

540. Van Hoecke M. Law as Communication. – Oxford: Hart Publishing, 2002. – x, 224 p.

541. Van Hoecke M. Legal culture and legal transplants // Nobles R., Schiff D. (eds.) Law, Society and Community: Socio-Legal Essays in Honour of Roger Cotterrell. – London: Routledge, 2014. – P. 273-291.

542. Villaseñor Sebastián F. Obscenidad en el margen // Relegados al Margen: Marginalidad y espacios marginales en la cultura medieval. Madrid: CSIC. – 2008. – P. 101-113.

543. Watson A. Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. - Edinburgh: Scottish Academic Press, 1974. – XVI, 121 p.

544. Worster W. T. Relative International Legal Personality of Non-State Actors // Brooklyn Journal of International Law. - 2016. - Vol. 42. - Iss. 1. – P. 207-274. Merle M. Sociologie des relations internationals. – Paris: Dalloz, 1974. – 436 p.

545. Young Gregg J. Devils, Women, and Jews: Reflections of the Other in Medieval Sermon Stories. New York: SUNY Press. – 2012.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

АЛЕКСЕЕВА ЕВГЕНИЯ ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

АЛЕШИНА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

БОРИСОВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ (Россия, Курск), аспирант Юго-Западного государственного университета, магистр юриспруденции.

ВОЙТОВИЧ ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), заведующая кафедрой гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

ВОРОНЦОВА МАДЛЕНА АЛЕКЗАНДРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ДИКАЕВ САЛМАН УМАРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор.

ЕРЕМИНА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

КАЛИНИНА ЕВГЕНИЯ ВАЛЕРЬЕВНА (Россия, Нижний Новгород), профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета, доктор юридических наук, доцент.

КАЛИНИНА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, доцент.

КАРАМЫШЕВ ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

КОЖЕВНИКОВ ОЛЕГ АЛЬБЕРТОВИЧ (Россия, Екатеринбург), член Аттестационной комиссии Военной прокуратуры Центрального военного округа, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса Уральского гсударственного юридического университета, кандидат юридических наук, доцент.

КОРСАКОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КОСОВСКАЯ ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

КРАСНОВА КРИСТИНА АЛЕКСАНДРОВНА, (Россия, Санкт-Петербург) доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

КРУПЕНЯ ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА (Россия, Москва) профессор кафедры теории и истории государства и права института права и управления Государственного автономного бюджетного учреждения высшего образования «Московский городской педагогический университет» г. Москвы, доктор юридических наук, доцент.

КУЗНЕЦОВ СЕМЁН ВАЛЕРЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия; доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, кандидат медицинских наук, доцент.

КУКЕЕВ АСКАР КУЛЬЧИМБАЕВИЧ (Казахстан, Нур-Султан), старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Южно-Казахстанский Университет им. М. Ауэзова.

КУЛИКОВА ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВНА (Россия, Смоленск), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВО

«Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

ЛАТЫШЕВА НАТАЛЬЯ АРКАДЬЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

ЛИПИЧ ОКСАНА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Чита), заведующий кафедрой права Забайкальского института предпринимательства – филиала АНОО ВО Центросоюза РФ «Сибирский университет потребительской кооперации», заслуженный работник высшей школы Забайкальского края, кандидат юридических наук, доцент,

ЛИЦЕНБЕРГ ИРИНА ИВАНОВНА (Россия, Красноярск), доцент кафедры философии, экономики и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», кандидат экономических наук, доцент.

ЛОМАКИНА ИРИНА БОРИСОВНА (Россия, Санкт-Петербург) профессор кафедры теории истории государства и права Университета Прокуратуры РФ (СПб юридический институт), доктор юридических наук, профессор.

МАЛКИН ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

МЕЛИКОВСКИЙ АЛЕКСАНДР АРИЕВИЧ (Россия, Москва) преподаватель Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

МУН ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА (Россия, Волгоград) кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

ПАХОМОВА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Нижний Новгород), доцент кафедры философии и социально-правовых наук Волжского государственного университета водного транспорта, кандидат исторических наук, доцент.

ПИСАРЕВСКАЯ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

ПОНОМАРЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

ПОПОВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

ПРИВАЛОВ НИКОЛАЙ ГЕННАДЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор экономических наук, доцент.

РАХМАНОВА ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), заведующая кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

САРСЕМБАЕВ МАРАТ АЛДАНГОРОВИЧ (Казахстан, Нур-Султан), главный научный сотрудник Консалтинговой группы «Болашак», профессор кафедры международного права Евразийского национального университета, доктор юридических наук, профессор.

СВАРЧЕВСКИЙ КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

СКОРОБОГАТОВ АНДРЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ (Россия, Казань) профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП), доктор исторических наук, доцент.

СМИРНОВ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса.

СМОЛИНА ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского процесса Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

СМЫСЛОВА ВЕРА НИКОЛАЕВНА (Россия, Москва), старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ФГБОУИ ВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет».

СПИРИН МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ (Россия, Самара) доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета им. С. П. Королёва, кандидат юридических наук, доцент.

СТЕПАНЕНКО СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА, студентка 3 курса факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридический факультет) Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

СУХАНКИНА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, Заслуженный юрист Российской Федерации, федеральный судья в отставке.

ТАЛИМОНЧИК ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук.

ТРЕТЬЯКОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА (Россия, Пермь), заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент.

ФИЛОНОВА ОЛИНА ИГОРЕВНА (Россия, Санкт-Петербург), доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук.

ФОМЕНКОВ АРТЁМ АЛЕКСАНДРОВИЧ (Россия, Нижний Новгород), профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор исторических наук, доцент.

ФОМИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург) профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры правосудия Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

ХОРШЕВА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА (Россия, Санкт-Петербург) преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, юрист ООО «БЭК».

ЧЕБОТАРЕВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (Россия, Республика Хакасия, Абакан), доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-

правовых дисциплин Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, кандидат юридических наук, доцент.

ЧЕСТНОВ ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ (Россия, Санкт-Петербург), профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Научное издание

РАЗВИТИЕ ПРАВА В УСЛОВИЯХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Коллективная монография

Под общей редакцией

ДОРСКОЙ АЛЕКСАНДРЫ АНДРЕЕВНЫ

Технические редакторы:
И. А. Белова, Е. В. Пономарева

ЦНИТ «АСТЕРИОН»
Подписано к использованию 25.07.2023, заказ № 091
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61, пом. 23Н.
✉: asterion@asterion.ru 🌐: https://asterion.ru/
: https://vk.com/asterion_izdatelstvo